

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 1. Филология

Санкт-Петербург
2012

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 1 (Том 1)'2012
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Н. Л. Шадрин, доктор филологических наук, профессор;
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http:// www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2012
© Авторы, 2012

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

С. В. Рудакова

Мифологическое, историческое, поэтическое
в контексте «Алкивиада» Е. А. Боратынского7

М. Б. Лоскутникова

Ирония в романе И. А. Гончарова «Обломов»15

Е. И. Пампура

Типология нарратора в малой и средней прозе Ф. М. Достоевского24

Л. А. Силина

Сценичность прозы М. А. Булгакова31

О. В. Анисимова, И. С. Макарова

Мотивы лабиринта и корабля в мировой литературе38

Е. П. Грасс

Интерпретация басен: уровни смысла аллегорических образов44

А. И. Дашевская

Эволюция сюжетов англо-шотландской народной баллады:
доминирующие мотивы52

ЛИНГВИСТИКА

Т. А. Рычкова

Грамматические и семантические особенности словосочетаний,
называющих ритуальные действия60

Г. А. Заварзина

Типология изменений в лексической подсистеме тематической сферы
государственное управление в русском языке начала XXI века69

С. И. Буглак

Субъектный предикатив и эвиденциальные наречия английского языка
как средство передачи информации hearsay77

С. И. Буглак

Инферентивные значения модальных глаголов в английском языке84

А. В. Овчинникова

Виды и морфологические особенности англицизмов
в испанском молодежном жаргоне 1970–1980-х годов91

Е. Н. Митрофанова

Интонация и синтаксис как уровни структурирования читаемого
монологического текста (на материале английского языка)100

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

А. С. Пригарина

Исповедальная интенция в рамках мемуарного жанра108

О. А. Степаненко

Эволюция языковой картины мира
в немецком художественно-литературном дискурсе115

Г. Н. Парастаев

Апелляция к реалии Founding Fathers
как особенность американского политического дискурса124

Ю. В. Пешкова

Функции заголовков немецкоязычных новостных текстов134

<i>Н. В. Сабурова</i>	
Особенности игры слов в заголовке публицистического текста: лексико-семантический анализ	141
<i>О. А. Евтушенко</i>	
Корпоративный жанр поздравления в административном дискурсе	149
<i>Е. В. Шишкина</i>	
Коммуникативные стратегии и тактики судебного допроса (на материале русского и немецкого языков).....	155

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

<i>Н. А. Бондарева</i>	
Проблемы упорядочивания правовой терминологии в аспекте социально-когнитивной системы.....	163
<i>И. А. Дронова</i>	
Маргинальная зона категорий assertion / negation (на материале современного английского языка)	170
<i>С. Е. Кузьмина</i>	
Концептуальное содержание английских предложений структурного типа SPO _{Ind.} O _{Dir.}	180
<i>Е. А. Ошева</i>	
Структурно-семантические модели паремий в русском языке	190

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Э. В. Шабунина</i>	
Английский юмор как лингвокультурное явление (на материале творчества П. Г. Вудхауза)	196
<i>Е. В. Малышева</i>	
Полоролевая реализация кинестем в диалоге.....	204
<i>Т. А. Волкова</i>	
Интеграция подходов к моделированию процесса перевода: к постановке вопроса.....	211
<i>Е. С. Голимбиовская</i>	
Анафония текстового характера во франкоязычной поэзии	220
<i>Д. Х. Каримова</i>	
Уровни анализа проксематического поведения в межличностном общении	229

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ

<i>Н. А. Сухова</i>	
Процесс обучения иностранным языкам в образах русского языкового сознания.....	238
<i>О. И. Халупо</i>	
Взаимосвязь языка и культуры как основополагающий принцип формирования лингвокультурной компетенции	250

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Т. В. Мальцева</i>	
«Что надо уметь?»: модель жизнеустройства подростка в повести М. Горького «В людях»	257
Сведения об авторах	264

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

S. Rudakova

Historical, Mythological, Poetic in the Context of «Alkiviad» by E. Boratynsky	7
<i>M. Loskutnikova</i>	
Irony in I.A. Goncharov's Novel «Oblomov»	15
<i>E. Pampura</i>	
Narrator Typology in F.M. Dostoevsky's Short Stories	24
<i>L. Silina</i>	
The Staginess of M. A. Bulgakov's Prose	31
<i>O. Anisimova, I. Makarova</i>	
Motive of Labyrinth and Ship in the World Literature.....	38
<i>E. Grass</i>	
The Interpretation of Fables: the Levels of the Sense of Allegorical Image	44
<i>A. Dashevskaya</i>	
The Evolution of Plot in English and Scottish Popular Ballads.....	52

LINGUISTICS

T. Rychkova

Grammatical and Semantic Features of Word Combinations Named Ritual Acts	60
<i>G. Zavarzina</i>	
Innovation Typology in the Lexical Subsphere of State Administration Sphere in the Russian Language of the Beginning of the XXI century	69
<i>S. Buglak</i>	
Subject Predicative and Evidential Adverbs of English as Means of Conveying Hearsay Information	77
<i>S. Buglak</i>	
Inference Meanings of the Modal Verbs in English.....	84
<i>A. Ovchinnikova</i>	
Anglicisms in Spanish Youth's Slang of the 1970-1980s: Varieties and Morphological Characteristics	91
<i>E. Mitrofanova</i>	
Intonation and Syntax as Levels of Structuring English Monologues Read Aloud..	100

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

A. Prigarina

Confessionary Intention in the Genre of Memoirs	108
<i>O. Stepanenko</i>	
The Evolution of the Linguistic Mapping of the World in the German Fiction Discourse	115
<i>G. Parastaev</i>	
Reference to the Realia «Founding Fathers» as Specific Feature of American Political Discourse.....	124
<i>J. Peshkova</i>	
Functions of German Language News Texts' Headlines	134

<i>N. Sabourova</i>	
Peculiarities of the Headline Word Game in a Publicistic Text: Lexical and Semantic Analysis	141
<i>O. Evtushenko</i>	
Corporate Genre Congratulation in the Administrative Discourse	149
<i>E. Shishkina</i>	
Communicative Strategies and Tactics of Interrogation (in German and in Russian).....	155
COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION	
<i>N. Bondareva</i>	
Problems of Legal Terminology Regulating in Aspect of Socially-cognitive Systems	163
<i>I. Dronova</i>	
Marginal Zone of Categories Assertion / Negation in Modern English.....	170
<i>S. Kuzmina</i>	
Conceptual Content of the SPO _{Ind.} O _{Dir.} Sentence Type in the Modern English Language.....	180
<i>E. Osheva</i>	
Structural and Semantic Models of Proverbs, Represented in the Paremiological Sphere of the Russian Language	190
LINGUISTIC CULTUROLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION	
<i>E. Shabunina</i>	
English Humour as the Linguistic-cultural Phenomenon in the Novels P.G. Wodehouse.....	196
<i>E. Malysheva</i>	
Sex-role Implementation of Kinestemes in Dialogue.....	204
<i>T. Volkova</i>	
Integrating Approaches to Translation Modeling: Stating the Problem.....	211
<i>E. Golimbiovskaya</i>	
Text Character Anaphony in French Poetry.....	220
<i>D. Karimova</i>	
The Levels of Analysis of Proxemic Behaviour in Interpersonal Communication ..	229
THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES	
<i>N. Suhova</i>	
Foreign Language Teaching Through Images of Russian Language Consciousness	238
<i>O. Khalupo</i>	
The Interrelation of Language and Culture as a Fundamental Principle of the Linguocultural Competence Formation	250
INFORMATION AND SURVEYS	
<i>T. Maltseva</i>	
«What should to know?»: Life Model of a Teenager in M. Gorkij's Novel «In People».....	257
About authors	264

Мифологическое, историческое, поэтическое в контексте «Алкивиада» Е. А. Боратынского

В статье рассматривается одно из неоднозначных стихотворений, входящих в состав книги «Сумерки» Е. А. Боратынского. Выявляются исторические, мифологические основы произведения, дается развернутая характеристика сложной позиции лирического героя стихотворения – Поэта, наблюдающего за Алкивиадом со стороны и изучающего его изнутри.

The article deals with one of the ambiguous poems which are a part of the book "Twilight" by E.A.Boratynsky's. Historical, mythological bases of the work come to light. The developed characteristic of a difficult position of the lyrical hero of a poem is given, it is the Poet, watching for Alkiviad and studying him from within.

Ключевые слова: Боратынский, «Сумерки», античность, Алкивиад, лирический герой, поэт.

Key words: Boratynsky, «Twilight», antique, Alkiviad, lyrical hero, poet.

Впервые в русской поэзии именно в книге «Сумерки» Е. А. Боратынского стихотворения объединяются не по жанровому, не по тематическому и не по хронологическому принципу – общим оказывается угол зрения, та степень высоты обобщения, на которой находится поэт, та общая идея, которая разворачивается автором через совокупность всех поэтических образов сборника. Одним из первых, кто стал рассматривать «Сумерки» как книгу стихов, был А. Кушнер [8, с. 179]. Этой же точки зрения придерживаются и ряд других исследователей, например, Е. Н. Лебедев [9, с. 114–212], О. В. Мирошникова [12, с. 55], О. В. Зырянов [6, с. 32], хотя другие исследователи [1; 3; 10] считают, что «Сумерки» – это лирический цикл.

В «Сумерках» Боратынский подводит итоги многолетних размышлений о судьбе человека и человечества, которые рассмотрены им в контексте жизни природы и мироздания, в таком ракурсе сохраняется диалектика единства противоположностей. Именно поэтому «Сумерки» можно с полным правом назвать первой в русской литературе итоговой книгой стихов.

В центре «Сумерек» – Поэт. Это необычный лирический герой. Очень верно отметила И. Л. Альми: «Показательно, что название «Сумерки» ставит в центр внимания не авторское «я» как таковое, а некий внеличный комплекс» [1, с. 24]. Соответственно можно говорить, что герой Боратын-

ского – это не просто его авторское «Я», с сохранением индивидуальности, с биографической конкретностью и одновременно многогранностью. Это, прежде всего, человек, Поэт, не просто чувствующий, но и мыслящий. Не просто лирик, но философ, раскрывающий свой мир в предельно напряженных, обостренных человеческих эмоциях, человеческих ощущениях, размышлениях.

С одной стороны, он – Поэт-избранник, т.е. он представляет ту малую часть общества, что наделена огромным духовным потенциалом, стремится к чему-то возвышенному, не связанному с материальными, меркантильными интересами большинства. Это определяет ограниченность, сжатость того пространства, которое в той или иной мере соотносимо с лирическим героем книги стихов Боратынского. А с другой стороны, поэт представляет все человечество, и его судьба – это не индивидуальная судьба отдельно взятого субъекта с его метаниями, мыслями, мечтаниями, потерями, разочарованиями, стремлениями, ведь его трагедия – это отражение трагедии всего человечества. Лирическое единство «Сумерек» определяется общей направленностью размышлений Поэта, его жизненной позицией. Книгу «Сумерки» можно рассматривать как своеобразную исповедь художника, находящегося во враждебных отношениях с обществом, с современной эпохой, переживающего мучительное одиночество, жаждущего его преодолеть, ищущего пути этого, осознающего трагедию, переживаемую человечеством, как личную, рассматривающего собственную жизненную катастрофу как отражение катастрофы вселенского масштаба.

Высокий уровень обобщения, который становится приметой стиля позднего Боратынского, определяет, и то, что лирический герой «Сумерек» смотрит на мир с предельной высоты, и в фокусе его внимания – прежде всего значительное, масштабное, обобщенное.

Углубляясь в мир прошлого, герой Боратынского оказывается способным проникнуть в сознание человека того времени и взглянуть на мир его глазами, передав увиденное и прочувствованное читателю.

Боратынскому в его книге стихов удастся выявить динамику изменений мира, общества, сознания отдельного человека – Поэта, который становится некой «лакмусовой бумажкой» общего состояния мира.

«Сумерки» являют собой реализацию желания поэта расширить содержание, вкладываемое в отдельно взятое стихотворение. Боратынский с самого начала стремится к бóльшей завершенности каждого поэтического произведения, входящего в состав книги стихов, но, с другой стороны, пытается все свои творения объединить в некое целое, ведь мысль конкретного поэтического произведения продолжает развиваться и за пределами этого текста. Данная особенность позднего творчества Боратынского была предопределена его предшествующей эволюцией: с первых шагов в поэзии автор пытался писать не просто стихотворения на случай (это у него как раз менее всего получалось), способствующие «освобождению» ху-

дожника слова от накопившихся мыслей, чувств, он хотел создать некую художественную «мозаику», характеризующую единством мысли, цельностью образов. Попытки эти увенчались успехом. Завершением этого процесса стала публикация «Сумерек» в 1842 г., оказавшихся книгой вопросов и споров Поэта с собой и с жизнью о том, что есть жизнь и каково место в ней поэзии и т.д.

И важное место занимает в «Сумерках» стихотворение «Алкивиад». Впервые напечатанное в журнале «Московский наблюдатель» еще в 1835 году, войдя в состав «Сумерек», оно приобрело, как и многие другие тексты книги стихов Боратынского, новые смыслы. Наверное, поэтому до сих пор появляются порой прямо противоположные трактовки данного произведения. Попробуем и мы предложить свой вариант возможного прочтения этого текста в составе целого.

«Алкивиад» следует за самым напряженным, полным трагического отчаяния и боли стихотворением «Сумерек» – оно появляется после «Недоноска». Как и впервые оказавшись перед почти неразрешимой задачей, описанной в «Последнем поэте», – жить или, освободившись от страданий, уйти из жизни – лирический герой, Последний Поэт, вновь находит в себе силы, чтобы продолжить свой путь в поиске ответа на мучительные вопросы, что являет мир и человек в нем, а главное, каково назначение Поэта, нужен ли он людям. По сравнению с «Недоноском» в «Алкивиаде» происходит изменение временных координат: Последний Поэт из мира «невремени» переносится в «мифологическое время древности» [7, с. 114], в эпоху Эллады, пытаюсь там обнаружить истинные ценности, идеалы, утраченные современным человеком и обществом.

Объектом художественного постижения в стихотворении «Алкивиад» становится прославленный исторический персонаж, который был хорошо известен не только своим современникам. Речь идет об Алкивиаде, рожденном около 451 года до н.э. Этот афинский политик запомнился потомкам не только своим стратегическим талантом, победами на море, смелыми дипломатическими решениями, но и многочисленными предательствами, а также огромным честолюбием и стремлением всегда быть первым [5, с. 90–106; 14, с. 4–13]. О нем самом и его деятельности размышляли в своих трудах еще историки античности, среди которых его современник Фукидид, Феопомп, автор «Греческой истории», продолжатель труда Фукидида, Плутарх, Корнелий Непот и другие. Благодаря их трудам сохранилась память об Алкивиаде. Способствовал увековечиванию памяти Алкивиада и У. Шекспир, посвятивший его жизни драму «Тимон Афинский».

Личность этого человека, даже спустя века, видится очень неоднозначной. С одной стороны, примечателен факт его долгой дружбы (выросшей из отношений ученика и учителя, окрепшей во многих военных походах) с одним из прославленных философов античности – с Сократом,

о чем писал, например, Платон в своих «Диалогах Платона», в частности, в «Алкивиаде II», где воссоздан якобы имевший место разговор Сократа и Алкивиада о человеке и Богах, о вере, разуме и безумии. Подобное обстоятельство, а также многочисленные примеры проявления необыкновенного ума Алкивиада, который он демонстрировал в своей дипломатической и полководческой деятельности, говорят о нем как о человеке с развитым интеллектом, широкими познаниями и умением смотреть дальше многих, делая глубокие обобщения. Об этом, в частности, в своих работах размышлял Фукидид, отдавая должное уму и удивительным способностям древнегреческого политика. Но, с другой стороны, принадлежность Алкивиада к одной из богатейших афинских семей, сформировавшая в нем любовь к роскошной жизни, привычку ставить свои желания превыше всех иных, а также его необыкновенная красота, о которой Бион Борисфенский говорил: «Когда он был мальчиком, ради него мужья бросали жен, когда стал юношей, – жены бросали мужей», – выставляли его личность в явно непривлекательном свете. Не случайно еще Корнелий Непот высказал такое суждение: «Никто не мог сравниться с ним ни в пороках, ни в добродетелях».

Но вот какая грань образа этого героя прошлого привлекла Боратынского – его непомерное честолюбие, красота, сводящая многих с ума, или талант стратега, способности философа, а может, что-либо иное – попробуем разобраться.

По мнению многих исследователей, текст этого антологического стихотворения раскрывает «вечный» образ тщеславия (об этом, например, говорит А. Жолковский) [4, с. 186–200]. Другие, например, Е. Н. Лебедев, считали, что в произведении представлен образ человека, мечтающего о славе «как о чем-то неизбежном, предрешенном, само собою разумеющемся» [9, с. 153]. В обеих точках зрения, бесспорно, есть истина. Но вот позиция Н. Н. Мазур, высказанная в ее работе «К интерпретации “Алкивиада” Боратынского», прочитанной на Четвертых Эткиндовских чтениях [11, с. 541–556], кажется нам спорной. Хотя некоторым литературоведам даже «сама возможность превращения Алкивиада в романтическую фигуру меланхолии» «показалась странной» [15]. Сопоставление Мазур поэмы Алкивиада с традиционной позой Меланхолии и ее вариациями, созданными крупнейшими европейскими романтиками, среди которых Вордсворт, несколько Китсов, Шелли, Бодлер, Ламартин, Тассо и Байрон, очень интересно и по-своему убедительно, но только если анализировать стихотворение «Алкивиад» вне контекста книги стихов Боратынского, рассматривая его как самостоятельное произведение. Как нам видится, оказавшись в структуре «Сумерек», «Алкивиад», как и другие поэтические тексты книги, приобретает иной смысл, иную тональность.

На наш взгляд, в «Алкивиаде» сосуществуют два плана изображения мира античного героя. Последний поэт, оказавшись в пространстве жизни

этого персонажа, наблюдает за ним и со стороны и как будто проникает в его духовный мир, описывая изнутри.

Как следствие, в «Алкивиаде» Боратынский по-иному представляет время и пространство. Его уже волнует не столько конфликт прошлого и настоящего, сколько противоречия, заложенные в отдельном периоде времени. Так, события «Алкивиада» отнесены к мифологизированному прошлому, но, пребывая в нем (для Алкивиада оно настоящее), герой душою устремляется в иные времена – в грядущее, далекое, для многих неизвестное.

Наверное, поэтому абсолютно по-разному характеризуется внешнее и внутреннее пространство героя. Так, внешнее пространство Алкивиада предельно сомкнуто и крайне для него агрессивно – «юный красавец» сидит перед медью, окруженный смеющимися над ним «мужами», что на него «казали перстом», и девами, что, «тайно любуясь челом благородно-открытым, / Нехотя взор отводя, хмурили брови свои» [2, с. 184].

Как и «Новинское», восьмистишное произведение «Алкивиад» разделяется автором на две страницы [13, с. 36–37], только теперь они графически образуют меж собой некое зеркальное отражение, являя один разворот. В первой строфе воссоздан мир явный, в котором пребывает Алкивиад и другие:

Облокотясь перед медью, образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златые чела,
Юный красавец сидел, горделиво-задумчив, и, смехом
Горьким смеясь, на него мужи казали перстом... [2, с. 184].

Автор специально в этой части столь подробно и выразительно характеризует отношения во внешнем мире окружающих к герою, чтобы выявить двойственность ситуации и показать неоднозначность изображенного героя. Его внешность, почти божественная («кудри златые» как знак приобщенности солнцу, которым он обласкан), вызывает у мужчин зависть и горечь от собственного несовершенства, именно потому звучит их «горький» смех. Не имея возможности стать лучше Алкивиада, они предпочитают тыкать в него пальцами, подчеркивая его непохожесть на них, желая хоть так его унижить.

Однако на такую агрессию Алкивиад, в изображении Боратынского, никак не отвечает. В контексте стихотворения он внешне оказывается лишенным какого бы то ни было движения, все средства поэтической образности, задействованные автором в его описании, подчеркивают статичность образа Алкивиада: «облокотясь», «перед медью», «сидел», «глух был и слеп»... Кажется, Поэт создает образ Алкивиада в соответствии с теми характеристиками, что сохранились во многочисленных исторических источниках времен жизни этого героя. Мы видим, что Алкивиад, упоенный своей красотой, никого не замечает вокруг: подобно Нарциссу,

он занят увлеченным рассматриванием себя, а жесты его свидетельствуют о такой черте, как самолюбование.

Максимально значимым для понимания сущности главного поэтического образа стихотворения оказывается второй катрен:

Девы, тайно любясь челом благородно-открытым,
Нехотя взор отводя, хмурили брови свои.

Он же глух был и слеп; он, не в меди глядясь, а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок? [2, с. 184]

В этой строфе воссоздается духовное пространство: Последний Поэт как будто проникает в сознание людей античности, обнажая то, что таится в их душах. Именно здесь проявляется конфликт явного и скрываемого, внешнего и внутреннего, обусловленный, с одной стороны, общественными условностями, а с другой стороны, душевными потребностями... Интересна реакция дев на героя. Поэт подмечает, что, в отличие от мужчин, слабый пол увлечен красотой Алкивиада (Боратынский следует опять-таки тем фактам, что сохранила история). Но сложившиеся общественные стереотипы не позволяют девушкам открыто выразить свои чувства, однако, подчиняясь этим условностям, представительницы прекрасного пола испытывают не только сожаление, но и недовольство оттого, что приходится скрывать свое восхищение этим юношей.

И, обращая свой взор на Алкивиада, Поэт вдруг обнаруживает, что внутреннее пространство этого героя наполнено движением. Алкивиад отличает устремленность в будущее: «горделиво-задумчив», «не в меди глядясь, а в грядущем, думал». Поэт раскрывает ложность тех представлений, которые сложились у мужей и дев относительно личности Алкивиада, не сумевших понять его суть, увидевших лишь его необычную внешность и непривычное поведение. Выясняется, не в зеркало глядит Алкивиад, любясь собою, он пытается заглянуть в свое грядущее. И сам текст подсказывает, что ищет для себя Алкивиад в том будущем, куда пытается проникнуть силой своего воображения, – славу, ведь размышления его сопровождаются прежде всего раздумьями о «лавровом венке», которым будет вознагражден за свои великие деяния. Но не столько слава, сколько то будущее, что с этой славой связано, влечет сознание Алкивиада.

Подобная противопоставленность внешнего внутреннему обуславливает неприятие миром людей Алкивиада: погрузившись в свои мечтания, тем самым отгородившись от соплеменников, он ничего, кроме ропота и недовольства, вызвать не может. Вглядываясь в духовный мир этого героя, Поэт неожиданно обнаруживает нечто общее, сближающее его, человека века железного, и Алкивиада, представителя века золотого. Оба они оказываются не поняты миром, оба находятся в состоянии некой духовной слепоты, обусловленной их абсолютной подчиненностью своей идее, погруженностью в свои творческие замыслы, а главное – самодостаточностью. Так, об Алкивиаде сказано: «Он же глух был и слеп» [2, с. 184], о себе Поэт в стихотворении «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» говорит: «Вам

приношу я песнопенья, / Где отразилась жизнь моя: / Исполнена тоски глубокой, / Противоречий, слепоты» [2, с. 178]. Оба (и Поэт, и Алкивиад) размышляют о судьбе, о жизни, о будущем. И значит те идеи, что выдвигает Н.Н. Мазур по поводу Алкивиада, имеют под собой некоторые основания. Алкивиад – Последний Поэт – Боратынский, все эти образы связаны меж собою невидимыми нитями. Последний Поэт выявляет меж собою и древнегреческим героем не только различия, но и некоторую общность: оба эти героя, будучи порождением сознания автора, обнаруживают потребность и способность жить не суетным сегодня, а переноситься в иные эпохи, смотреть вдаль времен. Только один напряженно вглядывается в будущее, а другой – в прошлое, автор же пытается постичь судьбу каждого индивида и человеческого сообщества в целом. Потому, может быть, глядя на Алкивиада, вспоминается портрет самого Боратынского 1820-х годов, сохранившийся на литографии Ф. Шевалье.

Боратынский, помещая «Алкивиада» сразу же после «Недоноска», подчеркивает, что трагедия, совершающаяся в общемировом пространстве, оказывается предрешенной еще в далекой Древней Греции, где отнюдь не все было так безоблачно. Поэт обнаруживает, что на, казалось бы, «безмятежном челе» Эллады уже лежала глубокая складка скорби, рожденной непониманием, уже в эпоху, когда царил культ искусства и чувств, в душах людей поселился раздор, разводящий их в пространстве и во времени, приводящий к осознанию суетности человеческих устремлений и пониманию невозможности полного слияния отдельной частной жизни со всеобщей мировой судьбой.

Алкивиад, всю жизнь метавшийся между Афинами и Спартой, не находя нигде успокоения, уже не может жить в своем времени, потому внутренний взор его устремляется в будущее. Но для Поэта это значит одно: «первобытный рай муз» таковым уже не является, ибо, если здесь появляется отдельный житель (это Алкивиад), который не просто ощущает время, но испытывает недовольство своим сиюминутным состоянием, сие равнозначно тому, что «рай» разрушен. Ведь там, где появляется время, подчиняющее все своему ходу, там рушится идеальный мир, ибо рай – это божественное и вечное.

Есть в стихотворении выход еще на одну важную для «Сумерек» проблему – проблему вечности, которая, по-разному варьируясь, обнаруживается почти в каждом произведении книги Боратынского.

«Алкивиад» строится на приеме композиционного кольца: в начале и конце стихотворения упоминается одна и та же деталь, связанная с Алкивиадом, – это медь, в которую глядится герой («облокотясь перед медью» и «не в меди глядясь»). Для современников Боратынского слово «медь» ассоциировалось со знаменитым памятником, увековечившим память о Петре I (вспоминается и «Медный всадник» Фальконе, а также одноименная поэма А.С. Пушкина). Но можно говорить, что и в античности это понятие рождало похожие ассоциации, которые в том числе были связаны и с Ал-

кивиадом, о чем мог знать и Боратынский. Так, существует предание, что спустя несколько веков после смерти Алкивиада во время одной из войн древние римляне по совету оракула воздвигли на площади народного голо-сования две статуи – умнейшего и мужественнейшего из людей антично-сти, ими оказались статуя Пифагора и статуя Алкивиада. Герой умер, но память о нем осталась. Не о таком ли своем будущем размышляет Алкиви-ад в стихотворении поэта. Не потому ли уже в своем настоящем герой Бо-ратынского утрачивает юношескую энергию, замирая, становясь все более похожим на тот памятник, что будет возведен в его честь.

А значит, для Поэта, лирического героя и рассматриваемого стихо-творения, и книги «Сумерки», немаловажной оказывается мысль о том, что человек смертен, конечен, но память о нем, если он того достоин, вечна. А потому духовная связь предков с потомками не будет оборвана. А кроме того, в «Алкивиаде» выражается идея, что пусть и не сразу, но дела чело-века могут быть оценены по заслугам другими поколениями.

Список литературы

1. Альми И. Л. Сборник Е. А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единст-во // Вопросы литературы. Метод. Стил. Поэтика. – Владимир, 1973. – Вып. 8. – С. 23–81.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1989.
3. Дарвин М. Н. Русский лирический цикл: Проблемы истории и теории. – Крас-ноярск: Красноярский гос. ун-т, 1988.
4. Жолковский А. Где кончается филология? Осенние зачистки на летних терри-ториях // Звезда. – 2007. – №1. – С. 186–200.
5. Знаменитые греки и римляне: 35 биографий выдающихся деятелей Греции и Рима. Сборник / авторы и сост. М. Н. Ботвинник и М. Б. Рабинович. – СПб.: Эпоха, 1993. – С. 90–106.
6. Зырянов О. В. Субъектная архитектура стихотворных книг в свете истори-ческой поэтики // Авторское книготворчество в поэзии: материалы Международной на-учно-практической конференции: в 2 ч. – Омск, 2008. – Ч. 1. – С. 25-36.
7. Козубовская Г. Л. Лирика Е. А. Баратынского и проблема творчества: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1980.
8. Кушнер А. Книга стихов // Вопросы литературы. – 1975. – № 3. – С. 178-188.
9. Лебедев Е. Н. Тризна. Книга о Е. А. Боратынском. – М.: Современник, 1985.
10. Ляпина Л. Е. Лирический цикл в русской поэзии 1840–1860-х годов: автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1977.
11. Мильчина В. Слухи о смерти филологии сильно преувеличены. «Европей-ская поэзия и русская культура»: Четвертые Эткиндовские чтения // Новое литератур-ное обозрение. – 2006. – № 6. – С. 541-556.
12. Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: ар-хитектура и жанровая динамика. – Омск: ОмГУ, 2004.
13. Сумерки. Сочинения Евгения Боратынского. – М.: Тип. А. Семена при Им-ператорской Медико-хирургической академии, 1842.
14. Суриков И. Е. Ксенические связи в дипломатии Алкивиада // Античный мир и археология. – Саратов, 2002. – Вып. 11. – С. 4-13.
15. Ямпольский М. О прочитанном. Медь Алкивиада // Стенгазета. – 16 октября 2006. – [Электронный ресурс]: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=2161>

Ирония в романе И. А. Гончарова «Обломов»

В статье рассматривается ирония в романе И. А. Гончарова «Обломов», показывается, что ирония использована писателем и в качестве стилистического приема создания образа, и в качестве модуса. Ирония в романе является средством воплощения как комического (в юмористической и сатирической его формах), так и драматического и трагического.

In the article the irony in I.A. Goncharov's novel «Oblomov» is considered. The irony is used by the writer and as stylistic means for creation of an image, and as a modus. The irony in the novel is means of embodiment of both comic (in its forms of humor and satire), and of dramatic and tragic.

Ключевые слова: роман И. А. Гончарова «Обломов», ирония, литературная стилистика, модус, комическое, драматическое, трагическое.

Key words: I.A. Goncharov's novel «Oblomov», irony, literary stylistics, modus, comic, dramatic, tragic.

Реалистическое творчество И.А. Гончарова еще при жизни художника получило самую высокую оценку. Представители разных направлений критики: «реальной», «эстетической», «почвеннической», народнической, символистской — писали о великом даре писателя-живописца, обладающего способностью пластически запечатлеть людские типы и раскрывать их психологию, отражать жизнь общества и его внутреннее движение. Среди других достоинств Гончарова-писателя подчеркивалась его беспристрастность. Особенности таланта писателя находили в «спокойствии и полноте поэтического мирозерцания» (Н. А. Добролюбов [5, с. 37]), в «полной объективности» (Д. И. Писарев [5, с. 69]), в «уравновешенности», в отсутствии «запальчивости» (М. А. Протопопов [5, с. 188, 190]), в «изумительной трезвости взгляда на мир» (Д. С. Мережковский [5, с. 175]) и др. Однако многие критики уже тогда обратили внимание на беззлобную иронию писателя, которая согрета «глубокой поэзией» (А. В. Дружинин [5, с. 25, 111]), «соседствует» с состраданием (М. А. Протопопов [5, с. 194]) и т.д. Сам Гончаров в абсолютизируемом им требовании «художественной правды» подчеркивал, что в стремлении ее достичь необходимо опираться на «такие пособия, как типичность, юмор», «творческая фантазия» [1, VI, с. 484, 485]. В юмористическом изображении действительности (например, у Гоголя) Гончаров видел «отрадную теплоту» и отвергал «холодную иронию» — «продукт, пожалуй, ума» [1, VI, с. 485]. Однако следует понять, что именно писатель вкладывал в отрицание «продукта ума». Как истинный художник-пластик Гончаров ратовал за объемные, внетен-

денциозные, глубоко типизированные и индивидуализированные образы. «Писать художественные произведения только умом, — утверждал он, — все равно, что требовать от солнца, чтобы оно давало лишь свет, но не играло лучами» [1, VI, с. 485].

В данной статье будет показано, что Гончаров многопланово использует иронию — и как средство достижения комического (юмористического и чаще сатирического) эффекта, и как средство драматической и трагической разработки характеров и ситуаций. При этом гончаровская ирония никогда не оказывается «холодной»: ироническое видение действительности и ее проблем позволяло писателю раскрыть глубочайшие национально-государственные, общественно-политические, социально-культурные и нравственно-духовные противоречия изображаемой эпохи. Эта возможность открывается перед иронией как художественным приемом в силу того, что в ее природе заключена способность говорить больше, чем написано или сказано. Поскольку у иронии иная природа образности, чем у тропов, в стилистике произведений (диктующей тональность художественного целого и высвечивающей характеры) возникает доминирование выражаемого над выраженным. Ирония как прием скрытой насмешки обнаруживает противоречие, когда при внешнем утверждении явления, качества или характеристики их наличие отрицается. По А. А. Потебне, ирония — «лукавое притворство, когда человек прикидывается простаком, не знающим того, что он знает» [4, с. 295]. Эту мысль развивал А. Ф. Лосев, который писал, что иронично то выражение, когда человек, говоря «да», не скрывает своего «нет», а именно «выявляет» его [2, с. 134]. Тем самым философ подчеркивал, природа иронии состоит в ее двуплановости, когда при формальном подчеркивании значительного, позитивного, духовного становится очевидно ничтожное, пустое, низкое.

Становясь модусом, ирония, в первую очередь, маркирует сферу комического в юмористической, сатирической, саркастической его формах. Однако она не является специфическим инструментом комического. Восхождение авторов в «иронии истории» показывает, что она может носить драматический и даже трагический характер. В последнем случае в ней представлен непримиримый конфликт, который не может получить позитивного разрешения в определенных общественно-исторических условиях. При этом даже комическая ирония может стать сарказмом (от греч. *sarkázō* – рву мясо) — «насмешкой злобной или горькой», то есть «иронией, соединенной с ядовитой насмешкой» [4, с. 296, 303].

Рассмотрим иронию как средство комического (в сатирической и юмористической формах). В своей статье «Лучше поздно, чем никогда» И. А. Гончаров подчеркивал, что обломовщина — его обозначение крепостного права, и «главный мотив» обломовщины дан им в главе «Сон Обломова» [1, VI, с. 458], где идиллическая картина окрашена в иронические тона. Одним из наиболее эффективных средств достижения этой послед-

ней цели является прием занижающих насмешливых комментариев, часто представленных в форме сравнения. Так, в изображении природной картины сказано, что в обломовских краях «грозы не страшны», и эта характеристика сразу разъясняется: «число и сила ударов, кажется, всякий год одни и те же, точно как будто из казны отпускалась на год на весь край известная мера электричества» [1, IV, с. 104-105]. Не менее важен прием контрастного изображения. Повествователь (которого по праву можно назвать автором-повествователем) подчеркивает: «Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке» [1, IV, с. 114]. Вслед за этим ракурс зрения направляется на дворового Антипа, которому в конце недели достаются остатки пирога с барского стола, и Антип разрушает «любопытную окаменелость, наслаждаясь более сознанием, что это господский пирог, нежели самим пирогом ...» [1, IV, с. 115].

Во «Сне» воссоздано граничащее с фантазмагорией нарушение логики жизни, поскольку обломовцы существуют в убеждении: «Вот день-то прошел, и слава богу!» [1, IV, с. 120]. Ирония повествователя направлена на некоторые особенности традиционной культуры, закладываемой уже в сказках о Емеле-дурачке: «расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы» [1, IV, с. 121]. «Животрепещущая верность подробностей» в сказках дворовой женщины иронически уподоблена «простоте и добродушию Гомера», и творчество «наших гомеридов» расценено как «злая и коварная сатира на наших предков, а может быть, еще и на нас самих» [1, IV, с. 121, 120]. Прямая оценка дополняется скрытой — иронической, и наоборот. «Добрые люди» в обломовских краях — те, что понимали жизнь «не иначе как идеалом покоя и бездействия» и «сносили труд как наказание» [1, IV, с. 126]. Примеры такого отношения к труду в романе многочисленны: починка галереи, например, или моста. Демонстративное отрицание писателем жизненных установок и быто-бытийных традиций обломовцев постоянно подкрепляется завуалировано ироничным комментарием повествователя. Подчас между одним и другим обнаруживается лишь тонкая грань. В изображении сна романного героя подчеркнута, что обломовцы «никогда не смущали себя никакими туманными умственными или нравственными вопросами» и не читали книг [1, IV, с. 126]. Вследствие этого даже в мечтаниях о будущем «шитом мундире» сына (в его предполагаемом статусе «советника в палате» и, может, «губернатора») родители не видели в ученье проку и не всегда возили маленького Илью на уроки: «Зимой казалось им холодно, летом по жаре тоже не годится ехать, а иногда и дождь пойдет» [1, IV, с. 145, 144].

Однако писатель устами повествователя подчеркивал, что Илья Ильич Обломов «уж был не в отца и не в деда» [1, IV, с. 67]. Его ничегонеделанье тем не менее нравственнее, чем обывательская суета его самодовольных приятелей. Чтобы сразу заявить об этом, Гончаров в главе 2 (части I) соз-

дает целую галерею визитеров Обломова. Эти эпизодические лица введены в повествование с единственной целью — высветить и оттенить фигуру главного героя. Так, самовлюбленный Волков рад тому, что «не нужно бывать в должности» [1, IV, с. 20]. Судьбинский со всей серьезностью рассказывает о нововведениях в письмах, где «отменили писать “покорнейший слуга”, а пишут “примите уверение”» [1, IV, с. 22-23]. При этом визитер говорит и о своем высоком жалованье. В результате авторская ирония сливается с иронией героя [3, с. 96], и Обломов констатирует: «Голос, что ли у тебя хорош? Точно итальянский певец!» [1, IV, с. 23]. Третий визитер, Пенкин, гордо сообщает Обломову, что ратует «за реальное направление в литературе» и написал рассказ «о том, как в одном городе городничий бьет мещан по зубам», на что Обломов саркастически замечает: «Стало быть, побои городничего выступают в повести как *fatum* древних греков?» и ядовито заключает: «Да, это в самом деле реальное направление» [1, IV, с. 27, 26]. В результате, начиная с изображения визитеров Обломова, объектом иронии в ее комической (сатирической и юмористической) форме в произведении становится прежде всего то окружение героя, которое не оказывает на него духовного влияния. В ироническом свете показаны светская дама — тетка Ольги Марья Михайловна и ее друг барон фон Лангваген, которые «все больше молчат», создавая впечатление, что они «как будто что-то знают, чего другие не знают» [1, IV, с. 229].

Объектом авторской насмешки, исполненной вместе с тем сочувствия, является Агафья Пшеницына, мир которой нарисован писателем в гоголевском духе. В ее портрете Гончаров использует прием сниженно-заземленных характеристик. Эти характеристики прямо спроецированы на мировосприятие героя. Изначально Обломов (которого в последние годы, как правило, «тянуло к подушке») видит «высокую, крепкую, как подушка дивана, никогда не волнующуюся грудь» Пшеницыной и смотрит на нее «с таким же удовольствием, с каким утром смотрел на горячую ватрушку» [1, IV, с. 356, 310, 350]. Ироническое представление Пшеницыной усилено композиционными средствами — сопоставлением Агафьи с Ольгой Ильинской. Задолго до Л. Н. Толстого писатель наделил Ольгу «лучистыми глазами», и если в Ольге Обломова покоряли «лучи ее глубокого взгляда», то в Пшеницыной его волнуют ее «голые», «вечно движущиеся» локти [1, IV, с. 256, 487, 354, 316, 326]; если Ольга видится «статуей грации и гармонии», то Пшеницына — по-иному: шаль покрывает ее «как попона» [1, IV, с. 199, 309]; если в Ольге Обломова привлекает «присутствие говорящей мысли» во взгляде, то постоянной оценочной деталью в изображении реакции Пшеницыной на любые не связанные с ведением хозяйства внешние послы является тупость. Ольга захватывает своим исполнением арии «*Casta diva*», а Пшеницына — хозяйственной деятельностью: она мастерски печет пирог «с цыплятами и грибами», ее стихия — «закупка сахару, чаю, провизии, соленье огурцов, моченье яблок и вишен, варенье» [1, IV,

с. 454, 392]. Ироничный тон в изображении Пшеницыной отринут на той стадии развития сюжета, когда ради житейского комфорта Ильи Ильича она, руководствуясь «умом сердца» [1, IV, с. 445], заложила сначала свое приданое — жемчуг, а потом фермуар, серебро и даже салоп, шаль и парадное платье. В изображении Пшеницыной после смерти Обломова (как женщины «с затаившимся внутренним смыслом в глазах» [1, IV, с. 508]) Гончаров показывает ее молчаливое прозрение в горе.

Теплой иронией окрашено отношение героя и повествователя к Захару — верному, но нечистоплотному и ленивому слуге. Характеризуя слуг старого времени как «рыцарей лакейской», служивших господам «без страха и упрека», повествователь в отношении Захара множит иронию: «этот рыцарь был и со страхом, и с упреком» [1, IV, с. 69].

Обломовщина проявляется в романе в трагикомических формах. В письме старосты Илье Ильичу утверждается: «кормилец наш, все благополучно», и далее следует рассказ о засухе, неурожае, о том, что «в недоимках недобор», и проч. [1, IV, с. 36]. Эта жизненно важная информация приводит к тому, что Обломов, как иронизирует повествователь, «чуть было не встал с постели» [1, IV, с. 38].

Ирония иного модуса — вследствие циничного отношения героев к окружающим — положена в основу характеров Тарантьева, Мухоярова и Зартертого, которые живут мздой и обманом. Так, «братец» Пшеницыной, заливаясь «тоненьким смехом», сообщает Тарантьеву о проведенной с делами Обломова афере, и оба ликуют: «Законное дело!» [1, IV, с. 412-413]. Мухояров иронически показан как «великий эпикуреец» «в гастрономическом отношении», при этом его моральная нечистоплотность саркастически подчеркнута тем, что он «белье, как чернорабочий, менял только в субботу» [1, IV, с. 391].

Таким образом, ирония как инструмент комического (в сатирической и юмористической формах) в гончаровском спектре художественных средств достижения цели успешно применяется в изображении людей духовно неразвитых, нравственно и/или интеллектуально ограниченных, безликих.

Между тем ирония применяется Гончаровым и как средство описания драматического и трагического в романе. Объектом драматической, а затем трагической иронии прежде всего является главный герой, и это изначально связано с тем, что «жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки — это у него были синонимы; другая — из покоя и мирного веселья» [1, IV, с. 57]. Умный и совестливый человек, Обломов, тем не менее, не приспособлен ни к какому виду деятельности, о чем с иронией сообщает автор: необходимости ходить на службу, по мнению Обломова, должны воспрепятствовать «слякоть, жара или просто нерасположение», и «как огорчился он», когда узнал, что уважительной причиной для отсутствия здорового чиновника на службе могут

служить только землетрясение или наводнение: «а землетрясений, как на грех, в Петербурге не бывает», да и наводнения редки [1, IV, с. 57]. Герой всё чертил «узор жизни» — свой план, и в мечтах он «любил уходить в себя и жить в созданном им мире» [1, IV, с. 67, 68]. В результате «он любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничто не значит» [1, IV, с. 68]. Побуждаемый Штольцем Обломов собирался было присоединиться к Штольцу за границей. В описании этих сборов звучит мягкая насмешка: Обломов «даже заказал себе дорожное пальто, купил фуражку», а также «одеяло, шерстяную фуфайку, дорожный несессер, хотел — мешок для провизии» [1, IV, с. 194].

В понимании Обломова, «жизнь есть поэзия» [1, IV, с. 185]. При этом аргументы в пользу «поэтического» времяпровождения у героя всегда сопровождались обязательным требованием — гастрономическими удовольствиями. И до знакомства с Ольгой Обломов мечтает о поездках после обеда в поле: «разостлали бы между стогами ковры» и «так блаженствовали бы вплоть до окрошки и бифштекса», но после расставания с Ольгой и соединения с Пшеницыной все сводится к пирогам «с цыплятами и грибами» [1, IV, с. 186, 454]. Иными словами, если в начале повествования вершиной на ступенях удовольствий героя является все-таки музыка: «сковорода грибов, котлеты, ягоды... тут музыка... *Casta diva*... *Casta diva!*» [1, IV, с. 186], то в жизни на Выборгской стороне ценность музыки и знаменитой арии потеряна, и, обращаясь к Штольцу, Обломов с восторгом говорит: «Да выпей, Андрей, право, выпей: славная водка! Ольга Сергеевна тебе этакой не сделает! <...> Она споет *Casta diva*, а водки сделать не умеет так! И пирога такого <...> не сделает!» [1, IV, с. 454].

С образом Ольги в роман входит мотив Пигмалиона и Галатеи. При этом в «перевернутом» изображении писателя Ольга выступает в качестве Пигмалиона, а Обломов оказывается Галатеей. Показав сцену признания Обломова в любви к Ольге, Гончаров при использовании одноплановых сравнений в описании чувств героев изображает их разнонаправленно — иронически занижая ситуацию в отношении героя и возвышая ее в отношении Ольги: Обломов ведет себя «как школьник», прячущийся от упреков, а в Ольге «разыгрывался комизм, но это был комизм матери, которая не может не улыбнуться, глядя на смешной наряд сына» [1, IV, с. 212]. Описание этой сюжетной ситуации писатель усиливает общеэтическими размышлениями повествователя об онтологических функциях и культурной миссии мужчины и женщины, насыщая иронию реалистическим гиперболизированием в разведении полюсов. Если взросление мужчин совершается «в двадцать пять лет при помощи двадцати пяти профессоров, библиотек, после шлянья по свету», то для женщины достаточно протанцевать «две мазурки, несколько контрдансов, да голова у ней что-то разболелась: не поспала ночь...» [1, IV, с. 235, 236].

Ольга Ильинская умна, иронична и «не без лукавства» [1, IV, с. 357]. Именно в ее изображении используется сарказм. Но в роли Пигмалиона она не обманывает — обманывается. Поначалу, когда под ее влиянием в Обломове «поднялась со дна души [сила. — *М.Л.*], готовая на подвиг», Ольга говорит с ним «так мягко, что вынула жало из сарказма»; в дальнейшем, когда она начинает сомневаться в том, сможет ли творчески преобразить ситуацию и возродить Обломова, ироническая природа ее личности проявляется все чаще: «иногда речь ее и сверкнет искрой сарказма» [1, IV, с. 204, 278]. В своем стремлении разбудить Обломова Ольга глубоко страдает, мысли Ольги были полны «едкого сарказма» [1, IV, с. 354, 358]. В сцене ее приезда на Выборгскую сторону изображение живительного воздействия девушки на героя иронически обрамлено одноплановыми деталями: если в момент начала встречи Ольга видит в комнате «развернутую страницу: страница запылилась», то в ночь после этого свидания Обломов «прочитал полтора тома» [1, IV, с. 364, 368]. Возвращение к духовным интересам подкреплено приемом: при появлении Пшеницыной Обломов и «не подумал взглянуть на [ее. — *М.Л.*] локти» [1, IV, с. 368].

Обломов не может материально устроить жизнь с Ольгой, Ольга же готова следовать за Обломовым повсюду: «за границу, в деревню», в том числе в самом пугающем направлении — «даже на Выборгскую сторону» [1, IV, с. 383]. Но разбившись о бездеятельную инертность Обломова, она с болью признает свое поражение. Писатель актуализировал важнейшую для него мысль: трагическая ирония истории в отношении обломовщины состоит в том, что пигмалионовский призыв к богам, претворенный в творческий эксперимент, не только не удался, но по самому факту обломовского бытия не мог быть успешным.

Для Гончарова, по его собственному признанию, было важным то, что не только в Обломове, но и в Ольге он воплотил типичные для современности фигуры. Писатель подчеркивал, что образ Ольги напрямую по нисходящей связан с образом Наденьки из романа «Обыкновенная история» [1, VI, с. 455] и по восходящей — с образом Веры из романа «Обрыв». Если Ольга саркастична, то и Вера глубоко иронична, о чем даже в формальном смысле свидетельствуют маркеры «иронически», «с иронией», введенные автором в последнем романе беспрецедентно много для его романистики раз.

В качестве Пигмалиона — «как мыслитель и как художник» [1, IV, с. 473] — по отношению к Ольге выступает Штольц. Андрей Штольц — единственный в системе образов романа герой, кого ироническое мировидение художника практически не коснулось. В этом образе писатель продемонстрировал упорство, ум, обстоятельность человека-деятеля. Обрусевший немец Штольц был необходим писателю как тип, антитетичный обломовцам. В расстановке персонажей его функция заключалась, по мысли автора, в резком противостоянии «стихийной русской черте» —

«лени и апатии во всей ее широте и закоренелости» [1, VI, 457]. Фигура деятеля: Адуева-старшего в «Обыкновенной истории», Штольца и талантливого и человеческого Тушина в романе «Обрыв» — глубоко волновала Гончарова. Писатель искал героя времени и видел его в «Тушине и Тушинах», хотя и соглашался с тем, что и этот образ, как и образ Штольца, — «фигура бледная, неясная — намек, так сказать», но это «намек на настоящее новое поколение, на лучшее его большинство» [1, VI, 471].

Полным отсутствием иронии в романе отмечена, в результате, только одна сюжетная линия — линия Ольги и Штольца. Если Обломов, как пушкинский Ленский и гончаровский Александр Адуев, прожил молодость в кругу «ни во что не верующей и все холодно, мудро анализирующей молодежи, но в душе у него теплилась вера в дружбу, в любовь, в людскую честь» [1, IV, с. 282], то жизненный опыт Штольца иной. Глядя на Ольгу, Штолец с изумлением отмечает: «как развилась эта девочка!», — и делает вывод: «Она перерастает меня!» [1, IV, с. 417, 419]. Иными словами, если А.С. Пушкин усилиями повествователя подводил ситуацию к тому, что изменившийся Онегин спустя годы разглядел Татьяну, то Гончаров стремился показать аналитическую работу нового типа человека — Штольца, увидевшего в Ольге значительную фигуру.

Для Гончарова с его всеопределяющим требованием «правдивости изображения» [1, IV, с. 469] всегда были важны общечеловеческие типажы — то, насколько его собственные герои вписываются в приобретенные с историей и развитием литературы людские параметры, или как его герои уживаются среди легендарных фигур, или как противостоят им. В уста Штольца писатель вложил размышление о «вечных» типах, в том числе отрезвляюще-иронические. Штолец наблюдал за «бесконечной вереницей героев и героинь любви»: он «глядел на дон-кихотов в стальных перчатках», «на пастушков» и «на их Хлой с барашками»; это были и «застрелившиеся, повесившиеся и удавившиеся Вертеры», и «наивные и сознательные дон-жуаны», и «умники, трепещущие подозрения в любви и тайне обожающие своих ключниц...» [1, IV, с. 467].

Лица, по убеждению Гончарова, должны «наслоиться в типы» [1, VI, 479]. В творческой переключке со многими великими писателями полемически, как правило, преобразуя характеры и ситуации и следуя собственным творческим установкам, и одновременно в стремлении вступить в диалог с «вечными» типами и «вечными» темами Гончаров широко использовал возможности иронии — и как конкретного, локального стилистического приема, и как идейно-эмоциональной модусной окраски изображаемого.

Ироническое мировидение писателя неизменно проникнуто гаммой чувств — от легкой усмешки до гневного указания на порок и катарсического сострадания. Часто эти нюансы отношения автора к воссоздаваемым фигурам или обстоятельствам, а также субъектно-персонажные коллизии и

оценки вступают в неоднозначное, сложное взаимодействие. В результате в иронической палитре писателя оказываются средства и для комической (от мягкой юмористической до жестко сатирической) разработки образов, и для воплощения тяжелых драматических и непримиримых трагических конфликтов как в душе героя, так и в его взаимоотношениях с миром.

Список литературы

1. Гончаров И. А. Собр. соч.: в 6 т. / под общ. ред. С. Машинского. – М.: Правда, 1972.
2. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А. Ф. Форма. Стиль. Выражение. – М.: Мысль, 1995. – С. 5-296.
3. Отрадин М. В. «Трудная работа объективирования»: Юмор в романе И.А. Гончарова «Обломов» // От Пушкина до Белого: Проблемы поэтики русского реализма XIX — начала XX века: Межвуз. сб. / под ред. В. М. Марковича. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. – С. 80-101.
4. Потеня А. А. Из записок по теории словесности // Потеня А. А. Теоретическая поэтика: Учеб. пособие / сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. – 2-е изд., испр. – СПб.: Академия, 2003. – С. 145-342.
5. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сб. ст. / сост., вступ. ст., коммент. М. В. Отрадина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

Типология нарратора в малой и средней прозе Ф. М. Достоевского

В статье проводится анализ произведений малой и средней прозы Ф. М. Достоевского с целью выяснения специфики нарратора (актора либо ауктора) и установления подтипа нарратора.

In the present article, different short stories by F.M. Dostoevsky are analyzed narratologically, with its aim to define their specific narrator type (actor or auctor) and further to point out narrator subtypes.

Ключевые слова: нарратор, актер, ауктор, актер-деятель, актер-свидетель, актер-мемуарист, эксплицитный ауктор, имплицитный ауктор.

Key words: narrator, actor, auctor, actor proper, witness actor, memorialist actor, explicit auctor, implicit auctor.

Понятие нарративности художественной литературы напрямую связано с наличием в структуре произведения сознания-посредника, нарратора. Как и всякое повествование литературное произведение представляет собой не непосредственно воспринимаемые явления действительности, а их символическую репрезентацию при помощи системы языковых знаков. По выражению Ц. Тодорова, «в литературе мы всегда имеем дело не с событиями или фактами в их сыром виде, а с тем или иным изложением событий» [4, с. 69]. Специфика художественной литературы как вида коммуникации формирует особые отношения между адресатом и адресантом речи, при которых непосредственный взаимный контакт между этими двумя инстанциями повествования отсутствует. На момент восприятия реципиентом письменной речи, первоначально принадлежащей автору произведения, адресат и адресант могут быть разделены пространственно и темпорально. Следовательно, для восполнения фактически пустующей позиции адресанта речи посредником в отношениях автора и реципиента выступает повествователь (нарратор). Именно нарратор является центральным элементом структуры любого повествования: именно он выступает посредником между событием и реципиентом, от него зависит угол восприятия, точка зрения, стиль изложения, иногда – эмоциональная оценка описываемых событий, что не может не отразиться на восприятии переработанных таким образом событий. в свою очередь, читателем (слушателем). Таким образом, именно нарратор является маркером нарративного типа произведения.

Термин «нарратор», используемый в работах С. Четмэна, В. Шмида, является в зарубежной нарратологии универсальным определением, объединяющим два русских термина «повествователь» и «рассказчик».

В. Шмид отмечает разницу между русскими понятиями, которую не маркирует западный термин: «"повествователь" обозначает более «объективную» ипостась нарратора, нежели "рассказчик"» [6, с. 63]. В данной статье мы, во избежание смешения терминов, будем применять термин «нарратор» для нейтрального обозначением инстанции «говорящего». Нарратор, в отличие от автора, принадлежит миру художественного произведения; это до некоторой степени разрешает противоречие между непосредственным и опосредованным восприятием пересказываемых событий. Для реального автора события художественного произведения являются вымышленными; для нарратора же они – предмет «реального» восприятия и переживания. В связи с указанными особенностями важно отметить, что, в свою очередь, отношения нарратора и повествуемых событий могут варьировать в зависимости от авторской интенции, точки зрения нарратора, типа повествования. Нарратор способен выступать в основных ипостасях актора и ауктора. Актор, или иначе диэгетический повествователь (термин Е. В. Падучевой) [3], является одновременно нарратором и персонажем описываемых событий. Актор персонифицирован, он «входит в мир текста: например, совершает какие-либо поступки; имеет хотя бы минимальную биографию; быть может, имеет собственное имя» [3, с. 203]. Ауктор, или экзегетический повествователь (термин Е. В. Падучевой) [3], находится вне описываемой ситуации (но – всегда – внутри художественного мира произведения), и направление восприятия нарратором ситуации определяется не как «изнутри – вовне», как в случае актора, а, напротив, «извне – внутрь».

Таким образом, можно выделить два основных типологических различия возможных вариантов функционирования нарратора в художественном тексте: степень персонификации нарратора в тексте – от конкретной личности до незримо присутствующего всезнающего повествователя; относительное положение нарратора и повествуемой ситуации – вовлечен ли он в описываемые им самим события, и насколько активно.

Поскольку, как уже было отмечено, нарратор является центральным элементом, определяющим нарративный тип произведения, мы считаем целесообразными существующие в нарратологии термины «акториальное» и «аукториальное» повествование, хотя существуют другие обозначения данных типов повествования, предложенные разными учеными. Так, описываются сценическое и панорамное повествование (П. Лаббок), диэгетическое и экзегетическое (Е. Падучева) [3], субъектная и объектная наррация (О. Фрейденберг) [5, с. 211-212].

Кроме уже описанных, возможен еще и третий вариант – отсутствие как бы то ни было выраженного нарратора. В таком случае повествовательный тип определяется как нейтральный, ближе всего стоящий к непосредственному восприятию реципиентом событий. По мнению исследователей, нейтральный тип наиболее характерен для драматических произведений, и только в редких случаях может присутствовать в эпосе.

Поскольку в нейтральном типе повествования отсутствует выраженный нарратор, данный тип не рассматривается в статье.

Богатство и разнообразие повествовательных типов в прозе Ф. М. Достоевского позволяет выделить среди рассматриваемых произведений великого писателя как имеющие в своей структуре повествователя, обладающего всеми признаками актора, так и те, в которых повествование ведется «со стороны», от ауктора. Однако ограничить многообразие типов нарратора, используемых Достоевским, названными вариантами значило бы незаслуженно оставить без внимания произведения, где нарратор занимает промежуточное положение, необходимым автору образом сочетая широту восприятия ауктора и глубину переживаний актора, либо те произведения, структурные части которых значительно различаются по своим нарративным характеристикам (вплоть до сосуществования двух или более различных типов повествования в рамках одного произведения).

Следовательно, внутри каждого из выделенных типов повествования существуют более подробные градации в соответствии с перечисленными выше критериями. Например, повествование от первого лица, или «я»-повествование [7] считается наиболее «субъективной» формой акториального типа. Действительно, нарратор, напрямую, непосредственно обращаясь к реципиенту (читателю либо слушателю), способен более адекватно передать в своей речи особенности своего мироощущения, взглядов и внутреннего мира – особенно если последний является основным объектом повествования. Именно это мы можем увидеть в повести «Белые ночи». Ощущение непосредственного обращения актора – автора дневниковых записей – с читателем усиливается с помощью повторяющихся обращений: «читатель», «любезный читатель». Наравне с действиями и чувствами героя перед нами открывается его восприятие окружающего мира: «Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы...» [2, II, с. 105]. Герой является центром собственной повествуемой ситуации. Его эмоциональные состояния составляют объект повествования, субъектом которого (актором) он является.

Эпистолярная форма повести «Роман в девяти письмах» также подразумевает акториальное повествование. В этом произведении два актора – Петр Иванович и Иван Петрович, по очереди каждый в своих письмах к другому – повествуют о происходящих с ними событиях. Выразительность повествования возрастает за счет проявляющихся в письменной речи героев особенностей, характерных для речи устной – обилия неполных и односоставных предложений, эмоциональных восклицаний, форм настоящего времени в значении прошедшего: «Смех и горе! представьте мое положение: я на бал – и один, без жены! Иван Андреич, встретившийся со мною в швейцарской, увидев меня одного, немедленно заключил (злодей!) о не-

обыкновенной страсти моей к танцевальным собраниям...» [2, I, с. 230]; «Мочи нет, батюшка!» [2, I, с. 231]; «Вчера в шестом часу... прискакал нарочный от дядюшки Степана Алексеича с известием, что с тетушкой худо. Боясь перепугать жену, не говоря ей ни слова, претекстную постороннее нужное дело и еду в дом тетушки. Нахожу ее едва живу» [2, I, с. 232].

В обоих описанных случаях персонажи присутствуют внутри повествуемых ими ситуаций как конкретные личности; более того, они активно участвуют в ситуации, и предметом их описания являются, в том числе, и собственные действия, мысли и чувства. Как нами уже было отмечено в отношении актора в произведении «Белые ночи», актер является одновременно субъектом и объектом наррации.

Как актер выступает и нарратор, от лица которого ведется рассказ в произведении «Елка и свадьба»: он присутствует в качестве конкретной личности внутри художественного мира произведения и внутри описываемой ситуации («На днях я видел свадьбу... но нет! Лучше я вам расскажу про елку. Свадьба хороша; она мне очень понравилась, но другое происшествие лучше. Не знаю, каким образом, смотря на эту свадьбу, я вспомнил про эту елку» [2, II, с. 95]; «Недавно я проходил мимо ***ской церкви; толпа и съезд поразили меня» [2, II, с. 100]). Следует, однако, отметить, что роль актора в повествуемых им событиях в этом случае ограничивается их восприятием, рефлексией и последующим переложением: «я видел», «я вам расскажу» и т.д., тогда как, например, актеры-рассказчики в ранее упомянутых произведениях «Белые ночи», «Роман в девяти письмах» не только свидетельствуют о развитии событий, но и сами активно влияют на них.

Похожую роль стороннего наблюдателя играет нарратор в произведении «Ползунков». Внимание его ни разу не обращается на самого себя: он наблюдает только за объектом повествования, раздумывает только о нем; на присутствие наблюдателя указывают только реплики: «Я начал всматриваться в этого человека... Мне казалось, то все его желание услужить происходило скорее от доброго сердца, чем от материальных выгод» [2, II, с. 5].

Данное различие не может, по нашему мнению, не оказать влияния на положение нарратора внутри ситуации. С другой стороны, поскольку все указывает на то, что рассказчика в том и другом случае следует считать актором, целесообразно будет выделить две группы акторов:

- 1) актер-деятель, который не только наблюдает ситуацию, но и активно действует в ней («Белые ночи», «Роман в девяти письмах»);
- 2) актер-свидетель, персонифицированный и находящийся внутри описываемой ситуации, однако роль которого в ней ограничивается восприятием и наррацией («Елка и свадьба»).

Особое место среди акторов, созданных Ф.М. Достоевским в рассматриваемый нами период, занимает нарратор в рассказе «Маленький герой».

Мемуарная форма придает повествованию уникальные особенности: с одной стороны, нарратор рассказывает о самом себе в возрасте одиннадцати лет, и это дает нам право считать повествование акториальным; с другой стороны, восприятие одиннадцатилетнего ребенка – объекта повествования – отличается от восприятия взрослого человека – мемуариста, что обусловлено закономерностями психологического развития [1], следовательно, неправомерно было бы считать, что восприятие объекта повествования и его субъекта полностью совпадают (хотя это одна и та же личность).

Как нами уже было отмечено, присутствие нарратора внутри ситуации не позволяет нам усомниться в определении его как актора, однако следует сделать оговорку, что подобный тип актора-мемуариста также имеет свои уникальные особенности.

Аукториальное повествование предполагает нарратора, присутствующего внутри художественного мира произведения, но непосредственно вне повествуемой ситуации. Восприятию ауктора доступно то, что лежит за пределами восприятия персонажей: нарратор в повести «Хозяйка» рассуждает об Ордынове: «Он одичал, не замечая того... В нем было более бессознательного влечения, нежели логически отчетливой причины учиться и знать» [2, I, с. 265], подчеркивая то, что сам герой знать этого о себе не мог. Подобные «панорамные» [термин П. Лаббока. – *Е.П.*] суждения о герое высказывает нарратор в повести «Двойник»: «Вообще во всех подобных обстоятельствах любил наш герой оправдывать себя в собственных глазах своих разными неотразимыми резонами...» [2, I, с. 145]. В названных произведениях нарратор никоим образом не обозначает своего присутствия внутри ситуации – ни того, когда, как и при каких обстоятельствах он видел героя, ни того, что он вообще когда-либо с ним встречался или от кого о нем слышал. В данном случае в текстах вообще отсутствуют указания на присутствие нарратора в ситуации, что и дает нам право относить данные произведения к аукториальному типу повествования.

Однако возникает вопрос, к какому из двух вариантов отнести случаи, когда нарратор обладает лишь некоторыми из указанных типологических признаков. В этом смысле интерес представляет, в частности, рассказ «Господин Прохарчин». В качестве нарратора здесь присутствует «биограф», как он сам себя называет, обозначающий себя в третьем лице или как «мы»: «Здесь биограф сознается, что он ни за что бы не решился говорить о таких нестоящих, низких и даже щекотливых, скажем более, даже обидных для иного любителя благородного слога подробностях, если бы во всех этих подробностях не заключалась одна особенность, одна господствующая черта в характере героя сей повести...» [2, I, с. 242]. Нарратор предпочитает сделать свое присутствие явным для читателя, однако подчеркнута отстраненность от ситуации, выходит за ее пределы. В связи с последним можно определить его в данном случае как ауктора; тем не менее,

следует отметить данный особый тип эксплицитного aukтора, отличительной чертой которого является частичная персонификация на грани ситуации, но не внутри нее. Похожие особенности имеет нарратор в рассказе «Чужая жена и муж под кроватью», где присутствие его ограничивается замечаниями вроде «Мне всегда тоже бывает страшно за дамские бинокли...» [2, I, с. 63] или «Признаюсь, я даже совещусь сказать, что к нему слетело на голову...» [2, I, с. 63]. В повести «Слабое сердце» нарратор («автор») также появляется, хотя, за исключением этого, повествование является aukториальным: «Автор, конечно, чувствует необходимость объяснить читателю, почему один герой назван полным, а другой уменьшительным именем...» [2, II, с. 16].

Таким образом, сравнение и сопоставление различных произведений малой и средней прозы Ф.М. Достоевского приводит нас к выводу, что они подразделяются на следующие две группы:

1) произведения с нарратором – эксплицитным aukтором, который, не будучи включен в повествуемую ситуацию, все же присутствует за ее пределами или на грани как конкретная личность;

2) произведения, где нарратор является aukтором имплицитным, проявляя свое присутствие лишь в рассуждениях, особенностях восприятия ситуации, героя, их оценки, но в остальном «невидимый и вездесущий».

Спорное положение в данной системе оказывается у повести «Неточка Незванова». С одной стороны, героиня, ведущая повествование о себе самой и своей семье от первого лица, более того, включающая в повествование описание своих личных чувств и рефлектирующая, – несомненно, должна являться актором: «С этой минуты началась во мне какая-то безграничная любовь к отцу, но чудная любовь, как будто вовсе не детская...» [2, II, с. 160]. С другой стороны, описывает она и события, свидетелем которых быть не могла: «Прочтя это письмо, помещик был в глубоком изумлении...» [2, II, с. 145]; «Граф был вне себя от гнева, услышав такое ужасное обвинение...» [2, II, с. 146]; «Помещик повторил свой вопрос, и какое-то глубокое чувство, какая-то странная тоска звучала в словах его» [2, II, с. 146]. Такой выход за пределы собственного восприятия и собственного угла зрения нехарактерен для актора и подходит, скорее, aukтору. Следовательно, закономерно будет указать на промежуточное положение нарратора данного произведения между актором и aukтором.

Итак, мы рассмотрели и сопоставили различные малые и средние произведения Ф.М. Достоевского по следующим критериям: степень персонификации нарратора в тексте; присутствие или отсутствие нарратора в пределах повествуемой им ситуации.

В результате были выявлены следующие типы нарратора:

1) актер-деятель, персонифицированный в повествовании, находящийся и активно действующий внутри повествуемой им ситуации;

2) актер-свидетель, персонифицированный в повествовании, находящийся внутри повествуемой ситуации, но не играющий в ней никакой роли, кроме роли наблюдателя;

3) актер-мемуарист, персонифицированный в повествовании, присутствовавший внутри ситуации в момент ее развертывания, однако, возможно, несколько отличающийся по особенностям восприятия, мышления от персонажа (например, по возрастному признаку);

4) эксплицитный aukтор, частично или полностью персонифицированный в повествовании, находящийся за пределами повествуемой ситуации, как, например, биограф или автор литературного произведения;

5) имплицитный актер, явных указаний на присутствие которого в повествовании нет, кроме неявно отраженных в тексте особенностей его восприятия, отношения к персонажам и ситуации и т.п.

Выявленные типы перечислены нами в порядке от максимально выраженного акториального повествования до максимально выраженного aukториального повествования. Особый повествовательный тип, наблюдаемый нами в повести «Неточка Незванова», не включен в данный список по причине своего промежуточного положения между актором и aukтором, поэтому его следует отметить отдельно.

Список литературы

1. Войткова Н. К. Ребенок-повествователь: гендерный аспект // Новые возможности общения: достижения лингвистики, переводоведения и технологии преподавания языков: сборник материалов научно-практической конференции (с международным участием). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 44-50.

2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1984.

3. Падучева Е. В. Семантика нарратива: Язык художественной литературы как предмет лингвистики // Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Языки русской литературы, 1996. – С. 193-398.

4. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «За» и «против» / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 37-113.

5. Фрейденберг О. М. Происхождение наррации // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – М., 1978. – С. 206-230.

6. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003.

7. Шуников В. Л. «Я»-повествование в современной отечественной прозе: принципы организации и коммуникативные стратегии: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2006.

Сценичность прозы М. А. Булгакова

В статье рассматривается структура повествования булгаковской прозы через призму сценичности. Взаимодействие повествовательных форм, стилевая неоднородность, обращенность к аудитории, ярко выраженный речевой план персонажа – черты, позволяющие говорить о сценичности прозы М.А. Булгакова.

The article considers the narration structure of Bulgakov's prose in the light of the staginess. The interaction of narrative forms, the style non-uniformity, addressing to the reader, brightly expressed speech aspect of the character are the features which allow to speak about the staginess of Bulgakov's prose.

Ключевые слова: проза, повествование, сценичность, персонаж.

Key words: prose, narration, staginess, character.

Прозу М. А. Булгакова в жанровом и стилевом аспектах нельзя охарактеризовать или классифицировать однозначно, так как для неё характерны жанровый симбиоз и стилевая неоднородность. Нам представляется интересным исследовать особенности повествовательной организации булгаковской прозы с точки зрения её сценичности. Впервые на сценичность как свойство повествования указал немецкий ученый-литературовед Ф. Штанцель, оспоривший традиционную точку зрения на природу эпики. По его мнению, эпическое повествование осложняется сценическим изображением, осуществляемым с позиции персонажа и ориентированным на читателя, который «считает себя современным на сценической площадке события». «Как следствие этого, – пишет ученый, – эпический претеритум изображения может здесь отказаться от своего значения прошлого и обозначать событие, которое представлено как современное, в то время как при сообщающем способе повествования значение прошедшего у эпического претеритума изображения не отменяется» [5, III, с. 14]. Таким образом, сценичность эпического текста определяется качественными характеристиками прозы и процессами, протекающими в литературе.

К началу XX века происходит движение от объективного авторского повествования к субъективному [4, с. 76]. Повествование теперь характеризуется субъектной многоплановостью, многообразием форм, преобладанием персонажной речи и диалогов. В эпическое произведение все больше и больше проникают монологические и разговорные конструкции, создающие иллюзию сиюминутности происходящего, при этом персонаж становится героем или очевидцем изображаемых событий. Авторская субъективность проникает и в объективное повествование в виде риторических вопросов и

восклицаний, многоточий, обращений к читателю. Такие приемы сообщают тексту разговорность и установку на аудиторию. Кожевникова Н. А. отмечает сопричастность писателя к происходящему в литературе в целом, говоря, что «субъективное авторское повествование последовательно используется в прозе Булгакова» [4, с. 77].

Итак, организующим началом булгаковской прозы является субъективное авторское повествование, отличающееся повествовательной и стилевой неоднородностью, обращенностью к аудитории, субъективностью оценок, ярко выраженным речевым планом персонажа. Взаимодействие повествовательных форм, приемов было обусловлено глубокими историческими причинами и законами творческой природы таланта писателя. В силу объективных причин, специфическими чертами писательской манеры Булгакова-прозаика стала сценичность повествования и свойственные ей экспрессивность, визуализация, сценичность. Эмоционально-экспрессивный стиль булгаковской прозы способствовал драматизации повествования и созданию эмоционального тона, ориентированного на устную речь. На эту особенность булгаковской прозы указывает А. А. Горелов, по мнению которого «энергия устно-обращенной речи у Булгакова – излюбленный стилистический приём» [3]. Для нас принципиально важна эта «... сопряженность кусков прозы с драматургическим канонам, вторжение лирической экспрессии через посредство абстрагированных монологических фраз сценически-риторического типа» [3, с. 53] в прозе писателя, на которую указывали многие исследователи [2; 4], но которую мы попытаемся связать с общими принципами организации прозы в художественной системе Булгакова-прозаика.

Установка на устную интонацию ведения повествования, преобладание диалога – все эти черты характерны для булгаковской малой прозы («Спиритический сеанс», «Московские сцены», «Записки юного врача», «Путевые заметки»). Такие структурные и стилевые особенности напрямую связаны с жанровой системой писателя. Преобладающими в этот период творчества были рассказ, сатирический рассказ-сценка, фельетон, («Спиритический сеанс», «Московские сцены», «Столица в блокноте»). Рассказ-сценка – это яркая зарисовка быта, нравов, явления или события, выхваченная из действительности и представленная в виде диалога. Сатирические рассказы-сценки стали своеобразным звеном цепи между прозой и драмой. Жанр сценки изначально принадлежал театру, но затем писатели XIX – XX веков (А. П. Чехов, М. Зощенко, М. А. Булгаков) стали совмещать жанровые каноны рассказа и драматической сценки. Здесь, на наш взгляд, кроются истоки драматургической поэтики многих рассказов и повестей писателя. В ранних булгаковских вещах, как правило, нет никаких предварительных подробных описаний обстановки, развернутых экспозиций и предысторий. Исходная сюжетная ситуация обозначается в первой же фразе. Как, например, в рассказе «Спиритический сеанс», начинаю-

щемся с прихода гостей. Повествование выстраивается по принципу анекдотичности, предполагающей особый комический эффект, и начинается со слов: «Дура Ксюшка доложила:

– Там к тебе мужик пришёл...

Madam Лузина вспыхнула:

– ...Какой такой мужик? И выплыла в переднюю» [1, I, с. 237]. Сюжет рассказа прост: в квартиру Лузиных собираются гости для участия в спиритическом сеансе. Герои рассказа – обычные московские граждане (madam Лузина и ее муж Павел Петрович, «друг семьи» Ксаверий Антонович Лисиневич, Леночка, квартирант, Софья Ильинична, Боборицкий с невестой Ниночкой). Кажется, ничего необычного, кроме хорошо проведенного времени в приятной компании, произойти не может, но самая обыденная ситуация оборачивается непредсказуемым финалом. Испуганная темнотой и таинственностью происходящего домработница поспешила к подругам поделиться впечатлениями: «Заперлись они, девоньки... записывают про императора и про большевиков... Темно в квартире, страсть!.. Жилец, барин, барыня, хахаль ейный, учительша...» [1, I, с. 242]. Алогизм проникает в повествовательную ткань и создает комическую коллизию. Так, не поняв смысла слов Леночки, обращенных к императору Наполеону, и интерпретировав их по-своему, а затем, услышав вопрос Боборицкого о власти большевиков, Ксюшка, распираемая любопытством и желанием разнести новость, становится невольной виновницей случившегося казуса. «Бравый» в «необыкновенных штанах» случайно услышал разговор домработницы с Машей нижней и невинную шутку принял за политический заговор. Выстраивая повествование по принципу градации, повествователь в финале саркастически замечает, что дух превзошёл все ожидания, грянув в дверь «как будто сразу тремя кулаками» [1, I, с. 242]. Затем он материализовался, представ перед замершими «снежнобледными спиритами» «весь кожаный, начиная с фуражки и кончая портфелем» и со зловещей ухмылкой произнёс:

« – Ваши документы, товарищи...» [1, I, с. 245].

Конструктивным принципом рассказа «Спиритический сеанс» стал диалог персонажей, так как повествование здесь «существует» лишь в виде коротких иронических комментариев повествователя. Эффект сценичности создается за счет преобладания чужой речи над авторской, а также за счет взаимодействия сразу нескольких точек зрения. Все события в рассказе поданы и с точки зрения автора-повествователя, и с позиции персонажей, что вносит в текст диалогичность. Звучание «живых» интонаций связано со множеством разговорных вводных конструкций, присутствующих в повествовании («видимо», «по-видимому», «мало того», «очевидно») и придающих ему особую экспрессивность и эмоциональность. Все вышеуказанные речевые приемы создают именно тот элемент сценичности, на который указывал Штанцель, – повествование ведется в разговор-

ном тоне, а у читателя создается впечатление подлинной достоверности происходящего («на глазах» у публики).

Легкая ироническая манера сообщает тексту комедийный характер и шаржированность образов. Портреты и окружающая обстановка поданы в сатирически-гротескном ключе и предельно лаконично. Описание как композиционная форма речи и как неизменный атрибут художественного прозаического текста, традиционно являющийся приметой писательского стиля, в булгаковской прозе носит несколько иной характер – оно сжато, иногда схематично, но всегда визуализировано и метафористично. Богатые по своей фактуре описания в произведениях Гоголя, Тургенева, Гончарова, Толстого дают возможность говорить об их эпичности. И, наоборот, в произведениях Достоевского описания минимальны, что также явилось отличительной чертой стиля писателя. Применяя этот критерий к булгаковской малой прозе, можно отметить, что в ней контаминированы крайняя сжатость описаний с развернутыми лирическими пассажами (например, в очерке «Город-Киев»), – свойство, перешедшее затем и в повествовательную структуру больших романов. Данный рассказ не является исключением. Писатель буквально несколькими штрихами рисует обстановку действия. Портреты героев также не содержат перечня портретных деталей, сопровождаемых авторскими комментариями. Это своего рода сатирические портреты-шаржи. Например, Бравый – персонаж, олицетворяющий «дух» эпохи, не наделен какими-либо личностными чертами. Автор создает гротесковый портрет, выражающий собирательный образ «железного человека» «железного века»: у Бравого «...квадратная бронзовая грудь», «голова с золотыми буквами на лбу», а на бедре у него «тускло и мрачно глядело из кожаной штуки востроносое дуло...» – символ власти [1, I, с. 242].

Эпизод самого сеанса дан предельно сценично: «В дымной тьме Сократ, сменивший Наполеона, творил чудеса. Он плясал как сумасшедший, предрекая большевикам близкую гибель. Потная Софья Ильинична, не переставая, читала азбуку. Руки онемели у всех, кроме Ксаверия Антоновича. Мутные беловатые силуэты мелькали во мгле. Когда же нервы напряглись до предела, стол с сидящим в нем мудрым греком колыхнулся и поплыл вверх» [1, I, с. 243]. Поскольку изображение дается в динамике, в результате возникает визуализированная «картинка», а использование глагольной лексики придает повествованию особый динамизм совершающихся «здесь и сейчас» событий.

Стремительное развитие конфликта, ярко выраженные кульминация и развязка, в некотором смысле, родственные драматургической поэтике – это те черты, которые сближают данный рассказ с драматической сценкой комедийного характера. Таинственность названия исчезает сразу и читателю представляется комедия нравов. В яркой сценической манере показан

эпизод из жизни затхлого интеллигентско-мещанского мирка с его безыскусным адюльтером и духовной ограниченностью.

Рассказ «Московские сцены» построен примерно по такому же принципу, начинаясь с диалога: «- Ну-с, господа, прошу вас, любезно сказал хозяин и царственным жестом указал на стол» [1, I, с. 283]. Разница лишь в смене носителей речи, теперь субъектом повествования становится герой-рассказчик, который без лишних предисловий переходит к изображению событий. Как может показаться на первый взгляд, в основу сюжета положена бытовая коллизия, но если проникнуть в глубину авторской иронии, то без труда прочитывается и социально значимая проблематика, красной нитью проходящая через всё булгаковское творчество и нашедшая яркое воплощение в сатирической линии романа «Мастер и Маргарита», – квартирный вопрос. Рассказчик попадает в квартиру к бывшему присяжному поверенному, поведавшему ему историю, полную комических перипетий, о спасении своей квартиры от уплотнения. Форма повествования от первого лица позволяет представить события, словно происходящими в настоящий момент и на глазах у читателей: «Мы, не заставив себя просить вторично, уселись и развернули стоящие дыбом крахмальные салфетки...» [1, I, с. 283].

Рассказ персонажа, передает его видение происходящего в момент свершения события, то есть как бы сцена «разыгрывается», и в ней участвует герой на правах действующего лица. Сценичность здесь реализуется именно представлением персонажа как действующего лица, причем, происходит соблюдение сценической условности, так как сцена за столом воспроизводит диалог между гостями, снабженный короткими ремарками-комментариями. Например: «Первоапрельское солнце ударило в окно и заиграло в рюмках.

– Вот и весна, слава Богу; измучились с этой зимой, сказал хозяин и нежно взялся за горлышко графинчика.

– И не говорите! – воскликнул я и, вытащив из коробки кильку, вмиг ободрал с неё шкуру, затем намазал на кусок батона сливочного масла, прикрыл его килечным растерзанным телом и, любезно оскалив зубы в сторону Зинаиды Ивановны, добавил: – Ваше здоровье!» [1, I, с. 283]. Отсутствие развернутых авторских рассуждений, их предельная сжатость, ярко выраженная точка зрения персонажа, преобладание диалога позволяют говорить о сценичности повествования в данном тексте.

Таким образом, ранняя малая проза Булгакова неоднородна и по жанровому и по стилевому составу. Фельетоны, рассказы и сценки, наполненные комедийными мотивами, остроумными каламбурами, передают общий тон современной жизни, представленной как алогичный и пошлый мир, в котором обыватели забавны и ничтожны одновременно. Мир их интересов скуден, а круг претензий велик и от этого смешон и нелеп. Особая, присущая булгаковскому повествованию экспрессия, каламбуры, ирония, дохо-

дящая до сатиры, театральность в изображении событий, поведения героев, позволяют говорить о сценичности повествования в ранней малой прозе.

Видовая диффузия, ставшая ведущим принципом художественной прозы Булгакова и специфической особенностью его стиля, проявилась и в романе «Белая гвардия». Стиль романного повествования полон внутреннего динамизма и драматизма. Романное повествование напряжено до предела, и способно раскрывать не только трагическую сущность исторических, жизненных противоречий, но и выражать идейные муки героя, содержанием которых стала изображаемая в романе действительность. Как, например, в приведенном нами отрывке, где в лирическом отступлении автор не просто размышляет, а пытается найти подтверждение своим размышлениям у аудитории, к которой, и обращен авторский риторический вопрос: «Кончено. Немцы оставляют Украину. Значит, значит – одним бежать, а другим встречать новых, удивительных, незваных гостей в Городе. И, стало быть, кому-то придётся умирать. Те, кто бегут, те умирать не будут, кто же будет умирать?» [1, II, с. 145]. Данное монологическое обращение автора драматизирует действие, вводит момент диалогичности и в повествование, и в авторскую оценку событий. Вообще, рассматривая поэтику булгаковской прозы, с точки зрения воздействия на неё театральной эстетики, необходимо отметить, что писатель в своём творчестве создаёт особую модель прозы и заложенных в ней художественных возможностей. Экспрессивность разговорной речи, лёгкая ироничность и афористичность стали неотъемлемой её частью. Так, в тексте часты фразы «сценически-риторического типа»: «О, только тот, кто сам был побеждён, знает, как выглядит это слово! Оно похоже на комнату, в которой по обоям ползёт зелёная плесень, полная болезненной жизни. Оно похоже на рахитиков, демонов ребят, на протухшее постное масло, на матерную ругань женскими голосами в темноте. Словом, оно похоже на смерть [1, II, с. 145].

Эмоционально-чувственная реакция, характерная для сценической постановки пьесы, проникает и в повествовательную ткань, становясь приметой булгаковской прозы. Чтобы прояснить сказанное, приведем пример, когда в авторское повествование вторгаются экспрессивные «абстрагированные монологические фразы», свойственные для театральной речи: «Ах, Боже мой, Боже мой! Тогда было солнце, шум и грохот. И Максим тогда был не такой, как теперь, - белый, скорбный и голодный. У Максима на голове была чёрная сапожная щётка, лишь кое-где тронутая нитями проседи, у Максима железные клещи вместо рук и на шее медаль величиною с колесо на экипаже... Ах, колесо, колесо. Всё-то ты ехало из деревни «Б», делая N оборотов, и приехало в каменную пустоту. Боже, какой холод. Нужно защищать теперь... Но что? Пустоту? Гул шагов?.. Разве ты, ты, Александр, спасёшь Бородинскими полками гибнущий дом? Оживи, сведи их с полотна! Они пбили бы Петлюру» [1, II, с. 181]. Как видим, для булгаковской манеры повествования характерна удивительно яркая зрительно-

изобразительная концентрация образов, деталей, моментов духовной жизни героев. Повествование проникнуто огромной эмоционально-чувственной реакцией, как самого автора, так и героя (Алексея Турбина). Все три примера несут на себе следы сценичности. Булгаков не столько излагает мысль в традиционном для эпики качестве, сколько показывает её. При этом писателем используется широкий спектр изобразительных средств, начиная от чисто эпических приемов до приемов драматургической и сценической поэтики. Сжатость, точность, метафористичность, гротесковость повествования – отличительные черты булгаковской прозы в целом. Слово становится театрально-масочным, как, например, в сцене переодевания гетмана: «И во дворце, представьте себе, тоже нехорошо. Какая-то странная, неприличная ночью во дворце суета. Через зал, где стоят аляповатые золоченые стулья, по лоснящемуся паркету мышинной пробежкой пробежал старый лакей с бакенбардами. Где-то в отдалении прозвучал дробный электрический звоночек, прозвякали чьи-то шпоры. В спальне зеркала в тусклых рамах с коронами отразили странную неестественную картину. Худой, седоватый, с подстриженными усиками на лисьем бритом пергаментном лице человек, в богатой черкеске с серебряными газырями, заметался у зеркал....» [1, II, с. 186-187]. Здесь в глубоко образном ключе разыграна целая сцена, причем образность эта имеет театральные корни. Богатая жестовая палитра, создающая пластику и рельефную изобразительность образов в этом эпизоде, стали принципами особой повествовательной манеры, тяготеющей к театральной эстетике.

Таким образом, справедливо было бы предположить, что Булгаков-прозаик – это писатель универсального стилистического диапазона. Для его повествовательной манеры характерны сценичность, переключение одного плана повествования в другой, стилевая неоднородность, возникновение нескольких идейных и стилевых пластов.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 8 т. / сост., ред. и коммент. В. И. Лосева. – СПб., 2002.
2. Галимова Е. Ш. Поэтика повествования русской прозы XX века (1917-1985 гг.): дис. ... д-ра филол. наук. – Архангельск, 2000.
3. Горелов А. А. Устно-повествовательное начало в прозе Михаила Булгакова // Творчество М. Булгакова: исследования, материалы, библиография. – СПб.: Наука, 1991. – С. 50-61.
4. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. – М.: Институт русского языка РАН, 1994.
5. Теория литературы. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – Т. III. Роды и жанры (Основные проблемы в историческом освещении).

Мотивы лабиринта и корабля в мировой литературе

В статье исследуются мотивы лабиринта и корабля в мировой литературе на примере избранных произведений У. Эко, Х. Борхеса, Р. Желязны, Ф. Дюрренматта, У. Голдинга и Г. Норминтона. Два древнейших архетипических образа мирового искусства рассматриваются как структурообразующие компоненты произведений художественной литературы на протяжении всей истории ее развития: от античных мифов до романов эпохи постмодерна.

The article is devoted to the research of motive of labyrinth and ship in the world literature based on the selected works by U. Eco, J. Borges, R. Zelazny, F. Durrenmatt, W. Golding and G. Norminton. Two oldest archetypal images of the world art are regarded as structureforming components of the fiction literature at the course of its development: from ancient myths to postmodern novels.

Ключевые слова: мотив, лабиринт, корабль, символ, образ, поиск, путь, постмодернизм, инициация.

Key words: motive, labyrinth, ship, symbol, image, quest, way, postmodernism, initiation.

Мотив лабиринта, начиная с античных времен и до наших дней, является символом бытия, круговорота жизни, идеи вечного возвращения, а также бесконечного поиска. Лабиринт – это всегда путь, скитание, инициация, а также метафора выбора дороги. В XX столетии мотив лабиринта вновь становится популярным, приобретая новые оттенки значения. Умберто Эко в «Заметках на полях “Имени Розы”» выделяет три типа лабиринта: лабиринт Тесея, в котором все пути ведут к центру; маньеристический лабиринт – с единственной дорогой к выходу; лабиринт-ризому, в котором «нет центра, нет периферии, нет выхода» [5, с. 14]. По мысли Эко, лабиринт Тесея и маньеристический лабиринт соответствуют борхесовской модели, так как они системны и структурны. В рассказе Борхеса «Вавилонская библиотека» создан образ фантастического книгохранилища, которое являет собой бесконечный лабиринт, имеющий четкую структурную организацию. Люди, плутающие среди бесконечных книжных полок, словно в лабиринте, потеряли всяческие ориентиры. Одни разочаровались в существовании смысла и цели, а, следовательно, выхода из лабиринта. Другие страстно верят в пришествие мессии, который укажет им выход. Третьи, как герой борхесовского рассказа, пытаются осознать устройство мироздания, понять закономерности его существования, найти себя в бесконечном лабиринте.

Мотив лабиринта в творчестве Борхеса присутствует также в рассказе «Сад расходящихся тропок». Сама структура рассказа напоминает схему лабиринта. Пускаясь на поиски дома Альберта, герой получает указание все время сворачивать налево: «Указание сворачивать всякий раз налево напомнило мне, что таков общепринятый способ отыскивать центральную площадку в некоторых лабиринтах» [1, с. 133]. По пути к дому герой мечтает об утраченном лабиринте: «Нетронутый и безупречный он представился мне стоящим на потаенной горной вершине, затерявшимся среди рисовых полей или в глубинах вод, беспредельный... Я подумал о лабиринте лабиринтов, о петляющем и растущем лабиринте, который охватывал бы прошедшее и грядущее и каким-то чудом вмещал всю Вселенную» [1, с. 135]. Приблизившись к дому, он видит петляющие аллеи, ведущие к нему. Пройдя библиотеку (борхесовский вариант лабиринта), герой попадает в центр здания, в котором замечает лабиринт из слоновой кости и книгу деда «Сад расходящихся тропок» – здесь он получает ответ на вопрос, волновавший не одно поколение его рода.

Классический лабиринт, символизирующий странствия человека в поисках собственной личности, Борхес расширяет, дополняя его значение новой трактовкой: лабиринт становится символом многомирия, бесчисленного количества временных пластов, в которых жизнь одного и того же человека развивается в соответствии с бесконечным числом разнообразных сюжетов.

Интерпретация мотива лабиринта у Эко также представляется интересной. Монастырская библиотека в «Имени Розы» построена по аналогии с Вавилонской библиотекой Борхеса: она имеет четкую структуру, каждое помещение книгохранилища имеет свое географическое название. Однако если герою Борхеса удастся выполнить свое предназначение, то герой Эко терпит поражение. Вильгельм, центральный персонаж «Имени Розы», решает загадку лабиринта, но во всех остальных отношениях он проигрывает: ему не удается предотвратить убийства, спасти книгу, более того по его вине крупнейшая средневековая библиотека погибает в огне. По мысли Эко, разгаданный лабиринт подлежит разрушению. Таким образом, на смену классическому лабиринту приходит лабиринт-ризом.

Мироздание «Хроник Эмбера» Роджера Желязны зиждется на Образе (Pattern): «Образ управляет Эмбером и ... всей Тенью, которую не захватил Хаос. Только существование Образа и сдерживает наступление Хаоса» [3, с. 849]. Образ напоминает замысловатый рисунок фантастического лабиринта, состоящий из Вуалей и Великой Кривой, движение по которым требует сосредоточенности и максимального напряжения воли. Лабиринт-Образ Желязны, если следовать классификации, предложенной Умберто Эко, является лабиринтом Тесея: он отличается структурностью, имеет единственный вход, целью его прохождения является центр. Согласно древнегреческому мифу, лабиринт в Кноссе был построен легендарным

изобретателем и архитектором Дедалом. Образ в «Хрониках» был начертан прародителем янтаритов, художником Дворкиным. Оба лабиринта скрыты глубоко под землей, но несут в себе символы небесного, земного и подземного миров. Прохождение Образа является последней стадией взросления янтаритов: они постигают мироздание, обретая власть над мистическими силами. Образ, как и лабиринт Тесея, выступает в качестве символа структуры мироздания, а также как способ самоидентификации (Корвин на протяжении романа несколько раз проходит Образ, каждый раз обретая все большую силу, все глубже понимая самого себя – процесс индивидуализации завершается начертанием собственного Образа). С другой стороны, по признанию самого Желязны, в основе Образа лежат представления о Древе Жизни или Сфирот Кабалы. Путь познания и совершенствования в Кабале заключается в последовательном прохождении ступеней «Древа Жизни», начиная с 10 и выше. Прохождение Образа в «Хрониках» состоит в преодолении Вуалей (Veils). Образ обладает сложным строением и символизирует планетарную структуру, как и лабиринт Борхеса; как и У. Эко, Желязны утверждает необходимость переосмысления структуры, смены лабиринта. Образ испорчен, его система разрушена, линии прерваны, добраться до центра более не представляется возможным. Образ «Хроник» – это еще и человеческое сознание (мозг человека в разрезе напоминает лабиринт, состоящий из кривых). Испорченный Образ может быть интерпретирован как неполноценный мозг, ущербное больное сознание, лишившее человека способности логично мыслить. Главный герой «Хроник» Корвин, в отличие от пассивных персонажей борхесовской прозы, изменяет мир вокруг себя, принимая активное участие в происходящих вокруг него событиях. По мысли Желязны, окружающий людей мир зависит от внутреннего состояния каждого отдельного человека. Следовательно, мир можно изменить, устранив все «неполадки», а в случае, если это невозможно, создать новый.

Мотив лабиринта в дальнейшем получает широкое распространение в литературе конца XX столетия. Роман известного швейцарского писателя Фридриха Дюрренматта «Зимняя война в Тибете» (*Der Winterkrieg in Tibet*, 1981) повествует о солдате, сражающемся в «бесконечных войнах» [2, с. 12] в тибетских горах: изрытые шахтами и туннелями горы представляют собой запутанный лабиринт, в котором герой не только теряет человеческий облик, но и утрачивает цель своего существования. Борясь с «врагами», он в действительности борется с бесцельностью своего существования в лабиринте мира. Убивая, солдаты-наемники обретают цель: «Надежда обрести хоть какую-то цель придает им силы, в которых они так нуждаются, поиск цели помогает им вынести всю эту мясорубку» [2, с. 58]. Горы, на фоне которых разворачивается «Зимняя война», являются собой лабиринт без цели, а, следовательно, без выхода и без ответа. В соответствии

с классификацией лабиринтов, предложенной Умберто Эко, лабиринт Дюрренматта относится к лабиринту-ризоме.

Мотив лабиринта получает широкое распространение в западноевропейской литературе второй половины XX столетия. Писатели обращаются к образу лабиринта как к символу человеческой жизни – весьма сложной и запутанной. Затрагивая проблему поиска человеком цели своего существования, выхода из хаоса и бессмысленности жизни, обретения истины, авторы предлагают различные варианты ее решения. Если писатели 60 – 70-х годов верили в возможность выхода из подобного лабиринта, приводя своего героя к смысловому центру, то прозаики эпохи 80 – 90-х окончательно разочаровались в возможности познания человеком истины.

Не менее значимым в мировой культуре является мотив корабля (в частности, Корабля Дураков), получивший широкое распространение в различных произведениях искусства. Это древнейшее судно плывет к нам издалека. Но, несмотря на прошедшие с начала морского вояжа столетия, его экипаж все так же весел и беззаботен, и паруса все так же туго натянуты попутным ветром – плавание еще не окончено, а значит история путешествий продолжается...

В мировом искусстве на протяжении нескольких тысячелетий сосуществуют бок о бок корабли всевозможных форм и строений, образующие флотилию всех Времен и Народов. Есть там героические античный корабль аргонавтов, и скандинавские суда легендарного Одина, и созданный из ногтей мертвецов Нагльфар, и ветхозаветный Ноев Ковчег, и трагический Летучий Голландец романтиков Кольриджа, Гейне и Вагнера. Но более всех выделяется на общем фоне Дурацкая Флотилия, на судах которой горланит песни, пирует и веселится под несмолкаемую какофонию разношерстная компания! Пассажиры, рискнувшие отправиться в морской вояж на столь сомнительных судах, поразительным образом походят друг на друга. На каждом есть свой шут и пьяница, скромница и ворчунья, праведник и обжора – как будто бы Ноев Ковчег где-то в другом параллельном измерении был призван спасти по паре каждого типажа, который когда-либо знала история человеческого рода. Каждое судно этой Флотилии носит одно и то же имя, словно клеймо, – Корабль Дураков – прочно закрепившийся в западноевропейском сознании символ сбившегося с истинного пути человечества.

Наиболее значительным художественным воплощением этого мотива, наряду с поэтическим произведением Бранта и аллегорией Рабле, стал подлинный шедевр средневековой живописи – легендарное полотно Иеронима Босха. Гораздо более поздние образцы, с поразительной точностью воспроизводящие оригинал одного из самых значительных символов мирового искусства также представляют немалый интерес. Речь в данном случае идет о романе Портер, морской трилогии Голдинга, кинопритче Феллини и средневековом пастише молодого британского писателя Грег-

ри Норминтона. Ни один из выше перечисленных авторов не смог бы уклониться от прямого ответа на вопрос, чье влияние он испытал при создании своей версии «Корабля Дураков». Первоисточник проглядывает отовсюду, и дело здесь не в типологических схождениях, а намеренном цитировании прообраза, изначальном желании указать на оригинал. Но не только... В произведениях, о которых речь пойдет ниже, также предпринята попытка ведения спора с мастером, заставившим все будущие поколения вглядываться в пассажиров его ореховой скорлупы. С чем же не согласны Голдинг и Норминтон?

Начнем, однако, с общей характеристики их произведений. И в морской трилогии Голдинга «На край света», и в романе Норминтона «Корабль дураков» морское судно является центральным образом. Общим для всех трех судов является количество их пассажиров. Двенадцать главных героев картины Босха в точности продублированы в романе Норминтона (каждый из них рассказывает свою притчу) и в морской трилогии Голдинга: Тэлбот – пловец, Зенобия – пьяная баба, мисс Грэнэм – монашка, Саммерс – раскаявшийся пропойца, Колли – шут, Приттимен – монах, Андерсон, Деверель и Камбершам – певцы-горлопаны, мистер Брокльбанк – разбуженный пьяница, Бене – обжора, Виллер – попрошайка. Заметим, что у Голдинга связь с персонажами живописного полотна Босха усилена еще и лингвистической природой их имен.

Все три корабля плывут в никуда. На картине Босха корабль изображен статичным, застывшим на месте судном, пассажиры которого давно смирились со своей судьбой и всю предаются безудержному веселью. Корабль, на котором путешествуют герои голдинговской трилогии, имеет формальный конечный пункт назначения – Антиподы, при этом его пассажиры весьма смутно представляют, куда держат путь, и что их ждет впереди. Незадачливые мореплаватели Норминтона, медленно передвигающиеся в неизвестных водах, не замечают течения времени и меняющегося пейзажа, занятые рассказыванием баек. Роднят три корабля и аллегорически изображенные людские грехи и пороки (прелюбодеяние и чревоугодие), ряд художественных деталей (развевающийся флаг с изображенными на нем звездой и полумесяцем – символами отказа от истинной веры, привязанный к мачте жирный гусь (символ бдительности), к которому с ножом подбирается обжора, и сухая ветка с перевернутым кувшином на конце – символ пустоты), а также общая атмосфера греха и порока, символически выраженная в каждом из трех произведений.

При всем очевидном единстве созданных живописцем и прозаиками Кораблей Дураков английские писатели XX столетия отказываются следовать за Босхом до самого конца – итог плавания достославного Дурацкого Корабля они видят иначе, нежели средневековый живописец. Как уже было отмечено выше, корабль Босха ждет неминуемая гибель – в пользу этого свидетельствует достаточное количество художественных деталей и

символов (в кроне мачты корабля поселилась сова – представитель потустороннего мира, который изобличает зло, выступая в качестве грозного судьи; отовсюду торчат сухие ветки – символ отмирания). Более того. Босх указывает на конечное место пребывания душ пассажиров этого судна – Ад. Голдинг, в отличие от Босха, хоть и заставляет свой корабль пройти сквозь нелегкие испытания, в итоге приводит корабль в гавань, позволяя его пассажирам благополучно сойти на берег, прежде чем судно взорвется. Писатель высказывает пусть и смутную, но все же надежду на возможное спасение человечества, осознание им своих грехов, признание каждым человеком своей порочной натуры, а, следовательно, дальнейшее ее исправление. Норминтон также склонен более оптимистично, нежели голландский живописец, рассматривать будущее этого легендарного судна. Характеризуя свой первый роман, автор не раз подчеркивал, что пассажиры его судна ждут Чистилище, а значит, их души еще можно спасти: «Ад – слишком суровое для них наказание. Чистилище – вот, где их место». Для Норминтона его герои – свидетели, которые дали показания пусть неумело, коряво и далеко не всегда – правдиво, однако искренне. Каждая история, рассказанная в романе, – своего рода исповедь кающегося грешника, признающего свои порочные деяния. Таким образом, как и Голдинг, Норминтон, высказывая надежду на возможное исправление человечества, дает «Кораблю Дураков» еще один шанс.

Корабль плывет... И он будет плыть, пока будут живы его пассажиры, и еще не раз какой-нибудь особенно любопытный историограф оставит потомкам свое описание этого достославного судна: «Легкий бриз не доносит ко мне никаких голосов; но мне нетрудно представить, как они там орут во всю глотку и добродушно подшучивают друг над другом. В животе образуются уже знакомая тошнотворная пустота. Я плыву к кораблю, который скорее утлая лодчонка, и даже не лодка, а так, непонятного свойства посудина. Сейчас я вам ее опишу» [4, с. 350]. История повторяется, все прошедшее возвращается, Корабль Дураков вновь восстает из пучины...

Список литературы

1. Борхес Х. Л. Коллекция. – СПб.: Северо-Запад, 1992.
2. Дюрренматт Ф. Зимняя война в Тибете. – СПб.: Азбука, 2009.
3. Железны Р., Рэнделл Н. Путеводитель по замку Амбер. – М.: Эксмо-пресс 2000.
4. Норминтон Г. Корабль дураков. – М.: АСТ, 2003.
5. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». – СПб.: Симпозиум, 2005.

Интерпретация басен: уровни смысла аллегорических образов

В статье определяется интерпретативная глубина смысла аллегорических образов в басне. Анализируются основные отличительные особенности данного жанра, которые непосредственно связаны с интерпретацией басен. Выделены разновидности логического типа интерпретации басен.

In this work we define the interpreting depth of the sense of allegorical images in a fable. It is defined the main distinguishing peculiarities of this genre which are connected with the interpretation of fables. It is pointed out the main logical types of the interpretation of fables.

Ключевые слова: аллегория, интерпретация, басня, аллегорический образ, скрытый смысл, мораль.

Key words: allegory, interpretation, fable, allegorical.

Изучению басни посвящены многочисленные филологические труды. С толкования басни начинается «анализ эстетической реакции» Л. С. Выготский [1]. «Рассуждения о басне» предшествуют фундаментальному труду Лессинга «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» [5]. Несомненно, что к «границам» поэтического устремлено и внимание А. А. Потебни [6], начинающего именно с размышлений о басне курс «Лекций по теории словесности». В области интерпретации текста мы опираемся на известную работу В.И. Карасика «Языковая кристаллизация смысла» [5].

Басня как жанр дидактической литературы возникла на основе поучительного примера. Это нравоучительное повествование о событиях из жизни животных или растений, раскрывающее человеческие пороки и завершающееся моралью. Интерес к изучению басни как жанра дидактической литературы объясняется попыткой осмысления житейских отношений, характера человека, одним словом, всего, что относится к нравственной жизни людей. Выделяют поэтическую и прозаическую басню: к прозаическим басням следует отнести басни Эзопа, Лессинга, Леонардо да Винчи и других; к басням поэтическим – Лафонтена, Крылова и их школы.

Для определения глубины смысла аллегорических образов в басне необходимо выделить следующие отличительные особенности данного жанра, которые непосредственно связаны с интерпретацией басни: аллегоричность, иносказательность, оперативность, нравоучительность. Хотя свойства иносказательности и аллегоричности взаимосвязаны, все же в данном исследовании предлагается их разграничить, так как если иноска-

зательность – это наличие второго – скрытого – смысла в тексте басни, то аллегоричность – это свойство не всего басенного сюжета, а отдельных его образов-персонажей.

Аллегорическое использование животных в роли главных действующих лиц является, возможно, наиболее ярко выраженной отличительной чертой басни. По утверждению А. А. Потебни, использование животных в качестве действующих лиц вытекает из самого назначения басни: чтобы не останавливаться на подробном изображении действий и сцен и характеристике лиц, берутся такие персонажи, которые одним своим названием служат готовым понятием. Животные в басне – это аллегорические актеры, представляющие человека. Современные жизненные ситуации и житейские типы подводятся под аллегорические категории животных, и сами эти категории, наполнившись конкретным содержанием, приобретают новый, обобщённый, символический и вместе с тем реалистический смысл.

Использование животных в виде аллегорических фигур возможно в силу того, что каждое животное в природе имеет определенный тип поведения, привычки, и в связи с этим в народном сознании за каждым животным закрепляются определенные характеристики. Но следует отметить, что животные в басне – это не живые существа, а определенные модели. Поэтому многие биологические свойства животных как бы нивелируются, басня ставит на одну плоскость льва и мышь или ящерицу, ворону и лисицу, что биологически не оправдано и в природе невозможно. Можно выделить основную группу животных, которая является ядром басен: лев, лиса, волк, осёл, ворона, орел и некоторые другие. Мы встречаем их уже в древнегреческой басне. Когда мы слышим названия этих персонажей, то сразу же попадаем под влияние законов басни, по которым лиса – хитрость, ум; лев – сила, власть, гордость. Определённые качества и свойства прочно ассоциируются у нас с некоторыми видами животных. Сами названия животных становятся характеристиками людей, прозвищами. В словаре любого народа существует множество прилагательных, эпитетов, идиоматических выражений, производных от обозначений животных и определяющих человеческий характер, человеческие поступки и свойства, например: *мудрый, как сова, хитрая, как лиса, храбрый, как лев* и другие.

В связи с этим следует отметить, что современные авторы-баснописцы широко используют традиционно эзоповских персонажей в своих баснях: это и лиса, и волк, и лев, и мышь, и сова, и ворона. Однако персонажи, как уже отмечалось ранее, это модели, и подчас они изменяют свои качества. Так, в басне Джеймса Тербера «Сова, которая была Богом» все животные в лесу верят, что сова – самая умная из всех них, что она есть Бог. Но это ошибка, основанная на том, что сова плохо видит и невпопад отвечает на задаваемые ей вопросы. Эта ошибка приводит к гибели под колесами грузовика и саму сову, и последовавших за ней животных. Автор отталкивается от устоявшегося образа совы – мудрой птицы, но приносит своё решение этого образа. У него мудрость совы – это только видимость, основанная на невежестве других и преклонении перед авторитетами.

Аллегоричность является неотъемлемой частью любой басни. Автору нет необходимости раскрывать характеры персонажей, их образ мыслей, он сразу определяет черты персонажей одним их названием: пастух, рыба, охотник, лжец, кузнец и т.д.

Рассматривая следующую особенность басни – иносказательность, необходимо отметить семантическую двуплановость текста. Описываемое событие служит своего рода символом какого-нибудь общего положения, нравоучения. За отдельным эпизодом, чаще всего из жизни животных, всегда видна общая схема, второй план. Иносказательность, являясь отличительной чертой басни, присуща всем произведениям этого жанра, начиная с древнейших времен. Басня Дж. Тербера «Мышь и деньги» [9, с. 47], например, повествует о мыши, которая, решив стать самой богатой из мышей, принялась есть банкноты, но затем, растолстев, не смогла выбраться из норки и погибла. Жадная, хвастливая и высокомерная мышь погибла из-за этих своих качеств. Эта история иносказательно предупреждает об опасных последствиях хвастовства, жадности и высокомерия.

Как следствие иносказания мы можем выделить ещё одну существенную особенность басни – её оперативность. Оперативность басни позволяет применять один и тот же сюжет ко всё новым и новым явлениям повседневной действительности, к каждому конкретному случаю. Это объясняется тем, что в басне обобщаются различные социальные явления и отношения. И таким образом, одна басня, например, «Мышь и деньги», может использоваться в самых разнообразных случаях для объяснения губительных последствий жадности. Сюжеты басен принадлежат всей культуре народа и человечества в целом. Как отмечает А. А. Потебня, «составные части образов басни настолько освобождены от всякой случайности и настолько связаны между собой, что с трудом поддаются изменениям. Из того, что эти сплоченные образы способны, по первому требованию, стать общей схемой спутанных явлений жизни и служить их объяснением, вытекает их вечность» [6, с. 61]. Этим свойством оперативности басенного образа обладают, безусловно, лишь классические, древние сюжеты, но в литературных баснях это свойство актуально хотя бы потому, что служит современным авторам одним из источников стилистических приёмов, а именно источником аллюзии. Например, Дж. Тербер использует известные классические басенные сюжеты и интерпретирует их на современный лад. Взяв названия и героев известной басни Эзопа «Ворона и лиса», Тербер, опираясь на известный всем с детства образ, чуть-чуть изменяет ход действия, в результате чего появляется новая мораль: *во времена Эзопа и Лафонтена это было правдой, но сейчас, никто не похвалит тебя лучше, чем ты сам* [9, II, с. 25]. Не останавливаясь на этом, он пишет ещё четыре варианта этой басни, описывая возможные пути развития событий в отношениях главных действующих лиц (лисицы и

вороны). Создание новых толкований возможно, несомненно, лишь в силу оперативного существования устойчивых басенных образов.

Одной из наиболее важных особенностей басни является нравоучительность. Нравоучительность есть наличие поучительного или познавательного смысла или морали в басне. Это, безусловно, основополагающий признак басни, признаваемый всеми без исключения исследователями. От первой басни и до наших времен у всех утвердилась мысль, что мораль есть неотъемлемая и самая важная сторона басни. С самых истоков басни в основе её лежал поучительный смысл. Мораль может быть выражена эксплицитно, как непосредственное поучение или вывод по действию басни, вынесенный в конец басни. В случае отсутствия в тексте басни отдельно вынесенной морали, её поучительный смысл может быть передан в самом тексте басни или в её заголовке, при помощи использования различных эксплицитных и имплицитных способов выражения оценки персонажей и точки зрения автора.

Выделив основные отличительные особенности басни, отметим, что интерпретативная глубина смысла аллегорических образов в данном жанре неоднородна. Басни отличаются разной степенью аллегоричности. Исходя из данного критерия аллегорической сложности, можно выделить три наиболее четко очерченных типа интерпретативной глубины смысла аллегорических образов:

1. «Без образа» (басни с моралью): *Лисица и барс спорили, кто красивей. Барс на все лады хвастался своей испещренной шкурой; но лиса ему на это сказала: "Насколько же я тебя красивее, раз у меня не тело испещренное, а душа изошренная!" Басня показывает, что тонкость ума лучше, чем красота тела* [3, с. 67].

Осмысление данной басни не требует интерпретации, аллегория очевидна. В этом повествовании героем является лиса – аллегория хитрости. Басню завершает мораль, выраженная как указание, но это указание легко трансформируется в рекомендацию: не следует прислушиваться к людям, которые хвастливы и глупы.

2. С простым образом (басни с моралью, расходящиеся в толковании античных басен их авторами и нашими современниками): *Когда люди в первый раз увидели верблюда, они испугались его роста и в ужасе разбежались. Но прошло время, узнали они его смиренный нрав, осмелели и стали к нему подходить; а еще немного спустя поняли они, что верблюд и вовсе не способен злиться, и дошли до такого к нему презрения, что надели на него уздечку и дали детям его погонять* [3, с. 120]. Эзоп комментирует эту басню так: *«Басня показывает, что даже страх сменяется привычкой»*. Современные реципиенты, замечает С. В. Сидорков, скорее всего, увидели бы в этом сюжете смысл, выражаемый пословицами типа *Дай черту палец, он всю руку отхватит* («посягательства, не встречающие сопротивления, неограниченно разрастаются») [7, с. 117]. Действительно, аллегорическое

прочтение может быть различным. Также можно увидеть в этой басне на- зидание о необходимости быть осторожным в отношении новых знакомых.

3. Басни, содержащие весьма сложные образы (басни без морали, как правило, философские басни, которые требуют глубокого осмысления и интерпретации): *Высунув голову из гнезда, орлёнок увидел множество птиц, летающих внизу среди скал. — Мама, что это за птицы? — спросил он.*

— Наши друзья, — ответила орлица сыну. — Орёл живёт в одиночестве — такова его доля. Но и он порою нуждается в окружении. Иначе какой же он царь птиц? Все, кого ты видишь внизу, — наши верные друзья. Удовлетворённый маминим разъяснением орлёнок продолжал с интересом наблюдать за полётом птиц, считая их отныне своими верными друзьями. Вдруг он закричал: — Ай-ай, они украли у нас еду! — Успокойся, сынок! Они ничего у нас не украли. Я сама их угостила. Запомни раз и навсегда, что я тебе сейчас скажу! Как бы орёл ни был голоден, он непременно должен поделиться частью своей добычи с птицами, живущими по соседству. На такой высоте они не в силах найти себе пропитание, и им следует помогать [3, с. 202].

В этой басне идет речь о настоящих друзьях: всякий, кто желает иметь верных друзей, должен быть добрым и терпимым, проявляя внимание к чужим нуждам. Почёт и уважение добываются не силой, а великодушием и готовностью поделиться с нуждающимся последним куском.

Заслуживают внимания афористичные басни Леонардо да Винчи: *Дикая лоза, недовольная своим местом за изгородью, стала перекидывать ветви через общую дорогу и цепляться за противоположную изгородь. Тогда прохожие ее сломали [4, с. 26].* В этой басне идет речь о людях, теряющих чувство меры в стремлении улучшить свое положение. Такие действия, как показано в аллегорическом образе поломанной лозы, приводят к печальному результату.

Особый интерес вызывают басни с отсутствующей интерпретацией (без морали), которые составляют третью группу. При толковании таких басен, в первую очередь, учитывается интерпретативная глубина аллегорических образов. В ходе исследования выявлены основные группы персонажей, которые в разной степени связаны с интерпретацией. Принимая во внимание это обстоятельство, можно выделить следующие основные разновидности героев логического типа интерпретации басен (без морали).

Это басни, где героями являются животные, так как животные обладают наиболее определенными чертами и признаками. Достаточно назвать то или иное животное, чтобы мы могли представить тот признак или ту силу, которую оно означает. Когда баснописец говорит «волк», мы сразу имеем в виду сильного и хищного человека. Когда он говорит «лисица», мы видим перед собою хитреца. Стоит ему заменить волка и лисицу человеком, и он будет сразу поставлен перед необходимостью либо подробно и

долго пояснять нам, что за характер у этого человека, либо басня потеряет всю свою выразительность. Такая группа басен представляется наиболее легкой для интерпретации.

Не менее обширна группа басен, где героями являются люди. Как правило, характеристика людей очень схематична и сводится к простейшим обозначениям: «богач», «бедняк», «хвастун». Читателю басен без морали такая схематичность помогает в интерпретации, так как нет необходимости раскрывать характер персонажей, их образ мысли. Например: *Жил-был бедный ремесленник. Поработав в мастерской, он, случилось, наведал богатого синьора, жившего неподалёку. Ремесленник стучал в дверь, осторожно входил и, оказавшись в богатых покоях перед знатным господином, снимал шляпу и отвешивал почтительный поклон. — Что тебе, братец, от меня надобно? — спросил его однажды хозяин дома. — Вижу, как ты то и дело приходишь меня навестить, отвешиваешь поклон, а затем молча уходишь ни с чем. Коли ты нуждаешься в чём-нибудь, то сделай милость, проси, не стесняйся!— Благодарю вас, ваша светлость, — с почтением ответил ремесленник. — Я прихожу к вам, чтобы отвести душу и посмотреть, как живёт богатый человек. Такую роскошь можем себе позволить только мы, простолюдины. К сожалению, вы, знатные синьоры, лишены этой благодати, и вам негде отвести душу, ибо вокруг вас обитают одни только бедняки, вроде меня [4, с. 36].* Герои данной басни представляют определенные модели социальных отношений, которые помогают в интерпретации: имеющему и привыкшему к богатству недоступна радость обладания и преклонение перед этим.

Наименее обширную группу басен составляют басни, где героями являются растения и насекомые. Для интерпретации такие басни сложны, так как насекомые и растения не обладают определенностью и постоянством признаков, соотносимых с человеческими характерами. Можно выделить лишь некоторых насекомых, которые наделены определенными чертами: «пчела», «муравей» – трудолюбием, «трутень» – бездельем. Такие герои, как «гусеница», «устрица», «виноград», представляют сложность для интерпретации.

Небольшую группу басен представляют басни с неодушевленными героями. Например, такие басни Леонардо да Винчи, как «Бумага и чернила», «Пламя», «Вода», для интерпретации наиболее сложны, так как данные герои не обладают определенным постоянством характеров и без внимательного прочтения и осмысления сюжета интерпретация невозможна. На примере басни «Вода» это очевидно прослеживается: *Вода весело плескалась в родной морской стихии. Но однажды ей взбрела в голову шальная мысль добраться до самого неба. Она обратилась за помощью к огню. Своим обжигающим пламенем он превратил воду в мельчайшие капельки тёплого пара, которые оказались гораздо легче воздуха. Пар тот-*

час устремился вверх, поднимаясь в самые высокие и холодные слои воздуха. Оказавшись в заоблачной выси, капельки пара оковенели так, что у них зуб на зуб не попадал от холода. Чтобы как-то согреться, они теснее прижались друг к другу, но, став намного тяжелее воздуха, тут же попадали на землю в виде обычного дождя. Заболев тщеславием, вода вознеслась к небу, но была изгнана оттуда. Жаждающая земля поглотила дождь до единой капли. И воде ещё долго пришлось отбывать наказание в почве, прежде чем она смогла возвратиться в морские просторы [4, с. 28]. В этой басне идет речь о тщеславных людях, теряющих чувство меры в стремлении вознестись вверх. Такие действия, как показано в аллегорическом образе воды, приводят к печальному результату. Как видно из интерпретации, главный персонаж данной басни – «вода», никакой роли в толковании не играет, так как герой «вода» – не обладает определенными постоянством характера и здесь необходимо ориентироваться на сюжет басни.

Таким образом, в результате исследования установлены отличительные особенности жанра басни, которые непосредственно связаны с ее интерпретацией: аллегоричность, иносказательность, оперативность, нравоучительность. Анализ каждой из них показал, что данные особенности взаимосвязаны с интерпретацией басни и влияют на ее восприятие. Аллегоричность раскрывает образы главных героев, как правило, животных; иносказательность взаимосвязана с аллегоричностью и служит своего рода символом какого-нибудь общего положения, нравоучения. За отдельным сюжетом всегда видна общая модель, второй план; оперативность влияет на интерпретацию басни, зависящую от повседневной жизни (за каждым эпизодом скрываются все новые и новые интерпретации); нравоучительность есть смысл басни, который либо раскрывается самим автором, либо предоставляется читателю.

Аллегорические образы басен характеризуются разной степенью интерпретативной глубины смысла: класс аллегорических образов неоднороден, наряду с баснями простой интерпретации (с моралью) встречаются и весьма сложные образы (басни без морали). При анализе наиболее сложных образов (в баснях без морали) в качестве критерия интерпретации басен может рассматриваться процедура объяснения их смысла.

Путем подсчета опосредующих фраз выделены четыре группы персонажей, которые влияют на смысловую глубину интерпретации: 1) басни с животными – просты для интерпретации, так как животным свойственны определенные черты; 2) басни с людьми – характеристика людей очень схематична и помогает в интерпретации; 3) басни с насекомыми и растениями – представляют наименьшую группу, так как за данными персонажами не закреплены определенные характеристики и лишь в отдельных случаях («пчела», «трутень») помогают в толковании басни; 4) басни с неживыми объектами представляют наибольшую трудность для интерпрета-

ции, поскольку герои абстрактны и зависимы от сюжета. Таким образом, логическая интерпретация басни взаимосвязана с интерпретативной глубиной аллегорических образов.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Психология искусства. – М., 1968.
2. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. – М., 1971.
3. Гаспаров М. Л. Басни Эзопа. – М., 1968.
4. Жуков А. Н. Неизвестный Леонардо: притчи, аллегории, фацеции. – Ростов-н/Д: Феникс, 2007.
5. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010.
6. Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. – М., 1957.
7. Потемня А. А. Теоретическая поэтика. – М., 2003.
8. Сидорков С. В. Пословично-поговорочные поговорки как фактор структурно-смысловой организации дискурса. – Ростов-н/Д, 2003.
9. Тэрбер Дж. Новые басни на нынешний лад. – М., 2010.

Эволюция сюжетов англо-шотландской народной баллады: доминирующие мотивы

В статье исследуются корреляции сюжетов англо-шотландских народных баллад с жизненными ценностями народа, слагавшего баллады. Материалом исследования служат баллады раннего и позднего средневековья. Автор прослеживает изменение доминирующих сюжетов и мотивов баллад в указанный промежуток времени.

The aim of the article is to study correlation between the plots of English and Scottish popular ballads and prevailing values of the English and Scottish people. The research is based on two groups of ballads created between the 13th and the 16th centuries. The author makes an attempt to analyze the changes in ballad plots and dominating motives.

Ключевые слова: жанр, мотив, сюжет, исторический контекст, структурно-семантические и языковые особенности, эволюционные процессы.

Key words: genre, motive, plot, history background, structural and linguistic features, evolution processes.

Настоящая статья посвящена исследованию сюжетов англо-шотландских народных баллад в диахроническом аспекте. В ней сделана попытка проследить и описать изменения балладных сюжетов во временном промежутке с XIII по XVI века. Исследование эволюционных процессов внутри отдельно взятого жанра представляет большой интерес. Различные жанры постепенно выделились из «первобытного поэтического синкретизма» [4, с. 4]; представляется, что по мере развития аналитизма в человеческом мышлении похожим образом проходила эволюция каждого отдельного жанра.

Баллада – лиро-эпический жанр, который впервые возник у романских народов. Считается, что баллада является переходным звеном между эпосом и лирикой [2, с. 62-63]. С эпосом народную балладу роднит рассказ о событиях в форме объективного повествования. При этом для баллады важна эмоциональная характеристика событий (и в этом состоит ее сходство с лирикой). По мнению исследователей, жанр баллады был перенесен на английскую почву в конце XIII века. Впрочем, некоторые ученые (например, Т. И. Воронцова) считают, что бытование баллады в Англии началось не ранее XIV века [2, с. 88]). Постепенное угасание жанра баллады началось в XVI веке. Этим и объясняются временные границы, выбранные для исследования, – XIII-XVI века.

Цель данной статьи состоит в выявлении закономерности смены одних доминирующих сюжетов баллад другими на протяжении нескольких веков. Поскольку баллада является формой народного самовыражения, она должна отражать перемены во многих сферах жизни людей того времени и позволить нам проследить этапы смены их жизненных ценностей. В свою очередь, понимание исторического и социокультурного фона, на котором возникли баллады, должно помочь нам сделать предположение о причинах таких изменений.

Изучению жанра баллады посвящено большое количество работ как отечественных (например, А. Н. Веселовского, Т. И. Воронцовой, В. М. Жирмунского, Ю. М. Лотмана, О. Л. Моцанской и других), так и зарубежных ученых и писателей (Ф. Гаммера, У. Кера, В. Скотта, Ф. Чайлда и других). Многие из них, например, Вальтер Скотт и Фрэнсис Чайлд, занимались собиранием баллад, и эти собрания позволили последующим поколениям ученых плодотворно работать с этими текстами. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет собрание баллад Фрэнсиса Джеймса Чайлда. Этот пятитомный сборник, составившийся в период с 1882 по 1898 год, включает в себя все наиболее распространенные тексты и их варианты. Параллельно мы воспользовались сборником английских и шотландских народных баллад, составленным Л. М. Аринштейном.

В рамках настоящего исследования рассматриваются две группы баллад: в первую были включены баллады, которые упомянутые выше исследователи считают наиболее ранними, а во вторую вошли баллады, относимые ими к позднему средневековью (см. классификацию Л. М. Аринштейна). Известно, что датировка баллад представляет большую сложность, поскольку тексты, не имеющие конкретного авторства, бытовали в различных вариантах и при пересказе зачастую претерпевали значительные изменения. При анализе мы опирались на комментарии, приводимые Ф. Чайлдом, и на пояснения, которые дает в своем сборнике Л. М. Аринштейн. Из нескольких вариантов каждой анализируемой баллады был выбран тот, который подходил к заданному периоду времени (чаще всего – более ранний, согласно приблизительной датировке, приводимой авторами сборников). Многие из исследуемых текстов получили практически одинаковое распространение как в Англии, так и в Шотландии. Приведен также краткий анализ структурных и языковых особенностей текстов баллад, поскольку содержание текста неотделимо от его структуры; структура текста – необходимый фактор при выявлении и анализе его коммуникативного задания [6, с. 3-7].

К группе баллад раннего средневековья относятся: *The Twa Corbies*, *Edward*, *The Douglas Tragedy*, *The Lass of Loch-Royal*, *Clyde Water*, *Lord Randal*, *The Twa Sisters*, *Lisie Wan*, *Sir Patrick Spens*.

К группе баллад периода позднего средневековья относятся: *The Bafled Knight*, *The Shepherd's Son*, *Our Goodman*, *Queen Eleanor's Confession*, *The Laird O'Drum*, *Get Up and Bar the Door*, *The Twa Brothers*, *The Mermaid*.

Для исследования в каждой группе были выбраны именно эти баллады, поскольку они, во-первых, имеют более точную датировку, и, во-вторых, сюжет каждой из них, на наш взгляд, является типичным для данного периода. Языковые особенности этих текстов не смогли бы послужить достаточным основанием для их диахронической классификации, поскольку многие из них дошли до собирателей и фольклористов в более поздних пересказах.

Рассмотрим группу баллад XIII века. XIII век был беспокойным периодом в английской истории: начало его ознаменовалось военными действиями против Франции, борьбой короля Иоанна Безземельного с папой римским и с духовенством внутри страны, а также мятежом баронов и рыцарей, имевших в ту пору значительное влияние [7]. Во второй половине века Эдуард I присоединил западный Уэльс и пытался покорить Шотландию. Исторический контекст отчасти определяет структурно-семантические и языковые особенности балладных текстов этого периода. Ранние баллады более тяготеют к эпосу. Большинство из рассмотренных нами текстов можно назвать «балладами ситуации»: они зачастую построены вокруг одной сцены или отдельного эпизода. Основная структурная особенность этих текстов – диалогическая форма повествования. Часто текст баллады полностью состоит из диалога персонажей (в «Двух воронах» – диалог двух воронов, в балладах «Эдвард» и «Лорд Рэндал» – диалог матери и сына и т.д.). Помимо обычного диалога имеется также прием параллельных повторяющихся вопросов и ответов, который становится основой структуры баллады, способствуя поступательному развитию сюжета. Хронологическое развертывание сюжета в более древних текстах отсутствует.

Метрическое строение баллад неровное, но преобладает четырехстопный ямб в сочетании с дольником с перекрестной (чаще всего при наличии рефрена) или смежной рифмовкой. Эпитетов немного, и зачастую они получают негативную окраску в контексте. Например, в балладе «Два ворона» большинство эпитетов, имеющих вне контекста положительные коннотации, используются при разговоре о смерти, когда два ворона летят к телу павшего рыцаря, чтобы пообедать: «*So we may mak our dinner sweet*»; «*Ye'll sit on his white hause-bane, / And I'll pike out his bonny blue een*». Подобным образом в балладе «Две сестры» эпитеты с привычно положительной коннотацией встречаются в непривычном контексте – при описании утонувшей девушки: *lilly hand, cherry cheeks, yellow hair, milk-white swan, sweet pale face*.

Для большого числа текстов характерно наличие повторяющихся параллельных синтаксических конструкций в качестве одного из основных

структурных компонентов (например, в балладе «Эдвард»: «*Your steid was auld, and ye hae gat mair, / Edward, Edward, / Your steid was auld, and ye hae gat mair, / Sum other dule ye drie O.*»), синтаксические анафоры и эпифоры: «*What became of your bloodhounds, Lord Randal, my son? / What became of your bloodhounds, my handsome young man*» («Лорд Рэндал»), а также аллитерации и лексические повторы: «*His hound is to the hunting gane, / His hawk to fetch the wild-fowl hame...*» («Два ворона»). Все эти структуры способствуют передаче эмоционального накала повествования.

Язык баллад в целом может быть понятен современному читателю, так как многие из них были записаны уже в период, когда литературная норма английского языка устоялась. Тем не менее, некоторые трудности в понимании баллад все-таки есть. Например, поскольку некоторые из них по происхождению являются шотландскими, а некоторые бытовали и в Англии, и в Шотландии, в них присутствует большое количество шотландских диалектизмов: *corbie (raven), mony (many), mane (moan), nane (none), sall (shall), blaw (blow), oer (over), fail (turf), hause (neck), theek (thatch), mithier (mother), bairns (children), ha (house), towir (tower), mair (more)* и т.д.

С точки зрения содержательной стороны и доминирующих мотивов баллады данной группы можно охарактеризовать как повествование о гибели героя. Тексты имеют общий мрачный колорит; основными темами являются смерть, месть, убийство. Часто встречается мотив убийства родственника (братьев, отца, сестры) или мотив изгнания матерью возлюбленного дочери / возлюбленной или жены сына (иногда с младенцем), в результате чего возлюбленный / возлюбленная погибает. Убийства родственников происходят, как правило, из-за нарушения кем-либо из клана целостности семьи или поругания семейной чести. В балладе «Лизи Уэн» брат убивает сестру, зачавшую ребенка вне брака. В балладе «Две сестры» старшая сестра убивает младшую из ревности. Иногда мотив для убийства неясен; например, в балладе «Лорд Рэндал» главный герой отравлен во время обеда у своей невесты, а в балладе «Эдвард» герой убивает своего отца. Подобные жестокие и подчас даже немотивированные и непонятные для современного человека действия в описываемую эпоху не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Многие другие баллады той эпохи тому доказательство: в балладе «The Douglas Tragedy» неугодный семье девушки жених убивает семерых ее братьев и отца; в балладе «The Lass of Loch-Royal» мать мужа прогоняет невестку с младенцем, и оба они тонут в бушующем море.

Нужно отметить, что сходные сюжеты существовали в фольклоре других европейских народов. Например, диалог матери и сына был распространен в шведском, датском и финском фольклоре. Сюжет о молодом человеке, отравленном женой или невестой и перед смертью отвечающем на вопросы матери, отмечается в балладах и сказаниях, бытовавших в Скандинавских странах, Венгрии, Чехии, Италии и Германии. Мотив про-

клятия и вероломства матери также был распространен в европейском фольклоре [1, с. 462-465].

Доминирующим мотивом в этих текстах является мотив смерти (death). Основные характеристики мотива представлены лексемами: *deadly* (adj.), *swelld*, *died*, *poisond*, *to kill*, *to sink* (v.), *bluid*, *hell*. Сюда же можно отнести и фразу *sick at the heart*. Важность мотива смерти в фольклоре жителей Англии и Шотландии XIII-XIV веков можно объяснить исходя из исторического контекста. Вооруженные столкновения происходили очень часто, и человеческая жизнь не имела такой ценности, какую она приобрела позднее, когда начал утверждаться принцип антропоцентризма. В памяти людей ещё живы были отголоски норманнского завоевания; шли междоусобные войны. Более того, в тот период уже начинались военные столкновения между Англией и Шотландией. Всё это задавало некий ориентир для подобного мировоззрения людей того времени.

Рассмотрим группу баллад позднего средневековья. XVI век стал веком становления новой королевской династии Тюдоров. Взошедший на престол Генрих VII стремился укрепить авторитет и верховенство королевской власти. В эту же эпоху закладывается фундамент будущего индустриального развития страны. Происходят значительные изменения в общественной структуре страны; в результате к середине XVII века грань между богатыми и бедными становится более размытой. Например, джентльмен и йомен имели в то время почти одинаковый доход, однако джентльмен, сдававший свою землю в аренду, дорого одевался и читал полатыни, а йомен (рабочий фермер) одевался просто и читал и писал по-английски [3, с. 268-312]. Значительное влияние на общество того времени оказало европейское Возрождение. Идеи гуманизма начали постепенно проникать в сознание людей; правда, в то время они были доступны лишь образованной части общества.

Преобладающей формой в балладах этого периода является развернутое диалогическое повествование. Сюжет в большинстве текстов полностью сформирован (зачин – развитие – кульминация – вывод). Многие из баллад состоят из катренов; преобладающий размер – четырехстопный ямб, в четных строках чередующийся с трехстопным:

*There was a knight, and he was young,
A riding along the way, sir,
And there he met a lady fair,
Among the cocks of hay, sir* («The Baffled Knight»).

При этом стоит отметить, что встречавшийся в более ранних балладах дольник (осью размера служит фиксированное количество ударных слогов в строке, тогда как количество безударных может варьироваться) в определенном количестве текстов сохраняется. Примером может служить вышеприведенная строфа.

В балладах этого периода также присутствуют параллельные синтаксические структуры, анафоры и эпифоры, обеспечивающие целостность текста и передающие его экспрессивность: «*The first bespoke the captain of our ship, / And a well-spoke man was he... / ...The next bespoke the mate of our ship, / And a well-bespoke man was he*» («The Mermaid»); «*What`s this now, goodwife? / What`s this I see? / How came this horse here / Without the leave of me?*» («Our Goodman» – выделенные элементы повторяются в неизменном виде в каждой второй строфе с репликой этого персонажа).

Баллады частично сохраняют диалогическую форму повествования, которая часто встречалась в балладах более раннего периода. Лексические повторы и инверсия являются одними из текстообразующих элементов: «*Hame came our goodman, And hame came he*» («Our Goodman»); «*But well can she milk cow and ewe*» («The Laird O`Drum»).

Язык баллад близок к современному; представляется, что в языковом плане баллады с момента возникновения и до момента их письменной фиксации не претерпели значительных изменений.

Основные сюжетные линии – любовь, межличностные отношения. Одной из общих черт этих текстов можно назвать их юмористический, часто иронический настрой. Более поздние баллады утрачивают трагизм и мрачный колорит баллад более раннего периода. В сюжетах начинает появляться комический элемент. Из выбранных для анализа текстов большинство имеет комический и иронический характер: «The Baffled Knight», «The Shepherd`s Son», «Our Goodman», «Get Up and Bar the Door». Например, в двух первых балладах, имеющих сходный сюжет, девушка иронизирует над молодым человеком, не проявившим настойчивости в любви. В первой из них молодой рыцарь всего лишь провожает девушку до дома ее отца, тогда как она ожидала от него более решительных действий. Во второй пастух, случайно заметив купающуюся нагую девушку, закрыв глаза, приносит ей одежду, и девушка высмеивает пастуха за излишнее благородство и порядочность – он не воспользовался ситуацией, хотя имел такую возможность. Обе баллады завершаются похожими шутливо-нравоучительными строфами: «*And if you meet a lady gay, / As you go by the hill, sir, / If you will not when you may, / You shall not when you will, sir*» («The Baffled Knight»)

Две следующие баллады («Our Goodman» и «Get up and Bar the Door») также следует рассматривать вместе ввиду сходства их коммуникативного задания. Сюжет первой из них достаточно распространен в европейском фольклоре: во Франции, в Каталонии, в Италии, в Германии, Фландрии [1, с.487]. Мельник, возвращаясь вечером домой, замечает в доме признаки неверности своей супруги: чужую лошадь во дворе, мужские сапоги с медными шпорами, плащ и т.д. Однако хитрая жена стоит на своем: она всеми силами пытается убедить мужа в том, что он пьян и ему все кажется. Она выдает коня за свинью, плащ – за одеяло, и наконец, прячущегося в доме постороннего мужчину – за новую служанку. «Get up and

Bar the Door» – поздняя шотландская баллада. В основе баллады лежит сюжет, получивший распространение у многих народов: например, в арабском, турецком и итальянском фольклоре [1, с. 495]. Ее героями становятся муж и жена, никто из которых (из-за занятости или лени) не хочет закрыть на ночь дверь дома. Проспорив некоторое время, супруги заключают пари: закроет дверь тот, кто первым заговорит: *They made a paction between them twa, / They made it firm and sure, / That the first word whaeer should speak, / Should rise and bar the door*». Тем временем в дом через открытую дверь заходят два незнакомца. Так как хозяева хранят молчание, незваные гости сначала съедают все приготовленные хозяйкой пудинги, а потом посягают на бороду хозяина и честь хозяйки. Муж приходит в ярость и первым заговаривает; естественно, он и проигрывает пари.

В поздней шотландской балладе «The Laird O'Drum» описываются события, относящиеся ко второй половине XVII века, что позволяет утверждать, что к тому времени процесс сложения баллад еще продолжался [1, с. 492]. Александр Ирвин, лэрд о'Драм, был женат на родственнице маркиза Аржайла. Однако политические разногласия с родственниками жены привели к разводу с первой женой. Второй женой Драма стала крестьянская девушка Маргарет Куттс; вполне предсказуемо, что родные Драма и его бывшей жены восприняли этот поступок как скандальный вызов. В балладе однако политический фон этих событий не отражен; перед нами разворачивается история искренней любви знатного лэрда к девушке низкого сословия, с которой он вступает в брак, невзирая на неприятие его кланом и окружением такого выбора. Лэрд, несмотря на протесты семьи и друзей-дворян, вводит молодую жену в дом, в котором она отныне будет хозяйкой: *He`s taen her by the milk-white hand / And led her in himsell, / And in thro ha`s and in thro bowers, / “And you`re welcome, Lady o Drum*».

Проводя параллель с некоторыми балладами первой группы (например, «The Douglas Tragedy»), а также многими балладами англо-шотландской границы (например, «Lady Maisry», где брат-шотландец отправляет на эшафот сестру за то, что она полюбила англичанина), можно отметить, что семейная и сословная честь в новое время не была уже безусловным императивом. Возможно, это было связано с ослаблением внутриклановой иерархии и монолитной спаянности семьи/клана.

Баллада «Queen Eleanor`s Confession» является своеобразным связующим звеном между двумя рассматриваемыми в диахроническом аспекте группами текстов. Впервые ее напечатали в XVII веке, однако сюжет ее, вероятно, более древний. Он, например, был использован драматургом, современником Шекспира Джорджем Пилом в созданной им в конце XVI века драматической хронике; упоминается также, что английские варианты баллады значительно «старше» шотландских [1, с. 488]. В основе ее сюжета лежат взаимоотношения мужа и жены – короля и королевы. Королева Элеанор / Элинора на смертном одре хочет исповедаться, и ее супруг, переодевшись, занимает место священника. Из исповеди муж узнает, что не

любим женой, и что старший из королевских сыновей – сын графа Маршала, который также, переодетый монахом, присутствует на исповеди. Мы видим, что в этой балладе, подобно многим поздним текстам, присутствует мотив любви и семейных отношений; однако общий колорит баллады мрачен, мотиву любви сопутствует мотив смерти (королева признается в покушении на убийство короля и умирает сама). Возможно, это отголосок более ранних балладных сюжетов, которые были рассмотрены в первой части.

Подводя итог анализа текстов второй группы, можно сказать, что в них более важную роль играют межличностные отношения. Мотивы смерти присутствуют, но меняется само отношение к смерти и осмысление ее причины: смерть рассматривается скорее как неизбежность, как естественный конец жизни. Всё чаще в балладах появляются моральные выводы. Большинство баллад носят развлекательный характер. Представляется, что доминирующими мотивами рассмотренных текстов являются мотивы семьи и любви. Примеры лексем, которыми представлены эти мотивы: *family – goodwife, goodman, to wed, to marry, degree* (при описании сословной принадлежности), *parents` consent, bride, bridal ale, to choose a (wedding) match; love – maidenhead, pretty, bonny, to fancy, lively, lovely, beauty, kiss*.

Целью нашего исследования было выявление мотивов, составляющих сюжетную основу баллад на протяжении анализируемого периода. Мы видим, что каждая эпоха вносила свои коррективы в балладное повествование. На смену кровавым, печальным мотивам приходит героическое повествование, которое вскоре сменяется повествованием более легким, ироничным. Лирическое начало начинает с течением времени превалировать, что объясняется отходом от эпического уклада жизни, ростом индивидуальности с последующей необходимостью раскрытия своего собственного «я». На смену доминирующему мотиву смерти приходит мотив войны (баллады англо-шотландской границы), который в более поздних текстах сменяется мотивами любви и семьи. Происходит видимый переход от трагизма к лиризму, от эпического к бытовому. Таким образом, действительность находила непосредственное отражение в сюжете баллад.

Список литературы

1. Английская и шотландская народная баллада. Сост. Л. М. Аринштейн. – М.: Радуга, 1988.
2. Воронцова Т. И. Картина мира в тексте английской баллады: Когнитивная основа и языковая репрезентация: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2003.
3. История Великобритании / под ред. Кеннета О. Моргана. – М.: Весь мир, 2008.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007. – С. 92-119.
5. Руберт И. Б. Текст в синхронии и диахронии. Эволюционные аспекты жанров. – СПб.: АкадемПринт, 1998.
6. Штокмар В. В. История Англии в Средние века. – [Электронный ресурс]: <http://www.sedmitza.ru/text/443051.html>,
7. Child Francis James. English and Scottish Popular Ballad, ed. 1825-1896. – [Электронный ресурс]: <http://quod.lib.umich.edu>

Грамматические и семантические особенности словосочетаний, называющих ритуальные действия

В статье рассматриваются семантические и грамматические особенности словосочетаний, называющих ритуальные действия. В грамматическом аспекте изучаемые единицы представляют собой непредикативные глагольные словосочетания. В семантическом аспекте автор рассматривает понятие ритуальные действия и их отображение в языке.

In this article the author considers semantic and grammatical features of word combinations named ritual acts. In the grammatical aspect the studied phrases are non-predictive verbal combinations. In the semantic aspect the author analyzes the concept of ritual actions and its designation in the language.

Ключевые слова: семантические и грамматические особенности, словосочетания, называющие ритуальные действия, сигнификативная ситуация, денотативная ситуация.

Key words: semantic and grammatical features, word combinations named ritual acts, significative situation, denotative situation.

Цель статьи – рассмотреть грамматическую и семантическую природу словосочетаний, называющих ритуальные действия. В лингвистическом аспекте исследуемые словосочетания рассматриваются с двух сторон: с одной стороны, как грамматически связанное сочетание слов, образуемое по типу синтаксической конструкции путем соединения двух или более знаменательных слов, с другой – как семантически связанное сочетание слов, служащее для обозначения ситуации ритуального действия.

С точки зрения грамматики, исследуемые единицы относятся к словосочетаниям в широком смысле. В современной русской лингвистике словосочетание понимается в широком и узком смысле. Словосочетание в широком смысле представляет собой любое сочетание полнозначных слов, оформленное грамматическими и смысловыми показателями, независимо от их формы и назначения в речи, минимальное грамматическое и смысловое единство в составе предложения, отражающее связи реальной действительности (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон). Согласно данной точке зрения, к словосочетаниям относятся единицы с предикативной и сочинительной связью. В. А. Белошапкина, понимающая

фразеологизм в широком смысле слова, ограничивает состав словосочетаний непредикативными единицами, но оставляет в нем непредикативные конструкции с подчинительной с сочинительной связью [21, с. 588-602]. Под словосочетанием в узком смысле понимается синтаксическая единица некоммуникативного плана, образуемая путем соединения двух или более полнозначных слов на основе подчинительной грамматической связи и специфического значения (отношения), которое порождается характером этой связи и лексико-семантической соединимостью сочетающихся слов [26, с. 3]. Согласно этому подходу к словосочетаниям не относятся единицы с предикативной и сочинительной связью между компонентами (В. В. Виноградов, Н. Н. Прокопович, Н. Ю. Шведова).

В настоящей статье словосочетание рассматривается в соответствии с определением В. А. Белошапковой как непредикативное соединение на основе синтаксической связи слова с формой слова или формы слова с формой слова [21, с. 588-602]. Как следует из указанного определения, к исследуемым словосочетаниям не относятся предикативные единицы, например, пословицы с предикативными сочетаниями или сказуемым – предикативом, обозначающие ритуальные действия ограничительного характера: *бабе кровь проливать не годится; образа и ножи не купят, а меняют* [10] и т.п., но принадлежат конструкции с сочинительной связью, например, *зевать и крестить рот, пить стоя и не чокаясь*.

Изучаемые сочетания являются глагольными (имеют в своем составе глагол или отглагольные образования, например, отглагольные существительные): *перепекать ребенка, проводы русалки* и др.

Лингвисты отмечают, что при наименовании объектов или ситуаций в языке существуют определенные закономерности. Так, по мнению Н. Д. Голева, народные наименования птиц представлены в основном (около 85%) атрибутивными конструкциями типа *деревенская ласточка, большая синица*. Намного реже встречается другой тип составных наименований – согласование двух существительных: *кулик-красноножка, дрозд-деряба, лебедь-шипун*. Еще более редки в народной биологической номенклатуре генетивные конструкции, в отличие от научной (ср. *лошадь Пржевальского*). Иначе обстоит дело в сфере составных наименований артефактов и особенно их деталей (*шейка рельса, планка прицела, головка завода часов*), конкурирующих с атрибутивными конструкциями (*прицельная планка, спусковой крючок*). В сфере обыденной микротопонимии весьма регулярны субстантивные конструкции, выражающие пространственные отношения (*лес за мостом, болото у первой протоки*), но в процессе узуализации они часто заменяются «более узуальными» атрибутивными наименованиями, например, форма *лес у мостища* вытесняется формой *лес мостовой, поле от Ивашевки – Ивашевское поле, поле у церкви – Церковное поле* [9, с. 93-101].

Словосочетания, называющие ритуальные действия, представлены в языке глагольными конструкциями, так как ситуации действительности «кодируются» в языке преимущественно глаголами [12, с. 127], и именно глаголы играют особую роль в когнитивных процессах концептуализации и категоризации процессуально-событийного мира [11, с. 5].

В зависимости от структуры и типа связи были определены следующие типы словосочетаний.

1. Словосочетания с подчинительной связью, образованные по модели «глагол (или отглагольное образование) + нарицательное существительное»: *печь пироги, встречать хлебом-солью и др. Традиционным хлебом-солью встретили Святейшего Владыку у святых врат настоятельница игуменья Варвара (Трофимова) с насельницами обители (Визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия в Эстонию. 2003 // «Журнал Московской патриархии», 2003.10.27) [Здесь и далее примеры приводятся с сайта «Национальный корпус русского языка» [27]. – Т.Р.]*.

2. Словосочетания с подчинительной связью, образованные по модели «глагол (или отглагольное образование) + существительное с предлогом»: *сидеть на паперти, стоять в очереди и др. Иван пошёл к чемодану, а Нюра осталась **стоять в очереди** – терпеливо, с пониманием, что надо стоять, долго надо стоять (Шукшин В. Печки-лавочки, 1970-1972).*

3. Словосочетания с подчинительной связью, образованные по модели «глагол (или отглагольное образование) + собственное существительное»: *славить Христа, смотреть невест. Заневестилась Марья Гавриловна, семнадцатый годок ей пошел, стал Гаврила Маркелыч про женихов думать-гадать. В старинных русских городах до сих пор хранится обычай «**невест смотреть**». Для того взрослых девиц одевают в лучшие платья и отправляются с ними в известный день на условное место. Молодые люди приходят на выставку девишек, высматривают суженую. В новом Петербурге такие смотрины бывают на гулянье в Летнем саду, в старых городах – на крестных ходах. Так и в Казани водится (Мельников-Печерский П.И. В лесах. Кн. первая, 1871-1874).*

4. Словосочетания с подчинительной связью, образованные по модели «глагол (или отглагольное образование) + наречие»: *топить по-черному, единодушно одобрить и др. Советские воины, как и все трудящиеся нашей страны, горячо и **единодушно одобряют** решения майского Пленума ЦК КПСС (Могучий страж морских рубежей Родины (материал для докладов и бесед), 1972).*

5. Словосочетания с сочинительной связью, образованные по модели «два соединенных союзом глагола (или отглагольных образования) + существительное»: например, *зевать и крестить рот. Все было ясно: ни к чему была женитьба, ни к чему эта чужая женщина, которая ходит в капотах, **зевает под вечер и крестит рот** рукой; ни к чему земля, огород, с которым он не мог справиться (Тынянов Ю.Н. Кюхля, 1925).*

6. Сложные словосочетания, представляющие собой комбинации упомянутых выше типов: например, *изучать труды Ленина. Конечно, мы не изучаем труды Ленина так, как это делали наши родители лет 20 назад, потому что изменилось и государство, и политический строй* (Гузель А. Кто такой Ленин? // Труд-7, 2007.01.20).

Структурные модели исследуемых единиц разнообразны и соответствуют перечню моделей, характерных для словосочетаний русского языка (См., например, список моделей словосочетаний в [16, с. 270-299]).

Семантическая природа словосочетаний, называющих ритуальные действия, определяется обозначаемой ситуацией – ритуальным действием. В работах исследователей не существует единого определения ритуальных действий, ученые наряду с данным термином используют обозначения ритуал, обряд, обычай, обряд, стереотип, этикет и др. Существуют разные точки зрения на то, чем приведенные термины отличаются друг от друга. Некоторые исследователи отождествляют указанные единицы. Так, А. К. Байбуриин указывает, что «термины «обряд» и «ритуал» используются как синонимичные, но предпочтение отдается термину «ритуал» как международному. При этом он отграничивает ритуал от этикета: ритуал всегда сопряжен с некоторым изменением, переходом, преобразованием (например, в социальной структуре коллектива), в то время как этикет призван выявить и утвердить уже существующие социальные отношения, реальную (на данный момент) биосоциальную иерархию участников этикетной ситуации [2, с. 4]. А. И. Быкадоров, напротив, разделяет понятия «обряд» и «ритуал»: по его мнению, хотя и обряд, и ритуал являются символами определенных социальных отношений, но обряд, в отличие от ритуала, имеет не сакральную, а обыденную направленность, то есть обряд – это проецирование ритуала на повседневную жизнь [6, с. 16]. В. А. Маслова рассматривает производные отношения между понятиями, считая, что обряд происходит из обычая, а ритуал является составляющей обряда [14, с. 39-40].

Лингвисты также разграничивают понятие стереотипа и обрядовых действий. «Традиции и обычаи характеризует их объективированная значимость, открытость для других; стереотипы же остаются на уровне скрытых субъективных умонастроений, которые индивид и общество чаще всего от «чужих» намеренно скрывают. Стереотипы обладают подвижной, внутренне мобильной психологической структурой, а их устойчивость связана не только с внешними условиями, но и зависит от конкретных носителей – общества, коллектива, личности» [18, с. 80].

Г. А. Левингтон объединяет указанные понятия в одну группу, считая, что ритуал, обычай, обряд, этикет и тому подобные единицы – крайние точки на шкале символических форм поведения. И если под ритуализацией понимать не принадлежность к области сакрального, а такие характеристики поведения, как стереотипность, наличие стандартов осуществления, регламентированность, обязательность, то высшей степенью ритуализации

отмечены обряды, от выполнения которых зависит жизнь и благополучие коллектива, а низшей – обычаи, регламентирующие повседневную жизнь. Между ритуалом и обычаем располагаются переходные формы поведения, различающиеся степенью ритуализации [см.: 2, с. 18]. В соответствии с идеей Г. А. Левингтона, принятой в данной работе, и ритуал, и обычай, и этикет, и обряд, и остальные стереотипные формы деятельности понимаются как разновидности ритуальных действий с разной степенью проявления символичности: от высокой (религиозные обряды, следование приметам, идеологические ритуалы) до практически исчезнувшей (обычай, этикет). Последние В. Н. Топоров называет «выродившимися» ритуалами [23, с. 53], а А. К. Байбурин «деградированными формами» ритуала [2, с. 35]. При этом понятие стереотипа не противопоставлено остальным ритуальным формам, это их характеристика, отличительный признак. Другими признаками ритуального действия являются стандартизованность, регламентированность и обязательность.

Таким образом, ритуальные действия определяются как стереотипные, стандартизированные, регламентированные и обязательные для выполнения действия с разной степенью символичности, существование и динамика которых обусловлены историко-культурной ситуацией.

Ритуальные действия, как и другие явления и ситуации действительности, объективны и находятся за пределами языка. В высказывании представлено их семантическое отражение, преобразованное мышлением носителя языка. Для разграничения «факта» и его «языкового аналога», то есть для обозначения отображаемой экстралингвистической ситуации и ситуации, интерпретированной в речи носителя языка, лингвисты используют понятия денотативной и сигнификативной ситуаций. Понятие денотативной ситуации впервые появилось в теоретических работах по синтаксису и означало фрагмент действительности, получающий отображение в содержательной и речевой структуре предложения или текста [Т. А. ван Дейк, А. И. Новиков, Л. Г. Бабенко, С. В. Петров]. В соответствии с этим в диссертациях последних лет рассматривались денотативная ситуация разлада отношений, репрезентированная в биографическом нарративе [20], денотативные ситуации пословиц [15], вербального информирования [11]. В настоящее время появились работы, в которых денотативная ситуация рассматривается применительно к словосочетаниям и лексическим единицам: денотативная ситуация словосочетаний с английскими артиклями [17]), прозвищные наименования [22], многозначные глаголы [19; 24]. В настоящее время мнения по поводу того, что обозначать термином «денотативная ситуация», разделились. В концепциях одних ученых ситуация относится к миру, сфере действительности [см., напр.: 7, с. 358], то есть представляет собой экстралингвистическое явление, независимое от носителя языка. По мнению других, денотативная ситуация кроме описания объективной реальности отражает и способ

мышления говорящего. Абсолютно «чистой» языковой интерпретации не бывает [4, с. 222-223]. Говорящий субъект, отталкиваясь от своих прагматических целей, отбирает те компоненты денотативной ситуации, которые являются для него значимыми, образуя тем самым новую семантическую ситуацию [20, с. 9]. Человек – субъект сознания / мыслящий субъект – производит мыслительную ситуацию представления, то есть он «не просто называет нечто, но и сообщает об этом нечто» [1, с. 46]. В этом случае ситуация изоморфна способу мышления об объективной действительности [13, с. 446]. В. С. Храковский включает в понятие «денотативная ситуация» и экстралингвистическую действительность, и мышление, и язык, обозначая ее как «вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности» [25, с. 5].

С целью разграничения ситуации, существующей в объективной реальности, и ситуации, трансформированной в сознании говорящего и представленной в языке, В. Б. Касевич предлагает обозначать первые как денотативные ситуации, а вторые – как сигнификативные. На наш взгляд, такой подход наиболее полно учитывает особенности словосочетаний, называющих ритуальные действия, так как позволяет разделять то, что относится к области культурологического исследования – денотативные ситуации (объективно существующие ритуальные действия), и то, что находится в области лингвокультурологического изучения – сигнификативные ситуации (интерпретация денотативных ситуаций ритуального действия в семантике языковой единицы). Итак, вслед за В. Б. Касевичем, денотативные ситуации в настоящем исследовании определяются как элементы экстралингвистической действительности, описываемые отдельным высказыванием, а сигнификативные – как содержание высказывания, которое отражает фрагмент реальности и является семантическим соответствием денотативной ситуации [12, с. 127-128].

В. Б. Касевич отмечает, что одной денотативной ситуации в разных языках могут соответствовать различные сигнификативные ситуации. Например, денотативной ситуации, обозначенной в русском языке *я нашел очки*, в кхмерском и тайском языках будут соответствовать разные сигнификативные, в зависимости от того, найдены очки были случайно (*шел – нашел*) или в результате целенаправленного поиска (*искал – нашел*) [12, с. 127]. Применительно к ритуальным действиям примером несовпадения сигнификативных ситуаций в разных языках может служить ситуация прошения милости перед входом в церковь, обозначенная в русском языке как *сидеть на паперти*. В испанском языке существует более общее выражение, в котором слово *паперть* заменено *el atrio* – «двор». В обоих случаях обозначается одна и та же ситуация (в русской культуре просящие милостыню также могут не сидеть непосредственно на паперти, а находиться, например, у ворот церкви), но употребление лексемы *паперть* свидетельствует об особом отношении русского человека к данной реалии.

Ср.: «Факт присвоения носителями русского языка специальных наименований данным реалиям свидетельствует о значимости связанных с этими реалиями религиозных представлений <...> важным является момент перехода от мирской жизни к церковному бытию (паперть символизирует данный переход)» [5, с. 122]. Ср. пример: *В темных окнах, где кротко мерцали лампадные огоньки, в тенях, в фигуре старика монаха, сидевшего на паперти около образа с кружкой, было написано столько безмятежного покоя, что княгине почему-то захотелось плакать...* (Чехов А. П. Княгиня, 1889). В приведенном примере образ монаха символизирует человека, далекого от суетной действительности (что подтверждается актуализаторами «кротко», «безмятежный покой»), находящегося в пограничном состоянии между земным и небесным мирами, что соответствует пониманию *паперти* как перехода между мирской и церковной реальностями.

Таким образом, система ситуаций, представляемых в языке, носит идиоэтнический характер [12, с. 57]. Соответственно, семантика словосочетаний, называющих ритуальные действия, отражает сигнификативную ситуацию ритуального действия, включающую в себя культурную коннотацию и национально-специфическое отношение носителя языка к обозначаемой реалии. Как следует из определений сигнификативной и денотативной ситуаций, первые принадлежат к области лингвистики (семантики), а вторые – к культурологии, ориентированной на внеязыковую действительность.

Национально маркированными могут быть как денотативные, так и сигнификативные ситуации ритуального действия.

Примером национально маркированной ситуации, существующей в пределах одной этнической общности, является ситуация, обозначенная в русском языке выражением *относить отнсы*. Данный ритуал совершается с целью умиловить домового: «берут кусок хлеба, посыпанный солью и завернутый в чистую белую тряпку, прошитую красной ниткой, выходят в сени или на улицу (перекресток) и, положив на что-нибудь хлеб-соль в тряпке, кладут четыре земных поклона на все стороны, призывающие «хозяина» возвратиться в дом и переложить гнев на милость; белая тряпка, как объясняется, изображает рубаху, жертвуемую домовому...» [10]. В словосочетаниях, обозначающих подобные денотативные ситуации, наличие культурной коннотации объясняется национальной спецификой отображаемой реалии. В том случае, если денотативная ситуация, обозначаемая словосочетанием, не уникальна для рассматриваемой культурной общности, национально-специфичной может быть только сигнификативная ситуация (См. пример *сидеть на паперти*).

Таким образом, с грамматической точки зрения, исследуемые словосочетания представляют собой конструкции с непредикативной сочинительной и подчинительной связью, строятся по моделям словосочетаний,

характерных для русского языка и включают в себя глагольный компонент (глагол или отглагольное образование), что характерно для данного типа наименования. Семантическая природа исследуемых словосочетаний определяется обозначаемой ситуацией ритуального действия. Под ритуальными действиями понимаются стереотипные, стандартизированные, регламентированные и обязательные для выполнения действия с разной степенью символичности, существование и динамика которых обусловлены историко-культурной ситуацией. Ритуальные действия, существующие в реальности, и их представление в языке различаются, что обусловило необходимость введения терминов денотативная и сигнификативная ситуации ритуальных действий. Денотативная и сигнификативная ситуации ритуальных действий могут быть национально маркированными.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука, 1994.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянского обряда. – СПб.: Наука, 1993.
3. Байбурин А. К., Топорков А. Д. У истоков этикета: Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990.
4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. – Л.: Наука, 1987.
5. Булавина С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2003.
6. Быкадоров А. И. Ритуал в современной культуре: дис. ... канд. филол. наук: 09.00.13. – Ростов-на-Дону, 2006.
7. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986.
8. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М., 1973. – С. 350-372.
9. Голев Н. Д. Стихийная узуализация номинативных единиц // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 21. – С. 93-101.
10. Даль В. И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб.: Литера, 1994.
11. Иванова-Мицевич И. В. Денотативная область вербального информирования и особенности ее отражения в английском предложении: Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Минск, 2009.
12. Касевич В. Б. Введение в языкознание: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2011.
13. Лекомцев Ю. К. Психическая ситуация, предложение и семантический признак // Труды по знаковым системам. Уч. зап. – Тарту: Тартуский ун-т, 1973. – Вып. 308. – С. 444-463.
14. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. – М.: Академия, 2001.
15. Маркелова Е. В. Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (На материале русских пословиц о труде и лени): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Новосибирск, 2004.

16. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1972.
17. Огуречникова Н. Л. Системный статус, значение и функции артиклей в английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. – Санкт-Петербург, 2008.
18. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Педагогика–пресс, 1996.
19. Плотникова А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола: на материале глаголов социальных действий и отношений: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Екатеринбург, 2009.
20. Сердюкова Д. Б. Речевое представление ситуации разлада отношений в биографическом нарративе: на материале документальной художественной прозы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 2010.
21. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989.
22. Стрельцова М. Ю. Прозвищные именованья в русском языке: денотативные типы и структурно-семантические модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Владивосток, 2010.
23. Топоров В. Н. О ритуале // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 3-66.
24. Трухановская Н. С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации: в сфере предикатов физического воздействия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2009.
25. Храковский В. С. Проблемы деривационной синтаксической теории: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Тбилиси, 1972.
26. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). – М.: Просвещение, 1966.
27. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]: <http://www.ruscorpora.ru>.

Типология изменений в лексической подсистеме тематической сферы государственное управление в русском языке начала XXI века

В статье описываются изменения в лексической подсистеме тематической сферы государственное управление в русском языке новейшего периода, которые обусловлены серьезными изменениями социально-политического и экономического характера; рассматриваются неологизмы-заимствования, морфологические и синтаксические неологизмы. Исследуются функционально-семантические трансформации, связанные с изменениями в содержании функционально-стилистического компонента лексической семантики.

The given work deals with the description of innovations in the lexical subsphere of “state administration” sphere in the Russian language of the modern period. The appearance of such innovations is caused by the essential changes of socio-political and economic character. Strong innovations represented at the lexical-semantic level: neologisms-borrowings, morphological and syntax neologisms. Also functional-semantic innovations dealing with the changes in functional-stylistic component of lexical semantics are investigated.

Ключевые слова: неологизм, сильные неологизмы, слабые неологизмы, морфологические неологизмы, синтаксические неологизмы, неологизмы-заимствования, функционально-семантические инновации.

Key words: neologism, strong and weak neologisms, morphological neologisms, syntax neologisms, neologisms-borrowings, functional-semantic innovations.

Современный этап развития российского общества, получивший в разных источниках наименования «новейший», «постиндустриальный», «эпоха сервисного общества», «эпоха информационного/ электронного общества», характеризуется значительными переменами во всех сферах общественной жизни, которые оказывают безусловное влияние на языковую ситуацию. Значительный интерес, на наш взгляд, вызывают языковые процессы, затрагивающие достаточно восприимчивую к влиянию социальных факторов лексическую систему тематической сферы государственное управление. Она связана «с представлениями о специфике деятельности государства по осуществлению его властной и других функций всеми органами, институтами всех ветвей власти, а также сознательного воздействия государственных институтов на деятельность общества, его отдельных групп, в котором реализуются общественные потребности и интересы, общезначимые цели и воля общества» [2, с. 49].

Трансформации в лексической системе сферы государственное управление находят яркое проявление в процессах неологизации, представлен-

ных на лексико-семантическом уровне языковой системы (сильные неологизмы), а также связанных с обновлением лексического состава (слабые неологизмы) [1, с. 10-11]. Среди сильных инноваций мы вслед за профессором О. В. Загорюковой выделяем лексические (неологизмы-заимствования), морфологические и синтаксические неологизмы [1, с. 10].

Новая иноязычная лексика рассматриваемой тематической сферы в русском языке в новейший период его развития представляет собой, как правило, слова, заимствованные способом калькирования, и в большинстве случаев номинирует новое понятие или (реже) заменяет громоздкий описательный русский оборот. Среди подобного рода инноваций можно выделить обозначения новых моделей государственного управления (ср.: *государственное администрирование, электронное правительство, новый государственный менеджмент, новая модель управления обществом, новое государственное управление, онлайн-правительство, глобальное управление, электронное государство* и др.); наименования государственных мероприятий (ср.: *целевая комплексная программа, видеоконференц-связь, видеоконференция, телеконференция, веб-присутствие* (органа власти) и др.); обозначения отличительных признаков нового государственного управления (ср.: *транспарентность, цифровое расслоение, цифровое неравенство, готовность к информационному обществу, электронное участие* и др.); наименования лиц, участвующих в новом государственном управлении (ср.: *тефлоновый политик, электронная администрация, рабочая группа, электронные элита* и др.); наименования отрицательных явлений в госуправлении (ср.: *провалы государственного регулирования* и др.).

Следует отметить, что в лексике тематической сферы государственное управление в русском языке начала XXI века также активно происходит пополнение словаря морфологическими и синтаксическими неологизмами. Процесс образования лексических единиц различных частей речи в исследуемой сфере в настоящее время отличается чрезвычайным динамизмом. Среди наиболее продуктивных способов образования неологизмов-существительных тематической сферы государственное управление можно выделить способы аффиксации и сложения.

Среди аффиксальных неодериватов в количественном отношении выделяются суффиксальные производные, являющиеся: названиями лиц, участвующих в управленческой деятельности (ср.: *омоновец (ОМОН), спецназовец (спецназ), фондовец (Пенсионный фонд), кремлевец (Кремль), выдвигенец; лоббист, федералист; путинист (сторонник Путина), гэбист/гебист/ГБист* и др.), а также лексические единицы, образованные от основ актуализированных лексем (ср., напр., *думец* и некоторые другие); наименованиями процессуального характера, характерными для сферы госуправления (ср.: *управляемость, безальтернативность, ведомственность, государственность, инновативность, предвыборность, коридор-*

ность в значении «характер поведения и качество рабочих решений, определяемых ориентацией на настроения и атмосферу в коридорах власти», карманность в значении «послушное выполнение чужой воли вследствие зависимости в политическом или ином отношении»; монетизация, минимизация, бюрократизация, фракционализация, ФСБизация; огражданивание, администрирование; президентство, премьерство и др.).

Отмечаются также случаи суффиксального образования существительных сферы государственного управления на основе стяжения словосочетаний (при образовании универбатов), среди которых выделяется: а) нульсуффиксальная универбация (ср.: *нелегал* в значении «человек, находящийся на нелегальном положении», *неформал*, *маргинал*, *федерал*, *муниципал*, *регионал* и др.); б) суффиксальная универбация (с суффиксами -ик-, -ник-: *народник*, *силовик*, *теневик*; *правозащитник*; *налоговик*, *сетевик* в значении «представитель политических сетей», *инициативник*, *государственник*, *списочник* в значении «депутат, избираемый по партийным спискам», *общественник* в значении «член Общественной палаты»; с суффиксом -к(а)- : *социалка* – социальный заказ; *наложка* – налоговая инспекция; *чрезвычайка* – чрезвычайная ситуация, *оборонка* – оборонная промышленность, *трехлетка* – трехлетний бюджет; с суффиксом -чик-: *аппаратчик* – работник государственного аппарата; с суффиксом -щик-: *альтернативщик*, *безальтернативщик*, *коммунальщик*, *номенклатурщик* и др.). Как видно, подобные наименования являются функционально-стилистически и экспрессивно-стилистически окрашенными. Будучи неофициальными названиями предметов и явлений сферы государственного управления универбаты в начале XXI века всё больше вытесняют официальные наименования-словосочетания.

Префиксация как способ образования новых слов в последнее десятилетие занимает достаточно заметное место. Как показало исследование, в начале XXI века префиксальные производные создаются для обозначения: 1) интенсивности проявления признака понятий или явлений (супер-: *суперсекретность*; гипер-: *гипернеэффективность* и др.); 2) отсутствия, противоположности или устранения (де-: *дебюрократизация*, *декриминализация*, *деполитизация*, *децентрализация*, *дестабилизация*, *демодернизация*; раз-: *разбюрократизация* и др.); 3) неистинности, ложности (квази-: *квазипарламентаризм* и др.); 4) повторности чего-либо или противоположности чему-либо (ре-: *ресоциализация*, *реструктуризация* и др.); 5) отрицания (не-: *ненаращивание (о расходах)*, *неплательщик*, *неплатежи*); б) утраты того или иного признака (экс-: *экс-руководитель*, *экс-губернатор*, *экс-президент*, *экс-глава*, *экс-депутат*, *экс-спикер*, *экс-лидер*, *экс-премьер-министр*); 7) предшествования (до-: *довыборы*, *доизбрание* и др.).

Зафиксированы также единичные случаи усечения (ср.: *вице* - вице-премьер): Но мало жесткого премьеры, есть еще и господин Шувалов, первый вице (Московский комсомолец, 06.2008).

В настоящее время при образовании имен существительных, называющих понятия сферы нового государственного управления, проявляет весьма высокую активность способ сложения, реализующийся в виде основосложения и словосложения. При основосложении образуются сложные слитные слова, которые в данной сфере представлены, прежде всего, сложносокращенными словесными знаками, среди которых выделяются: а) соединения начальной части первого слова и целого второго слова (ср.: *госзаказ, госслужба, госслужащий, госуслуга, госрегулирование, госзадание, госфункции, госуправление, госдума, госсектор, госструктура, госаппарат, депгруппа; комфракция; админреформа, админресурс; правкомиссия; заксобрание; Минэкономики, Минобрнауки, Минрегион* и др.). Кроме того, сложные слова могут быть представлены сложениями с препозитивными или постпозитивными префиксоидами интернационального характера (видео-: *видеоприемная, видеосвязь, видеостена*, теле-: *теледебаты, теледемократия, телемост*; моно-: *моногород, моноэкономика*; мини-: *мини-послание, блиц-: блицвизит* и др.); б) соединения начальных частей каждого слов (ср.: *Кабмин, госкомстат, Центризбирком, полпред, избирком, нардеп* и др.); в) соединения целых слов посредством интерфикса, чаще всего находящихся в подчинительных отношениях (ср.: *бюджетополучатель, клиентоориентированность* (в оказании госуслуг) и др.); г) соединения первого слова и конца второго слова (ср.: *тандемократия* – тандем + демократия, *путиномика* – Путин + экономика и др.). Активизация появления аббревиатур в анализируемой сфере также является одной из примет русского языка начала XXI века (ср.: *ГД - Государственная Дума, СФ – Совет Федерации, ЗС – Законодательное собрание, ОП – Общественная палата, ФЦП – федеральная целевая программа, ДЦП – долгосрочные целевые программы* и др.).

К числу менее активных процессов в области современного русского словопроизводства относится образование сложных слов с отдельно оформленными частями, которые представляют собой один из видов слов-композиций, созданных способом словосложения. Подобные композиты образуются по модели «существительное + существительное» с дефисным написанием (ср.: *чиновник-блогер, чиновник-менеджер, чиновник-экономист, кандидаты-двойники, ведомства-соисполнители* и др.).

Основную часть имен прилагательных-неологизмов лексико-семантической сферы государственное управление составляют отсубстантивные дериваты. Как отмечают исследователи, чаще всего в настоящее время активизируются участвующие в образовании новых лексем префиксы, передающие социально и культурологически значимую семантику. Ср.: анти- (значение «направленный против, созданный по противополож-

ным законам»): *антигубернаторский, антикремлевский, антикоррупционный, антиноменклатурный, антиполпредовский, антипутинский, антимедведевский* и др.; *про-* (*прогубернаторский, прокремлевский, пропутинский, проправительственный* и др.); *не-* (*непарламентский, негосударственный, неконкурентный, неконституционный* и др.); *после-, пост-* (*послекризисный, посткризисный, постреформенный* и др.); *вне-* (*внебюджетный, внеправительственный, внепарламентский* и др.); *внутри-* (*внутридумский, внутрикорпоративный, внутриправительственный, внутритандемный* и др.); *меж-* (*межведомственный, межпарламентский, межправительственный, межрегиональный, межфракционный* и др.); *пред-* (*предвыборный, предкризисный*); *около-* (*околопрезидентский, околосударственный, околономенклатурный* и др.); *над-* (*надминистерский*); *мульти-* (*мультиполярный*); *супер-* (*суперпрезидентский*); *гипер-* (*гипергосударственный*); *экстра-* (*экстрапремьерский*); *полу-* (*полудемократический, полукоррупционный*).

Как показывает анализ, при образовании прилагательных лексики анализируемой сферы используются суффиксы (ср.: *-ов-* (*инжиниринговый, сбытовой* и др.), *-н-* (*тандемный, элитный, командный, префектурный* и др.), *-ск-* (*путинский, медведевский, вице-премьерский, премьерский, сенаторский, вице-президентский* и др.).

В лексико-семантической сфере государственное управление выявлены отдельные случаи образования прилагательных способом сложения (нередко с первой частью пояснительного типа) (ср.: *контрольно-надзорный, оперативно-стратегический, парламентско-правительственный, президентско-премьерский, аппаратно-бюрократический, политико-управленческий, путинско-медведевский, плебисцитарно-бюрократический*; ср. также: *коррупциозный, наукоемкий* и др.). В некоторых случаях сложение сопровождается суффиксацией (ср.: *белодомовский* и др.).

Неологизмы-глаголы и наречия (ср.: *монопольно, электорально, оппозиционно, приватизационно, антимодернизационно* и др.) в исследуемой тематической сфере представлены незначительным числом новообразований, созданных, как правило, по традиционным для русского языка моделям с использованием типичных глагольных и наречных суффиксов. Так, например, среди новообразований-глаголов в области лексики сферы государственное управление чаще всего отмечаются неологизмы с суффиксом *-ова-, -ирова-, -изирова-* (ср.: *администрировать, лоббировать, квотировать, олигопозизировать, позиционировать, масштабировать* и др.). Активно употребляются в настоящее время глаголы, образованные с помощью префиксов (ср.: *пере-*: *переголосовать*; *за-*: *заволокитить, забюрократизировать*; *по-*: *порешать*; *про-*: *продавить* и др.).

Как показал анализ фактического материала, в настоящее время в тематической сфере государственное управление появляются синтаксические неологизмы, под которыми в настоящем исследовании мы понимаем

номинации, реализующие новые возможности лексико-фразеологической сочетаемости языковых единиц (ср: *государственный менеджмент, управлять в ручном режиме, административный ресурс* и др.).

Среди слабых инноваций можно отметить собственно семантические неологизмы, характеризующиеся изменениями в семантической структуре слова в целом или изменениями в содержании денотативного и эмотивного компонентов отдельного значения словесного знака, и функционально-семантические инновации, связанные с изменениями в содержании функционально-стилистического компонента лексической семантики.

Собственно семантические инновации появляются в результате действия механизмов метафорических, метонимических и родовидовых переносов.

Учитывая особенности механизма образования метафорических номинаций тематической сферы государственное управление, мы выделили наиболее яркие модели метафорического переноса: 1) метафорический перенос, основанный на сходстве функций, а также характера, способа, результата действия (ср.: *настройка правительства, распечатывание госгарантий, зависающий законопроект, продавить законопроект, проштамповать поправку, раскачать сектор* и др.); 2) метафорический перенос, основанный на сходстве принципа внутреннего устройства, количества составляющих элементов (ср.: *вертикаль, вертикальный, верхние этажи власти, барьеры административные, рычаги принятия государственных решений* и др.); 3) метафорический перенос, основанный на сходстве внешнего вида, размеров и величины предметов (ср.: *пакет инициатив, пирамида из ветвей власти, бюрократический коридор* и др.); 4) метафорический перенос, основанный на сходстве значимости признаков или общего впечатления от предметов (ср.: *прозрачная вертикаль, заматое поручение, рамочный документ, мягкие трансформации госуправления* и др.).

При образовании семантических неологизмов тематической сферы «Государственное управление» путем метонимизации используются следующие семантические модели: 1) содержащее – содержимое (ср.: *Охотный ряд* в значении «Государственная Дума РФ», *Белый дом, Кремль, портфель поручений, левые инициативы, свободный микрофон* и др.); 2) признак объекта - признак другого объекта, как-либо связанного с первым объектом, изготовленного из него или использующего его (ср.: *тандемный* в значении «входящий в тандем Путин – Медведев» и «рекомендованный тандемом», *нечестные методы, карманный госорган* и др.); 3) действие – результат действия (ср.: *наработки* и др.).

Родовидовые трансформации связаны с расширением (ср.: *знаковый* в значении «отличающийся особой важностью», *институт президентской власти* и др.) или сужением (ср.: *площадка для решения административно-государственных вопросов, тандем, зачистка* и др.) исходного значения

производящего слова, а также с семантическим сдвигом (ср.: *парламент, президент, премьер, премьер-министр, мэр, мэрия, вице-мэр, вице-президент, вице-премьер, вице-спикер, сенат, разделение властей, бюрократизм, бюрократия, бюрократ, валоризация, вертикальная централизация, вето, коррупция, коррупционный* и др.).

Среди функционально-семантических инноваций тематической сферы государственное управление можно выделить, прежде всего, актуализированные лексемы, к которым относятся названия управлений, ведомственных подразделений, организаций (ср.: *добровольная народная дружина, главк, госбезопасность, исполком, районо, облоно, партбюро, партгруппа, президиум, общественные приемные* и др.), наименования лиц, участвующих в государственном управлении и активной общественной жизни (ср.: *дружинник, назначенец, полпред* и др.), наименования мероприятий государственного характера (ср.: *план, госплан, плановый, планирование, селектор* и др.), наименования важнейших понятий государственной сферы (ср.: *ГОСТ, партдисциплина, назначенство, партсобрание, перевыборы, довыборы, самоотвод, баланс трудовых ресурсов, премия, человеческий фактор, социализация, обсуждение* и др.). Отмеченные процессы актуализации лексических единиц сферы государственного управления, проявляющиеся в частотности их употребления, в первую очередь, в средствах массовой информации в целях нейтральной номинации, а также в отсутствии при них хронологических помет в толковых словарях последних лет, свидетельствуют о возникшей в современном обществе потребности в восстановлении преемственности административных номинаций досоветской и советской России.

Расширение активного словарного запаса тематической сферы государственное управление в новейший период развития русского языка может происходить также за счет слов, ограниченных ранее в функционально-стилистическом отношении. Прежде всего, это касается слов терминологического (ср.: *информационно-телекоммуникационные технологии, блог, сервер, онлайн, портал, IT-технологии, сайт* – из сферы информационно-коммуникационных технологий; *экономизация власти, менеджеральный подход к госуправлению, государственный менеджмент, продуктивность госуправления, менеджер страны* – из сферы экономики; *клиент, сервисное общество, государственные услуги, покупатель госуслуг, общество услуг* – из сферы обслуживания; *инновации, вертикаль инноваций, техноград, особые экономические зоны, нанотехнологии* – из научно-технической сферы; *ребрендинг, промо-акция, пиар-кампания* – из рекламной сферы), жаргонного (ср.: *откат, откатывать, отмывание доходов* и др.) и разговорного (ср.: *продавить* в значении «добиться принятия государственного решения или вступления лица в должность при помощи различных ухищрений»), *подвижка* в значении «положительное изменение, успех на пути развития, прогресса в социально-экономической и полити-

ческой сферах», *накачка* в значении «повышение профессионального уровня госчиновников», *мониторить*, *отписка*, *взбучка*, *перетасовки*, *проволочки* и др.) характера.

Противоположным активизации является процесс пассивизации, проявляющийся в выходе лексических и фразеологических единиц данной тематической сферы в пассивное употребление. К пассивным лексическим единицам досуговой сферы в настоящее время относятся названия органов государственной власти (ср.: *Верховный Совет СССР*, *президиум Верховного Совета*, *милиция*, *политуправление*, *соваппарат*, *совбюрократ*, *Совет*, *Генсек* и др.) и методов их деятельности (ср.: *промфинплан*, *госполитуправление*, *народный контроль*, *руководящая/генеральная линия партии*, *проводить партийную линию*, *социалистическое/встречное обязательство*, *перевыполнение плана*, *соцсоревнование*, *пятилетка*, *семилетка* и др.).

В целом, перечисленные инновации свидетельствуют о динамическом развитии лексики тематической сферы государственное управление в русском языке новейшего периода и являются обусловленными глобальными социально-политическими и экономическими переменами в России.

Список литературы

1. Загоровская О. В. Лексические инновации в русском языке новейшего периода // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI веков. – Воронеж, 2001. – С. 10-11.
2. Зеркин Д. П., Игнатов В. Г. Основы теории государственного управления: Курс лекций. – М.: МарТ; Ростов н/ Д.: МарТ, 2007.

Субъектный предикатив и эвиденциальные наречия английского языка как средство передачи информации hearsay

В статье рассматривается субъектный инфинитив (шире – предикатив), который передает модальную оценку степени достоверности, эмоциональное отношение к сообщаемому. Одной из основных функций вставочного модуса является передача информации из третьих рук, то есть hearsay (слух, сплетня, утечка информации, клевета), который выражает определенную долю уверенности или недоверия к достоверности приводимой информации. Аналогичными функциями обладают эвиденциальные наречия *allegedly, arguably, reportedly, reputedly*.

Sentences with Subject Predicative (infinitive) constructions express different types of attitudes towards the main information-modal evaluation degree of truth, emotional attitude. One of the main functions of embedded modus is conveying hearsay information of rumor, leakage of information, slander. Similar functions have the evidential adverbs “allegedly, arguably, reportedly, reputedly”.

Ключевые слова: субъектный предикатив, эвиденциальность, эвиденциальные наречия, *hearsay, allegedly, reportedly, reputedly*.

Key words: subject predicative, evidentiality, hearsay, evidential adverb, *allegedly, reportedly, reputedly*.

Конструкции субъектного инфинитива (шире – предикатива) кажутся неудобными и трудными даже для носителей языка. Сферой их употребления является письменная речь. Это выражения типа *She is said to be rich; She is reputed to be clever* и др. С грамматической точки зрения они представляют собой сложный субъект, состоящий из собственно субъекта и инфинитива или причастия, разделенный вставочным модусом типа *Is / was said*. В силу этого обстоятельства традиционный термин субъектный инфинитив представляется менее удачным, чем субъектный предикатив, поскольку в качестве предикатива могут выступать причастия и даже герундий после *as* [1].

Целью нашей работы является стремление показать, что одной из важных функций вставочного модуса субъектного предикатива, а также эвиденциальных наречий является передача информации *hearsay*. По определению известного Оксфордского словаря Хорнби, «*hearsay – something you have heard about from other people but do not know to be definitely true or correct* [8, с. 553] (*Hearsay* (хисей) – это нечто, что вы слышали от других людей, но не знаете, верно ли это или правильно) [пер. здесь и далее наш. –

С.Б.]. Информация может формально передаваться главной частью сложноподчиненного предложения, например: *It is said, is reputed, it is reported, it is rumored, that...* Однако чаще всего эти выражения встречаются во вставочной части субъектного инфинитива, поскольку он выражает вторичную, а не основную информацию. Этой функцией является обезличенная передача слухов, разговоров, сплетен, неточной информации. Не случайно мы можем легко перенести вставочный модус в начало предложения. Этот модус выражается при помощи глаголов речи *to report, to repute, to assume, to presume, to rumor*. Ср: *She is reported to have returned to her home country*.

В учебных пособиях и научной литературе справедливо подчеркивается книжный характер этих конструкций, хотя высказывается и иная точка зрения. Г. А. Вейхман считает, что «...предложения типа *He is expected to be out* имеет более разговорный характер и употребляется чаще, чем *We expect him to be out* или *It is expected that he is out*» [4, с. 349]. Там же утверждается, что «подобные предложения лучше соответствуют языковой норме, если в них не упомянуть действующее лицо в сочетании с предлогом *by*: *He is expected by everyone to be out*. Впрочем, в ломаной речи иностранцев можно услышать фразы типа «Книга читать», которые напоминают субъектный инфинитив. В газетных статьях предложения с субъектным предикативом встречаются часто. Приведем несколько примеров: *Moscow is widely reputed as Russia's dirtiest wants to prevent search queries in Yandex and Google from displaying negative reports about it's ecology* (SPT-2011); *It is unclear what the 59-year-old is up to now, but he is rumored to be in Chechnya* (SPT-2011).

После глаголов *to consider, to accept, to explain, to mention, to regard, to take, to treat, to understand*, как правильно отмечают И. П. Крылова и Е. В. Крылова, если за ними следует *as*, употребляется инфинитивная форма [5, с. 119]. Например: *At school we were considered as going together* (В школе считали, что мы неразлучны); *In the town we were regarded as being poor as church mice* (В городе считали, что мы бедны, как церковные мыши). Как видно из примеров, субъектный предикатив с *as+Gerund* также передает информацию *hearsay*. Причем следует подчеркнуть, что маркером этой информации является именно вставочный модус с глаголами мысли и речи. Субъектный предикатив, кроме передачи *hearsay*, имеет и другие функции. Это, прежде всего, модальная функция оценки возможности, вероятности события. Ср.: *He is likely to come* (Вероятно, он придет). Кроме того, при употреблении *to seem, to appear, to look* в активном залоге передается непосредственное ослабленное восприятие говорящим события, а также выражается его мнение. Ср.: 1) *He seems to be tired*; 2) *He looks tired*; 3) *He appears to be tired*.

Однако мы ограничиваемся описанием одной из главных функций – функции передачи репортивной информации, то есть информации с чу-

жих слов, информации слухов, сплетен, разговоров, пересудов. Спорным является отнесенность веры, мнения к субъекту речи, хотя он и не исключается. Ср.: *He is sure to win; He is certain to win; He is cinch to win* (Am E). Очень соблазнительным является соотнесение уверенности вставного модуса с самим говорящим *I am sure/certain that they will win*, как это делает известный британский лингвист Р. А. Клоуз [9, с. 75]. Однако говорящий как бы прячется за мнением определенной группы лиц или же передает их истинную уверенность. И в последнем случае имеет место передача информации из третьих рук, с которой, в первую очередь, может быть согласен и сам говорящий. По крайней мере, имеет место грамматическое выражение передачи мнения многих лиц.

Интересным представляется употребление глаголов ментального восприятия в субъектном предикативе *to assume, to claim, to hold, to believe, to consider, to expect, to find, to know, to mean, to presume, to regard, to suppose, to take, to think, to understand*. Например: *He is believed to be a great authority on the subject* (Он считается большим авторитетом в этой области науки); *Billions of stars are assumed to exist in the Universe* (Как полагают, миллиарды звезд существуют в космосе).

Как можно легко заметить, конструкции с ментальными глаголами также передают информацию мнения среди определенной группы лиц: *считается, верится* и др. Таким образом, становится очевидным, что одной из основных функций субъектного предикатива является передача информации из третьих рук, при этом может выражаться и определенная оценка степени достоверности этой информации при употреблении ментальных глаголов *to believe, to consider, to think, to expect*, однако эта оценка выражена слабо, поскольку основной функцией этих фраз является передача мнения. Оценочное мнение, как правило, не соотносится с субъектом предложения и с субъектом речи, а с какой-то неопределенной группой лиц, которые разделяют это мнение. Ср.: *Where do they study? – They are understood to study at some medical institute* (Где они учатся? – Говорят, что они учатся в медицинском институте). Этот пример говорит о том, что подобного рода конструкции действительно проникают даже в устную речь.

В трактовке и описании подобного рода конструкций нет единства. В грамматиках встречаются определение этих выражений как сложного субъекта (Complex Subject). Г. А. Вейхман считает, что высказывания типа *He is expected to be out* представляют собой предложения со сложным подлежащим, которое состоит из существительного в общем падеже или местоимения в именительном падеже, вторая – инфинитив, выражающий действие [4, с. 349-354]. Н. А. Кобрин, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков определяют их как сложные структуры с комплексным именным сказуемым двойной ориентации (a compound predicate of double orientation). Фактически речь идет о том, чтобы относить подобного рода выражения не к под-

лежащему, а к сложному сказуемому. Формальные основания для подобной точки зрения имеются, ведь вставка типа *is believed* включается структуру сказуемого. Причем «первая часть сказуемого ориентирована на невербализованный субъект, хотя по форме согласуется с вербализованным субъектом. Вторая часть ориентирована на присутствующий субъект, хотя эта отнесенность никак не отражена в форме» [6, с. 247-248]. Третья точка зрения на данную конструкцию восходит к латинскому номинативу с инфинитивом. Не случайно эти обороты речи часто называются субъектным инфинитивом. Эта функция инфинитива называется субъектный предикатив, потому что действие, обозначенное инфинитивом, является как бы вторым сказуемым к субъекту (подлежащему) предложения. Более того, как уже было сказано, в позиции инфинитива встречается причастие и даже герундий, поэтому уместнее употреблять субъектный предикатив. Ср.: *He was reported feeling much better* (Как сообщали, он чувствует себя гораздо лучше). Это предложение состоит из субъекта, из субъекта и инфинитива или *-ing-* формы в качестве предикатива, которые прерываются вставочным в модусом в пассиве. Этот модус соотносится скорее с невыраженным субъектом, чем реальным субъектом предложения, ведь вставочный модус легко трансформировать в формально главную часть сложноподчиненного предложения. Ср.: *She was believed to have left her husband* (Как полагали многие, она сама ушла от мужа): *It was believed (Some people believed) that she had left her husband*. По сути дела имеет место сплав двух предложений в одну структуру. Именно факультативность информации вставочного модуса и послужила причиной его сдвига в структуру предложения и возникновения подъема подлежащего.

Эпистемические значения, сочетающиеся с оценкой достоверности информации хисей (*hearsay*), выражают ментальные глаголы *to understand, to believe, to consider, to regard, to expect*, например: *It is believed that wanted man is living in New York – The wanted man is believed to be living in New York*. Это обстоятельство позволяет нам отнести часть конструкции субъектного предикатива и особенно ее вставочного компонента к категории эвиденциальности [7], которая передает указание на источник информации. В данном случае этим основанием является пассив вставочной части и ее принципиальная обезличенность. Неопределенный источник информации и является средством передачи репортивной информации *hearsay*. К основным источникам информации в речи относятся: 1) сенсорика (прямая эвиденциальность) как непосредственное восприятие органами чувств, то есть зрением, слухом, а также сведения, получаемые от вкусовых и тактильных ощущений, запаха; 2) инферентив (косвенная эвиденциальность) как информация вывода (индуктив, дедуктив, абдуктив); 3) память и опыт говорящего; 4) репортив – информация, полученная из чужих слов. Косвенная речь, которая также входит в репортив, достаточно хорошо изучена. Однако информация

hearsay, которая циркулирует в виде слухов, сплетен, остается слабо исследованной. Ключевой фразой для hearsay в русском языке является «Говорят, что...». Эвиденциальность в английском и русском языках выражается на уровне семантики, а не морфологически. Нет сомнения в том, что одной из основных функций субъектного предикатива является передача информации из третьих рук, то есть информация понаслышке. К информации из первых рук относится прямая речь, из вторых рук – косвенная, к информации из третьих рук – слухи, сплетни. В английском языке для передачи информации из чужих слов употребляются эвиденциальные наречия [2, с. 28-31], которые в основном находят соответствие по своим функциям с препозитивным и вставочным модусами субъектного предикатива. Ср.: 1) *It is alleged that he is at home*; 2) *He is alleged to be at home*; 3) *Allegedly, he is at home*.

В речи от причастных форм образовались эвиденциальные наречия с функцией указания на содержание передаваемой речи, которая циркулирует в виде слухов: *admitted – admittedly, assumed – assumedly, purported – purportedly, alleged – allegedly, reported – reportedly, supposed – supposedly*. Ср.:

Assumedly – It is assumed – He is assumed to be at home;
Expectedly – It is expected – He is expected to arrive soon;
Reportedly – it is reported – He is reported to have died;
Reputedly – It is reputed – He is reputed (to be) rich;
Purportedly – It is purported – He is purported to disagree;
Presumably (presumably) – It is presumed – He is presumed dead;
Admittedly – It is admitted – The plan is admitted to be not without difficulties;

Allegedly – It is alleged – He is alleged to be ill;

Arguably – It is argued – He is argued to be the best in his profession.

Однако не от всех глаголов, употребляющихся в во вставочном модусе субъектного предикатива, могут образовываться наречия. Так, есть *It is considered*, но нет наречия *consideredly* и *It is rumored*, но нет *rumoredly*. Их развитие продолжается, так как эвиденциальные наречия более удобны для употребления в речи, чем субъектный предикатив. Так, относительно недавно, около двух десятилетий назад, появилось наречие *arguably*, которое несомненно образовалось в результате сокращения модуса *It is argued*. Ср.: *Senna was arguably the best racing driver of all time* (Как утверждают многие, Сенна был лучшим гонщиком всех времен). Это слово пока не устоялось в своем значении, поскольку для выражения сильной степени уверенности имеется отрицательная форма *unarguably*, однако и положительная форма служит для выражения некоторой доли уверенности (*often used before the comparative or superlative – one could give reasons to support the view*), хотя и происходит от прилагательного *It is*

arguable (это спорно, по этому можно спорить). Обычно в словарях дается следующее определение: *arguable – as may be shown by argument*. Ср.: *She is arguably the best cellist in Europe* (Можно доказать, что она лучший виолончелист в Европе). Модально-эвиденциальные наречия, наряду с передачей информации *hearsay* (хисей), выражают и различные оценки степени достоверности приводимой информации. Наиболее объективное воспроизведение информации передается при помощи наречия *reportedly*, а наименее достоверную выражает наречие *allegedly*. Однако и *reportedly* в зависимости от контекста может выражать слабую степень сомнения в достоверности приводимой информации. В таком случае при переводе употребляются выражения «Говорят», с союзной частицей «будто (бы)»: *He is reportedly not intending to return to this country* (Говорят, будто он не намерен возвращаться в эту страну); *Allegedly she is ill again* (Говорят, будто бы / якобы она опять больна). Причем второе высказывание может быть интерпретировано двояко: а) Она утверждает, будто бы она опять больна; б) Как говорят другие люди, она якобы опять больна. Источником информации здесь выступает какая-то неопределенная группа лиц или же сам субъект предложения. В том и другом случае передается информация слухов, в достоверности которых выражается сильное сомнение. Причем следует отметить, что этот глагол может употребляться во вставочном модусе *She is alleged to be ill again*, хотя наречие более удобно для употребления в речи. Впрочем, следует осторожно относиться к переводу *allegedly* как «как будто бы», «якобы», поскольку эти союзные частицы превращают информацию высказывания в недостоверную и несут «обвинительный смысл». В ряде случаев в газетных статьях, построенных на передаче слухов, автор употребляет эту частицу для того, чтобы подчеркнуть, что информация не проверена и не является достоверной. Например: *Postal worker Clarence Lindsay allegedly scrawled “ANTRAX INCLOSED” on the package at his job as a joke* (AP-2004-27 dec.) (Почтовый служащий Кларенс Линдсей написал на пакете «Содержит Антракс» будто бы в качестве шутки. Однако полиция не поняла шутника и арестовала его). Следует добавить, что и сами причастные формы могут передавать информацию из третьих рук. Так, агентство Рейтер передает: *At least 30 people reported dead after series of bomb and gun attacks in Northern Nigerian town of Damataru* (Reuters, 2011, 5 nov); *Pol Pot died last year by purported heart attack* (Reuters, 2000); *The rumored marriage between the prince and dancer did not in fact take place* (Reuters, 2000). Однако это уже отдельная тема для другой работы [3, с. 283-286].

Итак, для выражения информации *hearsay*, то есть информации слухов, сплетен, мнений, пересказа в английском языке имеется ряд средств выражения. Наиболее употребительными являются субъектный предикатив с модусом глаголов речи и мысли. Более удобными маркерами указа-

ния на информацию hearsay являются эвиденциальные наречия allegedly, reportedly, reputedly, supposedly и др. Кроме того, они служат средством экономии речевых средств. Некоторые наречия, например, allegedly, стали предпочтительнее в речи, чем субъектный предикатив. В русском языке им соответствуют безличные предложения типа «Говорят, что...», а также частицы мол, де, дескать. Причем модус субъектного предикатива и эвиденциальные наречия не только являются показателями репортивной информации, но и передают определенное отношение субъекта речи – от почти бесстрастного до выражения сомнения в приводимой информации.

Список литературы

1. Буглак С. И. Конструкции субъектного предикатива английского языка и особенности их перевода на русский язык // Третьи Федоровские чтения. Университетское переводоведение. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 83-96.
2. Буглак С. И. Эвиденциальные наречия в английском языке // Московское научное обозрение. – 2011. – № 9 (11). – С. 26-32.
3. Буглак С. И. Источники информации в формировании высказывания (на материале английского и русского языков). Монография. – СПб., 2011.
4. Вейхман А. А. Новое в грамматике современного английского языка. – М.: Астрель, 2002.
5. Крылова И. П., Крылова Е. В. Практическая грамматика английского языка. – М.: ЧеРо, 1999.
6. Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н. Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка. Уч. пособ. – М.: Высш. шк., 2007.
7. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей / отв. ред. В. С. Храковский. – СПб.: Наука, 2007.
8. Hornby A. S. Oxford advanced learner's dictionary of current English Oxford Univ. Press, 1999.
9. Close R.A. A reference grammar for students of English. – М., 1979.

Инферентивные значения модальных глаголов в английском языке

Рассматривается употребление модальных глаголов для выражения выводного знания. Показывается, что модальные глаголы в эпистемической функции выражают значения уверенности/неуверенности, вероятности и возможности, сильного и слабого вывода. Модальные глаголы тесно связаны с типом инфинитива. Перфектный и продолженный инфинитив обычно выражают эпистемические значения. Инферентив также выражается парентетическими модальными словами, эвиденциальными наречиями и предполагает наличие в контексте данных, свидетельств, фактов, посылок.

In the article modal verbs in the epistemic meanings are considered. Modal verbs have temporal reference and are closely connected with a type of the following infinitive. Perfect and progressive infinitives usually express epistemic meanings. Inference also may be expressed by evidential adverbs and parenthetical modal words. Inference implies in the context the existence of evidence, facts, premises.

Ключевые слова: инферентив, абдуктив, модальные глаголы, модальные слова, эпистемическая модальность, свидетельства.

Key words: inference, abduction, modal verbs, modal parenthetical words, epistemic modality, evidential data.

Пожалуй, ни один разряд лексики не изучается так интенсивно, как модальные глаголы (МГ). Тем не менее, некоторые аспекты модальных глаголов остаются не рассмотренными. Так, вопрос о том, обладают ли они самостоятельным лексическим значением или же приобретают его в контексте, не решен. Второй проблемой модальных глаголов является их общее значение (потенциальности, нереальности, ирреальности, виртуальности, возможности, необходимости). В данной статье рассматривается один аспект МГ – как они выражают выводное предположительное знание, или инферентив. Инферентив выражает все виды выводного знания [1], то есть индукцию, дедукцию и абдукцию. Абдуктивом называется предположительный вывод к лучшему объяснению [2, с. 133-134].

Нетрудно заметить, что модальные глаголы многозначны, однако их основными значениями являются значения возможности и необходимости. Если МГ употребляются в настоящем времени, то действие соотносится с будущим, и выражаются значения возможности/вероятности. Некоторые МГ передают значение выводного знания. Это, прежде всего, *must - can't*. Ср.:

1) Mr Woods must know London well, he lives here all his life (свидетельство).

2) He can't be Swedish. He must be Russian. He is a brunette (общая посылка: все шведы-блондины, следовательно, он швед).

3) Will может выражать предположение относительно настоящего или будущего времени в комбинации с простым инфинитивом и или в прошлом с перфектным инфинитивом [5, с. 135]. Ср: a) This will be the school, I believe (Это, по-видимому, и есть школа. – Вывод сделан на основе зрительного восприятия: здание похоже на школу); b) You will have heard the news, I'm sure (Я полагаю, что вы уже слышали эту новость).

4) The new sanatorium ought to be very comfortable (=must, supposition implying strong probability).

Однако подобное значение характерно для многих МГ, например, would+perfect infinitive: The police would have arrested all the escaped prisoners by yesterday evening (Полиция, наверное, арестовала всех сбежавших заключенных вчера к вечеру – likely event in the past).

Большая степень уверенности говорящего выражает большую степень вероятности сообщаемого. Между уверенностью и сомнением лежит зона неопределенности, неуверенности. Сильная степень сомнения выражает большую степень (не) вероятности явления. Ср.:

5) It's very warm. You can't be could (общая посылка: Если тепло, то люди не простужаются и не чувствуют холода).

He can't be mixed in this affair (I am sure, I know his character).

He can't be sleeping. I've seen him in the garden; it must be raining, as your coat is wet.

Таким образом, становится понятно, что для выражения вывода сильной степени предположения необходимы убедительные свидетельства или же уверенность говорящего, также основанная на каких-то данных, посылках, фактах. Они обычно выражаются в контексте или имплицитно предполагаются.

6) Вывод слабой степени предположения выражается при помощи МГ may +Continuous Infinitive: a) He may/might be playing in the garden; b) Perfect continuous: He may have been playing in the garden (Он, наверное, играл в саду).

Слабая степень предположения выражается при помощи may+Perfect infinitive: The mission to the Mars may have been sabotaged by another country (America) (AP-2012.13 jan.). Большая степень предположения, вероятности, чем may/might, выражается при помощи can/could. Ср.: a) He can be playing in the garden-He may be playing in the garden; b) He could have been playing in the garden.-He might be playing in the garden. Однако can с положительной формой перфектного инфинитива выражает преимущественно нереализованную возможность в прошлом: You could have seen the house from there if it had not been so dark (Ты бы мог увидеть дом отсюда, если бы не было так темно).

МГ в сочетании с определенным типом инфинитива (simple, perfect, continuous, perfect continuous) обладают временной соотнесенностью. Простой инфинитив в сочетании с МГ *must, may, might, can, could* могут выражать как будущую референцию, так и действие в настоящем. Например: *He hasn't eaten all day. He must be hungry* (сильный инферентив, present reference); *He hasn't visited us for a long time. He can /could, may come tonight / he might come* (будущая соотнесенность).

Связь модальности со временем осознается все больше и больше. МГ как выразители модальности, как отмечает М. В. Вдовина, тесно связаны со перфектным инфинитивом: «Перфектный инфинитив показывает предшествование возможного действия и легко сочетается с эпистемическими модальными глаголами, поскольку возможно сделать предположение относительно прошедших событий, так как невозможно разрешить, запретить, сделать необходимым или возможным положение дел в прошлом» [3, с. 169-170]. МГ с перфектным инфинитивом выражают предшествование к моменту речи. Для передачи прошлых возможных событий употребляются МГ *could, might, had to*. Ср: *They could be still at school (some evidence is available)*.

Авторы, изучающие модальные глаголы, недостаточно уделяют внимания эвиденциальной поддержке, обоснованию вывода. Это могут быть даже косвенные свидетельства, которыми располагает говорящий: а) *You must be very tired* (У тебя усталый вид); или данные известны только говорящему: б) *You must be feeling very tired after working all day (tired-after working all day)*.

Инферентив, выражающий будущую референцию, не выражается при помощи глагола *must*, как отмечает В. Л. Каушанская, «supposition referring to the future cannot be expressed by *must*. The modal word probably or the modal expression to be likely are to be used instead [4, с. 153]. В качестве показателей вывода сильной степени вероятности, уверенности также выступают модально-эвиденциальные наречия *evidently, obviously, clearly, manifestly*. Ср.: а) *He was obviously drunk*; б) *Evidently they had already tried but failed to unblock the pipe*.

Естественно, что можно делать выводы-предикции на основании свидетельств, имеющихся в настоящем. В силу этого обстоятельства все будущие времена-тенсы в определенной степени являются выводами. Однако предположительный вывод о будущих событиях выражается при помощи введения в структуру предложения вводного модального слова. Ср.: Он вероятно придет (он обещал прийти). *May+Perfect infinitive* может употребляться для выражения вывода к прошлым событиям. Однако следует иметь в виду, что та же самая форма может быть употреблена для событий, референция которых относится к будущему (аналогично будущему перфектному времени). Ср.: а) *By the next Friday I may/might have completed the report* (соотнесенность с будущим временем);

b) Yesterday he may/might have completed the report (соотнесенность с прошлым действием). Слабую степень предположения можно выразить при помощи *might+Perfect infinitive*. При этом у говорящего имеется незначительное количество свидетельств того, о чем он говорит. Вывод граничит с гаданием. Ср.: c) – Liz seems to be avoiding you. – I can't tell for certain. She might have been hurt by my words about her boyfriend.

МГ могут усиливать или, наоборот, ослаблять степень вероятности в сочетании с наречиями *well, possibly, conceivably*. Как отмечается в грамматике Collins Cobuild: «If you put 'well' after *could, might, or may* you are indication that it is fairly likely that something will happen or be the case» [7, с. 225]. Употребление наречия *well* после модальных глаголов *may, might, could* увеличивает степень вероятности, а наречия *conceivably*, наоборот, уменьшает. Ср.: a) When it is finished it May be the largest cathedral in the world; That may well be! b) We might conceivably / well be injured.

Если вы употребите *conceivably* после МГ, то вы указываете, что действие возможно, но крайне маловероятно: *These conditions could possibly be accepted*. Так, отрицание с *can* выражает сильную степень предположения о том, что событие не имело, не имеет и не будет иметь место, *might not* – слабую. Ср.: a) He can't have gone without seeing us; b) He might not be there (Его, наверное, там нет). Так что положительные и отрицательные формы модальных глаголов не пропорциональны друг другу. Соотносимыми положительными – отрицательными формами являются *must – can't: Couldn't possibly – to be not able to*.

В целом следует отметить, что связь отрицания с МГ недостаточно изучена. Между тем отрицательные формы довольно употребительны в речи. Ср.: a) – George didn't come to the party. I wonder why not. – E may / might not have known about it; b) She might not be in the bus! I think she went by car! He may not have noticed you in the crowd (But: He can't/ could n't have noticed you in the crowd). *Can* в отрицательной форме с перфектным инфинитивом обычно выражает неиспользованную возможность, однако может выражать и высокую степень невозможности положения дел, то есть сильный отрицательный инферентив: a) I can't have made a mistake with the bill because I used a calculator (The speaker is fairly sure that something was not the case); b) He couldn't have been at work yesterday (negative: I don't think he was at work yesterday).

Рассматривая примеры, мы пришли к неожиданному выводу о том, что не только эпистемические, но и деонтические значения могут выражаться в инферентиве, например: *Tom shouldn't drive really. He is too tired* (В данном случае содержится общая посылка: усталые водители опасны, так как они совершают аварии). Причем следует иметь в виду, что МГ выражают два основных значения – степени возможности, вероятности явления и степени уверенности /неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого. Эти значения соотносимы друг с другом (больше вероят-

ность – больше уверенности, меньше вероятность – меньше уверенности, больше сомнения – больше вероятность).

Слабая степень инферентива может выражаться при помощи МГ *may / might*. Ср.: *We may have run across one another in the war, but I am not sure*. Следует отметить, что *can* может иметь двойкий смысл даже с перфектным инфинитивом. Ср.: *He can have done it / he could have done it*: 1) Он мог это сделать (возможно, он сделал это); 2) Он мог бы это сделать (но не сделал). Однако *can* в отрицательной форме употребляется преимущественно с формой перфектного инфинитива для выражения сильного предположения-вывода о неосуществленном действии: *He can't have gone without seeing us* (Не может быть, чтобы он ушел, не попрощавшись с нами).

Важный вопрос – общие значения МГ и их соотношенность с другими средствами. При изучении модальных глаголов пословно возникает ощущение бессистемности их значений. Однако можно выделить 1) долженствование, 2) уверенность / неуверенность, 3) вероятность, возможность, 4) прагматические речевые акты. Естественно, мы рассматриваем лишь вероятностные инферентивные значения. Согласно терминологии Клоуза, они выступают в своих вторичных значениях. Первичными являются деонтические значения [6, с. 247]. Ср.:

- 1) *Will*: *That will be George at the door, I expect*.
- 2) *Ought to*: *According to the map, this ought to be the way*.
- 3) *Should*: *According to the map, this should be the way*.
- 4) *Can*: *John can be very annoying, I agree (There were precedents)*.
- 5) *Could*: *You'll like John. He could be a little annoying*.
- 6) *Might*: *I wonder where is John? He might be in Switzerland (=It is possible that he is)*.

Вывод из прошлых событий выражается при помощи *must, can + perfect infinitive*: a) *She could have been killed in the car crash* (она могла погибнуть в аварии (но я знаю, что она жива)); b) *Она, возможно, погибла в аварии (Я не знаю, жива ли она)*. Трактовка полностью зависит от контекста; c) *He may have spoken to Jenny yesterday (Perhaps, he spoke to Jerry)*; d) *He might have forgotten about it (Perhaps, he has forgotten)*; e) *He should have received his prize by now (He has probably received his prize by now)*; i) *They ought to be at home now They will probably be at home – they ought to have arrived an our ago (They have probably arrived)*. Как видно из примеров, перфектный инфинитив соотносит действие с прошлым (вывод с настоящим), продолженный инфинитив – с настоящим и простой инфинитив – с будущим (вероятностным) действием: 1) *He can win the race (90% certain)*; 2) *They could be still at school (50% certain)*. Второй вывод, который напрашивается сам собой, – это соотношение инферентивных значений МГ с модальными словами возможности, вероятности,

уверенности/неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого. Как видно из примеров, МГ могут выражать эпистемические значения вывода на основании каких-то выраженных и невыраженных посылок.

Инферентивные значения выражаются в основном вводными модальными словами. Модальные слова с индикативом употребляются в основном для выражения предположительного действия в настоящем, будущем и прошедшем временах, между тем как МГ выражают прошлые, настоящие предположительные действия. Ср.: He will probably (perhaps, may be) come. В отличие от русского языка, в котором модальные слова преимущественно выражают предположительные действия, в английском они выражаются в основном МГ, хотя для этих целей возможно употребление модальных слов типа probably, perhaps, may be.

Для инферентива также характерно употребление Present Progressive infinitive и Perfect Continuous infinitive. Ср.: a) He must be gardening now; b) Why didn't he say hello when he passed us in the street? He might have been day-dreaming; c) He might have been gardening for two hours. He looks tired. Present Perfect / Present Perfect continuous также представляют благодатную почву для выражения выводного знания: It has been raining. The grass is wet.

Инферентив также выражается при помощи эвиденциальных наречий obviously, evidently, clearly, manifestly. Ср.: a) He is obviously drunk; b) He will evidently know all about it; c) He is apparently ill. Естественно, что инферентивные значения МГ являются лишь частью многозначных глаголов. Абдуктивный инферентив как предположительный вывод к лучшему объяснению тесно связан с выражением уверенности / неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого. Для выражения инферентива сильной степени предположения употребляются МГ must, can't, have to, ought to, need to, в настоящем времени с продолженным инфинитивом (He must be sleeping, he can't be sleeping, He need to be sleeping) и событий прошлого с перфектным инфинитивом: he must have lost his purse. He can't have lost his purse. Слабая степень инферентива выражается при помощи may / might, can / could: They may have lived there since the house was built. Однако для настоящего вывода у слабого инферентива недостаточно эвиденциальных свидетельств. Инферентив также выражается при помощи модальных слов (парентез) probably, perhaps, may be, obviously, evidently, presumably, apparently.

Совершенно очевидно, что выводное знание выражается преимущественно при наличии свидетельств и определенной степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемого.

Список литературы

1. Буглак С. И. Модальный и эвиденциальный аспекты высказывания (англо-русские соответствия) // Федоровские чтения. Матер. конф. по переводоведению. – СПб., 2000. – [Электронный ресурс]: Syntagma.H.1.ru/nau/article9htm.
2. Буглак С. И. Инферентивные значения эпистемической модальности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М., 2011. – № 10 (33). – С. 133-135.
3. Вдовина М. В. Семантические особенности перфектного инфинитива в роли комплемента модального глагола // Англистика 21 века. – СПб., 2010. – С. 169-171.
4. Каушанская В. Л. и др. A grammar of the English language. – М.: Айрис-пресс, 2009.
5. Крылова И. П., Гордон Е. М. A Grammar of Present – day English. Practical course. – М.: Глосса, 2000.
6. Close R. A. A reference Grammar for students of English. – М., 1979.
7. Collins Cobuild English Grammar. – L.: Harper Collins Publ., 1994.

**Виды и морфологические особенности англицизмов
в испанском молодежном жаргоне 1970-1980-х годов**

Статья характеризует социальные и культурологические факторы влияния англо-саксонских молодежных движений на испанские молодежные субкультуры 1970-х гг. и их язык. Автор предлагает критерии выявления разных видов англицизмов и кратко характеризует степень интеграции англицизмов в язык испанской молодежи.

The article reviews sociocultural factors of the Anglo-Saxon youth movements' influence on Spanish youth subcultures of the 1970s and their language. The author offers a clue to distinguishing different varieties of anglicisms and estimates the level of their integration into the youth's language.

Ключевые слова: англицизм, субкультура, молодежный жаргон, социолингвистика, рок, Movida Madrileña.

Key words: anglicism, subculture, youth's slang, sociolinguistics, rock, Movida Madrileña.

После II Мировой войны английский язык становится средством международного общения, в разной степени оказывая влияние на те или иные языки. Что касается испанского языка, Х. Рубио Саэс отмечает 9 факторов, которые обуславливают в нем заимствование англицизмов. Это важная роль США в двух мировых войнах, социоэкономическое, военное и технологическое превосходство США, рост международных отношений, англо-саксонский культурный престиж, выразительность и компактность английского языка, влияние современной моды на спорт на музыку, «межфазовый и межстратный снобизм», некачественные «быстрые» переводы с английского на испанский язык, рост массового туризма [5, с. 110]. Проникновению англицизмов в молодежную речь способствуют следующие факторы: появление языковых лакун, связанных с новыми понятиями и предметами в сфере музыки, моды, досуга и развлечений; мода на английскую речь, языковой снобизм, особенно характерный для обеспеченных кругов молодежи в первое десятилетие постфранкизма; стремление к использованию малопонятных слов и выражений для обеспечения герметичности сообщества и конспирации в определенных сферах (например, в языке, связанном с продажей и употреблением наркотиков).

По определению Т. Буклесса, «англицизмом может считаться слово, появившееся в британском или американском варианте английского языка и используемое в испанской прессе в измененной или неизменной форме»

[5, с. 104]. Более полное определение англицизма предлагает К. Пратт: «Англицизм – это языковой элемент или совокупность элементов, употребляемых в современном пиренейском варианте испанского языка и являющихся непосредственным заимствованием из английской модели» [5, с. 115]. В качестве особенностей англицизмов в молодежных жаргонах следует отметить значительное по сравнению с другими социолектами влияние британского варианта английского языка. Это объясняется ведущей ролью английской музыки и социальных движений на мировом уровне, а также географической близостью Великобритании и Испании.

Среди различных методов выявления англицизмов К. Пратт предлагает использовать фактор экстралингвистического влияния. Те сферы общества, которые подверглись наибольшему изменению, взяли из предложенного США образа жизни многие понятия и термины. Так, по мнению Пратта, изменения в Испании начались после II Мировой войны и постепенного открытия границ после установления франкизма. Больше всего новшеств было введено в сферы экономики и банковской системы, технологий, домашнего быта, досуга, моды, массовой культуры. В этих сферах наблюдается самое большое число англицизмов в испанском языке [5, с. 59-78]. Пользуясь данным принципом, следует предположить, что основная часть заимствований в молодежном жаргоне касалась нововведений, принесенных англо-саксонской культурой. Это ценности, пришедшие вместе с иностранными субкультурами – хиппи, рокерами, панками. Англицизмы внедрились, прежде всего, через музыку, элементы внешнего образа и формы досуга.

Арго наркоманов также изобилует англицизмами. Это объясняется тем, что именно в США наркотики начали употребляться чрезмерно и не по назначению, в результате чего появилась наркомания как болезнь. В 1960-х годах возник и быстро развивался словарь наркоманов, который был принят за основу во всем мире.

Англицизмы активно проникали в язык молодежи тех десятилетий. Для полного анализа особенностей англицизмов в молодежных жаргонах необходимо кратко охарактеризовать факторы, которые обусловили появление последних. Далее приведен краткий обзор социокультурных черт испанской молодежной культуры рассматриваемого периода.

После смерти Ф. Франко в 1975 году и упразднения политического режима в Испании г. Мадрид стал одним из первых центров быстро развивавшейся молодежной культуры в стране [2; 7, с. 276-277]. Х. М. Лечадо использует для этого периода термин *Premovida*, или «эпоха *Rollo*». Интересно проследить формирование понятия *rollo*. По мнению Х. М. Лечадо, «*rollo* — это атмосфера места или ситуации, хотя слово имеет и другие значения, и она может быть плохой или хорошей в зависимости от того, как ее участник *se enrolle*. С другой стороны, *rollo* может обозначать и что-то скучное, и любовное приключение. Видимо, слово пришло из лексикона

испанского легиона в войне Ифни и Испанским Марокко и обозначало привычку садиться в круг (*en rollo*) и курить гашиш, расслабляясь после тяжелого дня войны в пустыне. Наверное, поэтому *rollo* долгое время был синонимом *рогго* (самокрутка)» [2, с. 41]. Автор указывает, что в последние годы диктатуры молодежь под влиянием зарубежных субкультур открывалась новым явлениям, кратко выраженным в главном лозунге панков «Секс, наркотики и рок-н-ролл».

В отличие от англосаксонских стран, прошедших постепенную эволюцию молодежных движений, в Испании все течения оказались в центре внимания молодежи одновременно, и изменение взгляда на музыку, наркотики и алкоголь, отношения между полами происходит от синтеза традиций рок, хиппи и панк-культур. Это обусловило особую эволюцию молодежного движения в Испании и приобретение уникальных черт в результате синтеза культур и культурного субстрата. Ведущим субкультурным течением стала так называемая *Movida*. Существует широкое и узкое понимание движения *Movida*. Одни критики называют этим термином молодежное движение в Мадриде и его окрестностях с явной тенденцией развития поп-культуры. Это явление принято также называть *Movida Madrileña*. Другие исследователи включают в понятие все молодежные субкультуры Испании 1970-1980-х годов, часто именуемые также *Nueva Ola* (от англ. *New Wave* - новая волна). По словам Х. М. Лечадо, «*Movida* стала отражением общего стремления городской молодежи к свободе» [2, с.15]. Ж. Сьерра отмечает, что *Movida* была ответом обществу на проблемы, поставленные перед молодежью в 1980-е годы: безработицу, движение против вступления в НАТО [7, с. 154].

Исследователи называют приблизительные временные рамки этого движения — с создания первой андерграунд-группы *Kaka de Luxe* (1977) до 1986 года, когда ряд социально-политических изменений (введение НДС, начало борьбы с музыкальным пиратством, запрет концертов целого ряда «некоммерческих» групп) отметил завершение периода *Movida*.

Как и в других странах, первым и основным фактором формирования молодежной культуры стали музыкальные течения. Позже в рамках *Movida Madrileña* возникает новое направление в кинематографе (фильмы П. Альмодовара), театр, литература (Х. Л. Томас Гарсия), живопись (М. Барсело). Большинство участников движения были представителями обеспеченных слоев населения. Это позволяло им часто ездить в Англию, законодательницу моды для субкультур. В отличие от панк-культуры, дух протеста распространился на моду, искусство и музыку, манеры поведения, то есть внешние аспекты субкультуры (по словам критиков, сформировал эстетику «псевдопанка»). Мадридская молодежь не бросала вызов политике и обществу открыто, как английские панки. Это означало, что для формирования жаргонов испанская молодежь использовала не маргинальные источники, а иностранные заимствования (в большинстве случаев

из английского языка), а также средства той языковой формы, которой они пользовались в семье и окружении. Практически не существовало контактов с низами общества. *Movida Madrileña* была своеобразной формой творчества богемы и «золотой молодежи» («*prijos*»). Социально-экономические и культурные предпосылки течения обусловили активное использование английского языка для обозначения новых явлений и выделения особого статуса его представителей.

Итак, следует выделить основные способы проникновения англицизмов в испанский язык, характерные, в частности, и для молодежных социолектов. К. Пратт указывает на два основных способа: заимствование через устную речь (*ear-loans*, «заимствования ухом») и письменные источники (*eye-loans*, или «заимствования глазом»). Последние, как правило, сохраняют графическую форму первоисточника и потому заметнее выделяются среди других слов как экзотизмы. Лексемы, заимствованные через устную речь, нередко претерпевают фонетические и орфографические изменения, подчиняясь законам испанского языка и становясь менее похожими на английские паронимы.

Для анализа англицизмов в жаргонах молодежи были выбраны словари и лексикографические работы периода зарождения молодежной культуры в Испании, то есть 1970-1980-х годов. При этом был учтен маргинальный статус этих социолектов, что обусловило использование словарей аргос для поиска единиц. В исследовании был произведен анализ следующих словарей (в скобках указана аббревиатура словаря в тексте): «*Diccionario cheli*» Ф. Умбраля (DCU), «*Diccionario del Pasota*» (DPYS) Яле и Ю. Сордо, «*El tocho cheli*» Рамонсина (TCR), «*Diccionario de argot y lenguaje popular*» В. Леона (DALP), «*Diccionario de argot*» Х. Вильяррина (DAV), «*Diccionario de argot*» Х. М. Оливера (DAO). Следует отметить, что данные словарей позволяют анализировать только лексические англицизмы, тогда как в молодежной речи существуют также синтаксические заимствования.

К. Пратт выделяет два типа лексической и грамматической интеграции англицизмов в испанском языке: «очевидные англицизмы» (*el anglicismo patente*) и «неочевидные англицизмы» (*el anglicismo no patente*).

Рассмотрим «очевидные» англицизмы. Эта категория слов либо не изменяется при переходе в испанский язык, либо претерпевает небольшие изменения в орфографии. Автор выделяет «неприемлемые» графемы, чуждые для испанского языка и выделяющие англицизмы: двойные гласные и согласные, графемы *k*, *w*, некоторые сочетания согласных и гласных, нетипичное употребление согласных и гласных в конце слова: *crack* – хлоргидрат кокаина (TCR), *hippy* – хиппи (TCR), *pink floyd* – вид ЛСД (TCR), *flex* (изгиб) – кровать, конверт, подводная лодка (TCR).

Среди «приемлемых» графем встречаются такие, которые, обозначая в английском языке другой звук, остаются неизменными при написании,

хотя фонема меняется при произнесении: *ganja* – марихуана (TCR), *orange* (оранжевый) – вид ЛСД (TCR), *too much (tumach)* – слишком (DALP).

Большая часть англицизмов, являясь заимствованиями из устных источников, отражают фонетическую форму слова и записываются по орфографическим законам испанского языка. При этом может меняться качество и длительность гласных и согласных звуков: *ful* (от *fool* — глупый, ненастоящий) — фальшивый, подделка (TCR); *casete, casset* (от *cassette* — шкатулка, кассета) — порция гашиша (TCR); *dros* (от *dross* — остатки, отбросы) — остатки любого психотропного вещества (TCR); *gras* (от *grass* — трава) — марихуана (TCR); *zombi* (от *zombie* — оборотень) — 1. рассеянный человек, 2. человек под действием наркотического опьянения (TCR); *bodi* (от *body* — тело) — друг (TCR); *bisne(s)* (от *business* — дело, занятие) — сделка о купле-продаже, преимущественно между торговцами наркотиков (TCR); *yoin(t)* (от *joint* — самокрутка) — «косяк», сигарета с наполнителем из наркотического растения (TCR, DPYS); *flaqui* (от *flake, flaky* — легкий, ненадежный) — слабость, боль, недомогание (TCR); *lait* (от *light* — легкий) — ослабленный, нечистый, разбавленный (DAO); *paf* (от *pub*) — паб, бар (DAO); *bluyins* (от *blue jeans*) — джинсы (DAO).

Нередко наблюдается протеза гласного в случаях трудной для испанцев артикуляции: *espid/espit* (от *speed* — скорость) — «путешествие», галлюцинация во время наркотического опьянения (DALP, TCR); *esno* (от *snow* — снег) — кокаин (TCR); *esnifar* (от *to sniff* — нюхать) — принимать дозу кокаина (TCR); *estéreo* (от *stereo* — стереозвук) — доза ЛСД (DPYS); *esquiner* (от *skinhead*) — скинхед (DAO).

Встречаются также случаи апокопы, связанные либо с усечением нескольких слогов исходного слова (1), либо с трудностью произнесения конечных английских фонем (2): (1) *dex* (от *dexedrine*) — декседрин (TCR); *jas* (от *hashish*) — гашиш (DAO); (2) *tripi, trípín* (от *tripping* — путешествуя) — ЛСД (DALP); *flus* (от *flush* — прилив, струя, карты одной масти) — 1. деньги, 2. бензин, 3. сила, энергия (TCR).

Незначительными по числу являются случаи агглютинации: *repoint* (от *red point* — красная точка) — колумбийская марихуана (TCR); *orsai* (от *off-side* — в стороне от чего-л.) — не вникать в суть дела, не понимать (TCR).

Несмотря на общую тенденцию «испанизации» английской орфографии, в заимствованиях иногда встречаются случаи гиперкоррекции — подстановки графем, характерных для английского языка и делающих слово более «похожим» на английское: *kirki* (от *quirky* — ловкий, странный) — интимные отношения (TCR); *birra* (от *beer* — пиво). Другая возможная трактовка происхождения — от итальянского *birra* (TCR).

Среди «очевидных» англицизмов нередко происходят морфологические изменения, служащие грамматикализации заимствования, его интеграции в грамматическую систему языка. Чаще всего это связано с изменением рода и числа существительного и прилагательного (1) и до-

бавлением глагольных морфем для спряжения глагола по правилам испанского языка (2): (1): *drope* (от *drop* — капля) — ЛСД в форме капли (TCR); *californiano* (от *Californian* — калифорнийский) — вид ЛСД (DAO); *papira* (от *paper* — бумага) — 1. кошелек, 2. письмо (TCR); *licoreta* (от *liquor* — спиртной напиток) — любой алкогольный напиток (TCR, DAO); (2): *flipar* (от *flip* — подбрасывать, щелкать, легко ударять) — 1. испытывать эффект наркотического опьянения 2. удивляться TCR; *expandar* (от *spand* — расширяться) — открыть, обнаружить (TCR); *yapar* (от *jape* — шутить, высмеивать) — менять мнение, отпираться (TCR). Существуют случаи парасинтетической аффиксации (префиксации и суффиксации одновременно): *encurdarse* (от *curd* — сворачиваться) — напиваться (TCR).

В категорию «неочевидных» англицизмов по классификации К. Пратта попадают англицизмы, не осознаваемые носителями языка как заимствования и воспринимаемые как исконно испанские слова. В результате анализа молодежных жаргонов зафиксировано несколько подобных лексем, но их присутствие незначительно, тогда как, по данным на 1980 год К. Пратт приводит список из более чем 230 «неочевидных» англицизмов из фонда литературного языка: *mixto* (от *mixed* — смешанный; в списке неочевидных англицизмов лексема *mixto* указана в скобках, что позволяет предполагать, что автор не уверен в заимствовании из английского языка) — спичка, свеча (TCR); *paquete* (от *packet* — пакет, сверток, разг. мужские гениталии) — 1: неловкий человек 4. мужские гениталии (DALP); *bolos* (от *balls* — шары) — мужские гениталии (DCICB, TCR); *jefe* (от *chief* — начальник) — уважительное обращение (DAO, DCICB).

Самым популярной разновидностью «неочевидного» англицизма в молодежной речи можно считать кальки. По определению Пратта, этот механизм представляет собой «перевод английского термина без какого-либо этимологического отношения между английским словом и испанским переводом, хотя последний может иметь тот же самый источник формирования» [5, с.172]. В случае калькирования новое значение настолько отличается от исконно испанского, что при сравнении с английской моделью факт заимствования оказывается очевидным: *cuervo* (от *body* — разг. приятель, товарищ) — друг (TCR); *viaje* (от *trip* — путешествие) — «путешествие» вследствие действия наркотиков (*trip*, *tripping* — одно из основных понятий культуры хиппи) (TCR); *hierba/yerba* (от *grass* — трава) — марихуана (DPYS); *nieve* (от *snow* — снег, разг. кокаин) — кокаин (TCR); *tojado* (от *wet* — разг. подвыпивший) — 1. солидарный, 2. пьяный (TCR); *mono* (от *monkey* — арг. синдром абстиненции) — «ломка» у наркомана (DALP); *cocido* (от *boiled* — вареный) — пьяный (DALP); *verdes* (от *greens* — зеленые, разг. деньги) — билет в 1000 песет (TCR, DCICB); *jodido* (от *fucking* — зд. проклятый, злополучный) — отвратительный, неудачный (DALP, DCICB); *limpio* (от *clean* — чистый) — 1. без денег; 2. без криминального прошлого (DAO, DCICB). Калькирование может принимать фор-

му фразеологизма, в котором все компоненты являются словами испанского литературного языка (1), либо один из компонентов является англицизмом (2): (1): *coger onda* (to get the wave – поймать волну) — понимать, выделять, вникать в суть (TCR); *buena vibración* (good vibes – хорошие вибрации) — что-либо, заслуживающее доверия (TCR); (2): *dar un flas* (to give a flash – дать вспышку) — сойти с ума, пережить галлюцинацию (TCR); *estar ciego* (to get blind (drunk) – быть слепым) — быть под действием алкоголя или наркотиков (DCICB, DALP); *estar mosca* (to be a fly – быть мухой) – быть хитрым, пронырливым, начеку (DAO, DCICB). Пратт отмечает, что калькирование требует сознательного и намеренного усилия со стороны говорящего для осуществления перевода, а также знания английского языка на уровне выше среднего. Можно предположить, учитывая невысокий уровень преподавания английского языка в Испании тех десятилетий, что нововведения и ассимиляция лексики происходили в более образованных и обеспеченных кругах молодежи в результате частых путешествий в англо-саксонские страны. Новые лексемы и кальки могли также проникать через язык молодежной прессы, в результате особенностей перевода статей или сознательного внедрения «модных» слов журналистами.

Существует ряд лексем, значение которых развивалось аналогично в жаргонах английского и испанского языков. Оказывается сложным определить, имелось ли какое-либо влияние английского языка на формирование жаргонизма в испанском языке, или же совпадения показывают общие ментальные конструкции и ассоциативное мышление разговорной речи (например, сравнение частей тела с различными овощами, как отмечает П. Гиро). Приведем примеры подобных аналогий: *berzotas* — *cabbagehead* (кочан капусты) — глупый человек, «дурная голова» (DAO, DCICB); *coronilla* — *crown* (корона) — голова (DAO, DCICB); *coco* — *coconut* (кокос) — голова (DAO, DCICB); *muerto* — *dead* (мертвый) — скучный, вялотекущий (TCR, DCICB); *de muerte* — *deadly* (мертвецкий) — прекрасный, замечательный (DAO, DCICB); *almeja* — *clam* (ракушка) — женские гениталии (DCICB, TCR); *zorra* — *fox* (лиса — привлекательная женщина/проститутка (DCICB, TCR); *trágate!* – *eat it!* (съешь это!) – восклицание удивления (DCICB, TCR). Что касается морфологических изменений, то многие аффиксы оказываются несовместимыми с тем регистром, в который переходят англицизмы. Так, К. Пратт говорит о частом присоединении к английским лексемам «культурных» суффиксов, таких как *-ismo*, *-ista*, *-(c)ión*, *-dad*, формирующих абстрактные понятия, а также префиксов, особенно латинского и древнегреческого происхождения – *anti-*, *auto-*, *co-*, *inter-*, *sub-* и пр. [5, с. 178-202].

В молодежном жаргоне англицизмы используются, как правило, как технические слова и не преобразуются в отвлеченные понятия. В абсолютном большинстве случаев англицизм оказывается лишенным испанских

морфологических показателей и пользуется дистрибутивными и семантическими чертами для определения его синтаксических характеристик. Из зафиксированных словарных единиц всего несколько англицизмов имеют «культурный» префикс: *antibaby/antibeibi* (от *baby* — ребенок) — «противозачаточное средство» (DAO). Сочетание литературного префикса с очевидным англицизмом создает каламбурный эффект и способствует снижению значения. Также встречаются такие лексемы как *submarino* (тюремная камера), *micropunto* (вид ЛСД) и *super*, из приставки превратившийся в прилагательное. Если первые две лексемы не являлись изобретением молодежных жаргонов, то последняя появилась благодаря стремлению молодежи к гиперболизации и экспрессии. Особенно популярные англицизмы формируют морфологические «цепи» вокруг иностранного корня. Так, Ф. Умбраль отмечает скопление лексем вокруг глагола *flipar* (от англ. *flip*) — «1. удивляться, быть в восторге от чего-л. 2. вызывать восторг»: *flipado, flipe, flipante* (DCFU); *Espit* (наркотик) — *espitoso* (под действием наркотиков) (DCU); *espídbol, espídico* (DAO); *ful* (искусственный, фальшивый) — *fulastra* (гашиш плохого качества), *fulero* (обманщик) (DPYS).

На основе приведенных данных, можно сделать следующие выводы. Мода на англо-саксонскую культуру обусловила широкое использование английского языка в творчестве молодежных субкультур и способствовала проникновению и закреплению средств английского языка в жаргонах. Этому предшествовало появление в Испании новых направлений музыки, моды, форм досуга, стереотипов поведения. Большая часть новых англицизмов относилась к указанным лексическим полям. Степень интеграции англицизмов в испанский язык различна, и всю совокупность заимствований можно разделить по уровню лексикализации и грамматикализации на два основных типа.

Первый тип — прямая транслитерация, которая, подвергаясь незначительным фонетическим или орфографическим изменениям, легко распознается в речи. Второй тип — лексические заимствования, происхождение которых не всегда очевидно с точки зрения испанского языка. Среди последних самым распространенным подтипом являются кальки. Оба типа широко распространены в языке молодежи, однако самой популярной формой можно считать прямые заимствования — транслитерированные англицизмы, перешедшие в испанский язык через устную речь и принявшие при этом фонетическую и орфографическую форму испанского слова. Преобладание прямого заимствования над лексикализованным является отличительной чертой молодежных жаргонов по сравнению с литературным языком. Это объясняется меньшей степенью грамматикализации заимствований в молодежной речи, стремлением к выделению англицизмов, приданию им особого социокультурного статуса. Этот процесс является противоположным ассимиляции англицизма, характерной для литератур-

ного языка. Тем не менее, в языке молодежи существует ряд англицизмов, вокруг которых создается множество грамматических форм и производных лексем, создаются морфологические «цепи», фонетические и орфографические дуплеты. Производятся изменения на уровне фонетики (агглютинация, протеза, ассимиляция) и морфологии (подстановка аффиксов, характерных для испанского языка, усечение, агглютинация).

Список литературы

1. Carbonell Basset Delfín. Diccionario castellano y inglés de argot y lenguaje informal. An English and Spanish dictionary of slang and unconventional language. Ediciones del Serbal, 1ª ed., 2003 (DCICB).
2. Lechado José Manuel. La movida: una crónica de los 80. – Madrid [etc.]: Algaba, 2005.
3. León Víctor. Diccionario de argot español y lenguaje popular. – Alianza, Madrid, 1992 (DALP).
4. Oliver Juan Manuel. Diccionario de argot. – Madrid: Sena, 1987 (DAO).
5. Pratt Chris. El anglicismo en el español peninsular contemporáneo. – Madrid: Gredos, 1980.
6. Ramoncín. El tocho cheli: Diccionario de jergas, germanias y jeringonzas. – Madrid: Temas de Hoy, 1993 (TCR).
7. Sierra Jordi. La Era Rock (1953-2003). – ESPASA, 2003
8. Umbral Francisco. Diccionario Cheli. – Barcelona: Grijalbo, 1983 (DCU).
9. Villarín Juan. Diccionario de argot. Ediciones Nova, 1979 (DAV).

**Интонация и синтаксис как уровни структурирования
читаемого монологического текста
(на материале английского языка)**

В статье представлена модель взаимодействия интонационных и синтаксических единиц при актуализации высказываний читаемого английского информационного монолога. Интонация трактуется как более глобальный уровень членения высказывания на тематический и рematicкий компоненты, каждый из которых способен объединять разные синтаксические структуры.

The article presents a model of interaction between intonation and syntax in the actualization of sentences from English informational monologues read aloud. Intonation is viewed as a higher level of structuring sentences into themes and rhemes, each of which in their turn can include a number of syntactic units.

Ключевые слова: интонация, взаимодействие интонации и синтаксиса, актуальное членение, экспансия и затушевывание темы, коммуникативный динамизм, информационный монолог, интонация чтения.

Key words: intonation, interaction of intonation and syntax, actual division, theme expansion and reduction, communicative dynamism, informational monologue, intonation of reading.

Чтение вслух направлено не только на понимание текста как продукта речевой деятельности, но одновременно и на процесс эффективной передачи письменного сообщения устным способом [8, с. 7]. Эффективная передача читаемого сообщения невозможна без «вычитывания» сверхсегментных структур, объединяющих более мелкие единицы текста, в том числе слова. К таким структурам, как известно, относятся синтаксические и интонационные модели. Они закладываются в письменный текст при его создании [4; 11; 15] и должны быть адекватно воспроизведены при чтении.

Целью данного исследования является анализ характера взаимодействия интонационных и синтаксических средств при структурировании читаемого информационного текста носителями английского языка. Мы учитываем стилистическое и жанровое варьирование техники чтения, а также исходим из тесного взаимодействия двух суперсегментных уровней.

Изучение специальной литературы позволило выделить три лингвистических подхода к оценке характера взаимодействия между интонацией и синтаксисом: утверждение приоритетного статуса синтаксиса, опреде-

ляющего интонационные характеристики речи [9; 10; 12; 18]; выдвижение гипотезы о первичности интонационных схем, заполняемых синтаксическими структурами и словами [3; 4; 5; 6; 7; 13]; функционально-дискурсивный подход, уравнивающий синтаксис и интонацию как необходимые компоненты оформления информационной структуры завершенных высказываний [1; 14; 16; 17].

Разделяя последнюю теоретическую платформу, мы вынуждены констатировать ее программный характер, слабую разработанность на речевом материале. Формулируя гипотезу относительно характера взаимодействия интонационных и синтаксических средств при восприятии читаемых высказываний, мы исходим из перцептивной первичности интонационных единиц, которые одновременно мысленно соотносятся слушателем с синтаксическими структурами (укрупняются или сегментируются до необходимой синтаксической целостности), не противоречат синтаксическому членению, но обладают определенной степенью самостоятельности при передаче информационной структуры высказываний. В ходе исследования было важно установить, какие интонационные (мелодические) параметры способствуют прояснению информационной структуры высказываний, сопутствуют формулированию темы и ремы, а также выяснить, как эти интонационно определяемые элементы соотносятся с синтаксическими структурами. На решение этих задач и направлено наше экспериментальное исследование.

Материал исследования включает читаемые тексты небольших радиопередач-объявлений о предстоящих культурных событиях, сообщения по радио научно-популярной информации, репортажи корреспондентов. Все тексты относятся к информационному стилю, целью которого является передача фактуальной информации, построение ясного, экспрессивного, но не эмоционального сообщения. Пятнадцать отобранных целостных текстов читались носителями британского стандарта английского языка (7 женщин, 8 мужчин), общий объем звучания – около 2 часов. Исследование включало в себя проведение слухового интонационного анализа, в котором в качестве аудиторов участвовали 4 опытных преподавателя фонетики английского языка и 24 студента четвертого курса факультета иностранных языков, владеющие английским языком на продвинутом уровне. Общее количество высказываний, подверженных аудиторскому анализу, – 350. Работа над каждым монологом начиналась с предварительного прослушивания с целью ознакомления с содержанием. После вводного прослушивания участники эксперимента, опираясь на напечатанный вариант текста, должны были выполнить предложенные задания:

- 1) найти и отметить вертикальной чертой интонационную границу между тематическим и рематическим компонентом каждого высказывания, если в нем имеется интонационное разграничение темы и ремы;

2) подчеркнуть одной чертой интонационную группу (группы) – ядро темы;

3) подчеркнуть двумя чертами интонационную группу (группы) – ядро ремы;

4) объединить квадратными скобками те интонационные группы, которые образуют ярко выраженные высотные ступени внутри высказываний.

На второй этап эксперимента были приглашены только преподаватели, перед которыми была поставлена задача сплошного интонирования текстов, что предполагало определение границ интонационных групп (ИГ), расположения и типа ядерного тона в каждой ИГ, высотно-диапазональных характеристик соседних ИГ. Данная работа осуществлялась экспертами в индивидуальном режиме.

Третий этап заключался в сопоставлении выделенных аудитором интонационных групп, составляющих тематические и рематические компоненты, с соответствующими синтаксическими структурами. На этом этапе проводился также элементарный количественный анализ интонационных и синтаксических структур.

В ходе обработки и сопоставления индивидуальных слуховых наблюдений было установлено, что тема-рематическая структура высказываний информационного сообщения хорошо воспринимается на слух и имеет четкое интонационное проявление. Из 350 высказываний, предложенных аудиторам для разграничения тематического и рематического блоков в задании 1, одинаковое сегментирование получили 329 (94 %) высказываний. Это значит, что граница между темой и ремой идентифицируется на слух достаточно легко и единообразно. Наиболее легкий случай для тема-рематического членения представлен синтаксически простыми или осложненными предложениями, в которых имеется одна тема-рематическая пара, совпадающая с группой подлежащего и сказуемого: (1) *Mobile phones // continue to grow in popularity in Britain*. Первая интонационная группа (тематическая) данного высказывания оформлена нисходяще-восходящим тоном, а вторая (рематическая) – нисходящим тоном широкого диапазона. Такое интонационное оформление темы и ремы назовем прототипическим, или эталонным, так как оно сохраняется и в простых, и в осложненных высказываниях, передавая их информационную структуру. 246 высказываний (70%) из общего корпуса 350 предложений были построены по данной интонационной модели, хотя различались синтаксически.

Синтаксическому расширению, переходящему за рамки одной синтагмы, подвергались и темы, и ремы. Так, темы конкретизировались причастиями, инфинитивами, придаточными предложениями, линейная распространенность которых зачастую требовала деления тематического участка на несколько ИГ: (2) *Common symptoms / reported by mobile users // include headaches / and dizziness*. (3) *The other thing / going on*

to day / if you decide to go to Langham // opens at 11 a.m. В подчеркнутых тематических компонентах высказываний, состоящих из 2-3 ИГ, неизменным остается нисходяще-восходящий тон, который маркирует весь тематический участок таким образом, что аудиторам было трудно различать степени выделенности тематических синтагм и определять ядро темы (задание 2). Все ИГ оказываются просодически тесно связанными не только благодаря воспроизведению одного и того же типа тона, но и из-за их реализации в виде строгой ступенчатой последовательности, в которой первое ударное слово каждой последующей ИГ произносится на более низком уровне по сравнению с первым ударным словом предыдущей ИГ. Таким образом, перцептивное единство тематического компонента обеспечивается за счет воспроизведения во всех тематических ИГ однотипного тона и их объединения в высотную ступень, а также с учетом более продолжительной паузы на границе темы и ремы. В связи с интонационным единством тематических участков аудиторы столкнулись с трудностью при вычленении ядра темы. Около половины участников эксперимента отказывались от вычленения одной ИГ, подчеркивали почти все тематические ИГ как одинаково важные. Другая половина аудиторов подчеркивала синтаксическое ядро тематического компонента (например, первую ИГ в предложениях (2) и (3)), отмечая, однако, в устном комментарии, что в изоляции данное ядро оказывается семантически неполным и неопределенным.

Предпочтение нисходяще-восходящего тона как средства тематизации объясняется, очевидно, его перцептивной яркостью, необходимой для указания на предмет высказывания. Данный тип тона можно считать просодическим средством ограничения и определения референта высказывания наряду с лексическими и синтаксическими средствами, окружающими ключевые слова тематических синтагм.

Рематический компонент высказываний еще в большей степени подвергается распространению. Данное распространение может иметь в информационном смысле регрессивный характер, когда последующие синтагмы только уточняют основную информацию, которая уже нашла выражение в предшествующей синтагме: (4) *For this project / his raw material // is all kinds of old metal agricultural tools / which people have brought in.* Снижение информационной ценности каждой последующей синтагмы рематического компонента неизбежно отражается на их интонационном оформлении, превращая их в ступенчатую последовательность за счет снижения уровня первого ударного слова. Однако в отличие от тематической части, в рематической используется нисходящий тон, придающий предложению констатирующий характер. В нашем материале регрессивное расположение информации в рематическом блоке было преобладающим и наблюдалось в 218 предложениях (62 %). Рематический компонент может состоять также из синтагм с прогрессивным типом введения информации, когда основной содержательный элемент откладывает-

ся на конец высказывания, что сигнализируется восходящим тоном в нефинальных синтагмах и нисходящим – в финальной: (5) *And electromagnetic radiation from the phones // has long been considered / the potential cause of these problems.*

Поставленные перед необходимостью выделить наиболее важную часть рематического компонента аудиторы столкнулись с той же трудностью, что и при выделении ядра тематического компонента, воспринимая рематический блок как единое интонационно-синтаксическое образование. С большей готовностью они подчеркивали рематическое ядро в регрессивном типе введения информации. Ремы с прогрессивным введением информации подчеркивались как единое целое независимо от того, сколько синтагм они включали. Рематический компонент, в отличие от тематического, оформляется разными типами тонов, среди которых, по крайней мере, один является нисходящим. Именно появления полного нисходящего тона широкого диапазона ожидают слушатели для принятия решения о том, что, собственно, в данном суждении утверждается.

В абсолютном большинстве анализируемых высказываний интонационное деление на тему и рему поддерживалось их синтаксическим строением: тема соответствовала группе подлежащего с подчиненными ей элементами, а рема – группе сказуемого с распространяющими его словосочетаниями и придаточными. Однако встречался ряд высказываний (обычно в самом начале или середине текста), когда тематическая интонация (нисходяще-восходящий тон) оформляла почти все предложение, за исключением односинтагменной ремы: (6) *Now this city / is well known / for both its bicycles // and its love of music.* В приведенном примере наблюдается экспансия темы, которая интонационно охватывает не только подлежащее, но и сказуемое с первым дополнением. В рематический компонент данного высказывания включается только второе дополнение. За счет этого достигается некоторое противопоставление двух видов занятий, распространенных в городке: катание на велосипедах и занятие музыкой. При этом первый вид, включаясь в тематический компонент, воспринимается как более известный слушателям и менее информативный. Синтаксически оправданное интонационное деление на тему-подлежащее и рему-сказуемое с его дополнениями привело бы к уравниванию статуса двух видов занятий, что не соответствует коммуникативному замыслу сообщения – сделать объявление о предстоящем необычном музыкальном событии.

Интонационной экспансии темы противостоит ее затушевание, когда она не представляет новизны (обычно в конце текста) и объединяется в одну синтагму с рематическими элементами: (7) *Now Wendy's going to be there in Langham today / and she'll be happy to talk to you / if you've got any questions about her work.* В данном высказывании имя художницы не выделяется в отдельную интонационную группу, поскольку неоднократно

употреблялось в предшествующих высказываниях, оно наделяется только ударением. Такое нерасчлененное представление темы, выраженной знаменательным словом, предсказывает завершение сообщения о данном предмете или лице.

Не образуют отдельной ИГ личные, неопределенные, отрицательные, указательные местоимения. Чаще всего они интонационно примыкают к рематическому блоку предложения как безударные (реже ударные) элементы, представляя собой не темы в полном смысле, а анафору, ссылки на предшествующие темы/ ремы. Поэтому аудиторы в большинстве случаев относили такие предложения к чисто рематическим структурам.

Обобщение слуховых наблюдений позволяет сделать некоторые выводы относительно роли интонации в актуализации высказываний читаемого информационного текста:

1) английская интонация, прежде всего ее мелодический компонент, представляет собой надежное средство маркирования темы и ремы высказываний как при реализации информационного чтения, так и при его восприятии;

2) в качестве эталонного показателя тематичности используется нисходяще-восходящий тон, а рематичности – нисходящий тон или сочетание разных тонов, в котором основным является нисходящий тон широкого диапазона;

3) расширение тематической части высказывания с целью уточнения его референта и введения контекстно-ситуативных характеристик обычно не влияет на выбор нисходяще-восходящих тонов во всех тематических ИГ;

4) расширение рематического компонента подчиняется прогрессивной, регрессивной или смешанной коммуникативной стратегии, которая оказывает влияние на выбор ядерных тонов: регрессивный тип введения информации отражается в последовательности нисходящих тонов с постепенно сужающимся диапазоном, прогрессивный – в сочетании неконечных восходящих и конечного нисходящего тона;

5) в абсолютном большинстве случаев интонационное членение высказывания на тему и рему поддерживается их синтаксическим членением на группу подлежащего и группу сказуемого, однако возможны коммуникативная экспансия или затушевывание темы, приводящие к интонационному объединению соответствующих синтаксических единиц;

6) при распространенности темы и ремы увеличивается вероятность их реализации в виде тематической и рематической высотных ступеней.

Выявленные нами тенденции интонационно-синтаксического маркирования темы и ремы высказываний в английском информационном тексте действуют не в рамках отдельных выбранных предложений, а на значительных участках, создавая прототипическую канву организации информационного текста.

Сопоставление интонационных и синтаксических структур читаемого информационного текста показало их определенное соотношение, но не совпадение друг с другом при реализации тема-рематической структуры высказываний. Интонационные границы тематического и рематического блоков обычно охватывают несколько синтаксических единиц, то есть интонация оказывается более «сверхсегментной», чем синтаксис. Так, тематический блок зачастую складывается из нескольких синтаксических компонентов, включая подлежащее (субъект), реляционный, ситуативный, уточняющий компонент. Рема подвергается расширению за счет актантов и сирконстантов глагола, а также уточняющих и поясняющих клауз, инкрементально развертывающих предикативный признак. Как тема, так и рема могут включать в себя целые предложения, что не противоречит явлению синтаксической рекурсивности.

Таким образом, мы полагаем, что интонация и синтаксис функционируют как параллельные и взаимосвязанные уровни построения речи, реализуя разные виды отношений между словами. Особенностью интонационных тема-рематических структур является их глобальный недифференцированный характер, достаточный для разграничения темы и ремы. Более тонкая дифференциация внутри тематического и рематического компонента невозможна без учета синтаксических отношений.

Экспериментальное исследование подтвердило данное предположение. Опора на прототипические интонационные характеристики позволила аудиторам достаточно согласованно определять границы между тематическими и рематическими участками высказываний. Однако при дальнейшем интонационном анализе этих участков на втором этапе обработки материала эксперты-фонетисты отмечали важность учета синтаксических отношений при интонировании высказываний, прежде всего, при разметке пауз. На необходимость различения субъектно-предикатной и тема-рематической структуры высказывания указывают многие исследователи [2; 9].

Наш вывод о синтаксической многокомпонентности темы перекликается с классификацией типов тем М. Халлидея [16]. Результаты данного исследования подтверждают психолингвистическое положение Л.В. Сахарного о большей глобальности, правополушарности интонационных структур, выражающих тема-рематические отношения, по сравнению с синтаксическими единицами, выбор которых определяется в основном аналитической работой левого полушария [7].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
2. Вардуль И. Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис). – М.: Наука, 1977.
3. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.

4. Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III-VII классов // *Язык, речь, творчество*. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 83-319.
5. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. – М.: АСТ, Астрель, 2007.
6. Радионова Т. Я. Единая интонология – новая область междисциплинарного знания // *Академические тетради*. – Вып. 11. – Ч. 1. Интонология. – М., 2006.
7. Сахарный Л. В. Человек и текст: две грамматики текста // *Человек-текст-культура: Сб. научн. тр. / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой*. – Екатеринбург, 1994. – С.7-59.
8. Синадская К. А. Лингвометодические основы обучения выразительному чтению студентов-филологов: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2005.
9. Слюсарь Н. А. На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
10. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 1972.
11. Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986.
12. Büring D. Semantics, intonation and information structure // G. Ramchand & Ch. Reiss (eds.) *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces*. – Oxford Univ. Press, 2007. – P. 321-346.
13. Chafe W. *Discourse, consciousness and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
14. Degand L. & Simon A. On identifying basic discourse units in speech: theoretical and empirical issues // *Discours. Revue de linguistique, psycholinguistique et informatique*. – 2009. – № 4. – [Электронный ресурс]: <http://discours.revues.org/index5852.html>
15. Fodor J. Prosodic disambiguation in silent reading // M. Hirotani (ed.). *Proceedings of the North East Linguistic Society*. – 2002. – № 32. – Univ. of Massachusetts. – P. 112-130.
16. Halliday M.A.K. Notes on transitivity and theme in English. Part 2 // *J. Linguistics*. – Vol. 3. – Cambridge: CUP, 1967. – P. 199-244.
17. Mukherjee J. Form and function of parasyntactic presentation structures. A corpus-based study of talk units in spoken English. – Amsterdam: Rodopi, 2001.
18. Selkirk E. *Phonology and syntax. The relation between sound and structure*. – Massachusetts: MIT Press, 1986.

Исповедальная интенция в рамках мемуарного жанра

В статье рассматриваются особенности реализации исповедальной интенции в жанре мемуаров, который классифицируется как исповедь-размышление. Определяется ряд сюжетных направлений развития жанра мемуаров, которые накладывают отпечаток на развитие исповедальной интенции. Автор рассматривает как эксплицитные, так и имплицитные способы реализации исповедальной интенции.

The author reveals the peculiarities of confessionary intention realization in the genre of memoirs, which can be classified as confession – reflection, determines several plot directions in the development of the genre of memoirs, which influence the development of confessionary intention. The author reveals explicit and implicit ways of confessionary intention realization.

Ключевые слова: мемуары, исповедь, исповедальная интенция, литературный жанр, способы реализации.

Key words: memoirs, confession, confessionary intention, literary genre, ways of realization.

Мемуары представляют собой авторский текст, передающий вместе с фактической информацией внутренние переживания автора. По мнению Л. Я. Гинзбург, мемуары следует отнести к промежуточному жанру – они занимают положение между документальным и художественным произведением; и все-таки «различие между миром бывшего и миром поэтического вымысла не стирается никогда», оно заключается в особом качестве документальной литературы – «в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности» [1, с. 10].

Представляется также возможным утверждать, что мемуары занимают промежуточное положение между летописью и исповедью, поскольку они не только фиксируют события прошлых лет, описывают жизнь выдающихся личностей, но и включают комментарии, заключения и выводы, сделанные автором: для мемуариста важнейшим является его видение описываемых событий, его отношение к ним, взаимоотношения с другими участниками данных событий.

Важнейшим свойством исповеди как текста является ее откровенность, мемуары также создаются с целью искренне поведать читателям о том, что и как происходило с точки зрения автора. В мемуарах в определенном смысле сочетается историчность и психологизм: «мемуары это история, прошедшая через сознание и личную биографию современника, ставшая его жизненным опытом, который художественно осмыслен и запечатлен в художественном тексте» [4, с. 194]. Говоря об особенностях реализации исповедальной интенции в жанре мемуаров, отметим, что ее функционирование в данном жанре можно классифицировать как исповедь-размышление – что неизбежно накладывает на нее определенные особенности. Нам представляется возможным выделить ряд направлений развития внутри самого жанра мемуаров, которые накладывают определенный отпечаток на особенности реализации исповедальности: воспоминание-констатация, воспоминание-объяснение, воспоминание-обобщение, воспоминание-директива, воспоминание-отношение, воспоминание-оценка.

Воспоминание-констатация отличается тем, что автор лишь констатирует то, что имело место в прошлом. В то же время на имплицитном уровне в воспоминании-констатации могут отражаться эмоциональные модусы (сожаление, раскаяние и другие): *«Пели «Марсельезу». С этой песней связаны у меня отвратительные картины революции. Вспомнилось многое мучительное, совсем еще недавнее. С горечью подумал я и о том, что, вопреки всем жертвам своим и благородству царя, Россия была брошена союзниками. Ничего не досталось ей от плодов победы. Положение оказалось болезненным. В Париже русских знамен с триумфом не проносили, а в России-то зверства творились во имя свободы – под французский гимн!»* [5, с. 259].

Воспоминание-объяснение отличает то, что вместе с повествованием об определенных фактах прошлого автор пытается найти причины произошедшего, привести доводы о том, почему совершившееся смогло произойти, либо почему сложилась определенная ситуация: *«Здесь бывал ныне умерший Сергей Николаевич Дурылин, тогда писавший под псевдонимом Сергей Раевский. Это он переманил меня из музыки в литературу, по доброте своей сумев найти что-то достойное внимания в моих первых опытах»* [3, с. 245]. Автор может также говорить о том, что не произошло в его жизни, приводить доводы и называть причины, указывая на те события, которые (если бы они имели место) могли изменить его жизнь (не всегда в лучшую сторону): *«Таким образом, если бы измайловский адъютант поторопился и пустил бы дело о моем приеме в ход тогда же, вместо того, чтобы отложить его на год, я носил бы белый околыш вместо синего и вся моя последующая жизнь могла бы сложиться иначе»* [2, с. 30]. Воспоминание-объяснение, кроме покаяния, может содержать сожаление о случившемся и объяснение причин произошедшего, что порой представляется

неким оправданием. Воспоминание-объяснение может содержать и пояснение собственного мнения, трактовку точки зрения автора.

В воспоминании-обобщении автор не просто констатирует определенные факты прошлого, но делает обобщения и выводы. В таких обобщениях и оказывается скрыто некое покаяние, которое выражается в сожалении автора о том, что происходит с ним, его близкими или знакомыми: *«Приходя к мысли о самоубийстве, ставят крест на себе, отворачиваются от прошлого, объявляют себя банкротами, а свои воспоминания недействительными. Эти воспоминания уже не могут дотянуться до человека, спасти и поддержать его. Непрерывность внутреннего существования нарушена, личность кончилась. Может быть, в заключение убивают себя не из верности принятому решению, а из нестерпимости этой тоски, неведомо кому принадлежащей, этого страдания в отсутствие страдающего, этого пустого, не заполненного продолжающейся жизнью ожидания...»* [3, с. 260]. В мемуары могут включаться и так называемые выводы-умозаключения, которые автор делает на основании каких-либо событий или накопленного опыта.

Воспоминание-директиву отличает то, что в его семантическом плане содержится некое руководство к действию – *«так должно поступать!»*. Подобные указания могут относиться как к самому автору, так и к его окружению, и выступать в форме совета, пожелания, руководства к действию другого лица: *«Я припомнил совет моего духовника и сказал ему: «Нечего мудрствовать! Веруй в Господа, да и все!»* [5, с. 110]; подобная директива может относиться и к ситуации в целом, если она выражена в виде некоего предсказания, предвидения изменения ситуации к лучшему: *«Россия была распята, как Христос! И она также воскреснет! Но она должна воскреснуть не силой оружия, а силой духа!»* [5, с. 292].

Воспоминание-отношение отличает то, что вместе с констатацией определенных фактов прошлого через описание людей, с которыми он был знаком, автор передает свое к ним отношение: *«На мое несчастье, мне в воспитатели попался неглупый и довольно образованный, но злой, мстительный и самовлюбленный человек, один из тех, которых к воспитанию юношества не следовало бы подпускать на пушечный выстрел. Я его ненавидел, и то, что в полной от него зависимости мне пришлось провести семь лет, окрасило в мрачный цвет все мое пребывание в Ярославском кадетском корпусе»* [2, с. 17]. Данный вид воспоминания тесно смыкается с нижеследующим воспоминанием-оценкой.

В воспоминании-оценке субъективное отношение человека к факту или событию оказывается выражено довольно четко: *«Бал разочаровал меня. В жизни не видел я зрелища более мерзкого. Полуголая толпа колыхалась в духоте и вони телесных испарений. Нагота молодости и красоты чиста, уродства и старости – непристойна. А эти ряженые были пьяны и безобразны, распущены, иные даже, потеряв всякий стыд, совокуплялись на глазах у публики...»* [5, с. 129]. Оценка может быть как положительной:

«Назвать себя в первый раз в жизни офицерским чином, не скрою, мне было приятно!» [2, с. 39]; так и отрицательной: «Слух у меня тогда был испорчен выкрутасами и ломкою всего привычного, царившими кругом. Все нормально сказанное отскакивало от меня. Я забывал, что слова сами по себе могут что-то заключать и значить, помимо побрякушек, которыми их увешали. Именно гармония цветаевских стихов, ясность их смысла, наличие одних достоинств и отсутствие недостатков служили мне препятствием, мешали понять, в чем их суть. Я во всем искал не сущности, а посторонней остроты. Я долго недооценивал Цветаеву, как по-разному недооценил многих — Багрицкого, Хлебникова, Мандельштама, Гумилева» [3, с. 267]. Автор может оценивать: сложившуюся ситуацию или определенный период своей жизни: «Большинство старых кадет о времени проведенном в корпусе вспоминают с благодарностью и с удовольствием. Никак не могу сказать этого про себя. Для меня пребывание в корпусе было тюрьмой, где нужно было отсидеть семь лет и купить этим право на дальнейшее уже более приятное существование» [2, с. 12]; самого себя, свой характер, свои поступки: «Меня прочили в музыканты, мне все прощали ради музыки, все виды неблагодарного свинства по отношению к старшим, которым я в подметки не годился, упрямство, непослушание, небрежности и странности поведения. Даже в гимназии, когда на уроках греческого или математики меня накрывали за решением задач по фуге и контрапункту в разложенной на парте нотной тетради и, спрошенный с места, я стоял как пень и не знал, что ответить, товарищи всем классом выгораживали меня и учителя мне все спускали» [3, с. 233]; другого человека, его характер и поступки: «Капитан П-в был примечательная личность главным образом потому, что всю свою жизнь никогда ничего не делал и никогда не имел ни минуты свободного времени... Он носил обыкновенную фамилию и без всякого титула. Был не глуп, но и не умен. Ни остроумием, ни веселостью и вообще никакими талантами, ценными в обществе, он не блистал. Ничем, кроме хорошего воспитания и хороших манер, которые в его кругу были обязательными, он похвалиться не мог...» [2, с. 31-32]; общество в целом, или его определенную часть: «Русские аристократы стали космополитами. Поклонялись они иностранщине и то и дело ездили за границу. Хорошим тоном было посылать мыть белье в Париж и Лондон. Почти все матушкины знакомые нарочно говорили только по-французски, а русский коверкали. Нас с братом это злило, и отвечали мы старым снобкам только по-русски. А старухи говорили, что мы невежи и увальни. Но мы и ухом не вели. Напыщенной знати предпочитали мы людей попроще...» [5, с. 56].

Мы не случайно рассмотрели данные виды воспоминаний именно в таком порядке. На наш взгляд, от воспоминания-констатации к воспоминанию-оценке происходит усиление исповедальной интенции — она представляется минимальной в воспоминании-констатации и максимальной в воспоминании-оценке.

Говорить об эксплицитной реализации исповедальной интенции в жанре мемуаров можно в крайне ограниченном числе случаев. Эксплицитная реализация данной интенции имеет место при перечислении отрицательных действий или характеристик, присущих автору: *«Разумеется, говоря об этом, я выгляжу честолобцем, смешным, если не жалким. Но делать нечего: хочу я правды и только правды, а значит, и объективности. Да, внушил я иным любовь, совершенно не заслуженную, и последствия ее оказались тяжелы и для меня, и для них. Конечно, успех льстил мне и какое-то время нравился, пока все было в меру. Но влекло меня к новым людям, и о тех, от кого отдалялся я, думать уже не желал ... Только наконец я понял, что с любовью не шутят. Пусть невольно, однако причинил я страдание и в ответе за это. И решил я устроить своего рода сделку сердцу. Тому или той, кто любил меня без ответа, я обязан был, за неизменением любви, заплатить втридорога дружбой...»* [5, с. 148]; негативной оценки своего характера и поступков: *«Невыразимая жалость к этому человеку вдруг охватила меня. Цель не оправдывала средства столь низменные. Я почувствовал презрение к самому себе. Как мог я пойти на подобную гнусность? Как решился?»* [5, с. 200]; использовании различных лексических средств, выражающих сожаление и раскаяние автора: *«И теперь без стыда не могу вспоминать, как мучил я воспитателей. Я часто жалею о том»* [5, с. 38].

Однако чаще исповедальная интенция в жанре мемуаров выражается имплицитно, через передачу отношения автора к общему положению вещей, когда он говорит о взаимоотношениях с другим человеком, при этом выражая сожаление о том, что данные отношения складываются именно таким образом: *«В отношениях наших с отцом всегда была дистанция. Утром и вечером мы целовали ему руку. О нашей жизни он ничего не знал. Ни я, ни брат разговора по душам никогда с ним не имели»* [5, с. 31]; отношения к конкретному событию, которое оказало влияние на автора. Данное событие может вызывать как одобрение и даже восхищение автора (хотя со временем восприятие может и измениться): *«Дверь распахнулась, и явился нам статный всадник на прекрасном скакуне и с букетом роз. Розы он бросил к ногам моей матери. Это был князь Грицко Витгенштейн, офицер государевой свиты, красавец, известный причудник. Женщины по нему с ума сходили. Отец, оскорбясь его дерзостью, объявил ему, чтобы не смел он впредь переступить порог нашего дома. Я поначалу осудил отца. Верхом несправедливости показались мне его слова – кому! – истинному герою, идеальному рыцарю, какой не побоится выразить любовь свою поступком, исполненным изящества»* [5, с. 37], так и восприниматься негативно, подвергаться осуждению: *«Помню, раз провожали его самым необычайным образом. Было начало ноября и поезд в Москву отходил в 12 часов ночи. И вот, несмотря на то, что всем малышам давно полагалось бы спать, весь корпус, от мала до велика, отправился на вокзал, до которого было больше километра расстояния. Впереди шел оркестр кадетской музыки, по бокам старший класс нес зажженные факелы, а в*

центре, на подобие того, как во время крестных ходов носили образа, на плечах несли кресло, покрытое красным сукном. На кресле, плывя над толпой, восседал К. К. и ближайших носильщиков щелкал по головам. Вот как русским детям преподавался сверху наглядный урок подхалимства и очко-втирательства!..» [2, с. 14]; отношения к другому человеку, которое может варьироваться от восхищения определенными качествами этой личности (имплицитно подразумеваемое желание обладать подобными качествами, которые видятся автору как идеальные): «Умиляя всех, и солдат и офицеров, своим олимпийским спокойствием, хладнокровием и невозмутимостью, он дрался абсолютно во всех боях, в которых принимал участие наш полк, почти не ездил в отпуск, и упорно не желал уходить из строя. Он был один из тех четырех или пяти офицеров, которым посчастливилось или не посчастливилось, ни разу за всю войну не быть раненым...» [2, с. 60], до явно негативного восприятия другого человека и осуждения его действий: «Сибирский мужичонка, невежественный, беспринципный, циничный и жадный, волею случая оказавшийся близ сильных мира сего! Безграничное влияние на императорскую семью, обожанье поклонниц, постоянные оргии и опасная праздность, к какой приучен он не был, уничтожили в нем остатки совести...» [5, с. 186]; отношения к себе и своим действиям. Данное отношение может быть как положительным, когда автор говорит о своих достижениях, хвалясь ими: «В этот приснопамятный вечер, около 6 часов, я вышел из подъезда Училища, сел на самого лучшего извозчика, посулил ему рубль, — обыкновенная плата была полтинник — и велел ему ехать в Семеновский полк. До сих пор помню, что отдававшие мне честь городовые, тогдашние милицейские, и мое собственное чужое мне отражение в зеркальных окнах больших магазинов, доставляли мне жгучее удовольствие» [2, с. 38], так и отрицательным, когда как раз наиболее явно и проявляется исповедальная интенция, поскольку автор критикует свои действия и свой характер (раскаяние может как присутствовать, так и не быть прямо выраженным): «Характер мой портился. Матушка избаловала меня. Я стал ленив и капризен. ...Меня же родители решили отдать в военную школу. На вступительном экзамене я поспорил с батюшкой. Он велел мне назвать чудеса Христовы. Я сказал, что Христос накормил пять человек пятью тысячами хлебов. Батюшка, сочтя, что я оговорился, повторил вопрос. Но я сказал, что ответил правильно, что чудо именно таково. Он поставил мне кол. Из школы меня выгнали» [5, с. 74].

В мемуарах встречаются также случаи, когда автор открыто называет свои негативные качества и признается в греховных помыслах: «По дороге я остановился перед собственным портретом работы Серова <...> Отрок на портрете предо мной был горд, тщеславен и бессердечен. Стало быть, смерть брата не изменила меня: все те же себялюбивые мечтанья? И так мерзок я стал самому себе, что чуть было с собой не покончил! И то сказать: родителей пожалел...» [5, с. 104].

Мы расположили вышеуказанные пункты (отношение к объективному положению вещей, отношение к конкретному событию жизни, отношение к другому человеку, отношение к себе) в порядке возрастания силы проявления исповедальной интенции. В том случае, когда автор передает свое отношение к общему положению дел, сила проявления исповедальной интенции минимальна; тогда же, когда автор выражает отношение к себе самому и своим действиям, исповедальная интенция реализуется максимально.

Таким образом, мемуары представляют собой особый жанр литературы, сочетающий в себе историчность и документальность с субъективизмом, психологизмом и исповедальностью. Автор мемуаров делает акцент на том, что его окружало, на тех исторических событиях, участником которых он стал, а линия его собственной жизни может отступать на задний план, выступая в качестве связующего звена. В мемуарах, бесспорно, присутствует динамика развития личности. Все события пропускаются мемуаристом через его «я», что и предопределяет реализацию в мемуарах анализируемой исповедальной интенции.

Как отмечалось, исповедальная интенция в мемуарах чаще выражается имплицитно (хотя нами были выявлены и случаи эксплицитной реализации), что обусловлено особенностями жанра. Представляется возможным говорить о том, что исповедальная интенция проявляется в мемуарах: 1) через описания автором событий, в которых он принимал участие, и людей, с которыми он был знаком; 2) через обобщение известных самому автору сведений, а также презентацию своих выводов-умозаключений, в которых содержится анализ текущих событий и отражается авторское отношение к происходящему; 3) через субъективную оценку событий, других людей, а также себя самого.

В завершение отметим, что исповедальная интенция выражена в жанре мемуаров не столь рельефно в сравнении с некоторыми другими жанрами, поскольку внимание автора оказывается больше сконцентрировано на внешних событиях, чем на своем внутреннем состоянии. Тем не менее, способы реализации указанной интенции в мемуарах довольно разнообразны, поскольку отсутствует жесткая ритуализация внутри самого жанра и, соответственно, у автора больше средств для выражения раскаяния, сожаления, вины.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Сов. писатель, 1971.
2. Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. – Буэнос-Айрес: Доррего, 1951.
3. Пастернак Б. Л. Люди и положения (автобиографический очерк) // Б.Л. Пастернак Избранное. В 2 т. / сост., подгот. текста и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака; худож. Л. О.Пастернак. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 2. Проза; Стихотворения – С. 224-276.
4. Рожкова Н. Е. Военные мемуары как история и как литература // Литературная учеба. – 2009. – № 1. – С. 194-197.
5. Юсупов Ф. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887-1919. В изгнании / пер. с фр. Е. Кассировой. – М.: ЗАХАРОВ, 2001.

Эволюция языковой картины мира в немецком художественно-литературном дискурсе

В статье анализируется авторская картина мира в ее развитии. Материалом исследования служит художественно-литературный дискурс. Автор выявляет различные аспекты эволюции языковой картины мира в произведениях Кристины Вольф, среди которых культурно-исторические изменения, развитие мировоззренческой концепции, динамика ее языковой картины мира.

The article deals with the development of Ch. Wolf's mapping of the world. Different aspects of the evolution of the writer's linguistic mapping of the world such as its dynamics, cultural and historical changes, and changes in the writer's world outlook are considered.

Ключевые слова: языковая картина мира, эволюция, концептуальная картина мира.

Key words: linguistic mapping of the world, evolution, conceptual mapping of the world.

Все большую актуальность в современных лингвистических исследованиях приобретает интегративный подход, предоставляющий возможность адекватно воспринять и осмыслить тот или иной феномен. Так, изучение языковой картины мира (ЯКМ) правомерно предполагает два подхода – лингвокогнитивный и лингвокультурологический, которые существуют внутри коммуникативной парадигмы. При этом категория языковой личности (ЯЛ) занимает центральное место. Наряду с превращением категориального понятия «картина мира» (КМ) как «фундаментального элемента мироосмысления» в «ключевое» в рамках научной парадигмы понятия ЯКМ и ЯЛ также приобрели «статусный» характер [9, с. 88].

В связи с целью исследования – выявить и проанализировать эволюцию индивидуально-авторской картины мира на материале художественно-литературного дискурса в произведениях К. Вольф – мы обращаемся к понятиям ЯКМ и ЯЛ, не забывая о метафоричности терминов, которыми мы оперируем. Разделяем при этом мнение О. А. Корнилова о том, что КМ и ЯКМ – «своего рода орудие, используемое для решения определенных теоретических и практических задач» [4, с. 4].

Особую значимость в контексте данного исследования имеет ряд моментов. Понятие КМ следует рассматривать в неразрывной связи с человеком как субъектом познания и изменения мира. В качестве познающего субъекта выступает не только отдельная личность, но и целый этнос [4, с. 6]. ЯКМ – представление о мире, стоящее за конкретным языком и ре-

презентированное, прежде всего, лексическими средствами языка, оно имеет субъективный характер, так как отражает культуру, маркированную языковой личностью. Эволюция ЯКМ объясняется воздействием изменяющихся условий повседневной жизни, появлением новых реалий, требующих своей вербализации и включения в ЯКМ, ценность которой заключается в том, что она отражает спонтанное, целостное восприятие мира человеком. Это целостное восприятие мира включает и наивное первичное знание, и логическое осмысление мира, и знания, не поддающиеся логическому осмыслению, и явные заблуждения [4, с. 20].

В связи с материалом нашего исследования рассматриваем в качестве исходной следующую дефиницию ЯКМ, предложенную В. Н. Телия, согласно которой ЯКМ – это «информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями» [7, с. 178]. В результате происходит обогащение концептуальной системы языковыми формами и содержанием. Вышесказанное в полной мере актуально в отношении индивидуально-авторской языковой картины мира (АЯКМ). Автор художественного произведения, как никто другой, вносит свой вклад в обогащение концептуальной картины мира. Именно автор, являясь «нестандартной языковой личностью» (термин Г. Г. Слышкина), «манипулирует» языковыми значениями и их «ассоциативными полями», создавая свои ассоциации и обогащая ими картину мира.

Исследование поэтической или индивидуально-авторской картины мира (АКМ) отмечается в настоящее время в качестве одного из актуальных направлений в изучении ЯКМ [5, с. 170]. Так, многие исследователи развивают тему индивидуально-авторских концептов (В. В. Литвинова), описывают смысловые доминанты идиостиля авторов художественных произведений (Л. П. Грунина) и т.д. Обращение к проблеме эволюции индивидуально-авторской картины мира представляется не менее актуальным. Эволюция, как и динамика, связана в общенаучном понимании с движением и развитием. Привлекательность динамического аспекта состоит в том, что именно в динамике языка и речи проявляется та эстетическая энергетика, которая исходит из субъективных моментов, присущих ЯКМ автора.

В центре ЯКМ, как известно, находится субъект, то есть языковая личность. По образному выражению С. В. Ивановой [1, с. 28], языковая личность – «рычаг», с помощью которого осуществляется взаимодействие языка и культуры. В художественном тексте находит свое отражение ЯЛ в целом и ЯЛ автора в частности. Следует отметить, что ЯЛ писателя находит свое эксплицитное и имплицитное выражение благодаря системе средств, представляющих категорию персональности художественного текста. Именно с этой категорией тесно связаны оба феномена – языковая картина мира и языковая личность.

Ставшее хрестоматийным определение языковой личности, данное Ю. Н. Карауловым, можно, на наш взгляд, рассматривать как квинтэссенцию всех последующих дефиниций данного понятия: «ЯЛ – это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [3, с. 3]. Для выявления сути языковой картины мира следует обратиться к структуре языковой личности. Как материальный носитель идеологии, творец и продукт языка одновременно, ЯЛ включает, согласно соответствующей теории Ю. Н. Караулова, три уровня: вербально-семантический, когнитивный и мотивационный [цит. по: 2, с. 150]. Опираясь на указанные уровни, можно с помощью методов лингвистического анализа (семантического, контекстуального, дискурсивного) проследить эволюцию авторской картины мира.

В качестве конкретного материала нашего исследования послужили произведения известной немецкой писательницы Кристи Вольф. Об эволюции индивидуально-авторской картины мира могут предположительно свидетельствовать некоторые аспекты, среди которых определенные культурно-исторические изменения, изменения в мировоззренческой системе автора, динамика его концептуальной и языковой картины мира.

Вполне уместным, с нашей точки зрения, является замечание Манфреда Дурзака о том, что едва ли Криту Вольф можно рассматривать как автора, который «держался», несмотря на культурно-политические диктаты, и «преодоле» политические барьеры как писатель, поскольку эти барьеры являются в равной степени условиям возникновения ее произведений [11, с. 184]. Вполне обоснованно критик рассматривает ее романы скорее как «осознанное выполнение политически акцентированной литературно-теоретической программы»: «Ihre Romane lassen sich eher als bewusste Erfüllung eines politisch akzentuierten literaturtheoretischen Programms verstehen ...» [перевод здесь и далее наш. – О.С.]. Действительно, в «Московской новелле» (1961), литературном дебюте К. Вольф, явно ощущается определенная «схема», продиктованная существовавшей в то время литературно-теоретической программой. Справедливости ради, отметим, что сама писательница, оглядываясь назад, не «щадит себя». Она признается в том, что «далеко отошла от реалистичного взгляда и реалистической манеры изображения происходящего»: «... mich also weit von einer realistischen Seh – und Schreibweise entfernte» [цит. по: 11, с.185]. Соответствующая номенклатура эстетики соцреализма отражена в многочисленных рецензиях, благодаря которым писательница была на так называемой теоретической «высоте» того времени (заметим, что данная оценка деятельности К. Вольф далеко не однозначна в различных контекстах). При этом имеется в виду литературная деятельность в период между 1952 и 1962 годами. Вскоре К. Вольф дистанцируется от образцов так называемого «социалистического поведения», выполняющих дидактическую роль. Она признает совершенно неприемлемым, например, обсуждение сюжетов художествен-

ных произведений, которые должны были «укладываться» в определенные рамки литературно-теоретической доктрины. Именно такая позиция помогла К. Вольф отмежеваться от механически понимаемой теории отражения действительности. Субъективность автора, с ее точки зрения, не может рассматриваться «инструментально», так как в искусстве речь идет об «изменении», «преобразовании» («Verwandeln») и «усвоении действительности» («Aneignung der Wirklichkeit») [11, с. 186]. Другими словами, К. Вольф понимает необходимость отхода от стандартных моделей фикциональной или «вторичной» действительности. Приводя аргументы при обсуждении того, что новая социалистическая классика снова должна достичь «чувственной наглядности», писательница исходит, как правило, из исторической ситуации.

Один из ключевых моментов мировоззренческой позиции К. Вольф – осознание того воздействия, которое испытывает на себе художественная проза в ходе исторического процесса. По мнению К. Вольф, самое важное для литературы (имеется в виду, прежде всего, немецкая литература) заключается в исследовании условий, в которых человек может реализовать себя как существо нравственное: «Ich würde wünschen, dass die Literatur die Bedingungen untersucht, in denen sich der Mensch als moralisches Wesen verwirklichen kann» [цит. по: 11, с. 187]. Несмотря на условия тоталитарного общества К. Вольф постоянно пытается сохранить нравственную идентичность. Однако как же достичь этого, если, цитируя Ганса Эриха Носсака, «...все время утратило свою идентичность?» («Und wie schliesslich kann der einzelne seine Identität erhalten, wenn die ganze Zeit ihre Identität verloren hat?») [11, с. 187]. Суть конфликта заключается в стремлении автора к самореализации и наличии при этом диктата политических требований. С одной стороны, происходит навязывание определенных моделей поведения, схематичных и шаблонных, с другой стороны, ощущается потребность вырваться из тех «ролей», которые предопределены сверху. К. Вольф отмечает несовместимость стремления писать реалистично и при этом отказываться от конфликтов или избегать их.

Последовательность писательского пути К. Вольф в историческом аспекте отмечают все без исключения исследователи ее творчества, используя при этом термины: «Kontinuirlichkeit» (А. Фиршинг), «Folgerichtigkeit» (М. Дурзак). Как многие другие авторы, К. Вольф начинала свою творческую деятельность, основываясь на «санкционированных» воззрениях (с точки зрения идеологии). Так, в «Московской новелле» исходным критерием для К. Вольф является политико-дидактическая задача. Персонажи (Вера Брауер и Павел Кошкин) выполняют функцию образца для подражания [12]. Личный конфликт героев разрешается тем, что они принимают верное решение, продиктованное «партийностью» Веры, главной героини. В «Расколотом небе» проблема поиска нравственной идентичности рассматривается в рамках общепринятой общественной морали. Этот важный

аспект точно выражен, на наш взгляд, в критической статье М. Дурзака, который называет данный роман «притчей формирования социалистического сознания» («Parabel sozialistischer Bewusstseinsbildung») [11, с. 190]. Оценка романа как «притчи» не лишена оснований еще и в связи с тем, что автор, К. Вольф, как справедливо замечает Аннетте Фиршинг [12, с. 38], выступает в роли некоего «всезнающего» рассказчика, который все видит и все знает (доказательство тому – пролог и эпилог). В романе «Размышления о Кристе Т.», подчеркнем, впервые поиск нравственной идентичности осуществляется иначе, в противоречии с принятыми в обществе нормами морали. Писательница осознанно отказывается от определенных моделей повествования, предписанных «свыше».

В произведении «Kindheitsmuster» (в жанровом отношении это роман и эссе одновременно) позиция К. Вольф как автора в указанном выше отношении еще более обостряется. Вместо «вселенской» уверенности присутствуют сомнения и тревога. Именно так можно, на наш взгляд, интерпретировать слова о том, что тот, кто все всегда знает, просто «портит всю игру»: «Der Spielverderber, der schon immer weiss, wie es weiter geht oder endet» [цит. по: 11, с.213].

Таким образом, в творчестве К. Вольф наблюдаются существенные изменения, связанные с развитием ее мировоззренческой концепции. Эти изменения называют по-разному: например: «Wandel» [12], «Sprung» [11, с. 187], однако важен сам факт имеющих место перемен, которые озвучены самой писательницей: «Das Subjekt, der sozialistische Mensch, lebt immer souveräner in seiner Gesellschaft, die er als sein Werk empfindet: nicht nur denkt und weiss, sondern empfindet» [13, с.557]. Глагол «empfinden» («чувствовать», «ощущать») не случайно повторяется автором: это свидетельство тех кардинальных перемен, которые наметились в творчестве писательницы, прежде всего, имеем в виду сознательное смещение акцентов на внутренний мир героев (в романе «Nachdenken über Christa Т»). Раскрывая их душевное состояние, К. Вольф тем самым подчеркивает, что социалистическая литература не только может, но и призвана, как любая другая, заниматься тонкими нюансами чувств.

Вопрос «Wie soll man leben?» проходит красной нитью в произведениях писательницы. Однако, если в романе «Расколотое небо» автор дает ответ однозначно в «социалистическом ключе», то в романе «Размышления...» едва ли возможен подобный ответ. Образ Кристы Т. далек от образцового во всех отношениях образа Риты Зейдель. Криста Т. существует на «периферии» общественной жизни и при этом не боится быть в отношениях конфронтации с обществом, если общество мешает ей как личности. О ней (Кристе Т.) автор пишет: «Denn sie ist, als Beispiel, nicht beispielhaft, als Gestalt kein Vorbild» [цит. по: 11, с. 208], то есть как «пример» – героиня «не достойна подражания», другими словами, данный персонаж – далеко не «образец». Думается, что Криста Т. представляет творческое кредо са-

мой писательницы, которое выражается в ее нетерпимости к усредненности и конформизму.

Обретение себя (*Selbstbestätigung, Selbstbehauptung*) и проблема самореализации (*Selbstverwirklichung*) актуальны и для главных женских персонажей ее произведений. Это точки их соприкосновения. То, что для героини романа «Размышления о Кристе Т.» процесс обретения собственного «Я» не предполагает участия в общественной жизни, является, несомненно «крамольной» мыслью со стороны К. Вольф. В такой позиции автора заключена, метафорически выражаясь, «взрывная сила» романа – «*politischer Sprengstoff*» [11, с. 201]. Это дает основание говорить о возрастающей субъективности К. Вольф как автора, так как она все более дистанцируется от существующих канонов эстетики социалистического реализма. Несмотря на вероятность каких-либо ошибок, такой путь писателя, свободного от «насаждаемых» сверху схем, предпочтительнее, с ее точки зрения, та как именно этот путь связан с творческим прогрессом. Несмотря на то, что в первых двух романах (имеем в виду «Московскую новеллу» и «Расколотое небо») имеет место связь литературной доктрины с партийностью искусства, герои К. Вольф далеко не «монументальны» [11, с. 192]. Они считают себя сторонниками социалистической системы не ради риторики, это для них – сама жизнь. Некоторая «образцовость» персонажей не предполагает, однако, со стороны К. Вольф бодрого социалистического оптимизма: в своих произведениях она не стремится изображать «социалистическую действительность в розовом свете» («*rosarote Wirklichkeit*»), как справедливо отмечает А. Фиршинг [12, с. 21]. Известно негативное отношение К. Вольф к тем писателям, которые показывают якобы «гармоничный мир», поскольку подобная литература, пусть даже соответствуя ожиданиям читателя, не приносит никаких изменений в окружающий мир. Для нее важны не только изменения, исходящие из окружающего нас мира, но и те импульсы, которые должны давать сами художественные произведения для преобразования и развития реальной действительности.

Эволюция индивидуально-авторской картины мира писательницы прослеживается, таким образом, на уровне персонажей, которые эксплицируют авторскую концепцию восприятия мира, включающую размышления, чувства и эмоции, настроения и ассоциации. Особый интерес при этом представляют метафоры, связанные с образом персонажа, как, например, в романе «Размышления ...». В качестве такой метафоры можно рассматривать образ орхидеи, редкого цветка, который расцветает на очень короткое время и в контексте романа К. Вольф имеет, пусть косвенную, но связь с образом героини романа. Аналогично орхидее жизнь Кристы Т. непродолжительна, неизбежен печальный финал. Возможно, этот цветок указывает на особенности героини, присущие только ей: насколько притягателен цветок, настолько привлекательна сила

индивидуальности Кристи Т. Когда она смотрит на удивительный цветок вместе с другими, то чувствует себя «умиротворенной» («getröstet») и одновременно с этим «терзается внутренними противоречиями» («zerrissen»): «Vor einem Blumenladen in der Innenstadt standen ein Dutzend Menschen, die schweigend warteten, dass um Mitternacht eine seltene, hell angeleuchtete Orchidee für wenige Stunden ihre Blüte entfalten sollte. ... Dann ging sie getröstet und zerrissen nach Hause» [13, с. 74]. Противоречивость ее чувств объясняется осознанием реальных трудностей жизненной ситуации.

Художественно-литературный дискурс рассматривается в нашем исследовании как совокупность процесса и результата речевой деятельности писателя в трех аспектах: лингвистическом, когнитивном и прагматическом. Указанные аспекты созвучны структуре ЯЛ, в данном случае, языковой личности автора, изучение которой предполагается в динамическом аспекте. Эту возможность дает дискурсивный анализ, который, вслед за В.Е. Чернявской, мы рассматриваем как «средство проникновения в глубинную структуру текста, его смысл» [8, с. 78]. Речевые единицы, манифестирующие индивидуальную картину мира писателя, предоставляют уникальную возможность обратиться к когнитивному уровню в структуре языковой личности автора. Анализируя указанные языковые средства, можно выявить важные смыслообразующие факторы, составляющие эмоционально-смысловую доминанту того или иного произведения.

Существует ряд способов реализации доминирующей репрезентативной системы восприятия в рамках художественного произведения. Наиболее распространенным способом в произведениях К. Вольф считаем повторяемость и высокую частотность лексемы «der Himmel» [14]: Himmelskuppel (S. 75), Himmelsgewölbe im Mond (S. 83) reiner Himmel (S. 7), Himmel im richtigen Gleichgewicht (S. 12), kühler, blauer Himmel (S. 74), fließender schwarzer Himmel (S. 93), das hohe zartverschleierte Himmelsgewölbe, das Wichtigste an dieser Landschaft (S. 149), graue Himmelswand (S. 203). В приведенных примерах небо, точно живое существо, предстает совершенно разным - в зависимости от времени суток, настроения героев, той жизненной ситуации, в которой оказываются герои романа. Рекуррентность данной лексемы позволяет, на наш взгляд, рассматривать ее как лейтмотивную и даже, позволим себе предположить, как выступающую в качестве «суггестивной доминанты». Под суггестивностью – от латинского *suggerere* – понимается активное воздействие на воображение, эмоции читателя посредством тематических, образных, звуковых ассоциаций [6, с. 1295]. Опираемся на авторитетное мнение В. Е. Чернявской, которая отмечает преобладание в художественной коммуникации суггестивного влияния, связанного с созданием определенного настроения. Вне сомнений, художественно-эстетическая коммуникация «позволяет внушать человеку определенное эмоциональное состояние, формировать его ассоциативное мировоззрение, стимулировать к размышлениям» [8, с. 29].

Другим, не менее важным способом репрезентации эмоционально-смысловой доминанты можно считать расширение значения лексемы «Himmel» вследствие метафоризации. В названии романа «Der geteilte Himmel», представляющим собой концептуальную метафору, как бы предсказывается смысловое содержание произведения. Кроме того, можно говорить о визуальной модальности, но визуальное восприятие «расколотого неба» – не проявление визуального восприятия К. Вольф, это смыслообразующий фактор, который структурирует эмоционально-смысловую доминанту писательницы. Метафорический образ неба, являя собой квинтэссенцию авторского смысла произведения К. Вольф – один из самых ярких образов, структурирующих эмоционально-смысловую доминанту ее произведений. Исходя при метафорическом переносе из цельности небесного свода, она подчеркивает противоестественность подобного «раскола» как в отношении Германии, разделенной на два различных государства, так и в отношении чувств людей, нарушения гармонии их внутреннего мира. К. Вольф, описывая внутреннее освобождение своей героини, подчеркивает, что восстановление – «самое важное в этом ландшафте»: «Dieses hohe, zartverschleierte Himmelsgewölbe, das Wichtigste an dieser Landschaft, das, unverletzt durch Häuserblocks und Schornsteine, von einer schmerzhaft bekannten Linie – Wald, Felder und ein kleiner Höhenzug – getragen wurde, ordnete wie von selbst alles um einen natürlichen Mittelpunkt und liess kein quälendes Ausser – sich – Sein aufkommen» [14, с. 149].

Образ неба и природы в целом играет значительную роль в смысловом и эмоциональном содержании не только романа «Расколотое небо», но и романа «Размышления». Интересно, что критика отмечает определенную долю сентиментальности в стиле писательницы: «... das Innerste des Menschen, in einer merkwürdig unreflektierten Poetik und schliesslich in den Beispielen von kaum verhüllter Sentimentalität... zum Vorschein kommt ...» [11, с. 202]. Это связано с тем, что К. Вольф утверждает значимость природы в жизни личности. Одним из ключевых моментов в романе «Размышления о Кристе Т.» являются также строки о небе, однако героиня, размышляя и глядя в небо, сомневается в том, что природа принимает участие в судьбах людей. Она отдает себе отчет в том, что небо было и будет всегда. Через концептуальную метафору, в основе которой лежит образ неба, автор опровергает значимость природы для судьбы человека: «... nachdem ich mich schon verirrt hatte, fiel es mir ein, nach dem Himmel zu sehen. Er war, wie heute, zart verschleiert, und ich musste dasselbe denken, was ich damals dachte ... weil dieses blasse, vertraute Blau, das nur für uns erdacht, nur uns zu gehören schien, schon auf alten Bildern vorkommt, denen ich nichts nachfühle als nur dieses Blau. Eine Empörung darüber, dass es in hundert Jahren, lang nah uns, unbeteiligt und unverändert, durch eine gewisse Jahreszeit, durch einen gewissen Lichteinfall wieder erzeugt werden würde» [13, с. 164]. Рассмотренные метафоры позволяют, таким

образом, судить об эволюции авторской картины мира на когнитивном уровне. Будучи творческой языковой личностью автор выходит за пределы определенного стандарта, открывая при этом читателю необычный ракурс того или иного образа (например, образ орхидеи).

Итак, рассмотрение комплекса характеристик, объединенных в языковой личности автора, становится возможным сквозь призму языка и дискурса. Эволюция индивидуально-авторской картины мира Кристи Вольф предстает в ряде аспектов, среди которых: культурно-исторические изменения в Германии, тесно связанные с этим изменения мировоззренческой концепции писательницы, динамика ее концептуальной и языковой картины мира. Кроме того, анализируя произведения К. Вольф, убеждаешься неизменно в силе эстетической энергетики, исходящей из тех субъективных моментов, которые присущи ее языковой картине мира. В полной мере к писательнице могут быть отнесены слова великого Г. Флобера, приведенные Умберто Эко в контексте проблематичности и спорности так называемого «принципа безличности» того или иного произведения искусства: Криста Вольф незримо присутствует в своих произведениях, не «вписывая себя» в них, но давая почувствовать свое присутствие, пусть «незримо, но всемогуще» [10, с. 71].

Список литературы

1. Иванова С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология (сопряжение парадигм). – Уфа: БашГУ, 2004.
2. Зинченко В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М.: Флинта: Наука, 2007.
3. Караулов Ю. Н., Красильников Е. В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность / под ред. Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1989.
4. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. – М.: ЧеРо, 2003.
5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008.
6. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1981.
7. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
8. Чернявская Е. В. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006.
9. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. Монография. – СПб.: Книжный дом, 2006.
10. Эко У. Поэтики Джойса / пер. с итал. А. Ковалю. – СПб.: Симпозиум, 2006.
11. Durzak M. Der deutsche Roman der Gegenwart. Entwicklungsvoraussetzungen und Entwicklungsperspektiven. – Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz: Verlag W. Kohlhammer, 1979.
12. Firsching A. Kontinuität und Wandel im Werk von Christa Wolf // Würzburger Beiträge zur deutschen Philologie. Bd. 16. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 1996.
13. Wolf Christa. Nachdenken über Christa T. – Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1968.
14. Wolf Christa. Der geteilte Himmel. – Leipzig: Philipp Reclam jun., 1966.

Апелляция к реалии *Founding Fathers* как особенность американского политического дискурса

В статье рассматривается реалия *Founding Fathers* (отцы-основатели), апелляция к которой является неотъемлемой составляющей американского политического дискурса и публичных выступлений политиков США. Будучи средством выражения базовых американских ценностей (свобода, равенство, демократия, власть закона, независимость США) данная реалия служит также для поддержки положительного имиджа субъекта политики, поскольку отцы-основатели символизируют такие черты (в частности, духовность), которые должны присутствовать у достойного политического деятеля.

The article deals with the realia *Founding Fathers* reference to which makes an integral part of American political discourse and of public speeches delivered by American politicians. Being the source of expression of basic American values (freedom, equality, democracy, rule of law, independence of the USA), reference to this realia also serves as a tool for maintenance of a positive image of a politician, as the *Founding Fathers* represent the features (particularly spirituality), which a worthy politician should possess.

Ключевые слова: политический дискурс, реалия, ценности, субъект политики, имидж политика.

Key words: political discourse, realia, values, representative of politics, image of a politician.

Одной из характерных особенностей американского политического дискурса была и остается апелляция к реалии *Founding Fathers* (отцы-основатели) – группе политических деятелей, написавших Конституцию США в 1787 году и сыгравших важную роль в основании американского государства, в частности, в завоевании независимости и создании принципов новой политической системы. Право на религиозные убеждения и свободное исповедание таких убеждений находятся в числе самых основополагающих свобод, которыми владеют американцы. Отцы-основатели поставили гарантию религиозной свободы на первое место среди других охраняемых Конституцией прав, поэтому их авторитет в Соединенных Штатах очень высок. При обсуждении духа американской конституции, важным аргументом (в том числе в Верховном суде) является мнение «отцов» (высказанное в их письмах, деловых бумагах, публикациях), а политики в США часто упоминают отцов-основателей в своих публичных выступлениях.

Целью данной работы является рассмотрение примеров обращений к реалии *Founding Fathers* как способа выражения базовых американских ценностей, метода поддержания положительного имиджа политика, а также языкового инструмента воздействия на реципиента.

Объектом исследования являются речи общественно-политического жанра. В задачи исследования входит выявление характерных особенностей публичных речей, в которых присутствует апелляция к реалии *Founding Fathers*; изучение лексического окружения реалии; выяснение причины частого употребления данной реалии в публичных выступлениях политиков США; рассмотрение реалии *Founding Fathers* как символа веры, а ссылок на авторитет – в качестве важной составляющей американского политического дискурса.

Материалом для исследования послужили примеры обращений к реалии *Founding Fathers* на англоязычных интернет-сайтах, в особенности americanrhetoric.com и presidentialrhetoric.com. В настоящей статье анализируются публичные выступления американских политических деятелей, среди которых следующие президенты Соединенных Штатов: Уоррен Гардинг, Рональд Рейган, Билл Клинтон, Барак Обама; борец за гражданские права темнокожего населения в США Мартин Лютер Кинг, госсекретарь США Кондолиза Райс; известные американские политики Анита Ширли, Барри Голдуотер, Майк Хакаби, Боб Бар; бывшие губернаторы штатов Джордж Уоллес (штат Алабама), Митт Ромни (штат Массачусетс), а также известный американский музыкант Брюс Спрингстин, чье творчество неразрывно связано с социально-политической тематикой. Всего было рассмотрено 23 контекстуальных употребления реалии *Founding Fathers*.

Проблема ценностей актуальна в современном мире, поскольку ценности определяют личность и общество в целом. Понимание систем ценностей способствует развитию толерантности и эффективному взаимодействию обществ и государств, что особенно важно в условиях процессов глобализации в современном мире. В американском политическом дискурсе национальные ценности могут быть выражены посредством апелляции к реалии *Founding Fathers*, которая отражает основополагающие ценности в США: свобода, равенство, демократия, власть закона, независимость США [3, р. 23-24]. Отцы-основатели олицетворяют также духовную сторону жизни в Соединенных Штатах, поэтому апелляция к «отцам» играет очень важную роль в американском политическом дискурсе. Как известно, без личностной свободы человека становление и развитие демократических принципов правления страной не представляется возможным, поэтому политические деятели США в своих публичных выступлениях часто вспоминают тех, кто даровал американцам эту свободу: «And so it was meant in our racial lives, each race, within its own framework has the freedom to teach, to instruct, to develop, to ask for and receive deserved help from others of separate racial stations. This is the great freedom of our American **founding fathers**» (George C. Wallace, Inaugural Address, January 14, 1963) [2]; «Well I think it's time we ask ourselves if we still know the freedoms that were intended for us by the **Founding Fathers**» (R. Reagan, A Time For Choosing speech, October 27, 1964) [9].

Таким образом, говоря о свободе в ее различных проявлениях («freedom to teach, to instruct, to develop»; «freedoms») Джордж Уоллэс и Рональд Рейган апеллируют к отцам-основателям, тем самым выражая им свое почтение. Отцы-основатели являются не только символами индивидуальной свободы человека, но также свободы в экономической и политической сферах, о чем говорит Рональд Рейган в своей речи, посвященной реформе налогообложения (1986 г.): «Our **Founding Fathers** fought not only for our political rights but also to secure the economic freedoms without which these political freedoms are no more than a shadow» (R. Reagan, Remarks Before Signing the Tax Reform Act, October 22, 1986) [9]. В речи Рональда Рейгана отцы-основатели являются символом свободы и независимости США от других стран.

Рассмотрим следующий пример, в котором отцы-основатели предстают в качестве носителей идеалов свободы: «... We do not have a field of candidates, currently or anywhere on the horizon, that understands and will raise the issues that are important to the great heritage of America, the history of this great land, the principles on which this great land was founded, the principles of fiscal conservancy, and who will work dramatically to help reshape this country in the image of our **Founding Fathers** and in the image of all those who have given so much to preserve liberty and freedom in this land» (Bob Barr, Declaration of Candidacy for U.S. Presidency – Libertarian Party, May 12, 2008) [2]. Примечателен лексический повтор прилагательного «great», указывающего на непохожесть Соединенных Штатов на другие страны. Апелляция к реалии **Founding Fathers** в данном случае выражает чувство исключительности США, что также является одной из важных американских ценностей.

Далее обратимся к таким ценностям американского общества, как равенство перед законом и равенство возможностей, которые в США были и остаются в числе неизменных ценностей [3, p. 23]. Приведем несколько примеров апелляций к реалии **Founding Fathers**, в которых политики говорят о равенстве: «Equality, rightly understood as our **founding fathers** understood it, leads to liberty and to the emancipation of creative differences; wrongly understood, as it has been so tragically in our time, it leads first to conformity and then to despotism» (Barry Goldwater, Acceptance Speech, 1964) [2]. В данном примере понятие равенства не конкретизируется, однако очевидно, что отцы-основатели выступают как родоначальники такой системы, в которой равенство проявляется во всех отношениях, а результатом адекватного восприятия равенства становится свобода. Рассмотрим следующий пример: «The time is clearly now to put this House on record for the fullest expression of that equality of opportunity which our **founding fathers** professed» (Shirley Anita St. Hill Chisholm, For the Equal Rights Amendment, August 10, 1970) [2]. В речи Аниты Ширли, произнесенной в 1970-м году, отцы-основатели предстают в качестве создателей системы равных возможностей для всех людей (без которой

невозможно становление и развитие правового общества). О равенстве возможностей говорит также известный американский музыкант Брюс Спрингстин в своей речи в поддержку президентства Барака Обамы (2008 г.): «I've – I've spent 35 years writing about America, its people, and the meaning of the American Promise. That's the promise that was handed down to us, right here in this city from our **Founding Fathers**, with one instruction and that was: Do your best to make these things real: It was opportunity, equality, social-economic justice, a fair shake for all of our citizens – the American idea, as a positive influence, around the world for a more just and peaceful existence» (Bruce Springsteen, Remarks at the Vote for Change Rally on the Ben Franklin Parkway, October 4, 2008) [8].

Таким образом, реалия **Founding Fathers** символизирует широкие возможности, которые в равной степени стали доступны для широких масс населения. Апелляция к данной реалии в вышеприведенных примерах является средством выражения одной из важнейших ценностей в США – равенства (возможностей, перед законом, людей друг с другом).

Рассмотрим примеры обращений к реалии **Founding Fathers**, в которых отцы-основатели символизируют легитимность государственного устройства США: «And I knew that as they were sitting in, they were really standing up for the best in the American dream, and taking the whole nation back to those great wells of democracy which were dug deep by the Founding Fathers in the Declaration of Independence and the Constitution» (Martin Luther King, «I've Been to the Mountaintop», April 3, 1968) [2]. В данном случае Мартин Лютер Кинг говорит об отцах-основателях как о создателях демократической формы правления в Соединенных Штатах. Примечательна фраза «great wells», придающая предложению яркий стилистический эффект.

Понятие демократии в американском политическом дискурсе неразрывно связано с отцами-основателями, поскольку именно они создали политический режим, при котором народ является единственно легитимным источником власти. В своей речи, посвященной реформе системы налогообложения, президент Рональд Рейган говорит об отцах-основателях как героях, создавших демократические принципы управления государством, изменивших, таким образом, ход истории: «Our **Founding Fathers** designed a democratic form of government to enlist the individual's energies and fashioned a Bill of Rights to protect its freedoms. And in so doing, they tapped a wellspring of hope and creativity that was to – to completely transform history» (Ronald Reagan, Remarks Before Signing the Tax Reform Act, October 22, 1986) [9]. Отцы-основатели предстают в качестве лиц, коренным образом трансформировавших исторический процесс, благодаря чему было создано свободное государство, построенное на принципах демократии. В речи, посвященной федерализму (1999 г.), президент Билл Клинтон апеллирует к «отцам», говоря о новых демократических переменах в стране: «...But we talked a lot to governors and others about the necessity to create again what our **founding fathers** called

the laboratories of democracy» ... we would try to give new direction to the nation and deal with plainly national problems... we would also try to build a new partnership that would make all of our states feel more a part of our union and more empowered and determined in their own destiny» [5]. В данном примере принципы Билла Клинтона по управлению страной являются отражением взглядов отцов-основателей. Говоря о необходимости возродить систему правления, принятую «отцами», президент Клинтон добивается эффекта убеждения в том, что его руководство стремится к процветанию страны в рамках идеалов отцов-основателей. Это добавляет хозяину Белого дома больше авторитета и вызывает положительное отношение со стороны избирателей.

В своей программной речи, произнесенной на Всемирном экономическом форуме 2008-го года, говоря о трудностях на пути к демократии, Кондолиза Райс апеллирует к отцам-основателям: «Yes, our ideals and our optimism make Americans impatient, but our history, our experience, should make us patient at the same time. We, of all people, realize how long and difficult the path of democracy really is. After all, when our **Founding Fathers** said “We the People,” they did not mean me. It took the Great Emancipator, Abraham Lincoln, to overcome the compromise in our Constitution that made the founding of the United States of America possible, but that made my ancestors three-fifths of a man» (Condoleezza Rice, Keynote Address at the Annual Meeting of the World Economic Forum, January 23, 2008) [2]. Посредством апелляции к реалии **Founding Fathers** в данном примере Кондолиза Райс создает образ последовательницы идеалов «отцов», что, несомненно, положительно отражается на ее политическом имидже.

К аналогичному методу по поддержанию положительного имиджа политика (ссылка на реалию **Founding Fathers**) прибегает также президент Барак Обама в 2009 году, говоря об отцах-основателях как о своих вдохновителях, принципах и идеалами которых он руководствуется в своей политической карьере: «...I firmly believe in the rule of law as the foundation for all of our basic rights. For as long as I can remember, I have been inspired by the achievement of our **Founding Fathers**. They set forth principles that have endured for more than two centuries. Those principles are as meaningful and relevant in each generation as the generation before. It would be a profound privilege for me to play a role in applying those principles to the questions and controversies we face today» (Barack Obama, The Nomination of Sonia Sotomayor for the United States Supreme Court, May 26, 2009) [7]. В данном примере Барак Обама указывает на верховенство закона, выражая свой патриотизм и преданность американскому народу. Как и политики, указанные выше, президент Обама стремится представить себя в качестве последователя отцов-основателей, что является частью технологии власти в американском политическом дискурсе. В следующем примере Барак Обама наделяет «отцов» качествами настоящих мужчин, которым

несмотря на все трудности удалось создать правовое государство: «Our **Founding Fathers**, faced with perils we can scarcely imagine, drafted a charter to assure the rule of law and the rights of man, a charter expanded by the blood of generations. Those ideals still light the world, and we will not give them up for expedience's sake» (Barack Obama, Inaugural Address, January 20, 2009) [7]. Говоря о верховенстве закона и соблюдении прав человека (что присуще демократической форме правления), президент указывает на идеалы отцов-основателей, от которых он не собирается отступать. Это, в свою очередь, украшает образ Барака Обамы, представляя его в качестве достойного политического лидера, стремящимся возродить былую мощь и величие США.

Таким образом, апелляция к реалии Founding Fathers выражает одну из важнейших ценностей в Соединенных Штатах – демократию как политический режим, а также «веру в то, что мнение большинства должно лежать в основе государственного управления» [3, p. 23; перевод наш. – Г.П.]. На основе анализа вышеприведенных примеров выяснилось, что помимо выражения базовых ценностей в США, в частности, демократии, апелляция к реалии Founding Fathers способствует также поддержанию положительного политического имиджа представителя власти. Ссылка на «отцов» в публичной речи всегда способствует росту авторитета субъекта политики. В американском политическом дискурсе отцов-основателей принято считать людьми от Бога, по воле которых произошло становление США как самой демократической страны, отличающейся от всех остальных стран. В нижеследующих примерах при апелляции к реалии Founding Fathers Уоррен Гардинг и Рональд Рейган указывают на божественную обусловленность деятельности «отцов»: «Standing in this presence, mindful of the solemnity of this occasion, feeling the emotions which no one may know until he senses the great weight of responsibility for himself, I must utter my belief in the divine inspiration of the **founding fathers**. Surely there must have been God's intent in the making of this new-world Republic» (Warren G. Harding, Inaugural Address, March 4, 1921) [7]; «But here for the first time in all the thousands of years of man's relation to man, a little group of the men, the **founding fathers** – for the first time – established the idea that you and I had within ourselves the God given right and ability to determine our own destiny» (R. Reagan, Radio Address on Socialized Medicine, 1961) [9]. Таким образом, в вышеприведенных примерах отцы-основатели символизируют духовность, присутствующую в американской политике.

Следует отметить, что политика и религия в Соединенных Штатах всегда находились в тесной взаимосвязи, чему свидетельствует надпись на долларовой банкноте «*In God We Trust*», что также является национальным девизом страны. Одним из возможных источников фразы является последняя часть гимна США, текст которого был написан в 1814 году Ф. С. Ки. В 1963-м году Джордж Уоллас назвал богохульством попытку отмены печати девиза на купюрах, мотивируя это религиозной верой

отцов-основателей: «And we find the evidence of that ungodliness even in the removal of the words "in God we trust" from some of our dollars, which was placed there as like evidence by our **founding fathers** as the faith upon which this system of government was built» (George C. Wallace, Inaugural Address, January 14, 1963). Инициатива противников печати данной фразы на купюрах вполне обоснована. Девиз нарушает права неверующих граждан страны, поскольку свобода вероисповедания, которая закреплена конституционно самими же отцами-основателями, подразумевает также право не верить в Бога. Ветхий Завет вовсе запрещает использовать имя Божье всуе, то есть напрасно, что вызывает критику девиза уже со стороны верующего населения. Подобное ироническое отношение к культуре денег породило перефразирование девиза: «In God We Trust, All Others Pay Cash» [4]. В инаугурационной речи Джорджа Уоллеса говорится о «сильной и искренней вере» отцов-основателей и присущему им чувству «духовной ответственности»: «Our **founding fathers** recognized those (voting) rights but only within the framework of those spiritual responsibilities. But the strong, simple faith and sane reasoning of our **founding fathers** has long since been forgotten as the so-called "progressives" tell us that our Constitution was written for "horse and buggy" days, so were the Ten Commandments» (George C. Wallace, Inaugural Address, January 14, 1963) [7]. В вышеприведенном контексте проводится параллель между Конституцией США и десятью заповедями Библии, что свидетельствует о тенденции американских политиков максимально ассоциировать действия отцов-основателей с божественной волей. Можно сказать, что политический деятель, апеллирующий к «отцам» и духовной составляющей политики по-американски, в глазах широкой аудитории сам предстает в качестве лица, исполняющего волю Бога. Поэтому ссылка на реалию Founding Fathers столь важна для многих субъектов политики. Приведем следующий пример апелляции к данной реалии, где просматривается связь между отцами-основателями и высшими силами: «Those – Those who created our country – the **Founding Fathers** and Mothers - understood that there is a divine order which transcends the human order. They saw the state, in fact, as a form of moral order and felt that the bedrock of moral order is religion» (R. Reagan, Remarks at a Dallas Ecumenical Prayer Breakfast, August 23, 1984) [9]. Отсюда следует, что все, к чему стремились «отцы», оказывается обусловленным провидением, а религия является способом для воплощения идей отцов-основателей, основанных на принципах нравственности. Отцы-основатели США исповедовали христианство, однако с уважением относились к другим религиям, поскольку вера является общей, вне зависимости от национальной и культурной принадлежности. Выступая в Каире в 2009 году, президент Барак Обама апеллирует к отцам-основателям: «And when the first Muslim American was recently elected to Congress, he took the oath to defend our Constitution using the same Holy Qur'an that one of our **Founding Fathers** – Thomas Jefferson – kept in his personal library» (Barack Obama, A

New Beginning: Speech at Cairo University, June 4, 2009) [7]. Делая ссылку на одного из представителей «отцов» – Томаса Джефферсона, президент Обама выражает свое почтение к народам ислама от лица Соединенных Штатов. С учетом того, что нынешний президент США сам является выходцем из мусульманской страны, его слова прекрасно вписываются в общую картину, создавая доверительную атмосферу во время выступления.

Для придания сообщению большей стилистической и эмоциональной насыщенности политики прибегают к цитированию фраз, произнесенных отцами-основателями, тем самым выражая почтение к историческому прошлому своего отечества, патриотизм и любовь к американскому народу. Оратор, цитирующий отцов-основателей в публичном выступлении, несомненно, вызывает симпатию, поскольку апелляция к «отцам» свидетельствует об общих принципах и идеалах, которые объединяют свободное общество и представителей власти, связь между которыми контролируется свыше. В первой инаугурационной речи, говоря об экономических улучшениях, Рональд Рейган цитирует Джозефа Уоррена, который являлся одним из отцов-основателей, тем самым подчеркивая, как важен для него самого (Рейгана) авторитет далекого предшественника: «On the eve of our struggle for independence a man who might have been one of the greatest among the Founding Fathers, Dr. Joseph Warren, President of the Massachusetts Congress, said to his fellow Americans, "Our country is in danger, but not to be despaired of... On you depend the fortunes of America. You are to decide the important questions upon which rests the happiness and the liberty of millions yet unborn. Act worthy of yourselves"» (R. Reagan, First Inaugural Address, January 20, 1981) [9]. В данном примере отцы-основатели в лице Джозефа Уоррена символизируют независимость Соединенных Штатов от Королевства Великобритании, декларация о которой была принята 4-го июля 1776-го года. Цитата прекрасно дополняет речь Рональда Рейгана. Говоря о том, что люди сами вершат судьбу своей страны (Д. Уоррен), будущий президент тем самым указывает на поддержку нового руководства со стороны избирателей, то есть добивается эффекта убеждения. В речи, произнесенной в 1983 году для Национальной ассоциации евангелистов, говоря о моральных ценностях и фокусируясь на духовной составляющей человека, Рональд Рейган цитирует различных представителей отцов-основателей, фразы, которые выражают их веру: «The American experiment in democracy rests on this insight. Its discovery was the great triumph of our Founding Fathers, voiced by William Penn when he said: "If we will not be governed by God, we must be governed by tyrants." Explaining the inalienable rights of men, Jefferson said, "The God who gave us life, gave us liberty at the same time." And it was George Washington who said that "of all the dispositions and habits which lead to political prosperity, religion and morality are indispensable supports"» (R. Reagan, Remarks at the Annual Convention on the National Association of Evangelicals, March 8, 1983) [9]. Таким образом, отцы-основатели в данном

примере представлены не только в качестве блестящих политиков, но также духовно богатых религиозных личностей, чьими действиями и поступками руководил сам Бог. Демократия, в свою очередь, играет роль Богом избранной формы правления, которая стала возможной благодаря «отцам». Далее в этой же речи Рональд Рейган цитирует фразу одного из отцов-основателей – Томаса Пейна, ссылаясь на духовность, которая должна присутствовать в правовом обществе: «I believe we shall rise to the challenge. I believe that communism is another sad, bizarre chapter in human history whose last – last pages even now are being written. I believe this because the source of our strength in the quest for human freedom is not material, but spiritual. ...Yes, change your world. One of our Founding Fathers, Thomas Paine, said, "We have it within our power to begin the world over again." We can do it, doing together what no one church could do by itself» (R. Reagan, Remarks at the Annual Convention on the National Association of Evangelicals, March 8, 1983) [9]. Ссылка на отцов-основателей в данном контексте является средством для осуществления политически выгодных действий для определенной политической силы (свержение коммунизма и распространение идей демократии). Цитата, произнесенная по окончании выступления, оказывает сильное эмоциональное воздействие и побуждает к формированию в обществе такой идеологии, которую бы хотели субъекты политической деятельности. Апелляция к реалии Founding Fathers в вышеприведенном примере служит в качестве инструмента для управления общественным мнением.

Далее обратимся к речи Майка Хакаби, произнесенной в 2008 году: «From the beginning of this country, our founding fathers said it in eloquent words when fifty six men put their signatures on a document, and they said, "We hold these truths to be self evident, that all men are created equal, and are endowed by their creator with certain inalienable rights, among these life, liberty, and the pursuit of happiness"» (Mike Huckabee, 5th Annual Meeting of the Conservative Political Action Committee, February 10, 2008) [2]. Отцы-основатели предстают как глубоко религиозные люди, которые стремятся к всеобщему счастью. Ярко выражены такие ценности, как свобода и равенство, о них говорится со ссылкой на Творца, наделившего людей их естественными правами. Отцы-основатели, таким образом, играют роль «посланников» Бога, по воле которого произошло становление самого демократического государства, основанного на принципах равенства, свободы, соблюдении прав человека.

Таким образом, цитирование фраз отцов-основателей может являться весомым дополнением к публичной речи. Большинство цитат из «отцов» связаны с патриотизмом, любовью к отечеству, верой в естественные права и свободы людей, а также Творца всего сущего на Земле, поэтому, удачно процитировав ту или иную фразу, политик имеет возможность сделать свою речь более убедительной, эмоционально окрашенной, заставляя слушателей аплодировать.

Итак, в статье было проанализировано 23 примера из публичных обращений американских политиков и общественных деятелей разного ранга в различные промежутки времени. На основе анализа было установлено, что ссылка на авторитет является важной составляющей американского политического дискурса. В качестве авторитетных лиц выступают отцы-основатели США. Как прежние, так и нынешние политики посредством языка пытаются создать образ последователей «отцов», носителей их идеалов. Аппелляция к реалии *Founding Fathers* и цитирование фраз, принадлежащих отцам-основателям, придают речи политика высокую стилистическую окраску и эмоциональную насыщенность, а также указывают на присущее субъекту политики чувство духовности. Это, в свою очередь, создает образ бескорыстного политического деятеля, готового достойно исполнять свои обязанности перед страной. Лексическое окружение реалии *Founding Fathers* составляют преимущественно следующие слова: *equality, liberty, freedom, democracy, law, rights, independence*, свидетельствующие о таких фундаментальных ценностях американского общества, как свобода, равенство, демократия, власть закона, независимость Соединенных Штатов. В свою очередь, такие слова как *faith, God, Creator, religion, order* указывают на духовную составляющую деятельности отцов-основателей, нынешних представителей власти и американской политики в целом. Субъекты политики, обращающиеся к отцам-основателям в своих публичных выступлениях, несомненно, вызывают симпатию со стороны аудитории. Положительный имидж политика формируется преимущественно посредством владения или же имитирования таких качеств, которые были присущи отцам-основателям. Таким образом, ссылка на «отцов» зачастую оказывает эффект убеждения, параллельно дополняя и стилистически украшая политическую речь. Поэтому апелляция к реалии *Founding Fathers*, которая часто фигурирует в американском политическом дискурсе, играет очень важную роль для представителей власти.

Список литературы

1. Свобода как ценность и ее конституционное закрепление в США, КНР, РФ. – [Электронный ресурс]: <http://rucont.ru/Web.aspx?node=14&tpr=78&efd=48443&>
2. American Rhetoric. – [Электронный ресурс]: <http://www.americanrhetoric.com/>
3. Henry J. Aaron, Thomas E. Mann, Timothy Taylor. Values and Public policy. – NY: Brookings Institution Press, 1994.
4. Jean Shepherd. In God We Trust, All Others Pay Cash. – NY: Doubleday, 1966.
5. L' Idee Federale. Speech by President Bill Clinton on federalism, Mon-Tremblant, October 8 1999. – [Электронный ресурс]: http://ideefederale.ca/wp/wp-content/uploads/2009/09/Speech_by_President_Bill_Clinton_on_federalism.pdf
6. Macmillan English Dictionary. – Bloomsbury Publishing Plc, 2002.
7. Presidential Rhetoric. – [Электронный ресурс]: <http://www.presidentialrhetoric.com/>
8. The Guardian. – [Электронный ресурс]: <http://www.guardian.co.uk/politics/political-speeches>
9. The Public Papers of President Ronald W. Reagan. – [Электронный ресурс]: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/publicpapers.html>

Функции заголовков немецкоязычных новостных текстов

В статье анализируются функциональные особенности заголовков современных новостных текстов немецкоязычной прессы. Заголовки новостных текстов следует считать полифункциональными единицами, обладающими фиксированным набором функций: номинативной, графически-выделительной, информативной, прагматической, рекламной и прогностической.

The article provides an analysis of functional peculiarities of the headlines of modern news texts from quality German newspapers. Headlines should be regarded as polyfunctional text units with a fixed set of functions: nominative, graphic, informative, pragmatic, advertising, and prognostic functions.

Ключевые слова: заголовок, новостные тексты, полифункциональность, информативная функция, прагматическая функция.

Key words: headline, news texts, polyfunctional, informative function, pragmatic function.

Развитие журналистики в конце XX века во многом обусловлено быстрым темпом жизни человека. Цейтнот, в котором находится современный читатель, привел не только к трансформации некоторых СМИ, но и к появлению у них новых характеристик. Так, многими издательствами создаются электронные варианты печатных СМИ, а сама газета, некогда являвшаяся одним из передовых средств массовой коммуникации, уступила это место Интернету. Можно также говорить об изменении внешнего вида публицистических текстов – на смену консервативным и клишированным заголовкам середины прошлого века пришли яркие и броские заглавия современных текстов. Именно новые свойства заголовков являются, на наш взгляд, типичной чертой современной публицистики, так как с их помощью журналистам удается привлечь читателя.

Целью данной статьи является анализ функциональных особенностей заголовков современных новостных текстов качественной немецкоязычной прессы, а также характеристика информативной функции как доминирующей в заглавиях текстов данного жанра. Практическим материалом статьи являются заголовки статей, отобранных методом сплошной выборки из газет «Die Welt» и «Die Süddeutsche Zeitung», а также из электронных версий указанных изданий (общее количество заголовков составляет более 1000 единиц).

Заголовки новостных текстов качественной немецкоязычной прессы рассматриваются нами как важные структурные элементы текста и представляют собой полифункциональные единицы, обладающие фиксированным набором функций. К их числу мы относим номинативную, графически-выделительную, информативную, прагматическую, рекламную и прогностическую функции. Все они находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, и в зависимости от целей, которые преследует журналист как автор текста, некоторые из них, в первую очередь, информативная, прагматическая и рекламная функции, могут выдвигаться на первый план. Данная особенность позволяет говорить о доминировании некоторых из указанных функций, так как они определяют жанровое своеобразие публицистического текста.

Номинативная функция заголовка новостного текста выступает в роли онтологической, то есть исходной функции, которая является обязательной для всех заголовков и реализуется в том, что заголовок выступает как первый элемент текста и называет его, что позволяет считать его «именем» публицистического материала. Благодаря данной функции мы можем отличать заглавия новостных текстов от других структурных единиц газеты, например, объявлений или рекламы. Однако она не связана с использованием определенных синтаксических моделей, что и позволяет нам говорить об универсальности и всеобщности данной функции. Таким образом, номинативную функцию следует считать основной среди функций заголовков немецкоязычных новостных текстов, так как она присуща всем структурным типам заголовков.

Следующей функцией заголовков новостных текстов является графически-выделительная функция. Именно она реализуется с помощью экстралингвистических средств, в первую очередь, шрифта и визуальных компонентов организации публицистического текста [5]. Представляется, что наглядность и визуальность как важные характеристики печатных СМИ напрямую зависят от указанной функции т.к. она реализуется в выделении и разграничении материалов издания. Данная характеристика позволяет нам говорить об особой роли графически-выделительной функции как важной стилистической составляющей новостных текстов. Анализ практического материала показал, что во всех случаях заголовков новостного текста выделяется с помощью шрифта, его размера и цвета. Интересной представляется реализация графически-выделительной функции в заголовках новостных текстов, взятых из электронных версий немецкоязычных газет. Визуальная выразительность данных заголовков достигается не только с помощью выбора цвета и шрифта, но и посредством рисунков, фотографий и видеоматериалов, предшествующих тексту и тематически связанных с ним. Нередко заголовки материалов Интернет-изданий представляют собой гипертекст. Эта особенность позволяет нам предположить, что заголовки новых СМИ обладают большей степенью наглядности по сравнению с заглавиями традиционных медиа. Графически-выделительная функция

является, таким образом, единственной функцией новостных текстов, реализация которой не сопряжена с языковыми средствами, а основана на использовании различных цветов и шрифтов.

Среди основных функций заголовка большинством исследователей выделяется информативная функция [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8] и др. Она понимается нами как способность заголовка в сжатом виде передать адресату основную информацию о содержании текста [5]. Представляется, что именно данную функцию следует считать доминирующей у заголовков новостных текстов и наряду с краткостью и выразительностью относить ее к основным критериям создания заголовков текстов данного жанра. Следует подчеркнуть, что степень информативности напрямую зависит от жанровых особенностей текста. Э.И. Турчинская называет заголовки статей информационного жанра наиболее информативными, так как их задачей является «сообщение фактов в объективной, «нейтральной» форме» [8, с. 136]. Х. Фатер понимает эту черту как «объем известного или неизвестного в предлагаемой информации» [9, с. 55]. Вслед за этим определением под информативностью заголовка мы имеем в виду то, насколько полно в нем отражены элементы смысловой структуры всего текста, т.е. позволяет ли читателю чтение заголовка ответить на основные вопросы (кто? что? где? когда? и т.д.). При этом было бы неверно утверждать, что данная характеристика напрямую зависит от количества слов в заголовке, так как наряду с главной информацией в заголовке может содержаться и второстепенная, что, бесспорно, снижает его информативность. Понятие элемента смысловой структуры текста мы определяем как некую единицу информации.

Примером реализации данной функции следует считать заголовок «Saudis kaufen für 60 Milliarden Waffen bei den USA» («Саудовская Аравия покупают у США оружие за 60 миллиардов») [Weltonline, 21.10.2010]. Данное заглавие передает главную информацию всего текста. Глагол «kaufen» (покупать), используемый в нем, четырехвалентен, и все его актанты представлены в заголовке полностью – кто покупает, что, у кого и за сколько. Данная особенность позволяет нам предположить, что чтения подобного заголовка достаточно для понимания основной идеи всей публикации.

Следует указать на наличие тесной связи между информативной функцией заголовка новостного текста и его синтаксической структурой. Анализ практического материала исследования показал, что наиболее информативными являются заголовки – повествовательные двусоставные предложения. Такая конструкция применяется, например, в заглавии «Italiener Mario Draghi wird neuer EZB-Chef» (Итальянец Марио Драги стал новым шефом ЕЦБ) [Weltonline, 24.06.2011]. Эта экономическая новость посвящена назначению итальянского экономиста Марио Драги на пост председателя Европейского Центрального Банка. Название, содержащее

все основные смысловые элементы текста, успешно выполняет информативную функцию и с легкостью воспринимается читателями.

Представляется, что элиминация важных структурных элементов, а также использование вопросительных и восклицательных предложений в качестве заголовка отражается на его информативности, сокращая ее. Так, заголовок «Kommt es zum Machtwechsel in El Salvador?» (Наступит ли смена власти в Сальвадоре?) [Die Welt, 15.03.2009] по своей структуре является вопросительным предложением, что делает его неоднозначным и непонятным читателю. Подобное название придает всей публикации эффект недосказанности.

Другим примером менее информативного заглавия следует считать номинативный заголовок «Bestes Sommerwetter zum Ferienbeginn» (Лучшая летняя погода к началу каникул) [Weltonline, 23.06.2010]. Нехватка информации в заглавии ощущается достаточно сильно, что может вызвать дополнительные вопросы у читателя к тексту самой статьи. Содержание всей публикации, которая представляет собой прогноз погоды, не может быть разгадано по заголовку.

Прагматическая функция определяется нами как способность заголовка производить определенный эффект на реципиента (удивить, озадачить его), обеспечив таким образом успешность всей публикации. Ее следует понимать, как способность заголовка быть выразительным и привлекательным для читателя. В работе «Заголовок в газете» Э. А. Лазарева отмечает распространенность многочисленных стилистических эффектов, направленных на усиление внимания аудитории, к которым следует отнести эффекты обманутого и усиленного ожидания [5, с. 60]. Прагматическая функция также нередко сопровождается использованием в заголовке игры слов, содержащей отрицательную или положительную оценку.

Примером реализации прагматической функции можно считать заголовок «Westerwelle ärgert Merkels Kompromiss mit Sarkozy» (Вестервелле злит компромисс Меркель с Саркози) [Weltonline, 21.10.2010]. Использование эмоционально окрашенного и «сильного» по значению глагола «злить» не может не привлечь внимание читателя и удивить его. Название статьи «Arbeitslosigkeit bei Älteren steigt drastisch» (Безработица среди пожилых людей резко увеличивается) [SZ, 13.11.2010] также выполняет прагматическую функцию. Материал рассказывает о росте безработицы среди пожилых жителей Германии в возрасте от 60-ти лет. С октября 2007 года число безработных в стране увеличилось в четыре раза. Использование в названии публикации прилагательного «drastisch» (резкий) усиливает эффект неожиданности, создаваемый заголовком.

Интересно отметить, что для достижения желаемого эффекта журналисты обращаются не только к эмоционально окрашенной лексике, но и к единицам, обладающим ярко выраженным ассоциативным рядом. Примером этому является статья, рассказывающая о трагедии в Японии, под на-

званием «Fukushima und die Dämonen des Schreckens» (Фукусима и демоны страха) [Weltonline, 09.04.2011]. Такой заголовок вызывает у читателя не только интерес, но и обеспокоенность, т.к. с его помощью автором успешно описана паническая обстановка в стране, пострадавшей от землетрясения. Сходную реакцию может вызвать и заголовок «Flucht ins Nachbarland» (Бегство в соседнюю страну) [Weltonline, 21.03.2011]. Может сложиться впечатление, что тема статьи – преступление или сообщение о задержании преступников. Однако она рассказывает о последствиях землетрясения в Японии, а также о реакции президента Российской Федерации Д. А. Медведева на эту трагедию. В тексте приведены цитаты из его интервью, в котором он предложил жителям Японии помощь и убежище в России. Несмотря на то, что заголовок текста не содержит стилистических приемов и окрашенной лексики, его чрезмерная краткость создает эффект недосказанности, что также активизирует внимание аудитории. Приведенные примеры прагматической функции показывают, что журналистами могут использоваться различные приемы, но все они направлены на выражение авторского мнения к проблеме, затронутой в самом тексте, а также на создание определенного отношения к тексту у читателя. Применительно к заголовкам новостных текстов мы считаем, что именно интенция адресанта определяет конкретную стратегию коммуникации с реципиентом.

Мы исходим из наличия тесной связи между рекламной и прагматической функциями заголовка, которая формирует прагматическую ориентацию всего текста. Рекламная функция заголовка связана со стремлением журналиста настроить адресата на определенное восприятие публицистического текста. Помимо этого доминирование рекламной функции может привести к тому, что заголовок приобретает необычную форму, которая приближает его к рекламному тексту. В качестве примера данной функции рассмотрим заголовок «Erster Zivilprozess gegen Ex-Guantanamo-Häftling» (Первый гражданский процесс против бывшего узника Гуантанамо) [Weltonline, 13.10.2010]. Данное заглавие отличает краткость и броскость. Оно способно вызвать интерес читателей, который объясняется новизной содержащейся информации. Если опустить прилагательное «первый», заголовок сразу же теряет привлекательность, так как с его помощью реципиент выстраивает ассоциативный ряд, связанный с возможными неожиданными подробностями процесса, что, в свою очередь, заставляет его прочесть материал. Именно данный эпитет приближает заглавие к рекламному тексту, делая его заметным на газетной полосе.

Сходным эффектом обладает и заглавие «Erstes Kind in Deutschland stirbt an EHEC-Folgen» (Первый ребенок в Германии умер вследствие кишечной инфекции) [Weltonline, 15.06.2011]. Используемый для анализа заголовков можно считать примером успешного сочетания информативной и рекламной функции. Газетный текст посвящен тяжелому и опасному инфекционному заболеванию, распространившемуся в некоторых европей-

ских государствах, в первую очередь в Германии. Журналист освещает смерть первого ребенка, ставшего жертвой кишечной инфекции, а также подробно описывает симптомы болезни и приводит мнения врачей. Реализация информативной функции состоит в том, что заглавие достаточно емко передает содержание материала. С другой стороны, его отличает неожиданная для читателя и шокирующая информация.

Другим примером реализации рекламной функции следует считать название статьи «Usain Bolt sagt Start in New York ab» («Усейн Болт отменяет старт в Нью-Йорке») [Weltonline, 01.06.2010]. Материал рассказывает о соревновании по легкой атлетике в Нью-Йорке, в котором не принял участие знаменитый бегун У. Болт. Использование в заголовке имени известного спортсмена, несомненно, привлекает внимание читателя и заставляет прочитать всю статью. В целом следует отметить, что упоминание в заголовке знаменитых личностей заметно увеличивает его рекламность. Так, заголовок «Mehr als 270 unbekannte Picasso-Bilder aufgetaucht» (Найдено более 270 неизвестных картин Пикассо) [Die Welt, 29.11.2010]. Имя выдающегося художника, приведенное в названии материала, несомненно, вызывает читательский интерес. Рекламная функция доминирует и в заглавии «General Motors – von der Pleite zum Börsenstar» (Дженерал Моторс – от банкрота до биржевой звезды) [SZ, 18.11.2010]. Рекламность данного заголовка приближает его к рекламному тексту или названию какой-либо книги, а его лаконичность выгодно выделяет материал среди остальных публикаций. Статья посвящена экономическим мерам, направленным правительством США на поддержание компании Дженерал Моторс. Противопоставление, используемое в названии, усиливает важность информации, представленной в публикации.

Реализация прогностической функция новостных текстов связана, на наш взгляд, с механизмом антиципации. В переводе с латинского языка антиципация означает «предопределение, предвосхищение, предугадывание событий; заранее составленное представление о чем-либо» [4, с. 75]. Указанная функция связана со способностью заголовка выстроить в сознании читателя своеобразную проекцию текста, обеспечив таким образом «предпонимание» текста. При этом ее успешная реализация зависит не только от использования журналистом однозначных и понятных реципиенту заголовков, но и от фоновых знаний, а также от лексикона самого читателя, использующего заголовки как ключ к пониманию всего текста.

Анализ практического материала исследования показал, что большинство заголовков новостных текстов содержат открытые, понятные читателю структуры, которые зачастую облегчают понимание текста. Однако было бы неверно утверждать, что прозрачная синтаксическая структура обеспечивает полное понимание реципиентом заголовка. Важным условием восприятия заголовка следует также считать наличие у читателя достаточного запаса фоновых знаний. Так, при виде заголовка «Bahnhof-

Demonstranten setzen auf neues Symbol» (Вокзальные демонстранты делают ставку на новый символ) [Weltonline, 20.09.2010] читатель может не понять, о чем идет речь в самой статье. Успешная антиципация текста возможна лишь в том случае, если читатель знаком с ситуацией, сложившейся в Германии вокруг проекта «Штутгарт 21», связанного с реконструкцией вокзала в городе Штутгарт. Прогностическая функция заголовка новостного текста направлена на реципиента и подразумевает способность заголовка выстроить в читательском сознании проекцию всего текста.

Таким образом, следует говорить о полифункциональности как основной характеристике заголовков современных новостных текстов качественной немецкоязычной прессы. Анализ практического материала выявил определенный набор функций, свойственных заголовкам данного типа, к которым мы относим номинативную, графически-выделительную, информативную, прагматическую, рекламную и прогностическую функции. При этом все они находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Ключевой является информативная функция, так как она связана с сущностью любого новостного текста – передачей реципиенту основной информации. Реализация данной функции напрямую зависит от выбора журналистом определенной синтаксической модели заголовка.

Список литературы

1. Вомперский В. П. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публицистики (проблемы теории и практики). – Алма-Ата, 1966. – С. 82-85.
2. Долгирева А. Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2002.
3. Костомаров В. Г. Стилистика. Компендиум лекций, прочитанных в 2003/2004 учебном году бакалаврам Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина. – М., 2004.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2007.
5. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989.
6. Мужев В. С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1970. – Вып. 55. Вопросы романо-германской филологии. – С. 86-94.
7. Попов А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 95-126.
8. Турчинская Э. И. Соотношение заголовка и текста в газетно-публицистическом стиле: (На примере заголовков передовых статей газеты «Юманите») // Лингвистика текста и лексикология. Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1984. – Вып. 234. – С. 134-146.
9. Vater H. Einführung in die Sprachwissenschaft. – Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 1994.

Особенности игры слов в заголовке публицистического текста: лексико-семантический анализ

В статье анализируются особенности реализации заголовочной игры слов в публицистическом тексте общественной и культурной тематики. Смысловая структура заголовочного комплекса в таком тексте состоит из оценочного и фонового элементов, которые в совокупности составляют оценочный план заголовка. Степень выраженности обоих смысловых элементов внутри заголовка зависит от сферы опыта, деталей проблемной ситуации и особенностей ценностной системы самого автора.

The paper deals with an implementation of a headline word game in a publicistic text. Semantic structure of the headline in such a text consists of the assessment and background elements, which together constitute the evaluation aspect of the headline. The degree of evidence of both semantic elements within the headline word game depends on the scope of expertise, details of the problem situation and characteristics of the value system of the author.

Ключевые слова: заголовочный комплекс текста, основной заголовок, подзаголовок, оценочный и фоновый элементы, расшифровка элементов смысла основного заголовка, выраженные и замаскированные элементы.

Key words: headline text, the main title, subtitle, the assessment and background elements, interpretation of the main title meaning, expressed and hidden elements.

Реализация заголовочной игры слов начинается на уровне заголовочного комплекса текста, состоящего из основного заголовка и подзаголовка. Если первый представляет собой тему, основной смысл текста, то второй, будучи промежуточным элементом между заголовком и основной частью текста, берет на себя функции детализации и/или расшифровки элементов смысла основного заголовка. Рассмотрим, каким образом содержание подзаголовка взаимодействует с семантической структурой игры слов. Подзаголовок представляет собой следующую за основным заголовком ступень процесса привлечения читательского интереса: сам заголовок может привлекать необычностью формы, которую в нашем случае будет составлять прием игры слов. Он может содержать как выраженные, так и замаскированные элементы. Игра слов основана на «мерцании» двух смысловых планов. При этом выраженный элемент представляет собой отсылку к известному факту опыта, в то время как второй элемент оказывается в той или иной степени замаскированным. В данной ситуации подзаголовок является дополнительной гарантией читательского интереса – избегая информационной избыточности, он подготавливает читателя к ознакомлению с основным текстом.

Итак, смысловая структура заголовочного комплекса газетно-публицистического текста, основанного на приеме игры слов, состоит из двух элементов, которые мы в рамках данной работы обозначаем как оценочный и фоновый. Фоновый смысловой элемент будет соответствовать элементам конкретной проблемной ситуации, о которой идет речь в тексте. Оценочный смысловой элемент будет соответствовать авторской оценке фонового смыслового элемента. Фоновый и оценочный смысловые элементы в совокупности составляют оценочный план заголовка. Степень выраженности обоих смысловых элементов внутри заголовков будет зависеть от сферы опыта, деталей проблемной ситуации и особенностей ценностной системы самого автора.

Особенности взаимодействия смысловых составляющих заголовочной игры слов, а, следовательно, и всего оценочного плана заголовка, во многом зависят и от фактора, который Б. Хеннесси обозначил как «prominence» (известность) [1, p. 126]. Именно степень известности, или, как мы будем обозначать этот фактор в рамках исследования, информационной «прозрачности» фонового и оценочного смысловых планов заголовка задают особенности механизма ее реализации. В свою очередь автор, в соответствии с поставленной перед ним коммуникативной задачей, может замаскировать в заголовке предметный или оценочный, или же оба элемента заголовка.

Если обозначить все элементы, участвующие в формировании оценочного плана (ОП) заголовочной игры слов, как Ф (фоновый смысл) и О (оценочный смысл), а x – как фактор маскировки, то общая схема будет выглядеть как $[ОП]=Ф(x)↔О(x)$. Таким образом, мы можем обозначить схемы семантических структур заголовочной игры слов (ИС):

1. $[ОП]=Ф↔О$: в случае выраженного предметного смысла и прозрачности оценочных отсылок;
2. $[ОП]=Фx↔О$: в случае маскировки предметного смысла и прозрачности оценочных отсылок;
3. $[ОП]=Ф↔Оx$: в случае выраженности предметного смысла и маскировки оценочного;
4. $[ОП]=Фx↔Оx$: если полностью или частично замаскированы оба смысловых элемента.

Полученные схемы можно обозначить как прозрачные (1), полупрозрачные (2, 3) и непрозрачные (4).

Тематическая направленность представленных в настоящей статье публицистических текстов может быть обозначена как общественно-культурная жизнь. Поясним, что мы подразумеваем под этим обозначением. Данная тематика подразумевает достаточно обширный круг событий – от событий сугубо развлекательного характера (музыкальные, литературные и художественные обзоры, рецензии) до анализа реальных и достаточно серьезных общественных и общечеловеческих проблем. В

рассматриваемой группе из тридцати одного текста именно полупрозрачные заголовочные модели (№ 2 и 3) составили большинство (восемнадцать примеров). Именно к их анализу мы и предлагаем обратиться. Тринадцать из них представлены моделью 2 (с зашифрованным фоновым элементом). Модель 3 представлена пятью заголовками.

Рассмотрим по одному примеру реализации заголовочных моделей [ОП]=Фх↔О (1) и [ОП]=Ф↔Ох (2).

1. Leapfrogging Rock Stars. By Adam Smith (Time, June 6th, 2005) [4, p. 7].

Анализируемый текст – небольшая по объему заметка обзорного характера, не снабженная подзаголовком. В заголовке обыгрывается лексический элемент leapfrogging (двигающиеся скачками). Приведем словарное определение этой единицы: *Leapfrog v to advance well by missing out (something) on the way: He leapfrogged two ranks and was promoted directly to colonel* [3, p. 594] [курсив здесь и далее наш. – Н.С.]. Внутризаголовочная реализация игры слов на первый взгляд отсутствует. Не вполне понятно, почему автор счел нужным обозначить ситуацию именно таким образом. Прилагаемая к тексту схема уровня и прогноза музыкальных продаж позволяет идентифицировать контекстную ситуацию текста – рынок продаж музыкальной продукции. Ситуация в свою очередь позволяет расшифровать заголовочную конструкцию следующим образом: «Рок-звезды, чьи продажи растут скачкообразно». Однако сам факт наличия игры слов в данном заголовке формально остается скрытым. Отсутствие подзаголовка в данном тексте переносит функции детализации и расшифровки на дополнительные текстовые средства – иллюстрации.

Анализируемая заметка снабжена фотографией Криса Мартина, лидера группы Coldplay, а также фотографией анимационного персонажа Crazy Frog из одноименной композиции. Именно иллюстрации выполняют здесь функции маркера двусмысленности, запуская механизм реализации игры слов, что позволяет рассматривать их в качестве элементов заголовочного комплекса. Если образ Криса Мартина соотносится с заголовочным элементом Rock Stars, то наличие изображения Crazy Frog способствует реализации дополнительного смысла заголовочного элемента Leapfrogging. Игра слов «проявляется» в явном комизме. Строящийся на уподоблении метафорический смысл Leapfrogging неожиданно материализуется, делая заголовочное сочетание не просто смешным, но и абсурдным – соседство рок-звезд и лягушек. На контекстном уровне это соседство не менее абсурдно. Coldplay традиционно ассоциируется с серьезной, «проблемной» рок-музыкой, что нельзя сказать о Crazy Frog.

Итак, смысл заголовка «Leapfrogging Rock Stars» построен на игре двух смысловых планов: 1) рок-звезды, чьи альбомы / синглы продаются скачкообразно, и 2) рок-звезды, ведущие себя, как лягушки. Складывающийся в результате взаимодействия контекстной ситуации и игровой оце-

ночности смысл заголовка, несомненно, не в пользу рок-звезд: ситуация, сложившаяся на рынке музыкальных продаж выставляет группу Coldplay в неожиданно смешном виде. Неожиданность этой заявки усиливается тем, что rock stars на иллюстрации воплощены через образ Криса Мартина – одного из популярнейших на сегодняшний день рок-музыкантов мира. Характер оценочности заголовка является в данном случае гарантом текстовой реализации – он требует подтверждения и обоснования. Текст состоит всего из одного абзаца. Его содержание подтверждает наше предположение о том, что в отсутствие подзаголовка функции детализации и расшифровки переходят на текстовый уровень. Тематически текст можно разбить на три части. В первой расшифровывается первый элемент смысловой структуры leapfrogging rock stars. Последний альбом Coldplay вышел с опозданием, что отразилось на прибылях записывающей компании EMI.

Во второй части начинается реализация второго – комического – смыслового элемента заголовка. Вводная конструкция начинается со слов «All the more *irritating*...» (Что вызывает еще большее раздражение...). В ней расшифровывается второй смысловой элемент заголовка, а также присутствующая в виде иллюстрации ссылка на Crazy Frog. Именно этот персонаж и является источником раздражения как руководства EMI, так, вероятно, и самих рок-звезд. Прежде всего, раздражение вызывает сама композиция, которую автор описывает следующим образом: «... *that Crazy Frog's Axel F, mixing the theme tune from the Beverly Hills Cop movie with an infuriating ring tone...voiced by an animated frog...*» (...этом Axel F, в композиции Crazy Frog смешавший заглавную тему из фильма «Полицейский из Беверли Хиллз» с отвратительным рингтоном... и озвучивший ее голосом мультипликационной лягушки). Однако даже не это является основным источником раздражения. Композиция, оцененная эпитетами *irritating* и *infuriating*, в четыре раза обогнала по уровням продаж сингл Coldplay. Популярность Crazy Frog объясняется тем, что эта мелодия изначально предназначена для мобильных телефонов. Заголовочная заявка на нелепость ситуации получает текстовое подтверждение – мелодия-рингтон оказалась популярнее продукта творчества «серьезных» рок-звезд.

Расшифровав предпосылки оценочного плана заголовка посредством детализации, автор переходит к его развитию. Третья часть текста вновь содержит отсылку к Coldplay: «That might be "*a little embarrassing for Coldplay*"...» (Для музыкантов Coldplay это может звучать «несколько неловко»...). Иронический настрой этого фрагмента (для серьезных и успешных рокеров, несомненно, «неловко» по уровню популярности оказаться позади рингтона) переключается с комизмом заголовочного комплекса. Неожиданная и нелепая ситуация подтверждается тем не менее фактами опыта: «... *it's a hit with Jamster!*, the Berlin-based mobile-phone entertainment firm, that's already *earned millions in Crazy Frog ring-tone sales*. Jamster!, which is owned by U.S. software firm VeriSign, receives *a slice of sales of the CD single*,

due for release in France this week». Во втором предложении данного фрагмента автор разъясняет связь между успехом музыкальной темы на рынке мобильных мелодий и ростом продаж синглов с этой композицией, а также делает заявку на дальнейшее развитие ситуации – диск Crazy Frog вот-вот появится в продаже во Франции. Два последних предложения заметки завершают механизм реализации игры слов заголовочного комплекса: *Will ring tones soon regularly outsell rock stars? Do the French like frogs' legs?* Первое предложение является более нейтральной перефразировкой заголовочного комплекса Leapfrogging Rock Stars, сообщая ему дополнительный элемент смысла (скоро музыкальной индустрии придется принимать в расчет новые факторы популярности и сферы рынка). Последнее предложение снимает возникшую серьезность. Автор прибегает к комизму, вновь материализуя заголовочный элемент frog, используя на этот раз элементы его текстовой реализации: Crazy Frog release in France в тексте – фоново-культурная пресуппозиция the French like frogs' legs.

Итак, оценочный фон заголовка получает текстовое подтверждение и дополнение – описанная ситуация может показаться нелепой и забавной, предпосылки ее достаточно обоснованы и серьезны.

2. When Spotlight Shines, San Antonio Cityzens Seem to Swell to Fill It/City in Texas Called Obesity Capital of U.S. By Lee Hockstader (Washington Post Staff Writer, March 6, 2003) [2, p. 14-15].

Анализируемый текст посвящен весьма актуальной для современного американского общества проблеме ожирения. Игра слов в данном заголовке представляет собой достаточно сложный механизм. Вся конструкция обладает смыслом «to swell to fill the spotlight /стараться выглядеть лучше в ситуации повышенного внимания», и формально наличие здесь двусмысленности никак не маркируется. Элемент swell в рамках данной конструкции обладает положительным смыслом: Swell *n old-fash infml* a fashionable or important person; well *adj AmE infml* very good, excellent [3, p.1069]. Таким образом, смысл заголовка можно перевести так: «Жители Сан Антонио находятся в центре внимания и, кажется, наслаждаются этим». Однако основной смысловой элемент – причина этого внимания – не раскрывается. Единственный намёк на наличие здесь двусмысленности в данном заголовке – фактор речевого употребления. Мы предполагаем, что у читателя единица swell в первую очередь должна соотноситься с наиболее употребительной формой – глаголом to swell, – обладающим далеко не столь позитивной оценочностью: Swell *v 1* to gradually increase in fullness and roundness to beyond the usual or original size: Her ankle swelled up after the fall [3, p.1069]. Подзаголовок подтверждает и развивает это предположение: «City in Texas Called Obesity Capital of U.S.». Приведем словарное определение единицы obesity, производного от прилагательного obese: Obese *adj fml* very fat; *unhealthily* fat [3, p. 711].

Итак, игра слов формально проявлена – в заголовке обыгрывается совпадение формы *swell* приведенных выше глагола, существительного и прилагательного, причем оценочность двух элементов ИС противоположна (*swell to fill spotlight – obesity capital*). Одновременно формируется характер заявленной в ЗК проблемности – автор негативно отзывается о состоянии здоровья граждан Сан-Антонио. Интересно также отметить ироничную политически корректную форму этой негативной заявки – заголовков смягчает подразумеваемое *fat*, маскируя игру слов, а подзаголовки выводит более формальную, а потому нейтральную единицу *obesity*.

Тем не менее, смысл ЗК не вполне ясен, несмотря на расшифровку предметного аспекта, и неясность эта обусловлена оценочным противоречием элементов ИС, а вместе с ней и фрагментов ЗК (позитивность заголовка и негативность подзаголовка). Можно предположить, что именно противоречие и составляет основу смысловой структуры данного текста. Попробуем сформулировать оценочный план ЗК: кажется, граждане Сан-Антонио, «столицы ожирения» США, наслаждаются вниманием. Таким образом, предполагаем мы, источник проблемы – отношение самих жителей «столицы ожирения» к этому статусу. Несомненно, такой оценочный план требует текстовой детализации.

Обратимся к тексту статьи. Открывающий абзац развивает тему ожирения и внимания в юмористическом ключе. Автор упоминает масленицу («*Mardi Gras*» – подразумеваемый англоязычный эквивалент *Fat Tuesday / Жирный вторник*), которую недавно праздновали жители города. Затем он продолжает: «*That set the stage for Portly Wednesday, Tubby Thursday and Chubby Friday*». Все выделенные элементы являются смысловыми эквивалентами французского «*Gras*» / *fat*. Эта эвфемистичность напрямую перекликается с иронически-отрицательной оценочностью игры слов. Одновременно начинает разворачиваться механизм её реализации: судя по всему, масленица в Сан-Антонио продолжается непрерывно. Также данный фрагмент окончательно детализирует оценочность элемента *spotlight*: «*So it goes for the Alamo City, home of the highest percentage of supersized people...*». Историческая слава этого места переосмысливается: теперь Аламо известен не только славными событиями прошлого. Желая подчеркнуть серьезность проблемы, автор ссылается на заслуживающие доверия источники оценки: «*...the highest percentage of supersized people of any major metropolis in the United States, according to figures supplied this week by the federal Centers for Disease Control and Prevention*». Абзац завершается следующим образом: «*In this town, a salad means guacamole. The culinary lubricant of choice is lard. Joggers? Parks? Not so you'd notice*». Проблемный аспект начинает проясняться: здоровье граждан Сан-Антонио действительно в весьма плохом состоянии, однако, самих их это, похоже, не заботит. Автор приводит свидетельства как вредных кулинарных пристрастий жителей

города (guacamole, lard as a lubricant), так и непопулярности физической активности (no joggers, no parks).

Открывающий абзац позволяет детализировать заявленный (внимание и его причина – *swell to fill the spotlight*) и частично расшифровать скрытый смысловой элемент заголовочной игры слов (проблема ожирения – *seem to swell*), а также характер их соотношения. Истинная проблема ситуации состоит в отношении граждан Сан Антонио к своему статусу.

Отсылки к ЗК содержатся на протяжении всего основного текста, что позволяет говорить о сплошной структуре механизма реализации ИС. Весь текст можно подразделить на два сегмента. В первом автор продолжает детализировать смысловые элементы игры слов. Граждане Сан Антонио признают наличие проблемы (*San Antonians complain that there are precious few parks for exercise*), однако не предпринимают реальных мер для ее решения (*They note that walking anywhere is impractical because the city is so spread out...*). Не желают они отказываться и от огромных порций тяжелых мексиканских блюд, предлагаемых в местных ресторанах (*It's way too much food for two people, but we serve it for one said Margie Perez, ... who invented the Mucho Grande Plate last year in response to popular demand*). Автор характеризует атмосферу города и настрой его жителей следующим образом: «*Most insist they would not trade their town's laid-back, party-loving spirit for all the Slim-Fast in the world*».

Далее автор обращается к тому смысловому элементу игры слов, который в заголовке формально маркирован элементом *spotlight*. Таким образом, негативная оценочная окрашенность элемента *swell* начинает подтверждаться через детализацию, которая имеет отчетливо иронический характер. Приведя угрожающие цифры роста количества жертв ожирения среди жителей Сан Антонио, автор замечает: «*The latest statistics on America's swelling citizenry were insult added upon injury for San Antonio...Last year, keying on the furnace that is San Antonio's summer, advertisers for Old Spice pronounced this place America's Sweatiest City*». Прямая отсылка к игре слов подчеркивает характер ее оценочности (*San Antonio – obesity capital*).

Вторая секция статьи повествует о мерах, которые ввиду серьезности (и явной неловкости) ситуации начали предпринимать власти города. Автор перечисляет их, сохраняя ироничный тон предыдущих выдержек: «*Mayor Ed Garza (a lonely jogger), pronounced San Antonio "Fit City"*»; «*The city's official Web site began posting monthly health and nutrition tips*»; «*The city council pressed vending machine companies to offer low-salt pretzels and juice along-side their Milky-Ways and Pepsis*»; «*A half-dozen city officials took up the challenge, sweatily executing crunches and push-ups for the local newspaper*». Отдельные элементы данного фрагмента, как нам кажется, призваны продемонстрировать ироничный настрой автора. Так, мэр Эд Гарза назван «одиноким бегуном», сочетание *Fit City* прозрачно намекает

на истинное положение вещей («Fat City», нынешний «титул» города), производители торговых автоматов, по всей видимости, с неохотой воспринимают нововведения (pressed), а чиновники делают упражнения напоказ. Однако, некоторые граждане города готовы поддержать инициативу.

Последний абзац завершает механизм реализации ИС, отсылая одновременно к заголовочным темам полноты и внимания/света рампы: «The group has "simple wishes", said station spokeswoman Heather Bailey. "It's not like", I wasn't able to go on a cruise. It's like, "*I want to be able to cross my legs*"». Ирония сохраняется, но здесь она далека от комизма предыдущих фрагментов. В рамках сложившейся ситуации любое усилие, направленное на её улучшение, очень важно.

Сплошная структура текстовой расшифровки и детализации заголовочной ИС приводит к значительной модификации предварительного оценочного плана. Теперь его можно сформулировать следующим образом: «Сан Антонио – "столица ожирения", но его жители действительно готовы начать выглядеть лучше».

Важно отметить, что оценочный план проанализированных текстов модифицируется по отношению к изначальному, и собственно заголовочная оценочность может быть обозначена как предварительная. Наличие модификации напрямую обусловлено присутствием в заголовке зашифрованного элемента, который существенно расширяет заданные рамки текстовой реализации игры слов. В результате содержание текста становится значительно менее предсказуемым, что предоставляет более обширное поле для текстовой модификации ее смысла.

Список литературы

1. Hennessy B. Writing Feature Articles. – London: Harper and Row, 1989.
2. Hockstader L. When Spotlight Shines, San Antonio Cityzens Seem to Swell to Fill It / City in Texas Called Obesity Capital of U.S. // Washington Post Staff Writer. – 2003. – March 6. – P. 14-15.
3. Longman Dictionary of Contemporary English. – L.: Longman Group UK Ltd, 1987.
4. Smith A. Leapfrogging Rock Stars // Time. – June 6th. – C. 2005. – P. 7.

Корпоративный жанр поздравления в административном дискурсе

В статье анализируются особенности жанра поздравления, относящегося к административному дискурсу. Выявляются основные признаки данного жанра.

In the article we consider the peculiarities of the genre congratulation, which is the part of the administrative discourse. Three main features of this genre are distinguished.

Ключевые слова: корпоративный жанр, поздравление, периферийный жанр, административный дискурс.

Key words: corporate genre, congratulation, peripheral genre, administrative discourse.

Изучение жанров в современной лингвистике – одно из самых популярных и актуальных направлений. Вслед за Т. В. Шмелевой, мы считаем, что в речевом сознании существует канон, речевой проект или схема речевого жанра, а ученым необходимо создать модель речевого жанра. Общеизвестно, что жанр поздравления актуален в массовой культуре и имеет мощную информационную поддержку, обеспеченную современными материально-техническими средствами. Не удивительно, что современный носитель языка успешно усваивает канон поп-риторики и творит свои речевые произведения под влиянием известных ему образцов. Поздравление – приветствие по случаю чего-л. радостного, приятного (дня рождения, юбилея и т.п.) [2]. Жанр поздравления исследовался рядом лингвистов (Т. В. Тарасенко, Н. И. Формановская, В. В. Кашпур, Н. В. Дудкина) с различных позиций. Поздравление является фатическим, ритуальным жанром и встречается в различных типах дискурса (в политическом, бытовом, деловом, административном). Административный дискурс как сфера реализации данного жанра откладывает свой отпечаток на текстовую реализацию жанра поздравления. Мы относим данный жанр к корпоративному жанру, так как он реализуется именно в корпоративной функции административного дискурса, направленной на объединение и сплочение коллектива. Под корпоративным жанром мы понимаем совокупность жанров, отражающих ценности и убеждения коллектива, межличностные отношения внутри компании, направленные на объединение коллектива. К ним мы можем отнести жанры поздравления, подведения итогов, корпоративного вечера.

Мы считаем, что жанр поздравления, являясь периферийным, тем не менее, играет важную роль в административном дискурсе. Во-первых, поздравления являются частью корпоративной культуры любой организации, во-вторых, это возможность непосредственного общения руководителя и подчиненных. Поздравление – своеобразный организационный ритуал, призванный продемонстрировать подчиненным необходимые образцы поведения и послать нужные сигналы с одного уровня иерархии в компании на другие. Лучшую возможность для коммуникации первого лица со всем коллективом трудно придумать. Именно поэтому к выступлению перед сотрудниками с поздравлением руководителю следует специально готовиться. Необходимо продумывать как содержание, так и стиль выступления. Таким образом, можно сделать вывод, что всё дело не в том, что скажет руководитель, а в том, как он скажет. Западные деловые люди говорят: «Если Вам дали слово, то немедленно сделайте из этого шоу». Для руководителя важно сделать выступление запоминающимся. Несколько минут поздравительной речи могут серьезно повлиять на деловую атмосферу в коллективе, повлиять на направление работы компании на следующий год или окончательно определить карьеру руководителя. Поэтому мудрый руководитель придерживается правила: «Провал в подготовке – подготовка к провалу». Для руководителя умение говорить публично, мастерство красноречия повышают шансы на успех, позволяют эффективнее управлять коллективом, доносить свои идеи до персонала, мотивировать сотрудников, проводить торжества, конференции, совещания, презентации, выставки.

К наиболее значимым признакам жанра поздравления мы относим: 1) наличие адресата (поздравляемого) и адресанта (поздравителя). Таким образом, текст порождается ради адресата и репрезентирует его реальные и потенциальные качества, в чем и проявляется фатическая сторона поздравления; 2) наличие повода для поздравления адресата, что является основанием для порождения поздравительного текста [1]. Композиционная структура жанра поздравления в административном дискурсе не является устойчивой и может состоять из следующих частей: обращение, собственно поздравление, пожелание, комплимент, благодарность. Эти части соотносимы со структурой любого выступления, где обязательны вступление, основная часть и заключение.

Часть обращение обязательна, так как в ней обозначается адресат поздравления. Характерной формой обращения является структура с собирательным существительным с использованием оценочных прилагательных: *Дорогие сотрудники! Многоуважаемые коллеги! Уважаемые друзья! Уважаемые сотрудники! Уважаемые коллеги! Дорогие единомышленники! Уважаемые соратники! Уважаемые дамы и господа!* «Уважаемый / многоуважаемый» является наиболее распространенной нейтрально-почтительной формой характеристики адресата поздравления, «дорогой» показывает на определенную близость адресата и адресанта поздравления

[3]. В основной части поздравления сотрудников руководитель, как правило, рассказывает о целях и задачах компании. Композиционная часть собственно поздравление может быть разнообразной и может начинаться с комплимента, что придает определенный позитивный настрой аудитории, например: *Дорогие сотрудники! Для меня большая честь выступить на открытии внутрифирменной конференции и поздравить Вас, уважаемые коллеги, с <...>; Многоуважаемые коллеги! Я рад выступить сегодня на собрании нашего коллектива и подвести итоги <...>; Я давно ждал этого момента, дорогие единомышленники, и сейчас я с удовольствием скажу Вам несколько поздравительных слов <...>; Я горд, уважаемые соратники, что сегодня я могу подвести итоги и поздравить лучших с <...>* [КЗУР].

Комплимент и благодарность в речи руководителя занимают особое место. Именно благодаря этим элементам поздравления можно воздействовать на своих подчиненных, завоевать их доверие, уважение, привлечь их на свою сторону, так как всегда легче работать в коллективе единомышленников (*Хочу от души поздравить всех и поблагодарить за прекрасную работу, за то, что даже в такое непростое время наша фирма процветает и продолжает развиваться! Счастья всем и удачи!*). Речь руководителя эмоциональна, использование эпитетов, риторических вопросов усиливает данный эффект и нравится подчиненным (*Что не под силу одному человеку, то одолеет коллектив... Вот представьте, как можно в одиночку отмечать праздник? А мы все вместе сидим в уютном офисе, в оформление которого вложено немало вашей души и участия, за красивым столом, в оформление которого... Поэтому я хочу поздравить всех вместе, поздравить этот сильный сплоченный коллектив с заслуженным и долгожданным праздником!*). Эмоционально окрашенная лексика «прекрасный», «сплоченный» и фразы «мне повезло», «можно похвастаться» придают поздравлению особую выразительность и искренность (*Я считаю, что мне повезло, поскольку не каждая фирма, то есть не каждый директор может похвастаться таким прекрасным и таким сплоченным коллективом*) [КЗУР].

Необычное начало поздравления привлекает внимание присутствующих: *Уважаемые друзья! Когда я ехал на наш праздничный вечер, то я вспомнил...; Коллеги! Афоризм утверждает: «Дорогу осилит идущий». Я уверен, что эта мысль применима и к нашей компании потому, что...; Уважаемые коллеги! Позвольте привести шокирующий факт...*[КЗУР]. Поздравление можно начать с благодарности, что подчеркивает не только профессионализм оратора, но и дает возможность высказать свою признательность коллективу публично, тем самым продемонстрировать, что руководитель – это часть единого целого: *Уважаемые сотрудники! Благодарю Вас за Ваши усилия в создании этого мероприятия и привет-*

ствую Вас! Позвольте открыть...; Дорогие коллеги! Спасибо, что Вы приняли приглашение и посетили... ; Уважаемые дамы и господа! Благодарю Вас за внимание к нашей встрече и выражаю уверенность в ...[КЗУР]. В данном блоке реализуется тема поздравления при помощи таких лексических единиц как поздравлять, разрешите поздравить, позвольте поздравить, сказать несколько поздравительных слов, примите поздравления, также здесь указывается причина поздравления: с началом нового учебного года, с юбилеем компании, с повышением, с открытием филиала, с хорошими годовыми показателями, с победой в тендере, с днем рождения фирмы.

Тематический блок пожелание реализуется при помощи единиц *желаю, пусть, примите пожелания*, а также единиц, выражающих пожелания *успеха, процветания, больших достижений, благополучия, благосостояния, богатства, большой прибыли, здоровья*.

Говоря о жанре поздравления в административном дискурсе, мы можем наблюдать двунаправленность поздравления: поздравление от подчиненных и поздравление подчиненным. Подчиненные поздравляют руководителя, как правило, с днем рождения или с продвижением по службе. Чаще всего поздравления руководителю с днём рождения торжественные, красивые, с добрыми и теплыми пожеланиями. Именно благодаря данному жанру укрепляются и улучшаются отношения с руководителем, становятся более доверительными. Жанр поздравления от коллег может иметь официально-деловую окраску или принять шутливую форму, если отношения коллег дружеские. Посредством поздравлений мы можем проследить отношение коллег к руководителю, желания и настрой коллектива, атмосферу в компании в целом, рабочее настроение.

Приведем пример поздравления начальнику (мужчине) с днем рождения в прозе: *Руководитель — это настоящий лидер и мозговой центр нашего коллектива! Босс — основа, стержень нашей работы, на Ваши плечи ложится ответственность за нас. Вы принимаете правильные решения и создаете комфортный микроклимат! Желаем Вам оставаться таким же хорошим человеком, пожелать Вам крепкого здоровья, счастья и успехов!* [5]. Данное поздравление демонстрирует уважительное и почтительное отношение подчиненных к своему начальнику. Следующий пример можно назвать шутливо-серьезным, что говорит нам о хороших и близких отношениях между подчиненными и руководителем: *Быть начальником — искусство и ежедневная сложная работа. Вы с легкостью справляетесь с этим стратегическим и тактическим делом! С днем рожденья, дорогой Босс! Счастья и здоровья от всех сотрудников! А еще в этот день мы всем коллективом хотим сказать Вам самые приятные слова:... Зарплата! Премия! Обед! Выходные! Отпуск!* [5]. Обратим внимание на то, как реализуется обращение в поздравлении начальнику, можно заметить, что

они многообразны: *дорогой Вы наш начальник, наставник наш ты дорогой, шеф, босс, начальник, вершитель судеб, директор, милый босс*, и также традиционное обращение по имени отчеству с оценочными прилагательными.

Тематический блок пожелание реализуется при помощи единиц *желаем, пусть, примите пожелания, разрешите Вам пожелать*, а также единиц, выражающих пожелания *славы, новых побед, удачи, денег, творчества, процветания, счастья, здоровья*. Пожелания личного характера также присутствуют в поздравлениях начальству. Чаще всего начальнику желают счастья в личной жизни, крепкого здоровья, удачи, долгих лет жизни, любви. Приведем примеры.

1. *Желает коллектив коллег / Прожить на свете целый век, / Чтоб щедрой с Вами жизнь была / И Вам в подарок принесла / Весенних ветров, сладких грез, / Любви не в шутку, а всерьез, / Удач, которых и не счесть. / Все остальное у Вас есть!*

2. *Достойны, шеф, Вы уважения, / Струится радости напев, / Почет от нас Вам в день рожденья, / Здоровья, новых Вам побед! / Желаем мужество иметь [5].*

Характерной чертой поздравлений начальнику является то, что в них содержится тематический блок просьба. Подчиненные, как правило, делают намек на свои желания и потребности в таких поздравительных речах.

1) *...А еще в этот день мы всем коллективом хотим сказать Вам самые приятные слова: ... Зарплата! Премия! Обед! Выходные! Отпуск!*

2) *С днём рождения, начальник! / Хоть не хватило средств на чайник, / А только – на несладкий чай, / Тебя мы славим, наш начальник!*

3) *День рожденья Ваш – это вежа, / Посчастливилось нам поздравлять / Удивительного человека, / И с серьезностью всей пожелать: / Что все было у Вас хорошо, / Не ругали нас (мы ж не гады), / Похвалили нас (есть ведь за что), / И при том повышали оклады, пусть на свете творится добро! [5].* Анализ примеров показывает, что подчиненные чаще всего просят повышения зарплаты, премий, своевременных отпусков, обедов и выходных.

Жанр поздравления является своего рода манипуляцией. Со стороны руководителя это проявляется в стремлении продемонстрировать, что он «свой, а не чужой» и добиться еще большего расположения к себе со стороны подчиненных. За годы советской власти сложилась традиция пиететного отношения к начальству. Высокое служебное положение обеспечивало заискивание и даже раболепие со стороны подчиненных или людей более низкого положения [4]. Служебное положение и сегодня является главным при определении социального статуса, подчиненные посредством поздравлений пытаются добиться доверительного и снисходительного отношения к себе.

У любого жанра есть определенный набор выразительных средств, в жанре поздравления они положительно окрашены, что указывает на поздравление как способ высказать свое уважение и симпатию руководителю

(Быть начальником – искусство и ежедневная сложная работа. Вы с легкостью справляетесь с этим стратегическим и тактическим делом! С днем рождения, дорогой Босс! Счастья и здоровья от всех сотрудников! Или Руководитель – это настоящий лидер и мозговой центр нашего коллектива! Босс – основа, стержень нашей работы, на Ваши плечи ложится ответственность за нас. Вы принимаете правильные решения и создаете комфортный микроклимат! Желаем Вам оставаться таким же хорошим человеком, пожелать Вам крепкого здоровья, счастья и успехов) [5]. Акцент в поздравлениях делается на способности и умения руководителя, характеризуется его отношение к управленческо-трудовой деятельности, подчеркивается, что именно благодаря своим знаниям, талантам, навыкам ему удастся занимать такую позицию. В поздравлениях подчиненные всегда подчеркивают то, за что они уважают и ценят своего руководителя *(Весь «коллектив» сайта rockbaro.net поздравляет Ингриду Брокане с новым назначением. Желаем ей больших успехов, новых идей, талантливых учеников и множество радостных моментов во всех аспектах жизни и главное смотреть на всё с вашим неподражаемым чувством юмора. Ура! Или Поспорить можно с этим, честно скажем, / Что для кого когда имеет вес...Но лишь благодаря заботе Вашей / Стабилен производственный прогресс! / Идеи без вождя нет – однозначно! / Нельзя без дирижёра быть оркестру. Да, может быть, сравнения неудачны, / Но, безусловно, в нашем деле Вы – маэстро! / Душой и делом – элегантны и красивы, / Согреты нашей общою любовью, / Примите поздравленья коллектива / В Ваш день рождения! Дай Вам Бог здоровья!*[5]. Чаще всего руководителя благодарят за профессионализм, организаторские способности, опыт, высокие результаты, упорство, чувство юмора, справедливое отношение к сотрудникам.

Итак, корпоративный жанр поздравления, относящийся к административному дискурсу, соответствует этикетному ритуальному жанру, имеет специфическое тематическое наполнение, отвечая требованиям рассматриваемого дискурса.

Список литературы

1. Дудкина Н. В. Речевой жанр «поздравление» в русской и американской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2011.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русск. яз., 2000.
3. Кашпур В. В. Жанр «поздравление» в русском политическом дискурсе: к проблеме лингвокогнитивного моделирования // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 6 (305) – С. 11-15.
4. Колтунова М. В. Язык делового общения. Нормы. Риторика. Этикет. – М., 2000.
5. Поздравления начальнику. – [Электронный ресурс]: <http://www.supertosty.ru/tost>
6. Поздравления подчиненным от начальника. – [Электронный ресурс]: <http://www.hotimpozdravit.ru+>

Использованные сокращения

КЗУР – картотека записей устной речи.

Коммуникативные стратегии и тактики судебного допроса (на материале русского и немецкого языков)

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии и тактики, используемые профессиональными участниками судебного дискурса с целью достижения истины.

The article focuses on the communicative strategies and tactics of the professional participants of «interrogation» dialogical unity, the main objective of which is revealing the truth.

Ключевые слова: диалогическое единство допрос, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, истина, русская лингвокультура, немецкая лингвокультура.

Key words: interrogation dialogic unity, communicative strategy, communicative tactic, truth, Russian linguistic culture, German linguistic culture.

Исследование коммуникативных стратегий и тактик привлекает внимание многих отечественных и зарубежных лингвистов (Дж. Лич, Х. П. Грайс, А. П. Сковородников, И. В. Труфанова, О. С. Иссерс, Т. В. Матвеева, И. Н. Борисова, К. Ф. Седов, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, И. Н. Кузнецов, Р. Ратмайр, Т. Ройтер, Д. Кингсбери, Т. А. ван Дейк и др.). При этом следует отметить неоднозначность понимания сущности коммуникативных стратегий разными исследователями, поскольку ими предлагаются разные подходы к описанию данной проблемы. В работах А. П. Сковородникова коммуникативная стратегия понимается как «общий план, или «вектор», речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим / пишущим поэтапных речевых действий» [7, с. 6]. В другом определении, данном И. Н. Борисовой, коммуникативная стратегия «есть результат организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией» [2, с. 24]. Приведенные определения коммуникативной стратегии лишь частично отражают сущность данного понятия. В предпринятом исследовании мы опираемся на определение О. С. Иссерс, в котором коммуникативная стратегия трактуется «как совокупность речевых действий, которые направлены на достижение коммуникативной цели и реализуются в коммуникативных тактиках» [4, с. 124]. Речевой тактикой, по мнению

О. С. Иссерс следует считать «одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии» [4, с. 125].

Материалом настоящего исследования послужили инсценированные телевизионные передачи «Встать, суд идет», «Федеральный судья», «Das Jugendgericht», «Das Familiengericht» и «Das Strafgericht», «Richter Alexander Hold», «Richterin Barbara Salesch», транслировавшиеся в 2008-2010 годах по российским и немецким телеканалам, а также немецкоязычные и русскоязычные протоколы опубликованных допросов. В юриспруденции допрос представляет собой процессуальное действие, заключающееся в получении и фиксации в установленном процессуальном порядке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых об известных им фактах, имеющих значение для правильного решения дела. Предметом допроса могут являться различного рода обстоятельства, имеющие отношение к расследуемому событию [1, с. 133].

В психологическом плане допрос представляет собой сложный процесс общения, состоящий из последовательности взаимосвязанных этапов (стадий), подчиненных единой цели, среди которых можно выделить основные: подготовительный этап, этап установления психологического контакта, этап непосредственно допроса, этап завершения допроса, этап психологического анализа и оценки результатов допроса [3, с. 482]. По своей сути допрос является одним из процессуальных видов информационного взаимодействия, межличностного общения и обмена информацией двух главных действующих лиц – допрашивающего и допрашиваемого [5, с. 132]. Анализируя языковой материал, можно выявить существенные особенности, определяемые двумя основными группами участников: профессиональными и непрофессиональными участниками судебного дискурса, поскольку от процессуального положения коммуниканта зависит набор используемых в рамках допроса коммуникативных стратегий и тактик.

В данной статье приведены результаты изучения коммуникативных стратегий и тактик профессиональных участников допроса, то есть судьи, прокурора, адвоката. Стратегии допрашивающего в судебном допросе представляют собой совокупность интенций, ориентированных, прежде всего, на информирование присяжных заседателей, формирование или мобилизацию их знаний. Информирование происходит с помощью доказательства ряда фактов [6, с. 114]. На материале русскоязычных и немецкоязычных протоколов допросов и протоколов судебных заседаний были выделены следующие коммуникативные стратегии, используемые профессиональными участниками судебного процесса, то есть допрашивающими: изобличения лжи, психологического воздействия, обвинения, защиты.

Рис. 1. Соотношение стратегий, используемых профессиональными участниками судебного дискурса

Мы выделяем стратегию изобличения во лжи как главную стратегию допрашивающего в конфликтной ситуации. Как отмечает Н. Л. Шамне, «лжец будет придерживаться принципа кооперативности, следить за тем, чтобы ложь была для обманываемого убедительной», поэтому данная стратегия является одной из самых сложных и многогранных [8, с. 41]. В основе судебного разбирательства лежит спор. Цель партнёров в судебном споре – победить любой ценой, отстаивая истину, а не только личные интересы подзащитного. Использование данной стратегии характерно для всех профессиональных участников юридического дискурса, но в большей мере для судьи. Проведенный анализ текстов протоколов позволил установить 523 случая реализации указанной стратегии, что составляет почти 39 % от общего числа стратегий.

Стратегия психологического воздействия универсальна, она используется абсолютно всеми участниками дискурса. Как показал анализ языкового материала, данная стратегия выступает в качестве некоего вербального инструмента запроса информации и используется всеми участниками дискурса в соответствии с целями, преследуемыми ими в ходе судебного разбирательства. Прокурор стремится оказать определенное воздействие на подсудимого, заставить его признать свою вину. Адвокат использует стратегию как одно из средств защиты, позволяющее ему завладеть инициативой в процессе судебного следствия и представить суду альтернативную версию происшествия с возможными новыми подозреваемыми, мотивами их преступления. Судья, в свою очередь, применяет стратегию психологического воздействия во время допроса подсудимого или свидетеля, поскольку должен оставаться беспристрастным, обвинять или встать на защиту подсудимого он не может. Эта стратегия определяет речевое поведение, адвоката, прокурора, а также судьи как главного агента дискурса судебного заседания и ориентируется на одобрение или осужде-

ние деятельности человека как с позиции закона, так и с позиции морали. Эмоциональное состояние агентов и клиентов судебного дискурса, равно как и их стремление эффективно воздействовать друг на друга, провоцирует использование стратегии психологического воздействия. Нами зафиксировано 189 случаев реализации данной стратегии профессиональными участниками дискурса, что составляет 14% от общего числа стратегий.

Стратегия обвинения определяет принцип построения речевого поведения прокурора, что обусловлено его ролью в судебном заседании, и свидетеля, выступающего на стороне обвинения. Прокурор как профессиональный участник судебного разбирательства строит обвинение только на основе неоспоримых фактов и доказательств. С его стороны недопустимы оскорбления в адрес подсудимого. Общее количество примеров выражения данной стратегии профессиональными участниками дискурса составило 348 единиц (26% от общего числа стратегий).

Речевое поведение адвоката, представляющего интересы подсудимого, а также свидетеля защиты, воплощается в использовании коммуникативной стратегии защиты. Её мы определяем как совокупность речевых действий адвоката или другого участника судебного заседания, направленных на опровержение обвинения и/или смягчение ответственности подсудимого. Зафиксирован 281 пример реализации указанной стратегии, что составляет около 21% от общего числа стратегий.

Каждая из указанных стратегий реализуется определенным набором коммуникативных тактик. Из всех коммуникативных тактик мы определили, исходя из критерия частотности их употребления, ряд базисных. В ходе анализа языкового материала в рамках были выделены следующие базисные тактики стратегии изобличения во лжи.

1. Логическое доказательство, например, перечисление элементов, имеющих прямое или косвенное отношение к делу, – тактика, нацеленная на эмоциональную сторону сознания адресата, которая играет важную роль в раскрытии мотива использования лжи: *Und so toll kann es aber nicht sein, dieses normale Verhältnis, denn besonders gut bist Du in der Schule auch nicht. Oder wie sieht es aus? Das Abschluss steht ja bei Dir zur Wiederholung an.* (BS); *Подсудимый, это именно та бутылка, которую Вы распивали вместе с Осиной, а потом ударили ее по голове?* (ФС).

2. Намёк (метафорическое сравнение, намёк на сам мотив использования лжи): *Warum muss man sich dafür anschauen? Verstehe ich nicht* (JG); *To есть, я так понимаю, что вступлением в интимную связь, Вы разрешили все проблемы с долгами?* (ВСИ)

3. Искажение (повтор реплики отвечающего, но в значении, противоположном первоначальному). Допрашивающий переставляет акценты так, что реплика превращается в ставку на ложный стыд:

- *Sie hat gesagt, jetzt wohl der Zeitpunkt gekommen, an dem Inna Finke zurückschlägt.*

- Ja, also besser habe ich es auch nicht formulieren können. Und Inna Finke hat zurückgeschlagen. Wortwörtlich (BS); - Я предполагал так. - Вы «предполагали» так? (ВСИ).

4. Неожиданность – использование в речи неожиданной или неизвестной слушателям информации: *Скажите, а погибший Игорь Светлов был там?* (ФС); *Er soll seit dem Wochenende 12.-13. Mai, das er mit Ihnen verbracht hat, sich absolut plötzlich geändert haben. Total. Was ist an diesem Wochenende gewesen?* (АН).

5. Констатация фактов: *Украшения были присвоены* (ФС); *Das ist eine E-mail mit einem leicht erotischen Inhalt, den der Angeklagte Ihrer damaligen Freundin geschickt hat* (АН).

Стратегия изобличения во лжи является главной нападающей стратегией допрашивающего. Адвокаты используют множество тактик для достижения поставленной цели: приёмы логического доказательства часто сочетаются с уловками, то есть тактиками, рассчитанными на то, чтобы вызвать эмоции зрителей. Задача оппонента как раз и состоит в том, чтобы выявить нечестные тактики и указать на них.

Базисными коммуникативными тактиками стратегии психологического воздействия являются:

1) критика чьих-либо поступков: *Sie haben sogar mit Ihrer Familie gebrochen, weil Sie Stardesignerin werden wollten* (JG); *Нем абсолютно ничего противозаконного в том, чтобы люди получали свои долги. Но то, каким образом Вы это сделал!* (ФС);

2) выговор: *Sie stehen dann auf, wenn ich Ihnen sage: „Sie sind entlassen!“* (BS); *Если Вы хотите сделать какое-либо заявление, надо обратиться к суду. Если Вы хотите задавать вопросы, они должны быть сформулированы!* (ФС);

3) давление: *Sie setzen sich ganz schnell wieder hin!* (АН)
- *Wo waren Sie am 25. Mai gegen 16 Uhr?*
- *Wo ich War? Es ist eine Frechheit. Ich frage Sie nicht...*
- *Was heißt eine Frechheit? Das ist eine ganz klare Frage und Sie machen mir eine ganz klare Antwort, damit wir uns gleich mal richtig verstehen!* (BS); *Свидетель, прошу Вас немедленно ответить на поставленный вопрос!* (ВСИ);

4) угроза: *Noch so ein paar Anhaltspunkte, ich lasse Sie festnehmen!* (BS); *Свидетель, прошу Вас прекратить оскорбления, иначе Вам придется покинуть зал суда!* (ВСИ);

5) нападение: - *Um mein Traum zu erfüllen habe ich alles getan. - Notfalls auch Gewalt eingesetzt?* (BS); *Расписки тоже святое? Их Вы не забыли взять?* (ФС).

К основным коммуникативным тактикам, реализующим стратегию обвинения, мы отнесли:

1) отрицательную характеристику: *Aber so naiv, wie ich das am Anfang dachte, ist sie überhaupt nicht. Wir haben von der Jugendgerichtshilfe gehört,*

ehrgeizig soll sie sein, ich würde eher sagen, intrigant und durchaus durchtrieben. Sie schläft mit dem Mann, um dann nach oben zu kommen (JG); Он всю жизнь над ней измывался, гнобил ее, пил безбожно, из армии его выгнали, детьми он не занимался совсем (ФС);

2) констатацию фактов: *In der Wohnung ist dieser etwas deformierte Benzinkanister gefunden worden. Da steht ein Autokennzeichen drauf FKJ 3670. Dieses Fahrzeug ist auf Sie zugelassen. Im Übrigen, gibt es eine Zeugin, die Sie mit diesem Kanister sah (BS); Ваша честь, обращаю Ваше внимание на то, что никаких следов побоев у потерпевшей обнаружено не было, и об этом свидетельствуют все материалы уголовного дела (ФС);*

3) нападение: *Tino, sind Sie homosexuell? (BS); Ваши отношения с потерпевшей носили интимный характер? (ВСИ);*

4) критику действий подсудимого: *Frau Finke, Sie laufen bei mir offene Türen ein, wenn Sie versuchen zu kämpfen und sich durchzusetzen, aber mit welchen Mitteln? Darüber werden wir uns streiten. D.h. also mit den Mitteln wie, jemanden zu beschuldigen und versuchen sich auszureden, das ist das eine. Und vor allem, mit den Mitteln eines Bügeleisens, wenn jemand über den Kopf bekommt (BS); Скажите, Вы вообще должны были знать данный сценарий, а также то, что данное устройство может нанести увечья Вашему руководителю. Почему Вы не сообщили ему об этом? (ВСИ);*

5) логическое доказательство: - *Ваш инструктор выходит из машины, ругается на Ольгу Эдуардовну, не дает ей выполнить упражнение (ВСИ); - Den Text kennen Sie, ja? - Ja. - Kannten Sie den Inhalt schon bevor Ihre Freundin vergewaltigt wurde? (BS).*

Прокурор как профессиональный участник судебного разбирательства строит обвинение только на основе неоспоримых фактов и доказательств. С его стороны недопустимы оскорбления в адрес подсудимого. Тактики оскорбления, отрицательной характеристики и критики действий чаще применяют непрофессиональные участники заседания с той целью, чтобы представить подсудимого в неприглядном виде перед судом. Анализ немецкоязычных примеров показал, что тактика нападения сама по себе является сопровождающей и в сочетании с тактиками констатации фактов, давления, убеждения, оказания психологического воздействия позволяет наиболее эффективно реализовать стратегию обвинения. Например, сочетание тактики нападения с тактикой констатации фактов при обращении прокурора к адвокату в ходе допроса подсудимой: *Wie kommen dann die Fingerabdrücke Ihrer Mandantin auf dem Messer? Die Untersuchung hat ganz klar ergeben, dass die Anordnung der Fingerabdrücke auf dem Messer Ihrer Mandantin zugeordnet werden kann und keinen anderen Familienmitgliedern.*

Говоря о коммуникативных тактиках, реализующих стратегию защиты, отметим, что адвокат и свидетель защиты, имея установку защитить человека перед судом, демонстрируют схожие тактические предпочтения.

По количественным характеристикам в число базисных вошли следующие тактики:

1) отвод подозрения: *Und anstatt meine Frau zu beschuldigen, sollten Sie lieber den Lebensgefährten von meiner Mutter genauer unter die Lupe nehmen* (BS); *Свидетель Петренко приобрела пакет с точно таким же отправляющим веществом, как и купил мой подзащитный. Возможность посетить квартиру этажом выше у нее была. Я вижу, что не только мой подзащитный был заинтересован и имел возможность подсыпать порошок* (ФС);

2) нападение: *Warum sollte mein Mandant seine Freundin umbringen, ihren Liebhaber nur ein bisschen verprügeln?* (BS); *И что в результате? Вам Вы не улетели, и что произошло?* (ФС);

3) отрицание вины: *По-моему всё очевидно, это законная деятельность* (ФС); *Er sagt, er bohrt Löcher, er sagt, sagt, dass er macht ihm die Tür nicht auf. Sie geben jetzt gegenseitiges Alibi* (BS);

4) обвинение: *Sie wollen, dass Ihre Frau zu Ihnen zurückkommt. Sie haben jeden Grund, die neue Wohnung Ihrer Exfrau unbewohnbar zu lassen* (BS); *Подсудимая, обманным путем войдя в доверие, фактически присвоила себе некоторую сумму денег* (ФС);

5) положительная характеристика подсудимого или воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого: *Bei unserem Gespräch hat Inna einen naiven Eindruck auf mich gemacht. Sie ist ganz besonders ehrgeizig und würde für ihren Traum, Modedesigning zu werden, einfach alles tun* (BS); *А вы посочувствовали, Вы же мужчина! Неужели Вы хотели взыскать деньги с пенсионерки и с матери больного ребёнка, которые недавно потеряли мужа и сына?* (ФС).

Адвокат (а иногда и свидетель защиты) обращает внимание суда на других возможных подозреваемых в совершении преступления, положительную характеристику обвиняемого. В частности, используется тактика нападения в качестве дополнения к коммуникативным тактикам отвода подозрения, отрицания вины, обвинения, критики действий и так далее.

Интерпретация выявленных нами основных коммуникативных стратегий юридического дискурса позволила сделать следующие выводы. Во-первых, базисные коммуникативные стратегии русского и немецкого судебного дискурса совпадают. Во-вторых, коммуникативные тактики, используемые для их реализации, почти всегда идентичны в сопоставляемых языках. Применяя указанные тактики, профессиональные агенты дискурса делают попытку привлечь к себе внимание не только допрашиваемого участника судебного процесса, но и всей аудитории. Благодаря использованию коммуникативных тактик устанавливается правдивость или ложность представленной информации, открываются новые обстоятельства дела, которые могут принципиально изменить весь ход судебного разбирательства и его результаты.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина, И. М. Лузгина. – М.: НОРМА, 2000.
2. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1996. – С. 21-48.
3. Васильев В. Л. Юридическая психология. – СПб.: Питер, 1997.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 3-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2003.
5. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967.
6. Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации. – М.: ИФРАН, 1997.
7. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика ↔ Лингвистика: сборник статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. – Вып. 5. – С. 5–12.
8. Шамне Н. Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации – 2-е изд., испр. и доп. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.

Источники и принятые сокращения

- ВСИ – телевизионная передача «Встать, суд идет!» (телеканал «Россия»).
- ФС – телевизионная передача «Федеральный судья» (телеканал «ОРТ»).
- АН – телевизионная передача «Richter Alexander Hold» (телеканал «Sat1»).
- BS – телевизионная передача «Richterin Barbara Salesch» (телеканал «Sat1»).
- JG – телевизионная передача «Das Jugendgericht» (телеканал «RTL»).

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

УДК 81'44:34:81'2

Н. А. Бондарева

Проблемы упорядочивания правовой терминологии в аспекте социально-когнитивной системы

В статье рассматривается терминология права (закона) и терминология правове-дения (юриспруденции). Подобное деление связано с разными сферами функцио-нирования юридической терминологии. Автор подчеркивает наличие общего корпуса лексики, сложность терминологии правове-дения, необязательность наличия дефиниций у терминов.

In this article the author considers terminology of the law and terminology of jurisprudence. Similar division is connected with different spheres of functioning of the legal language. The author considers on the basic case of general lexicon, of more difficult terminology of jurisprudence, unessential presence of terms' definitions.

Ключевые слова: юридическая терминология, терминосистема, дефиниция, сис-темные отношения.

Key words: legal terminology, term system, definition, systemic relationship.

Юридическая терминология является частью общественно-политической терминологии. В свою очередь, общественно-политическая терминология – это система терминологической общественной надстрой-ки, в которую право входит как составная часть. Юридическая терминология неоднородна. В ней выделяют терминологию права (закона) и терминологию правове-дения (юриспруденции). Подобное деление связано с разными сферами функционирования юридической терминологии: науч-ной и официально-деловой. Несмотря на то, что существуют различия меж-ду терминами права и терминами правове-дения, основной корпус лексики общий.

Различие между терминами права и терминами правове-дения выявля-ется в том, что терминология правове-дения более сложная, в ней употре-бляются термины, обозначающие теоретические понятия, которые не употребляются в текстах законов (*гипотеза, материальное право, меха-низм правового регулирования*). Терминология права и терминология пра-вове-дения находятся в тесном постоянном взаимодействии, поскольку новации появляются как в одной, так и в другой системе, однако они не-равнозначны. Новации терминологии права получают теоретическое обос-нование в науке, в то время как новации терминологии правове-дения

проникают в терминологию права только при определенных социально-экономических условиях. Так, например, термин *эвтаназия* отсутствует в законе, в то время как в теоретической литературе проблема определения правового статуса *активной эвтаназии* обсуждается. Соотношение терминологий права и правоведения затрудняет определение юридического термина и характера терминологичности различных номинативных единиц, используемых в юридической терминологии.

Проблема терминологичности и упорядоченности номинативных единиц языка многие десятилетия остается в центре внимания лингвистических исследований. Сами юристы считают терминами любые слова, встречающиеся в текстах законов. Среди терминов выделяются: общеупотребляемые, используемые в том же значении, что и в общеупотребительном языке; специальные технические, имеющие то же значение, что и в других сферах человеческого знания; специальные юридические. Проблема определения специфики юридического термина осложняется и наличием дефинированных и недефинированных терминов. Ряд исследователей не разделяет идею о выделении дефинированных и недефинированных терминов, считая, что она нуждается в уточнении, поскольку представитель профессионального знания не всегда задумывается о системности специальных единиц и наличии достаточных оснований для терминологизации тех или иных понятий [7, с. 10-12].

Юристы понимают, что степень специализации языка законодательства сравнительно невелика, поскольку право регулирует множество областей общественных отношений. Нормативные акты рассчитаны не только на узкий круг специалистов. Практически все граждане в жизни сталкиваются с нормами права, а потому юридическая терминология должна быть понятной широким слоям населения.

Юридическая терминология закрепляется в правовых актах, в которых, кроме того, получают выражение различные по своему характеру нормы права. К сожалению, в работах юристов, исследующих правовую терминологию, этот важный фактор отсутствует при определении сущности термина. Норма права, исполняя роль «первичной клетки», вместе с тем имеет довольно сложную структуру – совокупность ряда элементов, которые обеспечивают ее функциональную самостоятельность. Норма в идеале состоит из трех частей: гипотезы – элемента, указывающего на условия (время, место, субъектный состав); диспозиции, определяющей модель поведения субъектов с учетом установленных законов прав и обязанностей; санкции – элемента, предусматривающего часто неблагоприятные последствия для субъекта, реализующего диспозицию с нарушением нормы.

Классическая модель логической структуры нормы права может быть выражена в языковой формуле «если ..., то..., а иначе ...». Однако не каждая норма права имеет все три указанных элемента. В некоторых моделях выделяются только гипотеза и диспозиция, в других – гипотеза и санкция,

в дефинитивных нормах эти элементы вообще не выделяются. Логично предположить, ключевые слова или словосочетания, выражающие основу гипотезы, диспозиции и санкции, или определяемая номинативная единица дефинитивной нормы это – термины. Указанные элементы можно вычленивать не только в структуре современных законодательных актов, но и в текстах древнерусских законов. Что делает такой подход к выделению юридических терминов универсальным для всех периодов развития юридической терминологии.

Одним из существенных признаков терминологичности часто признается субстантивный характер терминологических единиц. Однако некоторые исследователи полагают, что термин может быть представлен любыми частями речи, хотя и подчеркивают, что по преимуществу термин – имя существительное.

Если рассматривать конкретные нормы права, анализируя их логическую структуру с точки зрения содержания в них гипотезы, диспозиции и санкции, то можно оценить роль глаголов и глагольных словосочетаний в юридической терминологии. Так, пункт 2 статьи 339 Гражданского кодекса РФ гласит: «Договор о залоге должен быть заключен в письменной форме». В развернутом виде эта норма формулируется следующим образом: «Если заключается договор о залоге, то он должен быть заключен письменно, а в противном случае он является недействительным» [1, с. 167]. В этом примере видно, что диспозиция может быть выражена глагольным словосочетанием *заключать договор в письменной форме*. В норме, заключенной в пункте 4 статьи 350 Гражданского кодекса, глагол прекращаться обозначает санкцию: «Если залогодержатель не воспользуется правом оставить за собой предмет залога в течение месяца со дня объявления повторных торгов несостоявшимися, договор о залоге прекращается» [1, с. 174]. В пункте 2 статьи 346 Гражданского кодекса можно прочесть, что способностью выражать санкцию обладает и прилагательное *ничтожный*: «Соглашение, ограничивающее право залогодателя завещать заложенное имущество, ничтожно» [1, с. 171]. Данные примеры показывают, что лишая глаголы и прилагательные статуса терминологичности в юридической терминологии нет оснований.

Выделение терминов правоведения следует основывать на анализе родо-видовых отношений, в которых термины права становятся видовыми по отношению к терминам правоведения. В этом заключается диалектическая связь науки и практики.

Таким образом, 1) юридические термины – слова и словосочетания, обозначающие понятия права и правоведения; 2) термины права – слова и словосочетания, обозначающие ключевые слова элементов правовых норм (гипотезы, диспозиции, санкции), определяемые единицы дефинитивных норм, закрепленных и санкционированных кодексом или законом; 3) термины правоведения – слова и словосочетания, воспринимаемые из терминологии права, а также конструируемые специально юристами-теоретиками.

Терминологичность различных языковых единиц в юридической терминологии связана с возникновением писаных законов и, следовательно, определяется диалектическая связь сферы фиксации и сферы функционирования юридической терминологии, зависимости /независимости юридического термина от контекста. Независимость термина от контекста понимается по-разному в современной лингвистике. Б.А. Плотников понимает ее как результат изоляции письменного текста от внешней ситуации [3, с. 107] в других работах она определяется различием сферы фиксации и сферы употребления терминов.

Реформатский отмечал, что для терминов важен не текст, а терминология, к которой они относятся и в которой они приобретают однозначность [6]. Для терминологии права сфера фиксации – это не только словари, но и тексты законодательных актов. Для многих терминов права единственной сферой фиксации является кодекс, закон. Например, из 34 видов воинских преступлений, выделенных в УК РФ, принятом в 1960 г., юридический энциклопедический словарь, выпущенный в 1984 г., регистрирует только два: дезертирство и самовольную отлучку. Совпадение сферы фиксации и сферы функционирования в большей степени касается терминологии древнего права, т.к. единственной сферой фиксации были законы (правда, судные грамоты). Сфера функционирования терминов права – устная речь юристов, а сфера функционирования и фиксации терминов правоведения – научная литература, в которой могут меняться концептуальные характеристики терминов, возникать явления полисемии. Юридические словари фиксируют небольшую часть терминов права и правоведения.

Юристы признают, что значение термина чаще раскрывается контекстом [4, с. 90]. Контекст «вырывает» слово из общего употребления и превращает его в элемент терминосистемы. В этом заключается определенная зависимость проявления терминологичности от контекста. Слово, становясь юридическим термином, не может потерять всех парадигматических и синтагматических связей, которые оно имело в общем употреблении, т.к. закон не предусматривает всех без исключения жизненных ситуаций, которые он призван регулировать, а потому, закон, как и термин, подлежит различным видам толкования. Поскольку термин обязательно должен иметь четкую дефиницию, он определяется как конвенциональная единица. Сложное соотношение конвенциональности одних юридических терминов и обусловленности других экстралингвистическими факторами, существование различных видов толкования норм права проявляется в характере определений терминов, которые делятся на описательные (казуистические), перечневые и родовидовые (классификационные) [4, с. 92].

Характерным видом дефиниций в юридической терминологии является определение термина при помощи лиц, действий. Так определение термина *вандализм* в действующем УК РФ: «... осквернение зданий или иных

сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах» [9]. Многие термины в законе получают описательные дефиниции, особенно у составных терминов, например, *конфиденциальность полученной сторонами информации* [1, ст. 727].

Примером классификационного определения термина может служить дефиниция термина *допрос*. В уголовном и гражданском процессах термин *допрос* обозначает «следственное и судебное действие, заключающееся в получении и фиксации устных сведений-показаний» [10]. Идеальной формой дефиниции считается построение определений через ближайший род и видовое отличие. Но даже такие попытки иногда приводят к расплывчатости значений юридических терминов, например, термины «*умысел – одна из форм вины*», *неосторожность – одна из форм вины*» [10]. В этом случае не ясно, чем отличается одна из форм вины от другой, т.к. не указаны дифференцирующие признаки, следовательно, строгость, точность значения не может считаться характерным признаком юридических терминов. С семантической точки зрения юридические термины не однозначны. Среди них можно выделить: 1) термины, обладающие интенциональным типом значения, не зависящие от контекста (*сервитут, наказание*); 2) термины с экстенциональным типом значения (*защитник, преступление – ... общественно опасное деяние (действие или бездействие)*», *заведомо ложное показание – ... «умышленное сокрытие фактов сознательным искажением истины свидетелем или потерпевшим в суде либо в процессе предварительного следствия*», *подлог – «... преступление, заключающееся в подделке подлинных или в составлении фальшивых документов*» [10].

В современной юридической терминологии отмечается ряд многозначных терминов, например, *законодательство – 1) «... один из основных методов осуществления государством своих функций», 2) «... совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения ... (гражданское законодательство, уголовное законодательство)*» [10]. Появление у термина нескольких значений свидетельствует не о семантическом, а об ономаσιологическом изменении знака [8, с. 60]. Часто один и тот же термин употребляется с разными значениями в различных отраслях права, например, термин *залог* имеет разные значения в гражданском праве и в уголовном процессе, термин *заочное рассмотрение дела* имеет также разные значения. Такую полисемию можно рассматривать как внутрисистемную отраслевую многозначность ограниченную отношением термина к тому, или иному терминологическому полю, то есть термин однозначен в пределах одной отрасли права.

В любой терминологии встречаются термины, обладающие внутренней формой. Обычно такие термины проникают в терминологию из языка общего употребления. Подобные единицы отмечаются в юридической терминологии в разные периоды ее существования, например, любовь, добросердие, вина. Войдя в терминологию, такие слова развивают устойчивые связи с другими терминами, и для специалистов, пользующимися

ими, они становятся названиями правовой действительности. Юридический термин принципиально не может быть экспрессивным. Речь законодателя, тексты закона рассчитаны на логическое восприятие, а не на эмоции [4]. Тем не менее, одна из функций права – оценка явлений правовой действительности. Право, закон всегда оценивают действия по линии правомерные / неправомерные (противоправные). В ряде правовых терминов присутствует оценочность, то есть только один из видов коннотации. Оценочный фактор считается одним из характерных признаков терминов общественных наук [2, с. 84]. Оценка одних и тех же слов в общем употреблении и в юридической терминологии может не совпадать, например, слово укрыть в общем употреблении несет положительную оценку: «спрятать что-либо, защитить ...» [10]. В юридической терминологии термин *укрывательство* отмечен знаком «минус» - «... общественно опасная деятельность, заключающаяся в умышленном сокрытии преступника, орудий и средств совершения преступления, его следов, либо предметов, добытых преступным путем» [10].

Синонимические отношения в юридической терминологии проявляются в функции дублетов: 1) этимологические дублеты (*деликт – правонарушение; правоведение – юриспруденция; случай – казус*; 2) обусловленные дублеты (*незаконность – противозаконность*).

Одним из самых широко распространенных в языке видов системных отношений являются антонимы. Науке свойственен бинарный принцип классификаций явлений, который основан на утверждении, что в большинстве своем явления «... поддаются противопоставлению ...» [5, с. 41]. В юридической терминологии бинарные противопоставления широко развиты. Однако они не всегда приводят к антонимии. Часто бинарные противопоставления порождают видовые отличия терминов: *юридические лица – физические лица* (разновидности лиц), которые реализуются в рамках эквивалентных семантических оппозиций. Реже бинарные противопоставления образуют антонимические пары: *правомерность -неправомерность, законность - незаконность - противозаконность, виновность - невиновность*. В этом случае противопоставления объединяются родовым термином, выражаемым в праве термином *правовой факт*. В юридической терминологии все антонимы отражают только комплементарную противоположность вследствие отсутствия промежуточных понятий между антонимическими парами. Так, действие может быть законным и противозаконным.

В юридической терминологии и в лексике общего употребления парадигматические отношения практически не отличаются. Терминологические поля структурируются только в документах, кодексах и законах. Как и в языке общего употребления, в юридической терминологии реализуются все факторы формирования связи слов: словесно-грамматический, лексический и синтаксический.

Соотнесенность значения терминов с семантическими признаками других слов может не только сужаться за счет одних признаков, но и расширяться за счет других, например, словарь отмечает сочетаемость слова преступление с прилагательными *страшное, тяжелое, тягчайшее, чудовищное, первое, новое, очевидное, уголовное, военное, государственное, политическое*, причем, сочетания *первое преступление, уголовное преступление, военное преступление* являются собственно терминологическими юридическими сочетаниями. Коннотация сочетаний *страшное преступление, чудовищное преступление* несет в себе слишком эмоциональный заряд, не характерный для юридической терминологии. Таким образом, характер оценочности юридической терминологии заключается в ограничении эмоциональных границ слова в рамках синтагматических отношений. Следует отметить, что ряд терминов в юридической терминологии не имеют дефиниций, следовательно, они являются необязательной характеристикой юридических терминов.

Отличительной чертой терминов права, возникших раньше терминов правоведения, является их незакрепленность в законе, санкционированном государственной властью. Терминология права характеризуется специфически проявляющейся системностью, которая предопределяется использованием слова для обозначения ключевых элементов нормы права. Необязательное наличие у терминов дефиниций является характерным для юридической терминологии явлением.

Между терминами права и правоведения существует как сходство, так и различие. Терминология правоведения включает в себя все термины права; терминов правоведения больше, им присуща как формальная, так и семантическая вариативность. Часть номинативных единиц правоведения находится на периферии юридической терминологии и является одним из источников накопления терминологии права.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 1995. – Ч. 1.
2. Лейчик В. М. Термин и слово. – М., 1983.
3. Плотников Б. А. Авербальные формы письменного текста и их содержание // Б.А. Плотников. О форме и содержании в языке. – Минск, 1989. – С. 224-290.
4. Проблемы судебного права / Мельников А. А., Полянский Н. Н., Савицкий В. М., Строгович М. С.; под ред. Савицкого В. М. – М.: Наука, 1983.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976.
6. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М., 1967.
7. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. – М., 1989.
8. Толикина Е. Н. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. – С. 113-150.
9. Уголовный кодекс РФ (УК РФ). – М., 1997. – Ст. 214.
10. Юридический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1984.

**Маргинальная зона категорий assertion / negation
(на материале современного английского языка)**

В статье анализируются лексические, лексико-грамматические и грамматические средства, формирующие маргинальную зону категорий assertion / negation.

The article is focused on lexical, lexico-grammatical and grammatical means of actualization of the marginal zone of assertion / negation.

Ключевые слова: категория, концепт, ассерция, негация, функционально-семантический подход, маргинальность.

Key words: category, concept, assertion, negation, functional-semantic approach, marginality.

В рамках антропологической лингвистики, которая призвана изучать язык в тесной связи с человеком, его мышлением, сознанием и духовно-практической деятельностью [20, с. 8; 16], необходимость создания новой теории языка и человека делает естественным и актуальным изучение способов структуризации и концептуализации мира на базе когнитивного подхода. Данная статья посвящена изучению разноуровневых языковых средств выражения категорий assertion / negation в русле новых направлений в лингвистике.

Неоднократное обращение исследователей к проблеме отрицания в английском языке сводилось к автономным изучениям категории – в русле традиционной грамматики [2; 19; 29; 34], фразеологических средств ее выражения [22]. Отрицание было объектом исследования с позиции парадигматического синтаксиса [21]; рассматривалось в контексте актуального членения предложения [12], логической и языковой природы [33], в ракурсе теории поля [23], функционального [18] и типологического [25] подходов. Определялся его понятийный объем в естественном языке [28; 32]. О его имплицитности и неоднозначности в английском языке упоминалось в работах отечественных и зарубежных исследователей [1; 14; 31].

Классические подходы к изучению категорий в лингвистике не предоставляли возможность описывать и структурировать категории, не имеющие эксплицитно выраженных маркеров, характеризующиеся неоднозначной семантикой, поэтому работы, посвященные проблематике утверждения, немногочисленны и рассматривают лишь некоторые ее аспекты [3; 4]. Неоднородность и многоплановость рассматриваемых фе-

номенов послужили мотивом обращения к данной проблематике в ракурсе новой парадигмы. Категории *assertion / negation* в нашем исследовании предстают в виде целостных единств, являющих собой «объективацию разных структур знания» [13, с. 12]. В качестве исходного положения, определяющего принцип такого объединения, служит общепринятый в лингвистике постулат о том, что любая категория представляет собой объединение объектов на основе общего концепта [5; 13; 15 и др.], в данном случае, концептов *assertion / negation*.

Неоднозначность и разнообразие средств, выражающих ассерцию / негацию в современном английском языке, позволяет говорить о «функционально-семантическом» [6; 7; 8] статусе данных категорий, так как они выражены в английском языке системой разноуровневых средств языка, способных взаимодействовать для выполнения определенных содержаний – семантических зон; имеют планы выражения; структурно оформляются по принципу функционально-семантического поля (ФСП).

Подробное изучение понятийных признаков имен «*assertion*», «*negation*» позволило выявить разноуровневые средства языка, формирующие ядерные и периферийные зоны категорий. Человеческая речь разнообразна, она помогает не только выражать актуально существующие феномены, но и передавать различное отношение говорящего к реальности, поступкам и мнениям других людей. Случаи, когда человек говорит «да» вместо «нет» и «нет» вместо «да», могут представляться обычным способом иронии [30, с. 295], или быть продиктованы личными мотивами. Таким образом, целесообразно характеризовать *assertion / negation* как с внутренней, так и с внешней стороны, которая имеет качественные и квалитативные свойства. Изучая категорию отрицания в немецком языке, Л. М. Владимирская выделила три типа отрицания, основанных на взаимодействии качественных и квалитативных свойств [9]. Среди них выделяются категоричное отрицание, предполагающее реализацию основных признаков категории, отрицание как утверждение в перспективе, в котором при наличии отрицательных маркеров в целом высказывание носит утвердительный характер, и отрицание некатегоричное, соответствующее понятиям «не без чего-либо, почти».

Принимая во внимание наличие квалитативных свойств изучаемого феномена, предполагаем, что ассерции или негации «в перспективе» (термин Владимирской Л. В.) или ассерции / негации, предполагающие частичную актуализацию основных признаков базовых концептов, формируют маргинальную (промежуточную) зону рассматриваемых категорий. К этой зоне относятся языковые элементы, способные актуализировать одновременно признаки ассерции и негации в пределах одной категориальной ситуации.

Маргинальная зона категорий *assertion / negation* в современном английском языке репрезентируется следующими языковыми средствами: лексическими, лексико-грамматическими и грамматическими.

Рассмотрим лексические средства. Анализ синонимов базовых лексем-репрезентантов позволил выявить лексемы, имеющие потенциал репрезентации признаков обоих концептов (*assertion, negation*) в зависимости от ситуации. Так, например, *predication* (*predicate*) в логическом понимании – это то, что может подтверждаться или опровергаться (*affirmed or denied – Encarta*): *We know this, the Tao is not a religion (it's more a magic and/or an ethics): no God? The "without-God" of the Tao and the "God" of mysticism (above all, the negative) merge on the way to apophysis, to the rejection of predication, which is captured so well in this verse of Angelus Silesius: "If you love something, you love nothing. God is neither this nor that. Give leave to the something"*(СОСА). В приведенном выше фрагменте лексема *predication* предполагает целую мысль, идею, которую, согласно контексту, можно отвергнуть (*the rejection of*). Однако лексема может актуализировать признаки ассерции: правдивость, официальность: *How well founded were these fears? And why did the government decide to predicate the ban on a religiously and ethnically-neutral rationale rather than on the actual considerations underlying it?* (СОСА). Из высказывания явствует: правительство утвердило запрет, то есть сделало его реальным. Следует отметить, что лексема ограничена в своем употреблении, поскольку представляет собой термин, широко использующийся в лингвистике и логике, где она означает отношения субъекта и приписываемого ему признака: *Antisthenes's argument used by Protagoras to demonstrate that it is not possible to contradict: nothing can be attributed to a being, if not its own denomination: only the individual exists: I see the horse, not horsiness. Predication becomes impossible, because the subject is irreducible to the predicate* (СОСА). В данном случае, предложение *I see horsiness* не имеет права на существование, поскольку предикация здесь невозможна из-за смысловой несовместимости предиката и объекта действия.

Следующая лексема, *profession* (*profess*), являющаяся репрезентантом маргинальной зоны, дефинируется как высказывание, которое может быть правдивым или нет (*true or false – DC*). Рассмотрим следующий фрагмент дискурса: *After stopping the car for one thing – traffic - they begin looking for clues to another - a drug crime. Deputies consider it's a good clue when conflicting stories are told by occupants of the same car. This man identified himself as R.C. Abrams of Valdosta, Georgia. He told several stories, including one he was a farmer going to a bank in Florida to pay off a loan, and also that he was just on vacation. After police searched his truck, they found what they believe was his true profession ... That's drug money* (СОСА). В данной категориальной ситуации подчеркивается, что то, о чем говорил задержанный, давая показания, на самом деле было неправдой, поскольку

в его грузовике нашли «правдивое признание» – деньги, полученные незаконным путем за наркотические средства. Словосочетание *true profession* употребляется в контексте для выражения иронии. В большинстве случаев подобные заявления, номинируемые глаголом (или его неличной формой) *profess*, не находят своего отражения в действительности, по сути ей противоречат: *In arguing that one influences the other, Caritas in veritate suggests more than that it is simply contradictory to profess respect for human life while disregarding or destroying the physical environment necessary to sustain human communities* (СОСА). В высказывании делается акцент на то, что если люди провозглашают уважение к человеческой жизни, при этом разрушая свою среду обитания, то такие заявления неуместны, поскольку на деле предполагаются действия, подтверждающие их высказывания, но не противоречащие им. Актуализация признака негации *неправдивость* глаголом-синонимом лексемы *assertion* прослеживается в следующем предложении: *I think in reality we are still going to have Republicans who profess family and moral values and who get caught having affairs, and the Republican Party is still going to tolerate them and let them stay in the party* (СОСА). Говорящий высказывает мнение, что провозглашать моральные и семейные ценности и при этом быть замеченным в интрижках с противоположным полом, – попросту означает лгать.

Следующая группа лексических средств, представленных в лексикографических источниках как синонимы ассерции, предполагает реализацию значения «противопоставлять свою точку зрения», что отражено в дефинициях, либо трактуется через лексику *denial* – лексику-репрезентант категории negation: *contention (content), defense (defend), protest (protest), protestation*. Рассмотрим несколько примеров: *I had spent much of the day in the orchard, trying to rake up the fallen apples. Dad had insisted it had to be done. By way of mild protest, I had said, "I thought Mr. Garry cleaned it up when he did his". They had a falling out, Mom said, even as Dad started one of his ranting rages, cursing their neighbor Garry for being nosy and insolent, and me for being too lazy to earn my keep* (СОСА). Молодой человек пытается не подчиниться воле отца, который потребовал, чтобы он навел порядок в саду, при этом происходит актуализация ассервативного значения уверенности (*I thought Mr. Garry cleaned it up when he did his*) при попытке противостоять приказу, поскольку сам герой называет свои слова *mild protest*. Лексема *defense (defend)* обозначает действия, показания, содержащие в себе отрицание предъявленного обвинения: *Abigail Trillin of Legal Services for Children is serving as the boy's lawyer and said youth fighting deportation are generally only successful if they can prove they are the victim of a crime like trafficking or if they can qualify for asylum. "If your defense is, 'I didn't do anything wrong, that's meaningless", she said* (СОСА).

Лексема *contention*, предполагая объективацию эмфатичности, являющейся одним из концептуальных признаков ассерции, тем не менее, означает противопоставление своей точки зрения: *And the father's contention was the kids seeing their mom in this state, it would be detrimental to them. It would harm them for the rest of their lives* (СОСА). Интерпретация приведенной выше знаковой ситуации позволяет прийти к умозаключению: отец против или не согласен с тем, чтобы дети видели свою маму в таком состоянии.

К лексическим средствам выражения ассерции и негации также можно отнести лексемы – синонимы негации: *blank*, которая объективирует признак категоричности: *The story of a film like Bergen-Belsen Liberation, from its conception to its delayed, partial, and scanty distribution, clearly illustrates the double problematic of these films: an absolute necessity to record a "mechanical" trace of these events, a kind of monument or tomb for the dead, and the difficulty (or blank refusal) of showing these images. For the images have generally been subject to debate as to their effectiveness* (СОСА). Приведенный выше фрагмент дискурса демонстрирует актуализацию признака эмфатичности лексемой *blank*, которая в сочетании с существительным *refusal* предполагает категоричный, твердый отказ.

Opposition (oppose) имеют потенцию к актуализации как правдивых, так и неправдивых точек зрения. Проиллюстрируем сказанное примером: *Obama really does seem to believe that the opposition to his core policies – the creeping nationalization of health care, the effective nationalization of the American automotive industry, the imposition of onerous regulations on energy production, and the expiry of tax cuts that will lead to gigantic effective increases – is not principled. Rather, such opposition deserves to be dismissed as bad faith – the efforts of the status quo, big business, and the politicians in their pockets* (СОСА). В рассматриваемой знаковой ситуации лексема *opposition* вербализует признак противоположности, заключающийся в противопоставлении взглядов на осуществляемые реформы. Те, кто противостоит проводимой политике, уверены в своей правоте, а сам Обама рассматривает такие взгляды как ложные.

Лексемы *renunciation* и *vacuity*, зафиксированные в словарях как вступающие в синонимичные отношения с лексемой-номинантом категории negation, трактуются через синонимы ассерции: *Well, I think the president has left that possibility open. I think he said clearly, if there is a renunciation of weapons of mass destruction, a turning over of those weapons, a allowing the country to be thoroughly searched in all areas, that could avoid war. The problem is, Saddam Hussein has not done that before. He's cheated and lied and manipulated before. He's proven himself to be utterly untrustworthy. So we got a difficult time here in deciding how we can proceed. But he has left the option open for a total renunciation of weapons of mass*

destruction could avoid a conflict (СОСА). В этом дискурсе *renunciation* означает официальную декларацию, предполагающую ввести запрет на производство оружия массового поражения.

К маргинальной зоне относятся глаголы с дуальной семантикой, где отрицание заложено в значении, например: *refuse – not accept, remember – not forget* [11, с. 381]: *"Every year around Valentine's Day the price of roses goes way up. " " We can buy three, "I said, giving Mr. Rico nine dollars. He wrapped three roses in green paper and handed them to me. "Remember to put them in water as soon as you can"* (СОСА). В этом высказывании продавец цветов напоминает главному герою, чтобы он *не забыл* поставить розы в воду как можно скорее.

Лексико-грамматические средства представлены несколькими моделями.

1. Употребление более чем одного отрицательного элемента в предложении.

В отличие от распространенного явления множественного отрицания (Negative Concord [27; 24; 26]), имеющего место в диалектах английского языка, в разговорной речи и очень распространенного вплоть до новоанглийского периода, в данном случае происходит модификация отрицания, предполагающая его частичность или его снятие. Рассмотрим следующее высказывание: *Is there any speaker of English who cannot see that if I call Gwyneth Paltrow 'a not unattractive woman', it's a distinctly feeble and grudging compliment compared with calling her 'an attractive woman'?* [31]. В этом примере двойное отрицание вовсе не означает стопроцентное утверждение. Рассуждая, в чем разница между высказываниями 'a not unattractive woman' и 'an attractive woman', автор обращается к основным значениям слов, непосредственно составляющих словосочетания. Слово 'attractive' используется для утверждения, что кто-то или что-то находится в верхних пределах шкалы привлекательности. Антоним, наоборот, используется для описания людей, занимающих самое нижнее положение в этой шкале. Таким образом, рассуждает автор, сказать 'not unattractive' значит использовать такое описание, которое попросту исключает нижние пределы, что оставляет все, начиная от 45% и до 100% привлекательности. Конечно же, тот, кто употребляет такую фразу, не имеет в виду верхние пределы (90-100%), поскольку в этом случае он бы сказал 'attractive'. Таким образом, 'not unattractive' – выражение, предполагающее тактичный комплимент [31].

2. Употребление отрицательных маркеров для эмфатичности высказывания при актуализации ассерверативного значения в сочетаниях типа *could not be more + adjective; there's nothing like + noun: Could not be more joyous!* (Fielding) или *There's nothing like Yarmouth* (Galsworthy).

В первом примере присутствует эксплицитно выраженное отрицание с помощью отрицательной частицы, однако в целом предложение не носит отрицательного значения, его можно понять, как «She was very joyous».

3. Частичная ассерция / негация, некатегоричная, при этом можно выявить неполноту отрицания, соответствующую понятиям «не без чего-либо, почти» или его гипотетичность, потенциальность, что размывает его границы, приближая по значению к утверждению.

Частичное отрицание / утверждение может реализовываться несколькими способами: no (not) all + adjective, no(not) all + noun, at most + numeral + noun, few + noun, is not the case that [34, p. 2774]: *Thinking moonily about Daniel Cleaver, I ventured that not all men are like Richard* (Fielding). В приведенной выше языковой ситуации, несмотря на употребление отрицательной частицы «not» в предложении, отрицание является частичным, поскольку анализируя его с точки зрения логики, не все S (в языке релевантно подлежащему) имеют данный признак P (что соответствует сказуемому). Так, если бы исходное предложение звучало как «all men are not like Richard», то отрицание здесь было бы категоричным. Интерпретация следующего фрагмента дискурса позволяет прийти к умозаключению, что глубина реки, о которой упоминается, была не более трех метров: *The river was at most three feet deep, barely a river, but even so, the muscular current spun him over and dragged him facedown along the bottom* (COCA).

Согласно анализу фактологического материала, в большем количестве случаев выражение *is not the case that* вводит придаточное предложение, в котором отрицается сама пропозиция при отсутствии в ней языковых средств-репрезентантов поля негации: *We did not solve it then, and so it's coming back to haunt us not only in Somalia, but also in Liberia, Angola, Mozambique, and we Africans have to plan our own solutions to those problems. It is not the case that always the United States or the United Nations has come to Africa to solve our problems for us* (COCA).

4. Структуры no, not, without + *proof, evidence, testimony, verification, corroboration, substantiation, testimonial*.

В таких высказываниях происходит актуализация такого признака ассерции, как бездоказательность, например: *As my reports state, there's no evidence to support the suspicion that Mr. Mustafa has any ties to a terrorist community* (COCA). Употребление отрицательных частиц актуализирует один из понятийных признаков негации.

5. Следующая модель представляет собой использование вводного *it* в сочетании с глаголом-связкой *be* и предлогами *it* + (*be*+ *since, before*), употребляющимися для обозначения периода, в течение которого действие не происходило: *It is three years since I've scored for England* или *It was 18 days before Margaret finally decided* [30, p. 295].

К грамматическим средствам выражения маргинальных значений относятся:

а) сложноподчиненные предложения, где в главном предложении имеется ассервативный глагол, а придаточное содержит отрицание или наоборот: *I'm sure it's not at all the proper thing to say at such a moment* (Kenneth, 35);

б) мнимоотрицательные конструкции [10], которые представляют собой предложения нереального условия, сравнения, желания: *I accepted a job at a fast-growing San Francisco firm that suited me well, but with each year it seemed that the treadmill picked up pace, until I was sprinting, working 50- to 60-hour weeks, feeling as if I could never catch my breath* (СОСА).

В упомянутых выше конструкциях происходит актуализация признака неправдивости, заложенного в форме глагола *could*, сравнение происходит в плоскости нереальности, но при этом объективируется один из признаков ассерции – эмфатичность.

Основываясь на данных проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что существует особая переходная зона между функционально-семантическими полями *assertion / negation* в английском языке, которую формируют разноуровневые единицы, способные актуализировать не только признаки концепта *assertion*, но и концепта *negation* в пределах одной категориальной ситуации.

Наличие маргинальной зоны категорий *assertion / negation* дает основания рассматривать их как семантически сопряженные, то есть способные «сближаться и переходить одна в другую в определенных ситуациях» [17, с. 80].

Список литературы

1. Амиров А. Т. Имплицитное отрицание в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981.
2. Андреева М. В. Грамматическая категория отрицания и ее стилистические потенции в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974.
3. Афанасьев П. А. Выражение подтверждения и отрицания в ответных репликах в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966.
4. Байкова З. М. Лексико-грамматическое поле, объединенное модальным значением уверенности (подтверждения) в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1985.
5. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. – М.-Тамбов, 2009. – Вып. 4. Концептуализация мира в языке. – С. 25–77.
6. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978.
7. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984.
8. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). – М.: Языки славянской культуры, 2002.
9. Владимирская Л. М. Философско-лингвистический потенциал категории утверждения / отрицания в современном немецком языке: учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997.

10. Грачева О. В. Мнимоотрицательные конструкции и их роль в английском тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02. – М., 2001.
11. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
12. Зупарходжаева Д. А. Коммуникативная функция отрицания в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986.
13. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. – М.–Тамбов, 2009. – Вып. 4. Концептуализация мира в языке. – С. 11–24.
14. Максимов В. Д. Диалогические единства отрицательно-побудительного типа в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978.
15. Малинович М. В. Модус причинности в концептосфере «Человек» // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I междунар. научн. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 712–719.
16. Малинович Ю. М. Семиосфера культуры в антропологической лингвистике // Номинация. Предикация. Коммуникация: сб. статей к юбилею проф. Л. М. Ковалевой / отв. ред. проф. А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. – С. 227–253.
17. Малинович Ю. М. Философия семантически сопряженных категорий бинарной оппозиции // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Материалы X междунар. научно-практ. конф. 14 – 18 июня 2005 г. – Иркутск, 2005. – С. 70–82.
18. Мانتыева Б. А. Отрицание в понятийной и языковой картине мира в личностном и художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2006.
19. Минкин Л. М. Категория отрицания в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1963.
20. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1988. – С. 8–69.
21. Сызранцева Л. М. Отрицание в семантической структуре предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995.
22. Шуткина Л. Н. Категория отрицания во фразеологии современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988.
23. Юхт В. В. Общеотрицательное предложение в монологической системе (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1983.
24. Anderwald L. Negative Concord in British English Dialects // Aspects of English Negation / ed. by Yoko Iyeiri. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. – P. 113–139.
25. Bernini G. Negative sentences in the Languages of Europe – A typological approach. – Berlin–NY: Mouton de Gruyter, 1996.
26. Cambridge History of English Language. – Vol. II 1066 – 1476 / ed. by N. F. Blake, R. M. Hogg. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
27. Hey J. Dialects of English. New Zealand English / J. Hey, M. MacLagan, E. Gordon. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press Ltd, 2008.
28. Horn L. R. A Natural History of Negation. – Chicago–London: The Univ. of Chicago Press, 1989.
29. Klima E. S. Negation in English // The structure of language / ed. by J.A. Fodor, J. J. Katz. – Englewoods Cliffs, N.J.: Prentice–Hall, 1964. – P. 246–323.

30. Modality in English. Theory and description / ed. by Raphael Salkie, Pierre Busuttil, Johan van der Auwera. – Berlin–NY: Mouton de Gruyter, 2009.
31. Pullum G. Giving up on double Negation. – [Electronic resource]: <http://www.abc.net.au/rn/arts/ling/stories/1f981010.htm>.
32. Saury J.-M. The phenomenology of Negation and its expression in Natural Language. Gothenburg monographs in linguistics 27. – Göteborg: Intellecta DocySys, 2004.
33. Smith S. B. Meaning and negation. – Paris: Mouton, 1975.
34. The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. by R. E. Asher. – Oxford-NY-Seoul-Tokyo: Pergamon Press, 1994. – Vol. 5.

Список использованных словарей и сокращений

1. DC – Dictionary com. Based on the Random House Dictionary (Unabridged): Random House, Inc., 2006. – [Electronic resource]: <http://www.dictionary.reference.com> (дата обращения: 26.06.09).
2. Encarta – Encarta World English Dictionary. North American Edition. – [Электронный ресурс]: <http://encarta.msn.com/encnet/features/dictionary/dictionaryhome.aspx>.

Список источников примеров

1. COCA – Corpus of Contemporary American English. – [Electronic resource]: <http://corpus.byu.edu/coca/>.
2. Fielding H. Bridget Jones's Diary. – NY: Viking, 1998.
3. Galsworthy J. The Forsyte Saga. – [Electronic resource]: <http://www.gutenberg.org/etext/2559> (дата обращения: 12.07.2009).
4. Kenneth G. The Wind in the Willows. – М.: Progress, 1976.

Концептуальное содержание английских предложений структурного типа $SPO_{Ind.O_{Dir}}$.

В статье рассматривается план содержания английских предложений, построенных по модели $SPO_{Ind.O_{Dir}}$. В соответствии с лингвокогнитивным подходом к анализу языковых единиц исследуется выражаемая данными предложениями типовая пропозиция и соответствующий синтаксический концепт, выявляется инвариантное содержание пропозиции и ее варианты.

The article explores the content plane of the $SPO_{Ind.O_{Dir}}$ sentence type in the modern English language. In accordance with the lingual-cognitive approach to sentence analysis, the author studies the typical proposition expressed by this sentence type, formulates the corresponding syntactic concept, reveals the propositional invariant and variants.

Ключевые слова: ситуация, типовая пропозиция, синтаксический концепт, инвариант и варианты пропозиции, прототипический вариант пропозиции.

Key words: situation, typical proposition, syntactic concept, propositional invariant and variants, prototypical propositional variant.

Интерес к исследованию языковых средств трансляции концептов и в целом к изучению взаимодействия языка и мышления, процессов познавательной деятельности человека, которые не доступны прямому наблюдению, но результаты которых находят отражение в языке, не ослабевает. Вместе с тем внимание лингвистов традиционно привлекают вопросы, связанные с изучением предложения как сложного явления, обладающего определенными формальными и содержательными характеристиками – планом выражения и планом содержания. В лингвистических работах последних лет соотношение плана выражения предложения и плана его содержания рассматривается с позиций когнитивного подхода, в рамках которого в процессе формирования смысла предложения центральное место отводится антропоцентрическому фактору. Планом выражения предложения признается некоторый структурный образец, модель, или схема, а план содержания предложения определяется в терминах концептов [7]. В настоящей статье рассматривается концептуальное содержание предложений структурного типа $SPO_{Ind.O_{Dir}}$, то есть предложений, в состав которых помимо подлежащего и сказуемого входят два беспредложных дополнения – прямое и косвенное: I gave him a large cheque (Murdoch); He handed Ralph the conch (Golding), War brings people suffering (Longman) и т.п.

Исследуя концептуальное содержание предложений этого типа, будем исходить из следующих положений. План содержания предложения составляет информация о типе описываемой предложением ситуации действительности – предметах и связывающем их отношении. Эта «информация» в соответствии с логической традицией в исследования семантики предложения получает название пропозиции [1; 2; 5; 6; 8; 11; 15; 18], а в лингвокогнитивной терминологии представляется как синтаксический концепт [3; 4; 13]. Пропозиция конкретного предложения не равна пропозиции, выражаемой структурной схемой, то есть типовой пропозиции. Типовая пропозиция, в отличие от пропозиции конкретного предложения, содержащего конкретные лексические единицы, охватывает класс предложений и отражает не индивидуальную ситуацию, а некоторый тип ситуации – один из выделенных человеческим сознанием классов отношений, для обозначения которого в языке выработан определенный тип синтаксической структуры [9]. Квалификация же ситуации реальной действительности как того или иного типа отношения осуществляется говорящим в соответствии с психологическими законами восприятия информации, получаемой из внешнего мира. В этом смысле пропозиция и синтаксический концепт антропоцентричны: одни и те же ситуации объективной действительности могут быть представлены говорящим как разные типы отношений и соотнесены с разными концептами. Концептуальные различия проявляются в различиях, используемых для вербализации концепта структурных схем.

Рассмотрим план содержания предложений структурного типа $SPO_{Ind.}O_{Dir.}$. Для этого выявим набор глубинных смыслов, соответствующих обязательным участникам концептуализируемой ситуации и передаваемых компонентами данной структурной модели, и сформулируем типовую пропозицию, образуемую этими смыслами. В формулировке отразим комплекс тех признаков, которые остаются неизменными во всех конкретных реализациях пропозиции в разнообразных высказываниях речи, то есть сформулируем инвариант содержания предложений, построенных по модели $SPO_{Ind.}O_{Dir.}$. Инвариантным содержанием предложений рассматриваемого типа будем считать пропозицию «Некто/нечто делает кому-либо/чему либо что-либо». Именно это предельно обобщенное содержание «охватывает» содержание многообразных конкретных высказываний, построенных по схеме $SPO_{Ind.}O_{Dir.}$, в которых данная пропозиция может иметь, например, вид «Некто передает кому-либо что-либо», «Некто причиняет кому-либо что-либо», «Некто сообщает кому-либо что-либо», «Некто спрашивает у кого-либо что-либо» и т.п. Синтаксический концепт, который соответствует данной типовой пропозиции, условно назовем «присваивание предмету другого предмета/отчуждение предмета».

Все глубинные смыслы, входящие в типовую пропозицию («некто»/«нечто», «делает», «кому-либо»/«чему либо», «что-либо»), получают

обязательное эксплицитное выражение в стилистически нейтральных, неэмоциональных высказываниях, построенных по структурной модели $SPO_{Ind.}O_{Dir.}$. Эти элементы пропозиции соотносятся с обязательными участниками осмысливаемой ситуации действительности, минимально необходимыми для того, чтобы данный тип ситуации мог иметь место. В качестве факультативных компонентов в пропозицию могут входить компоненты «посредством чего-либо», «для кого/чего-либо», «за что-либо», «куда-либо/откуда-либо»: *She sent him a letter via e-mail, We gave her flowers for her birthday, She gave the porter a dollar for carrying her suitcase, She sent him a letter to/from Jamaica.* Факультативные элементы пропозиции отражают необязательных партиципантов ситуации, наличие или отсутствие которых не влияет на тип отношения между предметами; соответственно, наличие или отсутствие факультативных элементов в пропозиции предложения не является определяющим для его общего концептуального содержания.

Рассмотрим варианты типовой пропозиции «Некто/нечто делает кому-либо/чему либо что-либо». Как показывает анализ имеющегося фактического материала, многочисленные конкретные предложения структурного типа $SPO_{Ind.}O_{Dir.}$ по своему содержанию, прежде всего, могут быть подразделены на две большие группы. К первой группе относятся предложения, пропозиция которых имеет вид «Некто передает (присваивает) кому-либо что-либо», а ко второй – предложения с пропозициональной структурой, которую условно можно сформулировать как «Некто забирает (отчуждает) у кого-либо что-либо». Некоторые предложения, выражающие данные типовые пропозиции, связаны конверсивными отношениями: обозначаемые ими ситуации являются «обратными» друг к другу, субъект одной может стать объектом другой и наоборот, ср.: *She told him something – He asked her something.* С другой стороны, обозначаемые ситуации могут быть не обратимыми, но противоположными, взаимоисключающими, антонимичными: *They granted him that favour – They refused him that favour.* В любом случае, ситуации можно считать противопоставленными, образующими пары противопоставленных единиц, и соответствующие пропозиции удобно рассматривать, разделив их на две части.

Выделим основные варианты концептуального содержания предложений, выражающих пропозицию «Некто присваивает кому-либо что-либо». Прежде всего, определим его прототипический вариант, следуя распространенному пониманию прототипа как наиболее типичного, «яркого» представителя некоего класса, реализующего его свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, самого его «репрезентативного» образца (см. определение прототипа в: [16; 19]). Наиболее типичным, ярким и изначальным воплощением ситуации действительности, думается, является ситуация, в которую вовлечены конкретные предметы – субъекты или объекты конкретного физического действия или состояния.

Поэтому под прототипическим вариантом синтаксического концепта будем понимать ментальное отражение конкретной, чувственно-воспринимаемой ситуации, участниками которой являются конкретные предметы, связанные конкретным отношением. Таким вариантом пропозиции «Некто присваивает кому-либо что-либо» является пропозиция «*Некто передает кому-либо что-либо*». Данная типовая пропозиция отражает ситуацию, в которой некоторым лицом (конкретным одушевленным предметом) некоторому другому лицу передается (при непосредственном физическом контакте или физическом контакте, опосредованном инструментом) материальный, конкретный предмет. Например: I'll give you the key (Murdoch), Give me the conch and stay still! (Golding). Помимо ядерного варианта с глаголом *give*, в семантику которого не входят дополнительные компоненты, так или иначе отдаляющие обозначаемую ситуацию от прототипической ситуации передачи предмета, в исследуемом материале обнаруживаются примеры предложений со сказуемым, которое выражено глаголами с дополнительными компонентами значения. Содержание конкретных высказываний с глаголами, в семантике которых вычленяется сема «передача» и дополнительные дифференциальные семы, может быть представлено в различных разновидностях. Так, например, содержание предложений типа Lend me your scissors a second, willya? (Salinger); I almost didn't lend him my sweater (Salinger) можно сформулировать следующим образом: «Некто передает кому-либо что-либо во временное пользование», или «Некто одалживает кому-либо что-либо» (ср. *lend* – «to permit the use of (something) with the expectation of return of the same or an equivalent» (Collins)). В отражаемых данными предложениями ситуациях субъект передает другому лицу материальный предмет на некоторое время с последующим его возвращением. А содержание предложений, например, наподобие The young lady handed him some letters можно выразить в виде формулы «Некто передает кому-либо что-либо рукой (руками)» (ср.: *hand* – «to transmit or offer by the hand or hands» (Collins)) и т.д.

Аналогичным образом дополнительное содержание выражается предложением благодаря употреблению глаголов *bring*, *pass* и других. Так, в случае употребления глагола *bring*, предложение сообщает о ситуации, в которой некто передает кому-либо предмет, доставляя его из некоторого другого места. Сравним словарное толкование глагола *bring* – «to carry, convey, or take (something or someone) to a designated place or person» и, далее, на следующем шаге дефиниционного анализа толкование глагола *convey* – «to take, carry, or transport from one place to another» (Collins): *Henry brought him a shell and he drank* (Golding). Пропозиция этого предложения имеет вид «Некто приносит кому-либо что-либо». В случае употребления глагола *pass*, как и при употреблении глагола *hand*, предполагается изначальное наличие некоторой дистанции между

передаваемым предметом и адресатом, но в отличие от предложений с глаголом *hand*, в семантику которых водит «инкорпорированный» инструмент, в предложении не уточняется, используется ли для осуществления действия передачи инструмент. Более значимым для говорящего оказывается передаваемый предмет, его движение (из некоторой исходной точки, по некоторой траектории) по направлению к адресату: *She passed Sarah her Bible and made her read* (Fowles).

В предложениях, построенных по модели $SPO_{Ind.O_{Dir}}$ и выражающих пропозицию «Некто передает кому-либо что-либо», также употребляются глаголы, в семантику которых компонент «передача» не входит, например: *...the guy who's going to be throwing me the ball* (Rodriguez). Глагол в этом случае приобретает контекстуальное значение передачи благодаря употреблению в предложении структурного типа $SPO_{Ind.O_{Dir}}$, «предназначенном» для отображения ситуации передачи предмета. Способность глаголов приобретать данное значение объясняется наличием в их семантике сем «движение», «перемещение» и подобных: *throw* – «to project or cast (something) through the air; to put or move suddenly, carelessly, or violently» (Collins). В целом же подобные примеры свидетельствуют о том, что именно значение структурной модели, но не отдельных лексических единиц, составляющих предложение, определяет его содержание.

Помимо ситуации передачи, при которой имеет место непосредственный или опосредованный иным предметом контакт между участниками ситуации, предложения рассматриваемого типа отражают ситуации, в которых прямой контакт между конкретными предметами отсутствует. Такие ситуации не являются прототипическими. Непрототипические ситуации весьма многообразны и различаются по степени абстрактности. Приведем примеры основных типов таких ситуаций и примеры соответствующих пропозиций.

«Некто передает кому-либо что-либо на расстоянии» («Некто посылает кому-либо что-либо»). В соответствующей ситуации непосредственный контакт между субъектом и «адресатом» отсутствует. Некоторое лицо передает материальный предмет другому лицу, находясь от него на некотором расстоянии: *My grandmother'd just sent me a wad about a week before* (Salinger).

«Некто передает кому-либо что-либо за деньги» («Некто продает кому-либо что-либо»). Данная пропозиция также отражает ситуацию, в которой непосредственный контакт между участниками может отсутствовать: *When are you going to sell me that car?* (Fitzgerald).

«Некто передает кому-либо часть своих ресурсов». Особенность отражаемой ситуации заключается в том, что субъект «передает» адресату (единство времени и места, непосредственный контакт с адресатом при этом также может отсутствовать) некоторый предмет, являющийся частью имеющихся у субъекта ресурсов, которую он может израсходовать: *Can*

you spare me a cigarette? (Lingvo)?; *Can you spare me a few minutes?* (Lingvo); *Could you spare me £10?* (Lingvo); *Spare me a little of your love* (Fleetwood).

«Некто передает кому-либо результат действия» («Некто делает для кого-либо что-либо»). Субъект совершает конкретные физические действия для бенефицианта, которому передается материальный результат действия субъекта. Например: *She poured him a bowl of coffee* (Hemingway); *Could you make me some tea?* (Murdoch); *I guess I'll go get my Renny and shoot myself a trespasser* (King); *Just write me a note to keep your hand in* (Snow); *I'm gonna buy me a dog, cause I need a friend now* (Monkees); *Could you knit me a sweater?* (Green); *Now of course there's no reason why you can't just sew him some great clothes* (Peter); *Hagar bore Abraham a son, Ishmael* (The Genesis, 16)¹. Конкретные ситуации, соответствующие пропозиции «Некто делает что-либо для кого либо», весьма разнообразны и могут быть далее дифференцированы на основании типа осуществляемого действия и получаемого результата. Как и в случае с предложениями, выражающими пропозицию «Некто передает кому-либо что-либо», в предложениях, имеющих данное пропозициональное содержание, употребляются глаголы, значение которых не связано с ситуацией передачи; концептуальное содержание предложений определяется не семантикой глагольного предиката, а содержанием его структурной модели.

Предложения, объективирующие непрототипические разновидности концепта «присваивание предмету другого предмета», нередко имеют метафорическое (в языковом, но не (но не только) в образно-стилистическом плане) содержание: в них ситуации передачи конкретного предмета одним лицом другому уподобляются разнообразные абстрактные, непосредственно не наблюдаемые типы отношений. Это подобие «закрепляется» в языке за счет регулярного употребления для отражения абстрактных ситуаций структурной модели с двумя дополнениями; глагольный предикат приобретает соответствующую устойчивую семантическую и синтаксическую валентностные модели. Для отражения абстрактной ситуации используется структурная модель, которая изначально, очевидно, была «создана» для сообщения о чувственно-воспринимаемой конкретной ситуации, но со временем, по мере осмысления абстрактных ситуаций, приобрела способность выражать и более отвлеченное содержание. На уровне структурной модели предложения, таким образом, реализуется механизм «концептуальной (когнитивной) метафоры» [17].

В исследуемом материале были выявлены следующие основные типы метафорического содержания предложений структуры $SPO_{Ind}O_{Dir}$.

¹ Ср. также названия популярных американских песен: *Cry me a river* (написана в 1953 году Артуром Гамилтоном), *Buy Me a Rose* (исполнена Кенни Роджерсом в 1999 году).

«Некто обучает кого-либо чему-либо». Предложение имеет содержание, которое условно можно сформулировать как «передача знания о предмете» («передача абстрактного предмета через обучение» и т.п.): *They will teach her the work* (Hemingway); *Someone had once attempted to teach herself embroidery* (Fowles);

«Некто разрешает кому-либо что-либо». Данная пропозиция отражает ситуацию, в которой некоторое лицо разрешает, позволяет что-либо, предоставляет себе либо другому лицу нечто абстрактное: *Mr. Loxias allowed me this privilege* (Murdoch); *The doctor permitted himself little freedoms of language* (Fowles); *They granted him a patent* (Lingvo);

«Некто сообщает кому-либо что-либо». В данном метафорическом виде содержания типовой пропозиции можно выделить несколько подвидов:

а) «Некто сообщает устно кому-либо что-либо»: “*How can you tell me that*”, *I said* (Murdoch); *Elizabeth declared Mr. Collins her resolution* (Austen);

б) «Некто сообщает письменно кому-либо что-либо»: *He wrote me a few words about himself* (Lingvo);

в) «Некто сообщает визуально кому-либо что-либо»: *The tangle of lines showed him the mechanics of this parody* (Golding).

«Некто предлагает/обещает кому-либо что-либо»: *I suppose I have to offer him a drink* (Hemingway); *Was it not gospel that Mr. Charles had promised him a loan* (Fowles).

«Некто советует кому-либо что-либо»: *She recommended me a good dictionary* (Lingvo); *Advise me a good Nokia Phone* (Mr Miyagi).

«Некто поручает (назначает) кому-либо что-либо»: *They assigned us a very difficult mission* (Lingvo); *They assign the tourists their cars* (Lingvo).

«Некто / нечто сберегает кому-либо что-либо» («Некто сохраняет кому-либо какие-либо ресурсы»). С данной пропозицией соотносится ситуация, в которой некоторое лицо (или явление, ситуация) сохраняет для другого лица, сберегает от расходования некоторый ресурс: *It saves you one hour* (Lingvo); *I'll save you all my kisses* (Burns, Coy); *A home equity loan however, can save you quite a bit of money* (Branias).

«Некто / нечто причиняет кому-либо что-либо». Пропозиция отражает ситуацию, в которой действующий субъект (как одушевленное лицо, так и некоторая неодушевленная сила) причиняет другому лицу ощущения (физические, эмоциональные, вызывает чувства, эмоции и т.п.). Например: *I don't want to cause her pain* (Murdoch); *The idea of this caused him torment* (Murdoch).

«Некто прощает кому-либо что-либо»: “*Then you forgive me my sin?*” (Fowles); *Deep in himself he forgave her her unchastity* (Fowles).

«Некто желает кому-либо чего-либо». В описываемой ситуации некоторое лицо желает, чтобы другое лицо обладало каким-либо предметом,

свойством, состоянием: *She wished me a lot of luck with the operation and all* (Salinger); *It remains to wish you both every happiness* (Murdoch).

Весьма многочисленные примеры иллюстрируют собой случаи, когда некоторые абстрактные сущности уподобляются конкретным предметам (случаи реализации универсальной языковой метафоры абстрактная сущность – дискретный объект (конкретный предмет) по Дж. Лакоффу и М. Джонсону [17]). Так, можно привести ряд примеров, в которых «передаваемый» объект является абстрактной сущностью, такой, как время, мысль, знание, представление, чувство, ощущение: *Look, I'll give you ten minutes* (Murdoch); *Give me an example* (Murdoch); *You could give me sort of tutorials on them* (Murdoch). В этих случаях метафорическому осмыслению подвергаются отдельные элементы ситуации, однако в целом связывающий их тип отношений, будучи абстрактным, не отличается от типа отношения, устанавливающегося между конкретными предметами. Поэтому в данных случаях вряд ли можно говорить о реализации метафоры на уровне предложения.

Рассмотрим теперь варианты концептуального содержания предложений, содержательным инвариантом которых является пропозиция «Некто отчуждает у кого-либо что-либо». Сначала определим прототипический вариант пропозиции. Основываясь на принимаемом в статье понимании прототипа, можно предположить, что в качестве прототипического варианта анализируемой пропозиции выступает пропозиция «Некто забирает у кого-либо что-либо». Данная пропозиция отражает ситуацию, в которой некоторое одушевленное лицо забирает у некоторого другого лица материальный конкретный предмет, и является антонимичной по отношению к пропозиции «Некто передает кому-либо что-либо». Однако в исследуемом материале не было выявлено примеров, в которых бы данная гипотетически выделенная пропозиция объективировалась в конструкции с двумя беспредложными дополнениями (ср.: «I will return the cities my father took from your father», Ben-Hadad offered (Kings)). Было выявлено большое количество примеров, в которых предложения с двумя беспредложными дополнениями и инвариантным содержанием «Некто отчуждает у кого-либо что-либо» отражают разнообразные непрототипические ситуации – ситуации разной степени абстрактности (They asked me a question; They charged me 20 dollars; It took me 20 minutes to get there и т.п.). Можно предположить, что изначально в английском языке и конкретная физическая ситуация отчуждения предмета могла быть выражена структурной схемой $SPO_{Ind}O_{Dir}$, поскольку в первую очередь, в соответствии особенностями развития человеческого мышления, осмыслению и закреплению в языковых единицах подлежат физические чувственно-воспринимаемые ситуации, а затем уже, вследствие своеобразного переноса, эти единицы приобретают способность сообщать и об абстрактных, непосредственно не

наблюдаемых ситуациях. Однако в современном английском языке эта ситуация выражается другими структурными схемами, предложениями, которые имеют несколько иное концептуальное содержание.

Приведем основные непрототипические метафорические варианты пропозиции «Некто отчуждает у кого-либо что-либо», соотносящиеся с отвлеченными ситуациями.

«Некто требует от кого-либо чего-либо в качестве платы»: *They charged me five bucks for it* (Salinger). Данная пропозиция отражает ситуацию, в которой действуют одушевленные лица и отчуждается как конкретный, так и неконкретный предмет, но само действие отчуждения не обладает прототипическими характеристиками – может отсутствовать контакт между участниками, единство времени и места, а действие не является физическим.

«Некто/Нечто затрачивает ресурсы кого-либо» («Нечто стоит кому-либо чего-либо»): *It takes me two hours to get home* (Lingvo); *The way to the mountains took Jordan half of the day* (Hemingway); *This cost him a lot of effort* (Lingvo); *That one mistake almost cost him his life* (Lingvo).

«Некто избавляет кого-либо от чего-либо». В соответствующей ситуации одно лицо «избавляет» другое от чего-либо нежелательного, обременительного, вызывающего негативные эмоции: *It was a horrible accident. Please spare me the details* (Lingvo); *Luckily, I was spared the embarrassment of having to sing in front of everyone* (Lingvo). Стоит заметить, что глагол *spare* употребляется здесь в ином, можно сказать, противоположном значении, нежели чем в примерах, приведенных выше (ср.: *Can you spare me a cigarette?*). Очевидно, этот случай иллюстрирует собой проявление энантисемии.

Также предложениями рассматриваемого структурного типа выражаются следующие абстрактные пропозиции, входящие в объем пропозиции ««Некто отчуждает у кого-либо что-либо»»:

«Некто запрещает кому-либо что-либо»: *It was not only that he forbade himself the luxury of a vain nostalgia* (Fowles);

«Некто отказывает кому-либо в чем-либо»: *They refused him access* (Lingvo);

«Некто спрашивает у кого-либо что-либо»: *And he asked me my name and address* (Fitzgerald); *She asked him the time of the train* (Lingvo);

«Некто испытывает отрицательное отношение к наличию у кого-либо чего-либо»: *I envied Arnold his success as a writer* (Murdoch).

Как можно заметить, приведенные типы пропозиций составляют пары с рядом вариантов пропозиции «Некто присваивает кому-либо что-либо». Также возможна их дальнейшая дифференциация с учетом тех или иных характеристик осуществляемого действия и его участников.

Выражая ряд конкретных пропозиций, предложения структурного типа $SPO_{Ind}O_{Dir}$, таким образом, служат для обозначения многообразных си-

туаций действительности, которые восходят к прототипической ситуации передачи предмета одним лицом другому и составляют неотъемлемый фрагмент мира, осмысленного носителем английского языка.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л., 1977.
3. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 1999.
4. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (К вопросу о его формировании): дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2003.
5. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988.
6. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972.
7. Кузьмина С. Е. Исследование семантики предложения в концептуальном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 92–96.
8. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985.
9. Попова З. Д. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как однопорядковые знаки пропозитивных концептов // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти В. А. Белошапковой. – М.: Индрик, 2001. – С. 216–226.
10. Синеокова Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2003.
11. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. (Семиологическая грамматика). – М., 1981.
12. Сусов И. П. Семантическая структура предложения: на материале простого предложения в современном немецком языке. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1973.
13. Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2004.
14. Чейф У. Значение и структура языка. – М., 1975.
15. Fillmore Ch. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory / ed. by E. Bach and R. Tarns. – N.Y.–London–Toronto, 1968. – P. 1–88.
16. Givón T. Prototypes: Between Plato and Wittgenstein // Noun classes and categorization: proceedings of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983 / ed. by C. Craig. – A.; Ph.: Benjamins, 1986. – P. 77–102.
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
18. Lyons J. Linguistic Semantics: an Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
19. Rosch E. Natural categories // Cognitive Psychology. – 1973. – Vol. 4. – P. 328–350.

Структурно-семантические модели паремий в русском языке

В статье рассматриваются структурно-семантические модели паремий, представленные в паремиологическом фонде русского языка. Автор анализирует 10 моделей и рассматривает их в процентном отношении, используя метод сплошной выборки.

The article scrutinizes structural and semantic models of proverbs, represented in the paremiological sphere of the Russian language. The author points out ten models and analyses them in percentage, using the method of continuous sampling.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвофольклористика, паремиологический фонд, продуктивная модель.

Key words: ethnolinguistics, lingvofolkloristics, paremiological sphere, productive model.

Истоки антропоцентричности восходят к лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, согласно которой язык делает человека человеком. Именно в языке скрываются огромные силы, таящие в себе возможность реализовать творческий потенциал человека. Ученый рассматривал язык как форму выражения народного духа. Другим основоположником современного учения о языковой картине мира является немецкий ученый И. Гердер, высказавший идею о неразрывной связи языка с культурой. И. Гердер характеризовал язык как важнейший компонент национального духа. В начале XX века идеи И. Гердера и В. Гумбольдта получили новое направление в русле зародившейся этнолингвистики (Ф. Боас, Э. Сэпир, Б. Уорф). Суть этнолингвистического подхода состоит в том, что главные ценностные ориентиры этноса оказывают решающее влияние на формирование языковой картины мира данного народа.

Языковая картина мира (ЯКМ) воспринимается по-разному. Это может быть вербально выраженный результат духовной активности человека как общественного существа [7, с. 11]; изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, представляющего материальную и духовную жизнедеятельность человека и всё, что его окружает [8, с. 15]. «Языковая картина мира – это особое образование, которое участвует в познании мира и задает образцы интерпретации воспринимаемого; «своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие», которая влияет на членение опыта и видение ситуации «через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего в себя не только ог-

ромный корпус единиц номинации, но и ... правила их образования и функционирования» [1]. Важным представляется решение вопроса о соотношении объективного и субъективного факторов в языке. Специфика ЯКМ заключается в том, что в фокусе внимания оказывается взгляд человека/этнoса на действительность и особенности языковых систем на структурном уровне. При исследовании ЯКМ необходимо учитывать как универсальный компонент ЯКМ, так и отличительные черты ЯКМ.

В настоящее время отмечается возрастание роли антропоцентрического, культурологического и когнитивного подходов к изучению языка, поскольку они являются источником сведений о базовых структурах знания. В этом аспекте важной составляющей ЯКМ представляется понятие паремиологического фонда языка. Именно в нем актуализируются составляющие мировоззрения и культуры, фиксируются нравственные оценки окружающей действительности.

Немаловажное значение для науки имеют идеи когнитивной и культурологической лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, Г. И. Богин, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, Т. Ван Дейк, Р. Джекендоф, Е. В. Иванова, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Д. С. Лихачев, В. И. Постовалова, Э. Рош, Е. И. Селиверстова, Ю. С. Степанов, Ч. Филлмор, А. Ченки, и др.). Анализу подвергались различные аспекты фразеологического и паремиологического в языке как в структурном отношении, так и в аспекте культурного осознания мира через язык. Ряд проблем, связанных с природой, семантическими и структурными особенностями пословицы, остается по-прежнему нерешенным.

Обширная и сложная масса разнообразных высказываний народа о своей внутренней и внешней жизни во всех её проявлениях включается в поле фольклора, которое В. В. Лесевич описывал как общую совокупность народного знания – всё то, что знает народ по преданию. Сюда относятся басни, сказки, легенды, сказания, песни, загадки, детские игры и присказки, знахарство, ворожба, свадебные и иные обряды, метеорологические и иные приметы, пословицы и поговорки. Характерно понимание фольклора как «древнейшего фазиса» культуры, сохраняющего свои следы и своё влияние в современности: в нём «исторические основы всего того, из чего складывается наша духовная жизнь, того, что бесчисленными нитями пронизывает жизнь окружающего нас большинства и властвует над его умами» [2, с. 334].

В течение XX века паремии рассматривались в лингвистическом, историко-культурном и литературоведческом аспектах. Их изучали с точки зрения диалектологии и фольклора, причём анализировалась в основном структура паремий. В русской школе идеи структурализма получили блистательное развитие в трудах отечественного лингвиста и фольклориста Г. Л. Пермякова [3], с работ которого структурная паремиология зародилась как специальная научная дисциплина. По мнению многих исследова-

телей, паремия является объектом для лингвокультурологического анализа в силу своего фольклорного происхождения. Связь между объективными условиями жизни и конкретными обстоятельствами реальной материальной, социальной и моральной жизни неизбежно находит свое выражение в языке и в части паремиологии.

Неоднородность фольклорной культуры и наличие в качестве подсистем отдельных жанров со своей спецификой организации текста и функционирования в обществе обусловили формирование нового направления – лингвофольклористики. Основная цель лингвофольклористики – это выявление функциональных особенностей языковой структуры в фольклорном произведении. Становление и развитие этой науки связано с именами В. П. Аникина, П. Г. Богатырева, Я. И. Гин, А. Б. Евгеньевой, В. В. Колесова, В. В. Митрофанова, И. А. Оссовецкого, Н. И. и С. М. Толстых, З. К. Тарланова, А. Т. Хроленко и др.

Пословицы близки друг другу в разных отношениях, по разным параметрам. Пословицы структурируются и функционируют в многомерном паремиологическом пространстве, которое, вслед за Е. И. Селиверстовой, мы рассматриваем как систему пословиц, связанных различными типами отношений. Паремиологическое пространство охватывает парадигматику самих паремий и их составляющих и выходит за ее пределы, обнаруживая разные степени общности и различия на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом), а также единиц иного порядка – с одной стороны, более дробных (общих формульных фрагментов, типичных паремийных компонентов, структурных моделей единиц) и, с другой, – более обобщенных, «надпословичных» (паремийных конденсатов) [4, с. 4]. Пословицы как единицы паремиологического фонда могут быть рассмотрены как минимальные устойчивые в языке и воспроизводимые в речи тексты, логически законченные высказывания (клише замкнутого типа), представляющие собой простое или сложное предложение и подчиняющиеся законам синтаксической структуры языка, имеющие рекомендательную силу и комментирующий характер [4, с. 4]. Пословицы широко представлены в современной речи, их использование объясняется тем, что они придают особый колорит, реализуя коммуникативную, эмоциональную и воспитательную функции языка. Большинству пословиц присущ переносный смысл, основанный на обобщении единичных фактов, что часто допускает расширительное толкование пословиц даже с прямой мотивировкой значения. В них может быть отражен индивидуальный опыт автора, ибо сам автор может выступать в качестве объекта познания [9, с. 19]. При изучении паремий интерес представляет вопрос, касающийся их грамматических особенностей. Взяв за основу словарь «Русские пословицы и поговорки» под ред. В. П. Аникина (1988), мы исследовали материал на предмет выявления структурных особенностей паремий. Методом сплошной выборки выделены 10 моделей паремий с различными компонентами. Каждая мо-

дель представлена в количественном и процентном отношении. Рассмотрим 10 типов моделей.

Модель 1 «кто – тот» (193 – 38,6 %): *Кто ищет, тот найдёт; Кто не работает, тот не ест; Кто бежит, тот и догоняет; Кто без призора в колыбели, тот весь век при деле; Кто больше служит, тот больше тужит; Кто в горе руки опускает, тот счастья никогда не узнает; Кто в море бывал, тот лужи не боится; Кто в небо глядит, тот без хлеба сидит; Кто в понедельник бездельник, тот и во вторник не работник; Кто виноват, тот и кается; Кто согрешит, тот и мается; Кто встал до дня, тот днем здоров.*

Модель 2 «где – там» (85 – 17,0 %): *Где беде быть, там её не миновать; Где вино, там и горюшко; Где выросла сосна, там она и красна; Где гнев, там и милость; Где говорят деньги, там молчит совесть; Где здоровье, там и красота; Где любовь да совет, там и горя нет; Где счастье, там и радость; Где дурная голова, там ногам трудно; Где дым, там и огонь; Где живет, там и слывет; Где квас, там и гуца; Где лад, там и клад; Где конь, там и седло; Где любовь, там и совесть.*

Модель 3 «как – так» (71 – 14,2 %): *Как аукнется, так и откликнется; Как бог смотрит на слепого, так и слепой на бога; Как бы всякое зерно в сусек попадало, так много бы хлеба было; Как в кремне огонь не виден, так в человеке душа; Как в кремне огонь, так в лукавом лесть; Как душа черна, так и мылом не смоешь; Как живет, так и слывет; Как деньги при бедре, так помогут при беде; Как вскипело, так и поспело; Как вчера меня звали, так и сегодня зовут; Как жених на двор, так и пяльцы на стол; Как жил, так и умер; Как заварил кашу, так и расхлебывай.*

Модель 4 «что – то» (58 – 11,6 %): *Что было, то сплыло; Что в сердце варится, то в лице не утаится; Что в людях ведётся, то и в нас не мигнет; Что посеешь, то и пожнешь; Что с возу упало, то пропало; Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке; Что летом родится, то зимой пригодится; Что молвишь, то не воротишь; Что на уме думается, то во сне видится; Что наяву деется, то и во сне грезится; Что скоро скучит, то скоро научит; Что терпится, то и слюбится; Что в рот, то спасибо; Что взято, то свято.*

Модель 5 «каков – таков» (53 – 10,6 %): *Каков в еде, таков в труде; Какова печаль, таковы и слёзы; Каковы встречи, таковы и речи; Какова пава, такова ей и слава; Каков гость, такова ему и честь; Каково волокно, таково и полотно; Какова работа, такова и плата; Каково в амбаре, таково и в кармане; Каковы дела, таковы и слова; Каково семя, таково и племя; Каков корабль, таково и плаванье; Каков род, таков и приплод; Каков дуб, таков и клин, каков батяка, таков и сын; Каков голосок, таков и отголосок; Каков дар, таков и поклон; Каков пень, таков и отростень.*

Модель 6 «хоть – да» (32 – 6,4 %): *Хоть видит око, да зуб неймет; Хоть гнило, да только мило; Хоть гол, да прав; Хоть голодно, да не хо-*

ладно; *Хоть есть нечего, да жить весело; Хоть конь горбат, да не мерину брат; Хоть лыком шит, да муж; Хоть нагишом, да с палашом; Хоть не корыстно ремесло, да за плечьми не висит; Хоть не любо, да смейся; Хоть не пои меня медом, да не брани смердом; Хоть не складно, да ладно; Хоть падать, да не лежать; Хоть рожса и худа, да душа хороша.*

Модель 7 «куда – туда» (28 – 5,6 %): *Куда иголка, туда и нитка; Куда ветер, туда и тучи; Куда ветер дует, туда и дым пойдёт; Куда вода течет, туда и щепу несет; Куда дерево наклонилось, туда его и секут; Куда конь с копытом, туда и рак с клеиной; Куда матушка, туда и дитяtko; Куда мил дружок, туда и мой сапожок; Куда орлы летают, туда сороки не достигают; Куда козел, туда и баран; Куда лиса лапку положит, туда и вся заберется; Куда иголка, туда и нитка; Куда сова глядит, туда ей лететь.*

Модель 8 «когда – тогда» (17 – 3,4 %): *Когда деньги говорят, тогда правда молчит; Когда карман сух, тогда и суд глух; Когда муж с женой бранится, тогда и горшок не варится; Когда свинья на белку залает, тогда дурак поумнеет; Когда станешь пахать, тогда станешь богат; Когда хмель говорит, тогда ум молчит; Когда в печи жарко, тогда и варко; Когда в поле ехать, тогда и овсянку заварить; Когда на охоту ехать, тогда и собак кормить; Когда не поп, так и не мыкайся в ризы; Когда дрова горят, тогда и кашу варят; Когда лошадей увели, тогда и конюшню на запор.*

Модель 9 «был бы X, (а) будет (и) Y», «не будет X, не будет и Y» (16 – 3,2 %): *Были бы кони, ездоки будут; Была бы охота, найдут доброхота; Была б голова здорова, а в голове виши будут; Был бы конь, а уздечку найдём; Был бы сокол, а вороны налетят; Был бы пирог, найдется и едок; Был бы бык, а мясо будет; Был бы друг, найдётся и досуг; Был бы лес, а топор найдётся; Был бы ум, будет и рубль; Не будет ума, не будет и рубля; Была бы в сусеке рожь, будет и в кармане грош; Была бы спина, а кнут найдется; Была бы шея, а хомут будет.*

Модель 10 «тот – кто» (15 – 3,0 %): *Тот без нужды живет, кто деньги бережет; Тот будет рад, кто найдёт клад; Тот дворянин, кто за многих один; Тот дурак, кто говорит не так; Тот дурак, кто пирогу не рад; Тот и умен, кто красно наряжен; Тот мне и сват, кто мне добр; Тот мне и свой, кто до меня добр; Тот не болван, кто норовит все в карман; Тот не кается, кто с разумом справляется; Тот не мой, кто уехал домой; Тот ничем не веселится, кто на деньги льстится; Тот печалься, кто ручался, а плут, деньги взяв, умчался; Тот смел, кто на коня сел.*

По результатам исследования самой частотной и продуктивной является первая модель. В ней отражено описание отношений человека в обществе. В остальных моделях отражены взаимозависимости предметов и явлений, составляющих содержание языковой картины мира человеческого общества. В представленных моделях используются всевозможные виды созвучий – аллитерации, ассонансы, звуковые повторы. Следует

отметить, что эти приемы придают паремиям особый колорит, выразительность и неповторимость.

Итак, изучение языка русского устного народного творчества является одной из важнейших задач филологии. Следует изучать особенности паремий, зная первоэлемент, из которого они создаются. Изучая внешнюю (форма) и внутреннюю (содержание) организацию паремии в различных языках, мы обнаружим как общие, так и специфические черты этого лингвистического явления.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996.
2. Лесевич В. В. Фольклор и его изучение // Памяти В. Г. Белинского: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. – М.: Наука, 1899. – С. 343-358.
3. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988.
4. Селиверстова Е. И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010.
5. Хайруллина Р. Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). – М.: Прометей, 1996.
6. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над русским семантическим словарём // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3-17.
7. Широкова О. Жизнь в пословицах // Русский язык в школе. – 1931. – № 6-7. – С.116.

Список лексикографических источников

8. Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки. – М.: Худож. лит., 1988.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 82

Э. В. Шабунина

Английский юмор как лингвокультурное явление (на материале творчества П. Г. Вудхауза)

Речь в статье идет о некоторых общих лингвокультурологических аспектах английского юмора, о месте Пелема Гренвила Вудхауза в юмористической литературной традиции, о неповторимом авторском стиле писателя, о вербальных и невербальных методах создания комического эффекта, а также о существенной роли «фонового знания» при переводе и восприятии его книг.

The article reveals some linguistic-cultural aspects of English humour in general and its peculiarities in the novels of Pelham Grenville Wodehouse in particular: Wodehouse's inimitable style, his use of verbal and non-verbal techniques in producing comic effects, the importance of background knowledge for understanding Wodehouse's texts.

Ключевые слова: английский юмор, межкультурное сопоставление, литературная традиция, культурный концепт, комический эффект, вербальные и невербальные методы создания комического эффекта, фоновое знание.

Key words: English humour, intercultural comparison, literary tradition, cultural concept, comic effect, verbal and non-verbal techniques in producing comic effects, background knowledge.

Словосочетание «английский юмор», объединяющее национальную принадлежность, способ мышления и мощную литературную традицию, для нас столь же естественно, привычно и нерасторжимо, как «немецкий порядок», «французское легкомыслие» или «испанская горячность» [2, с.11]. Наверное, лучше всего английский характер и его производная — английский юмор — определяются английским же словом «understatement»: сдержанностью, недосказанностью, подтекстом, о чем писал в своей книжке «Как быть иностранцем», в этом ставшем теперь классическим «путеводителе» по английским, довольно своеобразным, обычаям и нравам английский юморист, венгр по происхождению, Джордж Микеш: «У иностранцев есть душа. У англичан вместо души — подтекст» [4, с. 24]. Впервые, однако, с английским «андерстейтментом» мы столкнулись не у «англовенгра» Микеша, а у нашего Пушкина. В «Пиковой даме» падение Германна и обморок Лизаветы Ивановны на похоро-

нах старой графини потряс всех присутствующих, кроме англичанина, который, услышав, кем приходится Германн покойнице, вмещает все свои эмоции — или их отсутствие — в один-единственный звук: «Oh?». В дальнейшем, правда, нашу веру в британское умение «властвовать собой» поколебали и Гончаров во «Фрегате «Паллада»», и Герцен в «Былом и думах», и Замятин, знавшие про английский национальный характер не понаслышке, и — уже в наши дни — леденящие кровь газетные сообщения о буйстве английских футбольных болельщиков. Ныне миф об английской сдержанности и неэмоциональности развеян окончательно, однако в теории, на бумаге — в учебниках английского языка и туристических справочниках — он сохраняется, упрямо продолжает жить.

Вот и английский юмор, при более близком знакомстве с ним, не ограничивается метким замечанием, ядовитой усмешкой, умением с помощью иронического снижения (знаменитый английский anticlimax) осадить собеседника, понизить градус интеллектуальной полемики или бытовой перебранки. В реальности английский юмор далеко не всегда так сдержан и неуловим, как принято думать. Между чопорным джентльменом из учебника английского языка, который реагирует на нескончаемую болтовню собеседника язвительнейшими и плохо поддающимися переводу «Did you really?», «Sure enough» или «He was, wasn't he?», и каким-нибудь развеселым, неугомонным Дулиттлом (не из пьесы Шоу, разумеется, а из мюзикла «Моя прекрасная леди»), отпускающим неприличные шуточки в местном пабе, — дистанция огромного размера. Примерно такая же, как между добродушным, эмоциональным, обстоятельным юмором Диккенса и Джерома и тонкой, едкой, строго дозированной иронией Джейн Остен, Олдоса Хаксли, «английского О. Генри» Гектора Хью Манро или Энгуса Уилсона, автора не только «проблемных» романов и новелл, но и очень смешной книжки юмористических рассказов и пародий с устрашающим, обыгрывающим знаменитую цитату из проповеди Джона Донна (и заглавие романа Хемингуэя) названием «По ком стучит заступ». Как между простодушным, незлобивым юмором Джорджа Бирмингема и Патрика Кэмпбелла и гротеском «черных юмористов»: Джона Кольера, чьи «Причуды на сон грядущий» отбивают сон даже у самого бестрепетного читателя, Роалда Дала, владевшего высоким искусством пугать взрослых и смешить детей, или Гаролда Пинтера, умеющего даже в таких, казалось бы, легкомысленных развлекательных театральные сценках, как «Остановка по требованию» и «Соискатель», создать у зрителя и читателя настроенные полной безысходности [2, с. 55].

В литературной истории, особенно такой, как английская, искусство комического (вспомним пушкинское: «страна карикатуры и пародии») необычайно многолико. Это и литературный анекдот, где классики подтрунивают — нередко довольно натужно — друг над другом, и идущая от Свифта сатира-иносказание, самым талантливым образчиком которой в

XX веке, бесспорно, является еще недавно крамольный «Скотный двор» Джорджа Оруэлла. Это и трагифарс в исполнении Ивлина Во: героиня «Званого вечера у Беллы Флис» чем-то напоминает диккенсовскую миссис Хэвишем, и гротески Флэнна О'Брайена, писателя и журналиста, отличавшегося типично ирландским – трагикомическим – видением мира. Это и комедия положений, где и сегодня бессменным лидером является самый, пожалуй, плодовитый юморист двадцатого столетия Пелам Гренвилл Вудхауз, который, написав без малого сто книг, создав незабываемые образы слуги-интеллектуала Дживса, повесы Берти Вустера, незадачливого детектива Маллинера, газетчика Псмита и проходимца и вымогателя Стэнли Акриджа, мгновенно и надолго завоевал, пусть и с опозданием на полвека, российский книжный рынок [2, с. 57]. Созданные Вудхаузом бессмертные персонажи Дживс и Вустер являются наряду с Шерлоком Холмсом и Форсайтами символами британского характера и героями национального фольклора. Первый рассказ о Дживсе «Extricating Young Gussie» был напечатан в 1917 году. Главными героями являются аристократ Бертрам Вустер и его невозмутимый, хладнокровный камердинер Реджинальд Дживс. Эти персонажи – один из самых известных комических дуэтов в современной английской литературе. Истории о Дживсе и Вустере охватывают большой промежуток времени – с 1917 до 1974 года. Цикл состоит из 12 романов и нескольких коротких рассказов, большинство из которых написаны от лица Берти Вустера.

Помимо неотразимой притягательности книг Вудхауза, тут, видимо, действует и еще одно обстоятельство: этот англичанин из англичан был в каком-то смысле нетипичен для британского общества, так как позволял себе судить о нем не только иронично, но и с определенной дистанции, словно бы он просто наблюдает этот мир, а не принадлежит ему полностью и без остатка. Дистанция давала чисто художественный выигрыш: с нее многое видно отчетливее, и успех Вудхауза у публики – это также признание его способности беззлобно, но с отменной пронизательностью вышучивать национальные комплексы, стереотипы и предрассудки [1, с. 13].

Важной чертой английского общества и, в особенности, аристократии, жизнь и обычаи которой так тонко и глубоко описал в своих произведениях П.Г. Вудхауз, является соблюдение единства семьи. Семья обычно охватывает несколько поколений и множество степеней родства, объединенных если не под одной крышей, то, по крайней мере, под именем основного имения, которое являлось символом «ядра» семьи. Хотя основой английской аристократической семьи всегда была «мужская» часть, и эта «мужественность» базировалась на чертах патриархата, произведения Вудхауза практически невозможно представить без тетушек главного героя серии произведений о Дживсе и Вустере – Берти Вустера. Именно тетушки были наиболее продуктивным источником самых удачных сравнений: «...Well, this Dahlia is my good and deserving aunt, not to

be confused with Aunt Agatha, the one who kills rats with her teeth and devours her young, so when she says Don't fail me, I don't fail her. But, as I say, I was in no sense looking forward to the binge. The view I took of it was that the curse had come upon me» [12, p. 7]. Другой пример: «...My Aunt Agatha, the curse of the Home Counties and a menace to me and all» [13, p.140].

Как видно из этого примера, важную роль в понимании юмора, основанного на лингвокультурологической специфике какого-либо народа, играет знание реалий. Англичане знают, что «Home Counties» – это графства вокруг Лондона, на северо-востоке Англии. Считается, что люди, проживающие на этой территории, достаточно богаты, среди них много представителей аристократического происхождения. Именно их Берти и имел в виду под фразой «me and all».

Главное, конечно, не *что* написано, а *как* написано. В Англии есть традиция юмористической литературы, идущая от Чосера к Честертону, но принадлежащие ей писатели – и Филдинг, и Смоллетт, и Диккенс – не только юмористы, а Вудхауз – только. Однако сочетание редкостного юмора и совершенного мастерства дало ему право считаться классиком английской литературы. П. Г. Вудхауз использует различные приемы для создания комического эффекта. Один из таких приемов – прием несоответствия, например, несоответствия формы содержанию; несоответствия нрава действующего лица его внешним чертам; несоответствия настроения, поведения, значимости персонажа его мнению о себе; несоответствия между заявляемым и совершаемым. У Вудхауза некоторые персонажи имеют самые странные пристрастия, например, к свиньям (лорд Эмсворт), тритонам (Гасси Финк-Ноттл) или носкам (Арчибальд Маллинер). Прием несоответствия формы и содержания проявляется в том, что эти персонажи принадлежат к аристократии, а в традиционный портрет сдержанного и чопорного английского аристократа подобные маргинальные наклонности не вписываются.

Один из приемов достижения юмористического эффекта – контрастное использование функциональных стилей речи. Совмещение в одном контексте слов и выражений, которые принадлежат к различным стилистическим уровням, дает ярко выраженный комический эффект. Столкновение стилей – весьма любимый Вудхаузом приём. Его манера повествования и особенно его уникальная способность к созданию речевых портретов каждого отдельного персонажа часто основываются именно на контрастном употреблении разных функциональных стилей речи. Важным для нашего исследования представляется столкновение чрезвычайно формальной манеры речи камердинера Дживса и неформальной манеры его хозяина Вустера. Берти и его друзья, будучи представителями привилегированного сословия, пользуются в основном разговорным стилем речи, в то время как Дживс, будучи представителем низшего сословия, высказывает свои умозаключения слишком

возвышенно, чересчур официально [7, с. 89]. Подтвердить данное утверждение могут следующие примеры: «You agree with me, Jeeves, *that the situation is a lulu?*»; «Certainly a *somewhat sharp crisis in your affairs would appear to have been precipitated*, sir» [13, p.22. – Курсив здесь и далее мой. – Э.Ш.]. В следующем примере вместо того, чтобы просто сказать, что лорд Чаффнелл влюблен в Паулину Стокер, Дживс говорит: «I am, of course, aware that his lordship is experiencing for the young lady a *sentiment deeper and warmer than that of ordinary friendship*» [14, p. 3]. Как истинный англичанин Дживс часто смягчает выражения и использует в своей речи эвфемизмы. Когда Берти жалуется своему камердинеру на то, что одна из горничных не пустила его в дом, Дживс отвечает: «...and by an unfortunate coincidence she and the cook, at the moment of your arrival, *had just been occupying themselves' with the Ouija board* – with, I believe, some interesting» [14, p. 150]. Понятно, что повар и горничная занимались отнюдь не спиритизмом, когда Берти постучал в дверь поместья. Однако вежливость и воспитанность Дживса не позволяют ему назвать вещи своими именами, поэтому камердинер использует эвфемизм.

Наиболее известные из стилистических приёмов Вудхауза – его увлекательные сравнения, метафоры, эпитеты, повторы. Вот лишь один из примеров: «Oh!' cried the *shrinking woman*, shrinking a bit more, and the spectacle was too much for Percy. All this while he had been *sitting tensely* where he sat, giving the impression of *something stuffed by a good taxidermist* but now, moved by a mother's distress, he rose rather in the manner of one about to reply to the toast of The Ladies. He was *looking a little like a cat in a strange alley which is momentarily expecting a half-brick in the short ribs*, but his voice, though low, was firm» [12, p.216]. В данном примере автор приводит следующие комические сравнения: «...the impression of something stuffed by a good taxidermist», «...he was looking a little like a cat in a strange alley ...expecting a half-brick in the short ribs», а также словосочетания: «shrinking woman», «sitting tensely», которые несомненно усиливают юмористический эффект.

Еще один пример: «You must remember, father», said Mavis, *in a voice which would have had an Eskimo slapping his ribs and claim for the steam-heat*, «that this girl was probably very *pritty*» [13, p. 67]. Эта развернутая метафора очень оригинальна, замечательно передает ледяной тон, которым говорит Мэвис, и заставляет читателя улыбнуться. *Pritty* – употреблено автором для придания комического эффекта английской речи иностранцев [7, с.92].

Необходимо отметить, что в языке Вудхауза мы можем найти огромное количество эпитетов. Многие эпитеты создают юмористический эффект благодаря нестандартной сочетаемости: «For an instant, there was silence, broken only by *the musical sound of an aunt drinking brandy and soda and self lowering a cup of coffee*» [13, p. 26]. «...the musical sound of an aunt drinking brandy» – индивидуальное авторское использование

окказионального словосочетания для описания звуков, издаваемых тетушкой, пьющей бренди.

Использование Вудхаузом аллюзий весьма продуктивно для создания комического эффекта. Для того чтобы аллюзия стала понятна читателю, ему необходимо наличие фоновых знаний, позволяющее заметить комичные ошибки, которые допускает герой. Рассмотрим пример: «L. G. Trotter began to speak: As to whether he opened his remarks with the words «Ba goom!» I cannot be positive, but there was a «Ba goom» implicit in every syllable. The man was what is called beside himself, and one felt a gentle pity for Ma Trotter, little as one liked her. Her reign was over. She had had it. From now on it was plain who was going to be the Fuhrer of the Trotter home. The worm of yesterday – or you might say the worm of ten minutes ago – had become *a worm in tiger's clothing*» [12, p.217]. В этом примере кроме того, что сама ситуация представляется комической, используется прием аллюзии: проводится аналогия «червь в тигровой шкуре» и «витязь в тигровой шкуре».

Цитаты, используемые Вудхаузом, как и аллюзии, также предполагают наличие широких историко-филологических знаний у читателя, так как они позаимствованы из разных источников (Библия, Шекспир, Р.Киплинг, Р.Бернс, Дж. Китс). В большинстве случаев такие цитаты окрашивают ситуацию юмористически, так как совершенно не соответствуют контексту: выглядят слишком помпезно и напыщенно [7, с.117]. «It is pretty generally recognized in the circles in which he moved that Bertram Wooster is not a man who lightly throws in the towel and admits defeat. Beneath the thingummies of what-d'you-call-it his head, wind and weather permitting, is as a rule *bloody but unbowed*, and if the slings and arrows of outrageous fortune want to crush his proud spirit, they have to pull their socks up and make a special effort» [12, p.210]. Помимо монолога Гамлета «Быть или не быть» здесь цитируется стихотворение У.Э.Хенли «Invictus» («Непобежденный»).

Очень важную роль в создании комического эффекта у Вудхауза играют фразовые штампы, клише, крылатые выражения, пословицы и поговорки. Юмористический эффект достигается благодаря использованию привычных фраз в неожиданном контексте: «Nobody has a greater respect for Jeeves's intellect than I have, but this disposition of his to dictate to *the hand that fed* got, I felt, to be checked» [11, p.187]. В данном примере обыгрывается пословица *to bite the hand that feeds* (рубить сук, на котором сидишь; дословно: кусать руку, которая кормит). «Old Bassett said he was too sorry and disappointed. He said it was this sort of thing that *made a man sick at heart*. The Dictator had *to shove his oar in*. He asked if he should call a policeman, and old Bassett's *eyes gleamed* for a moment. Being a magistrate makes you love the idea of calling policemen. It's *like a tiger tasting blood*. But he shook his head» [13, p.15). В этом коротком фрагменте можно видеть богатый арсенал ху-

дожественных средств автора. Здесь используется экспрессивная лексика: «made a man sick at heart» (смертельно огорчен), образная кличка: «The Dictator» (Диктатор), сравнение: «like a tiger tasting blood» (как тигр, почувывший запах крови). В этом же ряду присутствует и фразеология: «to shove his oar in» (подлить масла в огонь), «eyes gleamed» (глаза загорелись). Эти и другие лингвистические приемы, с одной стороны, создают уникальный, неповторимый авторский стиль, но, с другой, сильно затрудняют перевод произведений Вудхауза на русский язык. Неслучайно его часто называют «любимцем переводчиков» [8, с. 35]. Некоторые исследователи считают, что основная причина возникновения затруднений при переводе – национальность писателя [1]. При кажущейся незатейливости художественного стиля Вудхауз ставит перед переводчиками сложные задачи уже оттого, что он типичный англичанин, со всеми особенностями британского мироощущения и литературной традиции [1, с. 14]. По существу, нет русских соответствий этой прозе, где все решает мягкий, едва заметный юмор, игра слов, речевая маска, характеризующая персонажа лучше, чем все авторские пояснения. Малейший пережим, излишне акцентированное просторечие, трансформация внутреннего ритма фразы – и комический эффект исчезает: повествование, которое по-английски вызывает ассоциации с работой ювелира, по-русски начинает звучать упрощенно и искусственно.

«Вудхауз – едва ли не лучший стилист в англоязычной литературе XX века, – пишет автор вступительной статьи к книге английского юмориста А. Нестеров. – Однако особенность эта не сразу бросается в глаза. Главная прелесть Вудхауза – это язык его персонажей: стоит им сказать пару фраз, как тут же раскрывается вся их жизненная история. В русском языке это практически невозможно передать: у нас почти отсутствует то, что англичане называют социальным акцентом, тогда как они сразу определяют, какую именно школу и какой университет окончил собеседник» [5, с. 5]. Стоит заметить, что прелесть языка персонажей Вудхауза ускользает не только от читающих его в переводе, но и от американцев. По свидетельству того же А. Нестерова, один из его американских друзей, перебравшийся в Англию, как-то признался: «Я люблю Вудхауза с детства, но мне пять лет понадобилось прожить в его стране, чтобы понять, что же он пишет на самом деле... Его диалоги – это такая социальная симфония!» [5, с. 5]. Смех Вудхауза основан исключительно на иронии, легком подтрунивании. Согласно классификации В. Проппа, этот смех можно отнести к «доброму смеху»: «Может оказаться, например, что недостатки настолько ничтожны, что они вызывают у нас не смех, а улыбку. Такой недостаток может оказаться свойственным человеку, которого мы очень любим и ценим, к которому мы испытываем симпатию. На общем фоне положительной оценки и одобрения маленький недостаток не только не вызывает осуждения, но может еще усилить наше чувство любви и симпатии» [6, с. 55].

П. Г. Вудхауз является одним из наиболее значительных представителей английской юмористической прозы XX века. Исследователи отмечают, что его юмор совершенно закономерно можно назвать английским: буквально каждая строчка его произведений отражает характерные черты английской юмористики.

Список литературы

1. Зверев А. М. Незатейливый Вудхауз и хитрый Дживс // Книжное обозрение. – 1999. – № 29. – С. 13-15.
2. Ливергант А. Свобода духа // В Англии все наоборот: Антология английского юмора. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2006. – С. 11-16.
3. Лучковский Р. Я. Лингвокультурологические особенности английского юмора (на материале произведений П. Г. Вудхауза) // Материалы региональной межвуз. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Пятигорск, 2005. – С. 130-132.
4. Микеш Д. Как быть иностранцем. Шекспир и я. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.
5. Нестеров А. Как важно быть веселым. – [Электронный ресурс]: <http://wodehouse.ru/veselym.htm>
6. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). – М.: Лабиринт, 1999.
7. Рябинина М. В. Социолингвистические характеристики средств выражения вербальной и невербальной коммуникации (на материале произведений П. Г. Вудхауза): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.
8. Сербин В. С. Мир Вудхауза // Иностранная литература. – 1995. – № 11. – С. 34-36.
9. Root S.N. World of knowledge. – London: Futura, 1983.
10. Wodehouse P.G. Carry on, Jeeves. – М.: Юпитер-Интер, 2004.
11. Wodehouse P.G. The man upstairs and other stories. – Penguin books, 2006.
12. Wodehouse P.G. Jeeves and the Feudal Spirit. – Arrow books, 2010.
13. Wodehouse P. G. The code of the Woosters. – New York: Vintage Books Edition, 2005.
14. Wodehouse P.G. Thank you, Jeeves. – Penguin Books, 1999.

Полоролевая реализация кинестем в диалоге

В статье рассматривается полоролевая реализация кинестем в диалоге, вплетенных в процессе коммуникативного обмена в структуру типовых комплексных коммуникативных словесно-кинестетических актов и реализуемых одновременно с вербальным / речевым действием в заданном контексте диалогического взаимодействия.

The article examines the sex-role implementation of kinestemes in the dialogue, which are interwoven in the process of communicative exchange in the framework's model of integrated verbal-kinesthetic acts and which are implemented simultaneously with the verbal /speech act in a given context of dialogue interaction.

Ключевые слова: диалогическое взаимодействие, комплексный коммуникативный словесно-кинестетический акт, кинестема, невербальные средства общения, полоролевое взаимодействие, диалог, речевой акт.

Key words: dialogue interaction, complex communicative verbal-kinesthetic act, kinesteme, non-verbal means of dialogue intercourse, sex-role interaction, dialogue, speech act.

Заданный стереотип поведения мужчин и женщин находит отражение в разнообразных проявлениях процесса коммуникации. Посредством вербальных и невербальных (в частности, кинестетических) средств диалогического общения участники выражают не только отношение друг к другу, но и маркируют определенные рамки социального и полоролевого взаимодействия. Таким путем соотношение элементов комплексного семиозиса процесса коммуникативного обмена отражает наиболее полный характер интерактивного общения и дает возможность проследить взаимодействие различных компонентов (как вербального порядка, так и кинестетического порядка), вплетенных в процессе коммуникативного обмена в структуру типовых комплексных словесно-кинестетических актов и реализуемых одновременно [1; 2; 3], например: *He seized me by the hands as if we were the oldest of friends and addressed me in English, «Why, Mr Brown, Mr Brown». «How are you, Petit Pierre?» He giggled up at me, standing on his pointed toe-caps, for he was a tiny figure of a man* (Greene). Ср. в рус.: *Он шагнул к не успевшему встать Ивану Алексеевичу, уверенно обнял его и, целуя, касаясь лица мокрой бородой, сказал: - Знал! Если, думаю, жив остался, он будет в Татарском председателем! - Осип Давыдыч, вдарь!.. Вдарь меня, сукиного сына! Не верю я глазам! - плачуще заголосил Иван Алексеевич. Слезы до*

того не пристали его мужественному смуглому лицу, что даже милиционер отвернулся. - А ты поверь! - лыбаясь и мягко освобождая свои руки из рук Ивана Алексеевича, басил Штокман. - У тебя, что же, и сесть не на чем? - Садись вот на креслу!.. Да откель же ты взялся? Говори! - Я - с политотделом армии. Вижу, что ты никак не хочешь верить в мою доподлинность. Экий чудак! Штокман, улыбаясь, хлопая по колену Ивана Алексеевича, бегло заговорил: - Очень, браток, все просто (Шолохов).

Интересно заметить, что для приведенного речевого акта «приветствие» характерно достаточно частое использование кинестем мужчинами. Сравним данный пример с таким же речевым актом, но его участниками будут женщины, например: «*Oh my goodness me!*» *cried the arch girl, turning to her cousin when she had kissed her father on both cheeks, and in her frolicsome nature had bestowed a supernumerary salute upon the tip of his nose, «YOU here, fright! Well, I'm very thankful that you won't trouble ME much!»* (Dickens). Ср. и в рус.: - Долли, милая!- сказала она, - я не хочу ни говорить тебе за него, ни утешать; это нельзя. Но, душенька, мне просто жалко, жалко тебя всею душой! Из-за густых ресниц ее блестящих глаз вдруг показались слезы. Она пересела ближе к невестке и взяла ее руку своею энергической маленькою рукой. Долли не отстранилась, но лицо ее не изменяло своего сухого выражения. Она сказала: - Утешить меня нельзя. Все потеряно после того, что было, все пропало! И как только она сказала это, выражение лица ее вдруг смягчилось. Анна подняла сухую, худую руку Долли, поцеловала ее и сказала: - Но, Долли, что же делать, что же делать? Как лучше поступить в этом ужасном положении? - вот о чем надо подумать - Все кончено, и больше ничего, - сказала Долли (Толстой).

Рассмотрим еще несколько примеров данного речевого акта, однако теперь его участниками будут как мужчина, так и женщина, например: «*There you are, Mother*», *he said, putting his arms around her and kissing her.* «*How are you?*». «*Oh, I'm just about the same, Lester. How have you been?*» «*Fine. I was up with the Bracebridges for a few days again. I had to stop off in Cleveland to see Parsons. They all asked after you*» (Dreiser). Приведем еще один пример: *He looked her in the eyes and answered: «It's straight, all right. But why can't we meet some other time? You ain't told me your name yet. An' where d'ye live?».* «*Lizzie*», *she replied, softening toward him, her hand pressing his arm, while her body leaned against his.* «*Lizzie Connolly. And I live at Fifth an' Market*» (London).

В ходе исследования были проанализированы диалогические фрагменты общим объемом 2713 единиц (3730 кинестем в диалогических фрагментах), в том числе 1258 примеров (1667 кинестем в диалогических фрагментах) на английском и 1455 примеров (2063 кинестемы в диалогических фрагментах) на русском языке. Как показывает материал, мужчина в общении с женщиной использует больше прикосновений, чем женщина по отношению к мужчине. Такое соотношение кинестем, вплетенных в ре-

чевые практики-высказывания (также: диалогические шаги, ходы, реплики) типовых диалогических фрагментов и реализуемых одновременно с вербальным / речевым действием (проявлением) в типовом комплексном словесно-кинестетическом коммуникативном акте, позволяет сделать предположение, что полоролевая реализация кинестем в диалоге неодинакова (таблица 1).

Таблица 1

Полоролевая реализация кинестем в диалоге
(на материале английского и русского языков)

Тип отношений	Английский язык	Русский язык
М-М	24%	34%
М-Ж	44%	36%
Ж-М	25%	22%
Ж-Ж	7%	8%

Пояснения к таблице: М – мужчины (в дальнейшем в работе также М), Ж – женщины (в дальнейшем в работе также Ж); первая буква обозначает инициатора кинестетического взаимодействия.

Полученные данные позволяют сделать следующее предположение о том, что мужчинам в диалогическом общении отводится более активная роль. Возможно, такое использование кинестем мужчинами обусловлено их социальной значимостью в обществе. Однако стоит, заметить, что тип отношений М-Ж является наиболее частотным. Это в свою очередь подтверждает тот факт, что мужчины чаще всего начинают процесс диалогического взаимодействия и в большей степени задают определенные рамки и условия, в которых протекает интерактивное взаимодействие партнеров по диалогу (как представителей обоих полов). Любопытно отметить, что тип отношений (где мужчина, применяя кинестетическое действие, является инициатором интерактивного взаимодействия, то есть относительно типов М-М и М-Ж) задан в таких комплексных коммуникативных актах, как квеситивы (16,3% от общего употребления); просьбы (13% от общего употребления); «обращения» (11% от общего употребления); «приветствия» (9% от общего употребления); требования (8,2% от общего употребления); признания (7,4% от общего употребления); утверждения (7% от общего употребления), например: «*Hello, Lester*», *he said, looking up from his paper over the top of his glasses and extending his hand*. «*Where do you come from?*» «*Cleveland*» *replied his son, shaking hands heartily, and smiling* (Dreiser).

Эмпирический материал показал, что женщина чаще всего выступает инициатором вербально-кинестетического взаимодействия относительно типов Ж-М и Ж-Ж в таких комплексных коммуникативных актах, как

квеситивы (12% от общего употребления); обращения (11% от общего употребления); признания (10% от общего употребления); просьбы (9,1% от общего употребления); успокоения (8,1% от общего употребления); утешения (5,1% от общего употребления), например: «*You know I do nothing without telling you,*» she began. «- *Only, sometimes you must ask me, like this time. I wanted to tell you, but I did not know how. It is false modesty, I know it is that, but you can make it easy for me. Sometimes, like this time, you must ask me, you must give me a chance*». «*Why, mother, you are a woman, too!*» she cried exultantly, as they stood up, catching her mother's hands and standing erect, facing her in the twilight, conscious of a strangely sweet equality between them. «*I should never have thought of you in that way if we had not had this talk. I had to learn that I was a woman to know that you were one, too*». «*We are women together*», her mother said, drawing her to her and kissing her. «*We are women together*», she repeated, as they went out of the room, their arms around each other's waists, their hearts swelling with a new sense of companionship (4) (London).

В русском языке тип отношений, в которых мужчина, употребляя кинестетическое действие, является инициатором интерактивного взаимодействия задан в таких комплексных коммуникативных актах, как приветствия (15% от общего употребления); квеситивы (14% от общего употребления); обращения (11% от общего употребления); требования (8,2% от общего употребления); прощания (6,1% от общего употребления); успокоения (5% от общего употребления). Тип отношений, в которых женщина, употребляя кинестетическое действие, является инициатором интерактивного взаимодействия, задан в таких комплексных коммуникативных актах, как квеситивы (17% от общего употребления); утешения (14,2% от общего употребления); обращения (13% от общего употребления); требования (8,2% от общего употребления); успокоения (10,3% от общего употребления); приветствия (9,3% от общего употребления); просьбы (7% от общего употребления), например: *Ольга пристально вглядывалась в мрак и жалась к Обломову. Молча блуждали они. - Мне страшно! - вдруг, вздрогнув, сказала она, когда они почти оцупью пробирались в узкой аллее, между двух черных, непроницаемых стен леса. - Чего? - спросил он. - Не бойся, Ольга, я с тобой. - Мне страшно и тебя! - говорила она шепотом. - Но как-то хорошо страшно! Сердце замирает. Дай руку, попробуй, как оно бьется. А сама вздрагивала и озиралась вокруг. - Видишь, видишь? - вздрогнув, шептала она, крепко хватая его обеими руками за плечо. - Ты не видишь, мелькает в темноте кто-то?.. Она теснее прижалась к нему. - Никого нет., - говорил он; но и у него мурашки поползли по спине. - Закрой мне глаза скорей чем-нибудь... крепче! - шепотом говорила она. - Ну, теперь ничего... Это нервы, - прибавила она с волнением* (Гончаров).

Для сравнения заметим, что в русском языке так же, как и в английском, чаще всего инициатором диалогического взаимодействия выступает мужчина, а кинестетическое взаимодействие инициатора и адресата по типу отношений М-Ж и Ж-М представляется самым распространенным типом отношений. В этом плане взаимодействие представителей обоих полов может особым образом подчеркнуть важность и необходимость в общении с партнером по противоположному полу.

В свою очередь, частичное совпадение речевых актов и вопросно-ответных конструкций (например, квеситивы, обращения, признания, просьбы в английском языке) позволяет предположить, что использование мужчинами и женщинами различных средств кинестетического порядка предполагает совпадение в плане развития сценарного фрейма, в рамках которого происходит взаимодействие инициатора и адресата, например: *I just put my two arms round her and said, «Come, Bessie! don't scold». The action was more frank and fearless than any I was habituated to indulge in: somehow it pleased her (Bronte)*. Приведем другой пример: *«Oh, dear, dear, to think they ain't ever going to see each other any more!» «But they will - and inside of two weeks - and I know it!», says I. Laws it was out before I could think! - and before I could budge, she throws her arms around my neck, and told me to say it again, say it again, say it again! I see I had spoke too sudden, and said too much, and was in a close place. I asked her to let me think a minute (Twain)*. В представленных диалогических фрагментах инициаторами интерактивного взаимодействия были как мужчина, так и женщина. Использование различных кинестетических действий (*I put my two arms round her; she throws her arms around my neck*) однако не повлияло на сценарий функционирования речевого акта «просьбы». Аналогично и в русском: – *Верочка, я тебя очень люблю, – прошептал он, прижимая ее к себе и глядя по голове* (Дашкова).

В представленных диалогических фрагментах кинестетические единицы инициаторов вплетены в его вербальные действия с иллокутивной функцией просьбы в комплексном коммуникативном словесно-кинестетическом акте. Интенсивность желания, стремления участников интерактивного взаимодействия передается в различных кинестетических действиях: *«He caught her to him»* (для английского языка) и *«прижимая ее к себе», «глядя по голове»* (для русского языка, соответственно). Отметим, что использование кинестетических действий представителями обоих полов, выступающими инициаторами диалогической интеракции, не влияет на общий сценарий функционирования данного речевого акта (коммуникативная цель достигнута – инициатор осуществил признание).

Становится очевидным, что в типовых речевых актах, в которых инициаторами вербально-кинестетического взаимодействия выступают представители обоего пола, не наблюдается тех или иных отклонений от общего функционирования фреймового сценария того или иного ком-

плексного коммуникативного акта. Но, тем не менее, наблюдается частичное различие в использованных средствах диалогического общения (в том числе и кинестетического порядка), благодаря которым достигается та или иная коммуникативная цель. Следовательно, на использование кинестетических единиц в акте комплексном вербально-тактильном влияет не только определенный контекст эмоционально-обусловленных ситуаций диалогического общения, но и осознанный выбор партнером по общению конкретного прикосновения, которое по его мнению уместно в данном случае и более всего подходит для его партнера (также в зависимости от его пола). Из этого следует, что мужчины и женщины, возможно, используют определенный тип прикосновений во взаимодействии с партнерами по диалогу.

Для подтверждения данного вывода были рассмотрены частотные для английского языка кинестемы (7,8% от общего употребления кинестем в диалогах) и «to kiss» (7,7% от общего употребления кинестем в диалогах), проследим их использование мужчинами и женщинами в рамках совпавших (как было показано выше) комплексных тактильно-речевых актов диалогического взаимодействия, характерных для таких типов отношений, как М-М, М-Ж, Ж-М, М-Ж. Отмечено, что полученные данные показывают, что чаще всего мужчины используют следующие кинестемы: «to take by the arm», «to take a hand», «to take someone by the throat», «to take a hand – to kiss» (в сопровождении данной кинестемы), «to take by a hand» (общая направленность действия «to take») и «to kiss», «to give a kiss», «to kiss a hand» (общая направленность действия «to kiss»), в то время как женщины чаще всего прибегают к использованию кинестемы «to kiss».

Такое различное использование кинестем в структуре диалогического взаимодействия мужчинами и женщинами (особенно для представителей мужского пола – разнообразие кинестем и направленность кинестетического действия) еще раз особым образом подчеркивает ту позицию, которую мужчина занимает в обществе. Иначе говоря, мужчине отводится более важная роль, чем женщине, что в определенной степени обусловлено традиционной патриархальностью общества.

Таким образом, обобщим сказанное выше и отметим характерные особенности полоролевой реализации кинестем в диалоге. Чаще всего вербально-кинестетическое взаимодействие начинает мужчина и в большей степени задает определенные рамки и условия, в которых протекает взаимодействие партнеров по диалогу (как представителей обоих полов). Поэтому мужчинам в кинестетическом взаимодействии отводится более активная роль, что в свою очередь предполагает использование ими разных кинестем с различной направленностью кинестетических действий в процессе межличностного общения партнеров по диалогу, в то время как женщины используют более ограниченный набор кинестем.

Мужчина, употребляя кинестетическое действие, является инициатором вербально-кинестетического взаимодействия в таких речевых актах и

вопросно-ответных конструкциях, как квеситив, просьба, обращение, приветствие, требование, признание, утверждение. В то время как женщина выступает инициатором вербально-кинестетического взаимодействия в следующих комплексных коммуникативных словесно-кинестетических актах, как квеситив, обращение, признание, просьба, успокоение, утешение.

В речевых актах, в которых инициаторами комплексного коммуникативного вербально-кинестетического действия выступают представители обоего пола, не наблюдается тех или иных отклонений от общего функционирования фреймового сценария. Кинестетическое взаимодействие инициатора и адресата по типу отношений М-Ж и Ж-М представляется самым распространенным типом отношений. В этом плане взаимодействие представителей обоих полов возможно продиктовано потребностью и необходимостью в общении с партнером по противоположному полу в рамках диалогического контекста социальной интеракции.

Список литературы

1. Малышева Е. В. О взаимодействии речевых и кинестетических действий в диалоге // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сб. ст. X междунар. научно-практ. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» 12 – 14 ноября 2010 г. – Томск: Томский политехнический ун-т, 2010. – Ч. 1. – С. 220-223.

2. Малышева Е. В. Специфическая роль действий-прикосновений в диалогическом пространстве коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный журнал / ТГСХА, ТИПЛиМК. – Тверь, 2009. – № 2 (15). – [Электронный ресурс]: <http://tverlingua.ru>

3. Романов А. А., Малышева Е. В. Телесноориентированные дискурсивные практики в пространстве диалога // *Studia Lingvistica*. Збірник наукових праць Міжнародної наукової конференції до 80-річчя від дня народження професора Станіслава Володимировича Семчинського 19-20 травня 2011. – Киев: Київський університет, 2011. – С. 339-342.

Интеграция подходов к моделированию процесса перевода: к постановке вопроса

В статье представлена концепция интегрального подхода к моделированию процесса перевода. Концепция предполагает систематизацию основных принципов моделирования в переводе, проведение сравнительно-сопоставительного анализа существующих моделей перевода и разработку теоретико-методологических основ интегрального подхода к моделированию процесса перевода.

The paper offers a concept of integrated approach to translation modeling. The concept systemizes the main principles of translation modeling and suggests a comparative analysis of existing translation models to create the theoretical and methodological foundations for the integrated approach to translation modeling.

Ключевые слова: модель перевода, стратегия перевода, дискурсивно-коммуникативная модель перевода, принципы лингвистического моделирования, институциональный дискурс, дискурсивный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, интегральный подход.

Key words: translation model, translation strategy, discourse and communication translation model, linguistic modeling principles, institutional discourse, discourse analysis, comparative analysis, integrated approach.

Вопросы моделирования перевода освещаются в работах ряда авторов (В. Г. Гак, Ю. И. Гурова, В. В. Гусев, С. В. Евтеев, О. Каде, В. Н. Комиссаров, А. Н. Крюков, Дж. Кэтфорд, Л. К. Латышев, М. Ледерер, А. Г. Минченков, Р. К. Миньяр-Белоручев, Ю. Найда, К. Норд, И. И. Ревзин, Я. И. Рецкер, В. Ю. Розенцвейг, А. П. Седых, Д. Селескович, Е. А. Селиванова, С. В. Тюленев, А. В. Федоров, Л. Г. Федюченко, А. Д. Швейцер, А. Ф. Ширяев и другие). Исследователи рассматривают герменевтическую, диалогическую, информативную, когнитивно-эвристическую, коммуникативную, лингвокультурологическую, психолингвистическую, семантическую, ситуативно-денотативную, трансформационную, функционально-прагматическую (динамическую) модели перевода, эмпатическую модель в формировании стратегии перевода, использование фреймов при выстраивании структуры переводимого текста, лингвокультурологические схемы перевода с учетом предпочтительных структурно-функциональных моделей представления реальности в различных языках и т.д. Сопоставляя традиционное (структурное) и когнитивно-деятельностное (личностно-ориентированное) направления в переводоведении, представляется воз-

можно отметить ряд различий в целях (изучение пределов варьирования языкового знака в текстах оригинала и перевода – выявление природы переводческой деятельности), задачах (достижение адекватности перевода – создание коммуникативно пригодного текста перевода), определении объекта исследования (партитивный – интегральный, единицы перевода – стратегия перевода). Намечаются различия в используемых методах: монопарадигмальные – полипарадигмальные, основанные на лексико-грамматической эквивалентности – основанные на анализе дискурса, субституционно-трансформационные – когнитивные, формальный анализ – интерпретативный анализ [1]. Модели перевода имеют большое значение как для прикладной лингвистики (совершенствование лингвистических технологий), так и для теоретической, поскольку перевод есть одна из высших форм интеллектуальной деятельности человека. Модели перевода как результат анализа переводческой деятельности создаются с разных теоретических и практических позиций и с разными целями: обучение переводу, связь перевода с различными уровнями языка, отношения с экстралингвистическими факторами, отношение перевода к передаче смысла и содержания, автоматизация перевода. Рассматриваются различные вопросы, отражающие современные направления исследований: место языкового перевода в современной коммуникации; эффективность моделирования перевода и понятие «подъязык»; универсальные языки; терминология, терминоведение, терминография [10].

С учетом многообразия существующих моделей и в свете новой парадигмы исследования языка, основанной на антропоцентризме, функционализме, экспансионизме, экспланаторности, наметившиеся различия и противоречия требуют новых подходов к моделированию процесса перевода. Необходимо разработать теоретические основы современного интегрального подхода к моделированию процесса перевода, систематизировать общие принципы моделирования в переводе, провести детальный обзор традиционных (классических) моделей перевода и обзор современных парадигм. Такое исследование позволит, в свою очередь, провести сравнительный анализ существующих традиционных моделей и современных концепций, уточнить положения авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода [5], рассматривающей вопрос моделирования в рамках исследования текста, дискурса, коммуникации, изучения коммуникативных стратегий и стратегий перевода.

Интеграция моделей перевода позволяет разработать системный подход к моделированию процесса перевода, проследить взаимосвязь различных концепций в русле развивающегося дискурсивно-коммуникативного направления исследований, вносит вклад не только в разработку моделей перевода, но и в ряд смежных перспективных направлений: формальная реализация моделей перевода, комбинаторная и квантитативная лингвистика, модели «ручного» перевода (human translation) и модели машинного

(автоматического) перевода, моделирование языковых сущностей и человеческого мышления, искусственный интеллект, представление и моделирование знаний.

Представляется, что для интеграции междисциплинарных подходов к моделированию процесса перевода с позиций современных исследований текста, дискурса и коммуникации необходимо:

- изучить и систематизировать основные принципы моделирования в переводе, опираясь на общие принципы моделирования в науке, разработки в области лингвистического моделирования, моделирования процесса перевода;

- выявить ключевые составляющие процесса моделирования перевода, уточнить необходимое содержание понятий «модель перевода», «стратегия перевода» с позиций традиционных и современных подходов в переводоведении в синхроническом и диахроническом аспектах;

- провести детальный анализ традиционных (классических) моделей перевода, рассмотреть подходы отечественных и зарубежных авторов, выявить основные характеристики традиционных моделей, рассматриваемых с различных точек зрения в синхроническом и диахроническом аспектах;

- провести детальный анализ современных парадигм в моделировании процесса перевода, проследить динамику развития подходов к моделированию процесса перевода, выявить основные тенденции в моделировании процесса перевода на современном этапе в зарубежной и отечественной науке;

- детализировать положения авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода на основе проведенного анализа традиционных и современных моделей перевода, выявленных закономерностей и тенденций в моделировании процесса перевода;

- расширить сферу применения модели за счет привлечения новых данных и систематизации результатов проводимых исследований на материале дискурса переговоров, научного и педагогического дискурсов;

- провести сравнительно-сопоставительный анализ существующих моделей перевода, описанных на предыдущих этапах, с целью интеграции междисциплинарных подходов к моделированию процесса перевода в современной лингвистике;

- систематизировать междисциплинарные подходы к моделированию процесса перевода и полученные детальные характеристики различных моделей перевода;

- разработать теоретико-методологические основы интегрального подхода к моделированию процесса перевода на основе интерреляции понятий «текст», «дискурс», «коммуникация» в контексте теории, практики и дидактики перевода.

В рамках исследования предполагается впервые описать традиционные модели перевода и новые подходы, систематизировать имеющийся опыт, рассмотреть возможные междисциплинарные направления моделирования процесса перевода в рамках современных исследований текста, дискурса, коммуникации, изучения коммуникативных стратегий и стратегий перевода. Впервые проводится сравнительно-сопоставительный анализ моделей перевода, что позволяет решать новые задачи в переводоведении, дидактике перевода на основе формулирования теоретико-методологических основ интегрального подхода к моделированию процесса перевода. Методологическая база исследования представлена различными лингвистическими подходами (коммуникативно-деятельностный, когнитивно-дискурсивный, функционально-стилистический), включает метод лингвистического моделирования, логический, гипотетико-дедуктивный, дескриптивный, дефиниционный, сравнительно-сопоставительный методы, метод классификации, метод интроспекции; компонентный, системно-функциональный, контекстуальный, дискурсивный анализ. Перспективным представляется применение метода графосемантического моделирования [2].

В моделировании переводческого процесса, описании его в некоторых абстрактных терминах различают статику и динамику, элементы декларативного и процедурного описания языка, которые для целей перевода активно взаимодействуют [10]. Модель перевода может быть преимущественно ориентирована на внеязыковую реальность или на некоторые структурно-семантические особенности языковых единиц. Описание переводческого процесса с помощью моделей перевода включает два взаимосвязанных аспекта: общую характеристику модели с указанием возможной сферы ее применения (объяснительной силы модели); типы переводческих операций (трансформаций), осуществляемые в рамках модели [8].

В современных исследованиях процесс перевода рассматривается как «коммуникация перевода» [3]. Переводчик получает непосредственное знакомство с информацией на языке оригинала, определяет тематику, стиль и смысл текста, его субстанциональность и модальную характеристику; информация возникает в сознании переводчика в виде знака или ряда знаков с их значением, составляющих первичную интерпретанту. В процессе перевода наиболее эффективным признается прагматический метаязыковой семантико-лексический выбор фактических, целевых и результативных аспектов перевода, используемого для направленного межъязыкового общения; предлагается понятие «семиотической модели перевода» [3]. Вводится понятие интерпретативно-порождающего дискурса перевода, предлагается диалогическая модель перевода, включающая антропные модули: автор (адресант), адресат (читатель), переводчик [13].

Отмечается, что процесс перевода зависит от будущей функции конечного текста (К. Норд), определяемой потребностями инициатора коммуникативного акта перевода (заказчика перевода). Выделяются следующие

участники (компоненты) процесса перевода: заказчик перевода, переводчик, исходный текст, конечный текст, производитель исходного текста, отправитель исходного текста, отправитель конечного текста, получатель исходного текста, получатель конечного текста [16].

К основаниям построения моделей перевода относят эквивалентность, соответствие, сдвиг, деконструкцию, функцию, дискурс; при этом в переводоведении намечается противопоставление двух типов перевода: субститутивно-трансформационного и деятельностного видов перевода, которые различаются отношением к деятелю и деятельности [1]. Исследователи приходят к выводу, что модель перевода, основанная на межъязыковом сопоставлении, вряд ли может считаться полноценной когнитивной основой для формирования стратегии перевода, и языковым моделям следует противопоставлять такие, которые основаны на деятельностных представлениях о переводе [7].

Поскольку конструирование объекта перевода есть сложный процесс, требующий мыслительных затрат переводчика, рассматривается понятие рефлексии переводческой деятельности, положенное в основу деятельностных теорий перевода (представление о переводе как рефлексивной деятельности переводчика, перевод как комплексная мыслительная деятельность, как процесс, полностью зависящий от компетенции переводчика как переводящей личности) [1].

Отметим, что психолингвистическое направление исследований моделирования процесса перевода связано с разработкой психологических и психолингвистических моделей механизмов синхронного перевода и описанием процессов памяти (А.Ф. Ширяев, Б. Мозер), с изучением взаимодействия процедурных и декларативных знаний, без которого моделирование интеллектуальной системы невозможно [10]. В этой связи действия синхронного переводчика, мобилизующего все умственные резервы для оптимального решения сложной задачи в чрезвычайно сжатые сроки, представляют большой интерес не только для практики перевода, но и для осмысления фундаментальных процессов, происходящих при переводе с одного естественного языка на другой [11, 4].

Интерес представляет также эмпатическая модель в формировании стратегии перевода [7], в основу которой положено понятие «когнитивная эмпатия» – учебное действие, направленное на адекватную интерпретацию коммуникативного намерения автора на основе анализа способов и средств выражения субъектности в тексте. Модель подразумевает воссоздание замысла автора в тексте перевода на основе исчерпывающе полного осмысления всех семантических компонентов оригинала, адекватной интерпретации коммуникативного намерения автора, создания таких условий, при которых стратегия перевода будет изначально формироваться на основе схемы «(автор и его текст) – (переводчик и его текст)», а не «текст – текст». Психологическое «уподобление» автору значительно облегчает понимание экспрессивных компонентов текста как средств выражения авторского отношения [7].

В свете деятельностных подходов к моделированию процесса перевода особое значение приобретает исследование понятия «стратегия перевода». По мнению В.Н. Комиссарова, стратегия переводчика охватывает три группы общих принципов осуществления процесса перевода: некоторые исходные постулаты; выбор общего направления действий, которым переводчик будет руководствоваться при принятии конкретных решений; выбор характера и последовательности действий в процессе перевода. Исходные постулаты переводческой стратегии во многом определяются посреднической ролью переводчика; деятельность переводчика лишь тогда имеет смысл, когда она оправдывает надежды участников межъязыковой коммуникации. В основе общей стратегии переводчика лежит стремление как можно полнее понять переводимый текст и найти ему наиболее точное соответствие в языке перевода. В этой связи В.Н. Комиссаров отмечает, что важнейшие стратегические принципы переводчика включают критическое отношение к своим действиям и максимум усилий для нахождения лучшего варианта [9, с. 336-337].

Стратегия рассматривается как деятельностная категория, способ самоорганизации личности в процессе деятельности, функция субъекта. К свойствам личности переводчика исследователи относят коммуникативные умения: умение ориентироваться в условиях общения, правильно спланировать свою речь, выбрать содержание общения, найти адекватные средства для передачи мысли и обеспечить обратную связь. В когнитивной схеме перевода исследователи выделяют три взаимосвязанных уровня: когнитивные схемы видов речи, входящих в состав перевода как рецептивно-продуктивной речевой деятельности; нормативные модели перевода (знания, составляющие теоретическую основу формирования навыков перевода); адаптивные модели перевода, развивающиеся у субъекта деятельности в соответствии с его индивидуальным стилем [7]. Суть стратегии перевода состоит в планировании будущей деятельности, ее подготовке применительно к определенным условиям и в соответствии с определенной целью. К основным компонентам стратегии относят ориентирование в ситуации, формулирование цели, прогнозирование, планирование [12]. Чем более развита когнитивная схема перевода, то есть чем больше в ней закодировано различных ситуативных и операциональных «сценариев» вербально-когнитивных стратегий, тем выше уровень сформированности стратегии, тем больше у переводчика возможностей правильно организовать свою деятельность [7]. Исследователи отмечают также, что становление и развитие этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, теории и практики межкультурной коммуникации обусловили выработку оптимальной стратегии соположения текстов оригинала и перевода – учета лакунизированного характера одной лингвокультурной общности по отношению к другой [14]. Переводчик работает не только с вербальными формами, но и со стоящими за ними концептами [15], его задачей является концептуальное соотнесе-

ние пространства и стратегий исходного текста с интерпретативными фильтрами адресата [13].

Представляется возможным определить стратегию перевода как неоконечную совокупность профессиональных, эффективных, динамических, логически взаимосвязанных, последовательных универсальных и индивидуальных приемов. Данные приемы целенаправленно используются в процессе переводческой деятельности в двуязычной ситуации для оптимизации понимания исходного текста и гибкого вариативного поиска наиболее точного соответствия исходному тексту в языке перевода с учетом условий выполнения перевода, типа текста и характера предполагаемого реципиента. Стратегия перевода носит системный характер, характеризуется отнесенностью к ментальным процессам индивида и критическим отношением переводчика к выполняемым действиям. Отнесенность стратегии перевода к ментальным процессам, зависимость стратегии от субъекта и осознанность / неосознанность ее использования позволяют считать набор используемых переводчиком стратегий индивидуальным, а список возможных стратегий перевода – открытым [6].

Представляется возможным разработать теоретико-методологические основы интегрального подхода к моделированию процесса перевода на основе интерреляции понятий «текст», «дискурс», «коммуникация», лежащих в основе авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода [5]. В рамках модели лингвистические (стилистические, лексико-семантические, синтаксические, прагматические) особенности исходного текста, его дискурсивные характеристики (авторство, адресность текста, нарратив), узловые точки дискурса, его конститутивные признаки (цели, ценности, хронотоп, языковое воплощение, тематика, участники дискурса, интердискурсивность), функции, типовые свойства и стратегии коммуникации определяют переводческие решения, формируют микростратегии перевода на уровне текста и макростратегии перевода на уровне дискурса и коммуникации [5].

В рамках модели представлены детальные характеристики дипломатического, политического, юридического и массово-информационного дискурсов, сформулированы основные особенности и стратегии перевода соответствующих текстов, рассмотрены проявления интердискурсивности в различных видах институционального дискурса, возможности применения модели в обучении устному последовательному переводу, в подготовке к переводу конференций [5]. Представляется необходимым детализировать положения авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода на основе анализа традиционных и современных моделей перевода, закономерностей и тенденций в моделировании процесса перевода, что позволяет представить целостную концепцию дискурсивно-коммуникативного подхода к переводу. Расширение сферы применения модели в исследовании дискурса переговоров, научного и педагогического дискурсов позволяет

получить детальные характеристики соответствующих видов институционального дискурса с позиций исследования текста, дискурса и коммуникации, сформулировать стратегии перевода соответствующих текстов в языковой комбинации английский-русский.

Систематизация основных принципов моделирования процесса перевода в рамках исследования позволяет выявить существенные характеристики процесса моделирования, рассмотреть традиционные и современные трактовки понятий «модель перевода», «стратегия перевода» и уточнить их содержание, расширить теоретические знания в области переводоведения, дидактики перевода.

Сравнительно-сопоставительный анализ традиционных моделей перевода и современных подходов, систематизация междисциплинарных подходов к моделированию процесса перевода и полученных детальных характеристик различных моделей перевода позволяют разработать теоретико-методологические основы интегрального подхода к моделированию процесса перевода, что открывает новые направления в переводоведении, исследовании дискурса, текста, коммуникации, изучении стратегичности перевода. Результаты исследования составляют основу рекомендаций для профессиональных переводчиков по анализу особенностей и выявлению стратегий перевода текстов различных жанров и тематики в различных языковых комбинациях. Представляется возможным рассматривать результаты исследования как вклад в развитие междисциплинарных направлений в изучении процесса перевода, расширение теоретической базы моделирования процесса перевода и построения филологических моделей.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. – Пермь: Пермский государственный ун-т, 2010. – Вып. 1(7). – С. 45-51.
2. Белоусов К. И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009.
3. Базылев В. Н. Семиотическая модель перевода // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. – Уральский государственный педагогический ун-т. – Екатеринбург, 2008. – Вып. (1) 24. – С. 115-117.
4. Виссон Линн. Синхронный перевод с русского на английский. – М., 2002.
5. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода: монография. – М.: Флинта: Наука, 2010.
6. Волкова Т. А. Понятие стратегии перевода в дискурсивно-коммуникативной модели перевода // Язык и ментальность: сб. статей / отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2010. – Вып. 5. – С. 620-628 (Серия «Славянский мир»).
7. Гусев В. В. Эмпатическая модель в формировании стратегии перевода // Вестник МГЛУ. – М.: МГЛУ, 2003. – Вып. 840: Перевод как когнитивная деятельность. – С. 26-41.
8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990.

9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. – М.: ЭТС, 2002.
10. Марчук Ю. Н. Модели перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – М.: Академия, 2010.
11. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? – М., 1999.
12. Сдобников В. В. Стратегия перевода: общее определение // Вестник Иркутского государственного лингвистического ун-та. – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2011. – Вып. 1. – С. 165-172.
13. Селиванова Е. А. Модель перевода в парадигмальном пространстве современной лингвистики // Культура народов Причерноморья: Научн. журнал. – Январь 2003. – № 37. – С. 79-82.
14. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лагун // Лексические единицы и организация структуры текста. – Калинин, 1983. – С. 58-73.
15. Фесенко Т. А. Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку. М. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – С. 65-72.
16. Nord Christiane. Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. – Amsterdam/Atlanta GA, Rodopi, 1991. .

Анафония текстового характера во франкоязычной поэзии

В статье рассматривается явление анафонии текстового характера во французской поэзии, в частности, критерии и предпосылки её наличия в произведении. В качестве предпосылки рассматривается анафония на уровне языковых единиц.

The paper is dedicated to observation of text character anaphony in French poetry particularly to criterions and preconditions of its presence in piece of work. The anaphony at the level of linguistic unit is regarded as a precondition.

Ключевые слова: анафония, слово-тема, ключевое слово / элемент, семантико-стилистическая многослойность, речевой фон, частотность звуков.

Key words: anaphony, word-subject, key word / element, semantic-stylistic multilayer, speech context, sound frequency.

В современной лингвистике проблеме анафонических структур уделяется много внимания. К наиболее актуальным аспектам изучения данного феномена можно отнести такие вопросы, как виды анафонии, критерии доказательств факта существования различных типов анафонии, возможность перевода подобного явления с одного языка на другой.

В понимании анафонии и связанных с нею феноменов мы следуем за А. В. Пузырёвым [1]. Анафонией называется такая неканонизованная форма звуковой организации, при которой звуковой состав того или иного слова-темы воспроизводится в тексте не полностью. Как видно из определения, важную роль в изучении этого феномена играет понятие слова-темы. Различаются тематические, опорные, стилеобразующие и ключевые слова.

Тематическое слово, или слово-тема, представляет собой самое широкое, обобщающее понятие. Тематические слова (слова-темы) встречаются в любом тексте, независимо от его функционально-стилевой принадлежности, поскольку предмет сообщения в значительной степени предопределяет круг обозначающей его лексики. Тематические слова подразделяются на опорные и стилеобразующие. Первые из них играют роль логического каркаса текста, благодаря которому он соотносится с внеязыковой действительностью. Через них автор раскрывает основной смысл высказывания. Устранение опорных слов разрушает текст. Вторые придают тексту соответствующую стилистическую окраску и «соотносят текст с адресатом, воспринимающим» [5, с. 55]. При замене стилеобразующих слов текст не разрушается, но меняется способ передачи информации. Поскольку «оформление её тем или иным способом ... облегчает или затрудняет восприятие текста» [5, с. 55], это приводит к переориентации текста на друго-

го реципиента. Однако деление на опорные слова и стилеобразующие не является жёстким и обязательным, так как некоторые слова в определённом контексте могут совмещать в себе признаки и тех, и других.

Ключевые слова являются разновидностью опорных слов, следовательно, имеют те же характеристики: отражение ядерного смысла текста, главная роль в понимании и запоминании текста, невозможность замены и высокая частотность употребления (если речь идёт о текстах большого размера). Главной же отличительной чертой ключевого слова принято считать семантико-стилистическую многослойность [см.: 2, 3, 4, 6, 7], то есть способность слова в процессе развития текста изменять свой семантический объём, обогащаться новым авторским смыслом и получать дополнительное коннотативное наполнение, иначе говоря, индивидуальную стилистическую окраску.

Так как ключевая роль в тексте может принадлежать не только слову, но и словосочетанию, предложению или даже сложному синтаксическому целому, следует говорить не только о ключевом слове, но и о ключевом элементе текста (КЭ). Использование ключевого элемента обычно подчиняется формуле $KЭ_1 \rightarrow P_m \rightarrow KЭ_n$, где $KЭ_1$ – первое употребление ключевого элемента, P_m – развитие темы, $KЭ_n$ – последнее употребление ключевого элемента, обогащённого в результате развития темы – новым поэтическим смыслом.

Вслед за А. И. Горшковым лингвисты могут анализировать речевой материал на трёх уровнях: языковых единиц, текста и языка как системы подсистем [1, с. 5-13]. Следовательно, выделяются три различных вида анафонии: контекстуального, текстового и общеязыкового характера (в рамках данной статьи мы рассмотрим первые два). Анафония контекстуального характера – самый распространённый вид анафонии. Обязательными условиями для подтверждения её присутствия в тексте являются наличие опорного слова и звуковых повторов к нему.

Анафония текстового характера – явление более сложное и менее распространённое и, вследствие этого, более интересное для изучения. В отличие от первого типа, для доказательства факта существования анафонии в данном случае недостаточно наличия слова-темы и звуковых повторов, необходимо «сохранение звуковой переключки с данным словом-темой на протяжении всего текста» [6, с. 136]. Выявление данного типа анафонии более вероятно в текстах малого объёма, каковыми, в большинстве своём, являются стихотворные тексты.

Возникает вопрос: каким образом соотносится разграничение трёх вышеперечисленных видов анафонических структур с разграничением тематических, опорных и ключевых слов? Тематические и опорные слова присутствуют в любом тексте, в любой коммуникативной единице, а, следовательно, могут характеризовать любой уровень лингвистического исследования. Что же касается ключевых слов, они обнаруживаются, прежде

всего, на уровне текста, так как реализуют композиционный приём. Поскольку анафония текстового характера является центральным объектом нашего исследования, в первую очередь, мы отобрали 200 франкоязычных поэтических текстов XIX-XX веков с наличием ключевого элемента. Для этого нам потребовалось проанализировать 1357 произведений. Таким образом, процент стихов с наличием КЭ составил $\approx 14,7\%$ от общего числа.

Чтобы определить, превышают ли звуки ключевого элемента речевой фон, и подтвердить, либо опровергнуть наличие анафонии в отобранных текстах, мы подсчитали общее количество звуков каждого стихотворения и количество звуков, входящих в состав ключевых слов/ элементов. Обратим внимание, что при проверке наличия анафонии текстового характера анализируются все звуки ключевого слова или ключевого элемента небольшого объёма, такого как, например, часть строки; в случае, когда речь идёт о ключевом элементе, содержащем большое число звуков, сначала необходимо выделить наиболее информативные из них – самые распространённые в данном ключевом элементе, или звуки, находящиеся в сильной позиции (анафоры, рифмы и др.). Затем мы выявили текстовую распространённость этих звуков и сравнили её с объективно существующим речевым фоном франкоязычной поэзии, установленным нами ранее. Для его определения нами было затранскрибировано двадцать тысяч звуков (четыре отрезка по пять тысяч звуков выдающихся французских поэтов XIX и XX веков – Пьера Жана Беранже, Поля Верлена, Гийома Аполлинера и Луи Арагона). Затем был произведён подсчёт частоты встречаемости каждого звука у каждого автора, а также определена средняя частотность звуков во французской поэзии. Полученные результаты представлены в таблицах 1 и 2 (жирным шрифтом выделены те звуки, расхождение в частотности которых можно считать существенными).

Таблица 1

Частотность согласных во франкоязычной поэзии

Звуки	Беранже		Верлен		Аполлинер		Арагон		Всего		χ^2 знак
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
[p]	140	2,8	145	2,9	128	2,56	148	2,96	561	2,805	+
[b]	145	2,9	84	1,68	81	1,62	66	1,32	376	1,88	–
[t]	288	5,76	229	4,58	255	5,1	189	3,78	961	4,805	–
[d]	238	4,76	190	3,8	193	3,86	206	4,12	827	4,135	+
[k]	151	3,02	194	3,88	169	3,38	195	3,9	709	3,545	+
[g]	20	0,4	33	0,66	49	0,98	19	0,38	121	0,605	–
[f]	77	1,54	85	1,7	70	1,4	87	1,74	319	1,595	+
[v]	121	2,42	127	2,54	115	2,3	68	1,36	431	2,155	–
[s]	185	3,7	284	5,68	255	5,1	259	5,18	983	4,915	–

Продолжение табл. 1

[z]	75	1,5	72	1,44	84	1,68	62	1,24	293	1,465	+
[ʃ]	37	0,74	46	0,92	34	0,68	29	0,58	146	0,73	+
[ʒ]	100	2	53	1,06	81	1,62	68	1,36	302	1,51	–
[m]	169	3,38	168	3,36	172	3,44	186	3,72	695	3,475	+
[n]	114	2,28	110	2,2	157	3,14	138	2,76	519	2,595	–
[l]	267	5,34	356	7,12	405	8,1	391	7,82	1419	7,095	–
[r]	514	10,28	443	8,86	340	6,8	459	9,18	1756	8,78	–
[ŋ]	8	0,16	3	0,06	12	0,24	5	0,1	28	0,14	+
[j]	100	2	90	1,8	78	1,56	86	1,72	354	1,77	+
[w]	62	1,24	64	1,28	36	0,72	68	1,36	230	1,15	–
[ç]	25	0,5	25	0,5	21	0,42	40	0,8	111	0,555	+
Итого	2836	56,72	2801	56,02	2735	54,7	2769	55,38	11141	55,705	+

Таблица 2

Частотность гласных во франкоязычной поэзии

Звуки	Беранже		Верлен		Аполлинер		Арагон		Всего		χ ² знак
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
[i]	196	3,92	230	4,6	231	4,62	279	5,58	936	4,68	–
[e]	169	3,38	196	3,92	196	3,92	167	3,34	728	3,64	+
[ɛ]	237	4,74	306	6,12	351	7,02	291	5,82	1185	5,925	–
[a]	240	4,8	294	5,88	289	5,78	304	6,08	1127	5,635	–
[y]	58	1,16	91	1,82	90	1,8	80	1,6	319	1,595	–
[ø]	50	1	28	0,56	33	0,66	34	0,68	145	0,725	+
[œ]	41	0,82	56	1,12	49	0,98	49	0,98	195	0,975	+
[ə]	260	5,2	306	6,12	316	6,32	345	6,9	1227	6,135	–
[ɑ]	48	0,96	47	0,94	28	0,56	66	1,32	189	0,945	–
[ɔ]	106	2,12	105	2,1	122	2,44	70	1,4	403	2,015	–
[o]	65	1,3	76	1,52	86	1,72	87	1,74	314	1,57	+
[ã]	250	5	164	3,28	189	3,78	128	2,56	731	3,655	–
[õ]	95	1,9	66	1,32	87	1,74	109	2,18	357	1,785	–
[ê]	65	1,3	68	1,36	52	1,04	52	1,04	237	1,185	+
[œ̃]	24	0,48	37	0,74	35	0,7	40	0,8	136	0,68	+
[u]	260	5,2	129	2,58	111	2,22	130	2,6	630	3,15	–
Итого	2164	43,28	2199	43,98	2265	45,3	2231	44,62	8859	44,295	+

Обратим внимание на то, что частотность любого гласного или согласного звука не превышает 8,8%, а соотношение гласных и согласных в целом составляет 4:5. Полученные данные позволяют установить нижнюю

границу нарушения нейтрального речевого фона. Из подсчётов следует, что соотношение гласных и согласных в стихотворной речи равно 4:5, что на 10 гласных приходится 12,5 согласных. Если примем полученные 22,5 звуков за сто процентов, употребление даже одного какого-либо звука в этих условиях дважды составит 8,8(8)%, то есть число, которое превышает частотность любого согласного или гласного. Превышение речевого фона двукратным использованием какого-либо звука будет справедливо и для пределов в 12 слогов, где такое использование составит 7,4%, что тоже выше частотности любого гласного и согласного (исключая чаще всего встречающийся в стихотворной речи «г», для которого такое употребление будет означать совпадение с речевым фоном).

Необходимо отметить, что выявленная нами частотность звуков во французской поэзии может использоваться и при исследовании прозаических текстов, что «фактически означает ужесточение требований к обнаружению явлений анафонии в прозе, то есть повышает надёжность результатов» [6, с. 191]. На основании сравнения текстовой распространенности звуков с речевым фоном можно сделать вывод, присутствует ли в том или ином тексте исследуемый нами вид анафонии.

Рассмотрим это явление на примере стихотворения Ж. Бреля.

LES DEUX FAUTEUILS

J'ai retrouvé deux fauteuils verts
Dans mon grenier tout dégoûtants,
C'est le fauteuil de mon grand-père
Et le fauteuil de grand-maman

L'un est usé jusqu'à la corde
 Souvent l'on dort dans ses bras
 Il est lourd de la sueur qu'il porte
 C'est le fauteuil de grand-papa

L'autre presque neuf n'a deci, delà
 Que quelques tache d'argent
 Sur le dossier et sur les bras
 Grand-mère y a pleuré dedans

Tout petit home de grande joie
 Vous les connûtes encore amants
 Se tenant tendrement les doigts
 Disant les mots qu'on aime tant

J'ai retrouvé deux fauteuils verts
Dans mon grenier tout dégoûtants,
C'est le fauteuil de mon grand-père
Et le fauteuil de grand-maman.

J.Brel

ДВА КРЕСЛА

Нашёл я два ужасных кресла
На чердаке, куда ж старей!
Одно из них – то кресло деда,
Другое – бабушки моей.

Одно потёртое донельзя,
 В нём то и дело кто-то спал.
 Зелёное большое кресло,
 Оно и пахнет точно встарь.

Второе – бабушкино кресло,
 Почти что новое. И всё ж,
 На спинке кое-где заметно
 Блестящие следы от слёз.

Немного места – сколько счастья
 Вы знали здесь ещё тогда,
 Когда сжимая нежно пальцы
 Шептали о любви слова.

Нашёл я два ужасных кресла
На чердаке, куда ж старей!
Одно из них – то кресло деда,
Другое – бабушки моей.

Пер. Е.Г.

Ключевой элемент – строфа – служит здесь кольцевым обрамлением, и в результате тематического развития внутри стихотворения, приобретает «на выходе» из текста новое смысловое содержание, значительно отличающееся от его содержания «при входе». В начале стихотворения герой сообщает, что нашёл на чердаке два некрасивых кресла. Но уже со следующей строфы мы понимаем, что он совсем так не считает, а наоборот, эти реликвии дороги ему как память. Он вспоминает своего деда и бабушку, он помнит, что они делали, сидя в своих креслах. Между строк мы можем прочитать, насколько внимательно герой изучает старую мебель, он чувствует дедушкин запах и даже может разглядеть следы от бабушкиных слёз. Мы буквально видим, как он прикасается к старой ткани, как будто поглаживает бабушку по голове, или вдыхает запах, как, быть может, делал в детстве, когда обнимал деда. Целая история или даже целая жизнь проносится у нас перед глазами. В четвёртой строфе герой даёт волю своим чувствам и рассказывает, как же счастливы они были в этом доме. Радость, любовь, нежность – вот какую лексику использует автор; вот какие чувства испытывает герой. Его бабушка и дедушка прожили прекрасную жизнь, они любили друг друга, хотя бывали и невзгоды, но всё это давно в прошлом.

Таким образом, в финале стихотворения КЭ имеет совсем другую эмоциональную окраску и новое смысловое наполнение.

Теперь необходимо проверить текстовую частотность наиболее информативных звуков КЭ.

№ строки	Звуков всего	t	d	f	j	g	o	œ	ε	ã
1	19	2	1	1	1		1	1	1	
2	18	2	2		1	2				2
3	19	1	1	1	1	1	1	1	2	1
4	17	1	1	1	1	1	1	1		2
5	19	1	1						1	
6	18		2						1	2
7	21	1	1					1	1	
8	18	1	1	1	1	1	1	1	1	1
9	24	1	2	1			1	1	1	
10	16	1	1						1	1
11	19		1		1				1	
12	17		2			1		1	1	2
13	20	2	2			1				1
14	18	1							1	2
15	18	2	2						1	3
16	16	1	1				1		2	2
17	19	2	1	1	1		1	1	1	
18	18	2	2		1	2				2
19	19	1	1	1	1	1	1	1	2	1
20	17	1	1	1	1	1	1	1		2
Итого	370	23	26	8	10	11	9	10	18	24

Отметим, что незначительное превышение частотности звуков не всегда говорит о наличии анафонических структур, поэтому мы учитываем только превышение речевого фона в 1,5 и более раза.

X_n – средняя частотность

X_t – текстовая распространенность

$$T_n = 4,805 \%$$

$$D_n = 4,135\%$$

$$T_t = 23 \cdot 100 : 370 = 6,216\%$$

$$D_t = 26 \cdot 100 : 370 = 7,027\%$$

$$T_t : T_n = 6,216 : 4,805 = 1,29$$

$$D_t : D_n = 7,027 : 4,135 = 1,699$$

Текстовая распространенность звука [t] превышает норму в 1,29 раза.

Текстовая распространенность звука [d] превышает норму в **1,699** раза.

$$F_n = 1,595\%$$

$$J_n = 1,77\%$$

$$F_t = 8 \cdot 100 : 370 = 2,162\%$$

$$J_t = 10 \cdot 100 : 370 = 2,7\%$$

$$F_t : F_n = 2,162 : 1,595 = 1,36$$

$$J_t : J_n = 2,7 : 1,77 = 1,5$$

Текстовая распространенность звука [f] превышает норму в 1,36 раза.

Текстовая распространенность звука [j] превышает норму в **1,5** раза.

$$G_n = 0,605\%$$

$$O_n = 1,57\%$$

$$G_t = 11 \cdot 100 : 370 = 2,973\%$$

$$O_t = 9 \cdot 100 : 370 = 2,43\%$$

$$G_t : G_n = 2,973 : 0,605 = 4,9$$

$$O_t : O_n = 2,43 : 1,57 = 1,55$$

Текстовая распространенность звука [g] превышает норму в 4,9 раза.

Текстовая распространенность звука [o] превышает норму в 1,55 раза.

$$\alpha_n = 0,975 \%$$

$$\epsilon_n = 5,925\%$$

$$\alpha_t = 10 \cdot 100 : 370 = 2,7\%$$

$$\epsilon_t = 18 \cdot 100 : 370 = 4,865\%$$

$$\alpha_t : \alpha_n = 2,7 : 0,975 = 2,77$$

$$\epsilon_t : \epsilon_n = 4,865 : 5,925 = 0,82$$

Текстовая распространенность звука [œ] превышает норму в **2,77** раза.

Текстовая распространенность звука [ε] ниже нормы.

$$\tilde{a}_n = 3,655\%$$

$$\tilde{a}_t = 24 \cdot 100 : 370 = 6,486\%$$

$$\tilde{a}_t : \tilde{a}_n = 6,486 : 3,655 = 1,77$$

Текстовая распространенность звука [ã] превышает норму в 1,77 раза.

Таким образом, в приведённом выше стихотворении текстовая частотность шести звуков превышает норму, что говорит о наличии анафонии в тексте.

Проанализировав отобранный материал подобным образом, мы установили, что 155 стихов из 200 характеризуются наличием текстовой ана-

фонии. Другими словами, 77,5% поэтических произведений с КЭ содержат анафонию текстового характера.

Следующим пунктом нашего исследования стало рассмотрение возможных предпосылок текстовой анафонии. Так как её границами является текст, который, в свою очередь, состоит из отдельных языковых единиц, логичным представляется предположение, что анафония на уровне языковых единиц должна лежать в основе анафонии на уровне текста. Чтобы доказать эту гипотезу мы проверили стихи, для которых характерна анафоническая организация на уровне текста, на предмет наличия в ней анафонии на уровне языковых единиц. При этом, так как материалом нашего исследования послужили тексты не только с ключевыми словами, но и ключевыми элементами, там где невозможно было выделить одно опорное слово, учитывались звуковые повторы наиболее информативных звуков КЭ.

Исходя из полученных нами данных, можно говорить, что звуковые повторы встречаются как за пределами КЭ, так и внутри него. В первую очередь, это обуславливается строфической организацией КЭ: очевидно, что если в тексте присутствует ключевое слово, то звуковые повторы к нему будут уже за его пределами, и, наоборот, если КЭ выражен, например, частью строфы или строфой, то звуковые повторы возможно найти уже внутри самого КЭ. Например:

– звуковые повторы за пределами КЭ – *O mon âme du soir, ce Londres noir qui traîne en toi!* (Эмиль Верхарн, «Londres»); *Non je préfère penser/Qu'une fenêtre fermée* (Жак Брель, «Les fenêtres»); *Il faut savoir encore sourire* (Шарль Азнавур, «Il faut savoir», КЭ – часть строки); *Il y a un vaisseau qui a emporté ma bien-aimée* (Гийом Аполлинер, «Il y a», КЭ – часть строки);

– звуковые повторы в пределах КЭ – *Vieux vagabond, je puis mourir sans vous* (Пьер-Жан Беранже, «Le vieux vagabond», КЭ – часть строки), *L'enfant répond toujours je mange* (Поль Элюар, «Dressé par la famine», КЭ – часть строки), *Dans le noir, dans le soir sera sa mémoire/wa/re* (Анри Мишо, «Qu'il repose en révolte», КЭ – часть строки), *Le monde est méchant, ma petite* (Теофиль Готье, «Le monde est méchant», КЭ – строка), *J'écris ton nom* (Поль Элюар, «Liberté», КЭ – строка), *Mangez, moi je préfère, / Vérité, ton pain dur.* (Виктор Гюго, «Chanson», КЭ – часть строфы), *Hier encore / J'avais vingt ans* (Шарль Азнавур, «Hier encore», КЭ – часть строфы), *Au-dessus de l'île on voit des oiseaux / Tout autour de l'île il y a de l'eau* (Жак Превер, «Chasse à l'enfant», КЭ – строфа).

Показательным является тот факт, что наличие анафонии контекстуального характера подтвердилось практически во всех анализируемых текстах (только в одном из 155 стихов удалось констатировать лишь подготовительную звукопись). Это доказывает наше предположение, что в основе анафонии текстового уровня лежит анафония на уровне языковых

единиц. Согласно нашему исследованию, чаще всего звуковые повторы находятся уже в пределах КЭ – в 140 (90,32%) текстах. Количество стихов, где звуковые повторы использованы за пределами КЭ, небольшое – 15 (9,68%), сюда же мы отнесли единственный случай подгототивительной звукописи.

Таким образом, можно утверждать, что анафония является характерной чертой франкоязычной поэзии, а присутствие в стихотворении ключевого элемента, в большинстве случаев, уже говорит о наличии анафонии текстового характера. При этом одной из главных предпосылок текстовой анафонии является анафония контекстуальная, следовательно, в поэтических произведениях с ярко выраженной анафонией на уровне языковых единиц велика вероятность существования анафонии на уровне текста.

Список литературы

1. Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. – М.: Наука, 1983.
2. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988.
3. Кухаренко В. А. Семантическая структура ключевых и тематических слов целого художественного текста // Лексическое значение в системе языка и в тексте: Сборник научных трудов. – Волгоград: ВГПИ, 1985. – С. 95–104.
4. Новиков Л. А. Семантика русского языка. – М.: Высш. школа, 1982.
5. Одинцов В. В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980.
6. Пузырев А. В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995.
7. Шанский Н. М. Созвучья слов живых // Русский язык в школе. – 1983. – № 6. – С. 62-68.

Уровни анализа проксеMATического поведения в межличностном общении

В статье анализируются проксеMATический код культуры и связанные с ним процессы кодирования и декодирования информации, лежащей в основе проксеMATического поведения участников коммуникации. Автором также делается попытка классификации основных уровней анализа проксеMATической организации общения.

The given paper focuses on the proxemic code of culture and the related processes of information coding and decoding underlying the proxemic behavior of communicants. The author aims at working out a classification for the principal levels of analysis of proxemic organization of communication.

Ключевые слова: лингвокультурный код, невербальная семиотика, проксемика, проксеMATический код, дискурс, драматический дискурс, авторская ремарка.

Key words: linguocultural code, non-verbal semiotics, proxemics, proxemic code, discourse, dramatic discourse, stage directions.

Целью данной статьи является установление уровней анализа пространственных отношений, которые могут быть использованы в процессе моделирования пространственного фактора общения, содержащего в себе определённый материал о национальной, культурной и ценностной составляющих того или иного лингвокультурного сообщества. Ключевые положения, которые могут быть сформулированы на основе данного материала, могут быть, в свою очередь, использованы для выделения уровней лингвокультурологического анализа межличностного общения. Эти уровни могут найти применение в процессе моделирования коммуникативного поведения участниками общения. Объектом данного исследования выступает коммуникативное пространство, то есть та среда, в которой протекает информационный обмен между партнёрами по коммуникации. Предметом проводимого исследования является проксеMATический код общения и связанные с ним процессы кодирования и декодирования информации, лежащей в основе проксеMATического поведения человека.

Как объект, так и предмет исследования укладываются в рамки лингвокультурологии, направления лингвистики, занимающегося изучением языка как феномена культуры. Наличие особых связей между культурой и языком является неоспоримым фактом, в силу того, что обе эти системы условием своего существования имеют семиотическое пространство, то есть семиосферу [15, с. 163]. Предполагается, что для предельно чёткого

понимания коммуникативного поведения участников общения важно учитывать не только их язык, но и присущие им культурологически значимые поведенческие особенности и стереотипы, например то, какими жестами они пользуются во время общения, или то, на какой дистанции друг от друга они предпочитают находиться в той или иной ситуации. Причём все эти лингвистические и экстралингвистические факторы в совокупности создают общую картину коммуникации. Успешное понимание сообщений коммуникантов при этом основывается на владении всем комплексом семиотических кодов на стыке языка и культуры, которые, вслед за С. В. Ивановой и З. З. Чанышевой, мы называем лингвокультурными и понимаем под ними инструменты, обеспечивающие полноценную коммуникацию в пределах данного семиотического пространства [7, с. 74].

Однако следует выяснить, что изначально подразумевается под понятием код. Код есть совокупность знаков (символов) и система определённых правил, при помощи которых информация может быть представлена, то есть закодирована, в виде набора из этих знаков, с целью передачи, обработки и хранения этой информации [3, с. 544]. В свою очередь, знак, согласно определению В.Н. Комиссарова, – это материальный объект, связанный в нашем сознании с определённым мыслительным содержанием, понятием или представлением о каком-то классе других объектов или отдельном объекте [8, с. 38].

Понятие лингвокультурного кода перекликается с существующим в культурологии понятием кода культуры, который, как утверждают Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова, возникает как результат овеществления культуры [5, с. 8]. Согласно С. В. Ивановой и З. З. Чанышевой, лингвокультурный код появляется в результате вербализации культурных кодов как языковая сущность, распредмечивание которой ведёт к декодированию кодов культуры [7, с. 75]. Само существование культурного кода очевидно в силу того, что культура характеризуется как знаковая система, что подразумевает наличие в ней специфических кодов, составляющих различные культурные феномены. Однако следует оговориться, что вопрос определения кода культуры в рамках лингвокультурологии является сложной задачей, что подтверждается, в частности, существованием множества трактовок данного понятия [там же]. Наиболее распространённым является определение, введённое В. В. Красных, которая рассматривает код культуры как «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [9, с. 232]. Как утверждает В. В. Красных, между различными кодами культуры нет и не может быть жестких границ [10, с. 6], так как они зачастую обуславливают друг друга. Следует также подчеркнуть, что коды культуры по сути своей изоморфны, т.е. любая культура обладает всем перечисленным спектром кодов. Однако, несмотря на то, что «коды культуры как феномен универсальны по природе своей», «их проявление, удельный вес каждого из них в

определённой культуре всегда национально детерминированы и обуславливаются культурой» [9, с. 232].

Как и любой другой код, лингвокультурный код по определению представляет собой совокупность знаков, которые, в отличие от всех других, обозначают культурно обусловленные объекты. Однако мы считаем возможным утверждать, что в качестве знака в нашем случае может выступать не только какой-либо материальный объект, но и чувственно воспринимаемые явления или действия (знак), как, например, физическое сближение коммуникантов, либо же наоборот их отдаление, которые репрезентируют собой другие явления или действия (знак в знаке) и несут определённую смысловую нагрузку, которая зачастую культурно детерминирована. Совокупность подобных знаков, характеризующих особенности использования пространственных возможностей коммуникантами во время общения, составляет проксемотический код культуры.

В данной связи возникает необходимость выяснения того, что подразумевается под понятием проксемика. В самом широком понимании – это наука, изучающая пространство и способы его структурирования. Однако целям данной работы служит более узкое рассмотрение этого понятия. Вслед за Г. Е. Крейдлиным, под проксемикой мы понимаем науку о пространстве коммуникации, изучающую принципы того, как человек мыслит это пространство, как его обживает и использует [12, с. 457]. Согласно узкому пониманию, проксемика охватывает принципы организации коммуникативного пространства и пространственные отношения, возникающие между представителями одного или разных языков и культур в процессе коммуникации. По сути, проксемика является одной из базовых подсистем невербальной семиотики, к которой помимо проксемики следует отнести такие дисциплины, как паралингвистика, предметом изучения которой является параязык, то есть дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию [12, с. 27]; кинесика, то есть наука о языке тела и его частей, окулесика, изучающая язык глаз и визуальную коммуникацию, гаптика (или такесика), исследующая язык касаний и тактильную коммуникацию, и другие. В нашем представлении как проксемика, так и прочие невербальные семиотические подсистемы, представляет собой не что иное, как разновидности кодов культуры.

В своей классификации мы выделяем три основных уровня анализа проксемотического кода. Первый из них, культурно-семиотический уровень, образован, по меньшей мере, четырьмя основными параметрами культуры поведения, такими, как дистанция, ориентация и угол общения, поза, а также межсемиотическое невербальное поведение. Нужно отметить, что одним из первых пространственную структуру начал изучать американский антрополог Эдуард Т. Холл. В начале 60-х годов XX века он ввёл в научный обиход термин проксемика (от англ. proximity – близость)

для анализа закономерностей пространственной организации коммуникации, а также влияния дистанции между людьми на характер межличностного общения. Проведённые им исследования показали, что они существенно отличаются в разных культурах и являются довольно значимыми для коммуникации. Выбор необходимой для общения дистанции является исходным параметром рассматриваемого уровня проксемотической организации коммуникации в разрабатываемой нами модели проксемотического кода. Действительно, общение людей всегда происходит на определённом расстоянии друг от друга, и это расстояние является важным показателем характера отношений и степени близости между людьми. Тем самым, изменение дистанции между людьми при общении является значимой частью процесса коммуникации. Описывая нормы приближения человека к человеку, характерные для североамериканской культуры, Э. Холл выделил четыре зоны коммуникации (интимную, личную, социальную, публичную), различающиеся дистанцией между коммуникантами (от 15 см до 760 см) [19, с. 117-124]. Каждая зона предназначена для определенной цели коммуникации, учитывает социальную характеристику коммуникантов, их намерения, задачи коммуникации и имеет особые знаки и формы невербальной коммуникации. Так, в личной зоне происходит большая часть коммуникативных дружеских контактов человека. В социальной зоне происходит большая часть служебных контактов, общение преподавателя и учащихся, начальника и подчинённых, обслуживающего персонала и клиентов. Публичная зона используется при общении с большой группой людей. Эта зона предполагает такие формы взаимодействия, как собрания, презентации, лекции, доклады, речи и прочее. Она может охватывать довольно обширное пространство при условии сохранения коммуникативного контакта.

Другим не менее значимым параметром в пределах культурно-семиотического уровня является ориентация и угол общения, устанавливающиеся между коммуникативными партнёрами. Ярким примером значимости представленных невербальных компонентов может служить пространственная организация сидящих за столом людей. Так, в зависимости от характера общения коммуниканты могут располагаться лицом к лицу, бок о бок, спиной друг к другу, то есть занимаемые ими позиции могут значительно варьироваться в зависимости от ситуации. Согласно исследованию, проведенному В. А. Лабунской, люди садятся друг против друга, если общение носит характер соперничества, тогда как в случае сотрудничества – рядом по одну сторону стола. Обычная беседа и, особенно, случайная даёт позицию наискосок – через угол. Для беседы, связанной с действием, характерно положение на противоположных сторонах, но не напротив, а слегка по диагонали.

Помимо зон коммуникации, ориентации, угла общения на изменение проксемотических характеристик коммуникации оказывают влияние также

и позы, принимаемые коммуникантами. Поза также является возможностью устанавливать между людьми отношения, когда они находятся вместе. Позы принято разделять на включающие или исключаящие; противопоставляющие или параллельные; гармоничные или дисгармоничные [17, с. 154]. Позы, относящиеся к первой группе, или включают людей в круг собеседников, или исключают их. Такие позы формируются с помощью тел, рук, ног, поставленных в определённое положение. К примеру, на приёме группа людей создаёт небольшой кружок, который закрыт для других. Если три участника этой группы сидят на диване, то двое, сидящих с краю, могут сыграть роль двух корешков книжной обложки и развернуться вовнутрь, чтобы закрыть человека в центре и не допустить других в круг [17, с. 154].

К категории противостоящей или параллельной ориентации относятся позы, с помощью которых два человека могут выразить своё отношение друг к другу. Они могут сесть либо напротив друг друга, либо параллельно друг другу, а третий – лицом к ним. В группе из четырёх человек двое параллельно сидящих друг к другу людей будут сидеть напротив двух других, сидящих также параллельно по отношению друг к другу [17, с. 157]. Расположение лицом к лицу – это обычный способ отношений между студентом и преподавателем, врачом и больным. Расположение друг к другу боком свидетельствует о том, что люди относятся друг к другу нейтрально, во всяком случае, в данной ситуации. Категория гармонии или дисгармонии включает в себя позы, имитирующие соответствующие действия собеседника. Когда группа находится в состоянии внутренней гармонии, согласия, то их позы, жесты, телодвижения, как в зеркале, повторяют действия других участников группы. Если среди участников группы есть две различные точки зрения, то сторонники каждой из них принимают схожие позы. Члены каждой из подгрупп ведут себя гармонично по отношению друг к другу, но дисгармонично по отношению к участникам противостоящей им подгруппы. Люди, которые хотят показать, что они выше остальных в группе, нарочито принимают дисгармоничную позу [17, с. 157].

На втором, дискурсивном уровне, мы рассматриваем этнолингвистическую специфику отражения проксематического кода на материале особенностей его функционирования в драматургическом дискурсе. Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [1, с. 136]. Дискурсивное пространство английской драмы традиционно основывается на двух составляющих, в силу того, что текст любой пьесы представляет собой диалог персонажей, который сопровождается авторскими ремарками и комментариями. Драматургический дискурс можно рассматривать как письменную фиксацию устной речи, так как драматурги стремятся воссоздать в своих произведениях особенности разговорной речи,

которая не только служит средством общения персонажей, но в значительной степени раскрывает их возрастные, статусные и прочие характеристики [14, с. 371]. Учитывая то, что в разговорной речи и её восприятии роль экстралингвистических факторов не менее важна, чем роль собственно вербальных средств, при фиксации разговорной речи на письме возникает необходимость компенсировать потерю в особенностях звучания, просодики, жестикулирования и мимики, движениях и перемещениях на сцене, обстановке действия [14, с. 371]. Все эти характеристики рассчитаны на аудиовизуальное восприятие, тогда как в письменном тексте драматург прибегает к авторским ремаркам. Авторские ремарки есть пояснения, которыми драматург предваряет или сопровождает ход действия в пьесе. Они могут пояснять возраст, внешний облик, одежду действующих лиц, а также их душевное состояние, поведение, движения, жесты, интонацию [2, с. 231].

Согласно А. Р. Габдуллиной, проксематические знаки отражают в авторской ремарке организацию, восприятие и использование коммуникативного пространства с учётом поведения персонажей, а сама авторская ремарка служит важнейшим способом естественно-языковой концептуализации пространства коммуникации [4, с. 144]. В своей работе автор исследует, прежде всего, внешние поведенческие описания, которые регулируют поведение персонажей на сцене, включая коммуникативное поведение, и выделяет три основных вида авторских ремарок в рамках данного параметра:

1) ремарки, указывающие на статическое размещение персонажей на сцене, представленные стативными глаголами (*be, stand, sit, lie, wait, watch, lean*) [4, с. 145]: MARGE [*as she stands waiting for an answer, indicating her shoes*]: Do you like these, Evelyn? [18, с. 113];

2) ремарки, связанные с актуализацией пространства персонажа на фоне пространства наблюдателя, что ограничено единицами, выражающими появление актёров на сцене и уход со сцены (*enter, come, come back, go, emerge, appear, disappear, exit, leave, vanish, reenter, reappear, depart, withdraw, escape, retire, retreat, return, run, stop, arrive, exeunt*) [18, с. 113]: EVA [*coming in swiftly and closing the door*] Brrr. [18, с. 85];

3) ремарки, связанные с выбором параметров коммуникативного пространства, их изменением, в значительной степени нарушением норм организации пространства, несущим смысловую нагрузку, что отражается в семантике проксематических единиц (*advance, come closer, cross, face, hide, hurry, pass, recoil, turn, turn away, turn round, turn one's back on smb*) [18, с. 113]: MALCOLM [*calling behind him*]: Just along the passage there, Joan. It's the blue door. [*As he turns to go, he passes SUSANNAH coming in*] [18, с. 192].

Таким образом, проксематические знаки обладают значительной смысловой нагрузкой в театральной коммуникации. Они характеризуются многофункциональностью, а их интерпретация осуществляется согласно существующим в данном лингвокультурном сообществе правилам.

Наконец, на уровне лингвокультурной интерпретации знаков-экспонентов культурной информации мы анализируем единицы, связанные с отражением проксематического кода культуры с точки зрения социокультурного, этноспецифического, ситуативного и личностного аспектов. В рамках социокультурного аспекта нами рассматриваются гендерные, возрастные и прочие факторы. Так, в зависимости от возраста говорящих колеблется и расстояние между ними в процессе коммуникации. Это расстояние увеличивается при общении с лицами старше по возрасту. Иногда при рассмотрении такого личностного фактора, как возраст, должны учитываться и гендерные характеристики. Например, Г. Е. Крейдлин [12, с. 471] утверждает, что с возрастом межличностная дистанция в женских парах возрастает, а в мужских уменьшается. Гендерная принадлежность коммуниканта, взятая в чистом виде, также влияет на дистанцию общения. В частности, в женских парах физическое расстояние между участниками коммуникативного акта меньше, чем в мужских [11, с. 111-112].

К этнокультурным и социостратификационным факторам относятся, к примеру, социальная принадлежность коммуникантов, присущие им национально-этнические признаки, социальное положение и др. Так, люди общаются на большом расстоянии с собеседниками, обладающими более высоким социальным статусом, тогда как люди равного статуса общаются на близкой дистанции. Примером национально-этнической специфики проксематического поведения людей могут служить стереотипы, существующие в Юго-Восточной Азии, где люди, желающие вступить в диалог, как правило, не подходят слишком близко друг к другу, чтобы не нарушить тем самым принятые в соответствующих культурах этикетные нормы, связанные с проксематическим поведением. Среди ситуативных можно выделить в том числе такие факторы, как общий объём и содержание общения, степень знакомства, намерения коммуникантов, их заинтересованность в предмете разговора, их текущее физическое и эмоциональное состояние, влияющее на общение, а также такие, казалось бы, несущественные параметры, как величина помещения, его освещённость и др. Значимыми среди них являются также социальные роли, выполняемые участниками коммуникации, которые играют важную роль в установлении определённой дистанции между говорящими. Согласно Е. Ф. Тарасову, социальная роль – «это совокупность требований (ролевых ожиданий) к деятельности и прав, необходимых владельцу [ролевой] позиции для осуществления этой деятельности» [16, с. 44]. Следует уточнить, что эта деятельность может включать в себя как различные вербальные, так и невербальные компоненты. Социальные роли можно объединить в две основные группы, а именно, в группу собственно социальных ролей и ситуационных ролей. Среди собственно социальных ролей можно выделить роли, связанные, к примеру, с социальным статусом, профессией или определённым видом деятельности участника коммуникации (учитель,

ученик, студент). Сюда же можно отнести семейные роли (муж, жена, отец, мать, дочь, сын). Ситуационные роли можно разделить на собственно ситуационные и диффузные (личностные) роли. Согласно Е. Ф. Тарасову, ситуационные роли – «это более или менее фиксированные стандарты поведения и деятельности, не привязанные к определённым [социальным] ролям» [16, с. 49]. Они, как правило, выполняются пассажирами, покупателями, пешеходами в большом городе, посетителями кинотеатра, гостями и т.д. В отличие от собственно ситуационных, диффузные или личностные роли определяются ценностными ориентациями личности (друг, враг, отзывчивый человек, порядочный человек) [16, с. 49].

Из личностных факторов наиболее значимыми являются присущие коммуникантам физиологические и личностные характеристики, включая интровертность/экстравертность, тип темперамента, характер межличностных отношений между участниками общения. Для отражения указанных характеристик коммуникантов целесообразно вести речь о психологической дистанции между общающимися, которая устанавливается с целью обеспечения психологического комфорта. Иными словами, психологические особенности личности также существенны при установлении коммуникативной дистанции. Так, интроверт будет стремиться увеличивать дистанцию общения. То же самое будет происходить с меланхоликом и флегматиком в силу их большей интровертированности и сдержанности. Напротив, экстраверт, равно как холерик и сангвиник, будет стремиться эту дистанцию сократить. Примером значимости физиологических особенностей при общении может служить рост человека. В частности, британским психологом М. Аргайлом было замечено, что чем выше мужчина, тем больше он стремится приблизиться к собеседнику и, наоборот, чем меньше его рост, тем большее расстояние он предпочитает, в то время как у женщин наблюдается противоположная зависимость.

Таким образом, то, как человек мысленно выстраивает вокруг себя некоторую область, непосредственно окружающую его и мыслимую им как собственное продолжение, а также то, как он распоряжается этой областью в процессе коммуникации, способно нести в себе исключительную по важности информацию, откладывающую отпечаток на весь процесс общения, начиная с момента подготовки к нему. Этот отпечаток характеризуется семиотической природой, так как он, по сути, является знаком или кодом, определяющим речевое поведение коммуниканта в общении. То есть мы можем говорить о проксематическом факторе речеповеденческого кода, который, как отмечает С. В. Иванова, «позволяет говорящему адекватно позиционировать себя в процессе коммуникации, поскольку он отражает социальные отношения, духовные ценности, стереотипы лингвокультурного сообщества» [6, с. 271]. Очевидно, что проксематический фактор речеповеденческого кода позволяет говорить о пространственных стереотипах, существующих в данной лингвокультурной среде,

которые в равной мере способны определять и впоследствии регулировать коммуникативное поведение говорящих. Проксематические отношения, возникающие между участниками коммуникации, выступают в качестве пространственного фактора данного лингвокультурного сообщества, с одной стороны, а также фактора речеповеденческого кода, с другой.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева – 2-е изд. – М.: БСЭ, 2000.
2. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. – СПб.: Паритет, 2006.
3. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БРЭ; СПб.: Норинт, 2001.
4. Габдуллина А. Р. Отражение семиотических кодов театральной коммуникации в авторской ремарке: автореф. дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2009.
5. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007.
6. Иванова С. В. Актуальные проблемы лингвокультурологических исследований // Система языка: синхрония и диахрония: Межвуз. сб. научн. ст. – Уфа: БашГУ, 2009. – С. 267-273.
7. Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография. – Уфа: БашГУ, 2010.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебн. пособие. – М.: ЭТС, 2002.
9. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2002.
10. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5-19.
11. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
12. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: НЛО, 2004.
13. Лабунская В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). – Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1986.
14. Лимановская И. Б. Статус и роль авторских ремарок в дискурсе англоязычной драмы (на материале англоязычной драмы 16-18 веков) // Вестник Самарского государственного ун-та. Гуманитарная серия. – 2008. – № 1 (60). – С. 371-376.
15. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999.
16. Тарасов Е. Ф. Социально-психологические аспекты этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 38-54.
17. Фаст Дж. Язык тела. – М.: Наука, 1995.
18. Ayscough Alan. Three Plays (Absurd Person Singular, Absent Friends, Bedroom Farce). – London: Penguin Books, 1979.
19. Hall E.T. The Hidden Dimension. – Garden City, NY: Doubleday, 1966.

Процесс обучения иностранным языкам в образах русского языкового сознания

В статье исследуются образы языкового сознания русских студентов, ученых, характеризующих процесс обучения иностранным языкам.

In this article are researched images of language consciousness of Russian students, researchers, which characterize the foreign language teaching process.

Ключевые слова: языковое сознание, образы языкового сознания, процесс обучения иностранным языкам, семантические группы, стимулы.

Key words: language consciousness, images of language consciousness, the foreign language teaching process, semantic groups, stimulus.

В течение последних десятилетий отношение к изучению иностранных языков изменилось. От знания иностранных языков зависят зарубежные профессиональные контакты работника, его возможность вести исследование, используя научные данные зарубежных коллег, уровень зарплаты. Каково же отношение россиян к изучению иностранных языков? Для исследования вопроса нами были проанализированы лексикографические источники [5], [7], [9], [10]; энциклопедические источники [6], [8]; языковой материал, полученный в результате проведенного нами ассоциативного эксперимента. Эксперимент проводился на факультетах иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена и Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина в 2008 году. Количество опрошенных студентов и преподавателей составило 112 человек (8 мужчин и 104 женщины).

В качестве исходных категорий и терминов были использованы термины языковое сознание и образы языкового сознания. Проблемой языкового сознания занимались такие ученые, как Е. И. Горошко, Д. В. Гудков, А. А. Залевская, И. Ю. Марковина, О. Д. Наумова, И. В. Привалова, С. А. Ромашко, Ю. А. Сорокин, И. С. Стернин, Е. А. Маслыко, А. Е. Супрун, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Л. А. Этманова. В понимании отечественного корифея психолингвистики Е. Ф. Тарасова, языковое сознание это совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств, слов, свободных и устойчивых словосочетаний, пред-

ложений, текстов и ассоциативных полей [3]. Проанализировав определения языкового сознания вышеназванных авторов, мы пришли к выводу, что языковое сознание (далее ЯС) связывают с понятием языковой нормы и с наличием в нем ярко выраженного ценностного элемента, с психическими механизмами, обеспечивающими процесс речевой деятельности. Языковое сознание рассматривают как средство формирования, хранения и переработки языковых знаков, имеющих определенные смыслы, представленность, явленность субъекту тех или иных содержаний, как совокупность образов сознания, материализованных языковыми знаками. Широкое языковое сознание принадлежит нации, узкое – одному индивиду. О разграничении их писала И. Зимняя. Е. Ф. Тарасов обращает внимание на социальный характер формирования структур сознания, связанных с языковыми знаками. Ю. А. Сорокин пишет о многослойности сознания и его способности оценивать воздействия как символы и сообщения языковой /речевой формы сознания. С. А. Ромашко выделяет аксиологический аспект языкового сознания. Е. А. Маслыко описывает роль стихийной или управляемой трансформации языкового сознания в процессе овладения иностранным языком, что ведет к развитию “межъязыкового сознания”. А. Е. Супрун останавливается на условиях манифестации языкового сознания. Л. А. Этманова останавливается только на процессе восприятия, понимания и хранения языка в сознании, на психических процессах, обеспечивающих речевую деятельность. Проанализировав определения ЯС, можно констатировать, что они даны с точки зрения психологического, психолингвистического и культурологического аспектов. Наше определение языкового сознания – переработка знаний, получаемых в определенной этнической среде в процессе социализации, выражающееся в речевом общении, и их хранение.

Языковое сознание характеризуется его образами. Е. Ф. Тарасов определяет «образы сознания как поверхностную структуру, за которой скрываются ядерные структуры; знание, которое на поверхностном уровне может быть представлено различными образами» [3]. Под образами языкового сознания понимается отражение объектов действительности и абстрактных понятий в языковом сознании человека при помощи знаков. Образам языкового сознания присущи следующие качества: синкретичность, обобщенность информации посредством органов восприятия, типичность – принадлежность к определенной нации, территории, временным границам, то есть историческая окрашенность образа, содержательность – в понимании Н. Д. Арутюновой – это содержательные характеристики, эмоциональная окрашенность [1]. Образы языкового сознания формируются и исчезают независимо от воли человека. Формированию образов языкового сознания способствуют жизненный опыт человека и его окружения, всего народа, к которому он принадлежит. Особое место здесь занимает художественная литература и средства массовой информации.

Для проведения ассоциативного эксперимента были использованы стимулы и выявлены семантические группы, характерные для процесса обучения иностранным языкам в России. Стимулы мы определяли согласно созданной нами модели страны изучаемого языка (модель культуры и страноведения). Образцом построения модели мира явилась модель Татьяны Васильевны Цивьян [4]. В этой модели мира представлена система бинарных оппозиций: структура пространства, структура времени, цвета, различные коды, которыми описывается модель мира (астральный, вегетативный, зооморфный, антропоморфный, гастрономический, цветовой, числовой, музыкальный). Культурно-страноведческая модель языкового сознания может отражать образы национальной картины мира носителя любого языка, принадлежащего к определенной культуре. Мы предлагаем представить эту модель посредством часто упоминаемых видов культур в философских источниках и страноведческих понятий. Виды культуры представлены профессиональным, экономическим, эстетическим, национально-этническим, нравственным, религиозным, правовым образами мира. К категориям культуры и природы можно отнести следующие: большие и малые города, реки, озера, моря, океаны, ландшафты, растительный и животный мир. Структура пространства выражается в конкретных ландшафтах, реках, морях, океанах и других объектах. Структура цвета рассматривается в живописи. В музыке представлен музыкальный код восприятия мира. Структура времени – культурологическая категория, которая рассматривается в национально-этническом виде культуры. Этот вид культуры включает менталитет нации, особенности психологического восприятия мира, сюда относятся числовой и гастрономический код. Вегетативный и зооморфный коды включены в животный и растительный мир страны изучаемого языка. Данная модель шире и может отражать кроме категорий, относящихся к природе, категории культуры в широком смысле этого слова, разработанные человеком. Предлагаемую модель мира мы сузим до модели мира, типичной для страны изучаемого языка.

Первым шагом на пути решения поставленной задачи явилось выявление принципов отбора стимулов для описания национальной картины мира. Представим критерии отбора стимулов:

1) слова должны относиться к ядру языкового сознания русских, так как мы воспринимаем чужое через призму своей культуры; чужое особенно четко проявляет свои особенности в сопоставлении с иностранным языком с общими характеристиками русской национальной картины мира;

2) слова должны относиться к профессиональному, экономическому, эстетическому, национально-этническому, нравственному, религиозному, правовому образу мира;

3) слова должны относиться к учебной деятельности студентов;

4) гендерный принцип [2], часть слов должна представлять гендерно маркированную лексику;

- 5) слова должны относиться к разным частям речи [2];
- 6) слова должны иметь оценочный элемент в своем значении [2];
- 7) слова должны принадлежать к высокочастотной лексике русского языка [2].

Нами выявлено 100 стимулов, отражающих национальную картину мира. На этом фоне было выделено тринадцать стимулов, относящихся к процессу обучения в целом и иностранным языкам в частности: иностранный язык, студент, университет, пара, методы, работа, обучать, слушать, удовлетворительно, мобильность, библиотека, грамматика, деньги. Данные стимулы мы отбирали по следующим соображениям. Нам важен процесс обучения иностранным языкам, поэтому в список стимулов были включены слова *иностраннй язык, методы, пара, студент, обучать, библиотека, грамматика, университет, слушать*. Последнее слово было одним из важных, так как во владении иностранным языком большую роль играет процесс слушания речи собеседника и понимания ее. Лексемы *работа, деньги* мы включили в этот список не случайно, многие студенты работают, чтобы оплатить обучение. *Удовлетворительно* – отметка, типичная для среднего студента. Она включена в список стимулов. И последнее слово – *мобильность* – является показателем современности процесса обучения, согласно требованиям Болонского процесса.

Считаем целесообразным после проведения ассоциативного эксперимента из полученного ассоциативного поля выявлять семантические группы, чтобы обобщить ассоциации. Делается это для организации процесса обучения иностранным языкам, для формирования образов австрийского языкового сознания. Ассоциативный эксперимент проводился как в России, так и в Австрии.

Стимул формировал вокруг себя некоторое количество семантических групп. Семантическую группу мы определяем как группу лексем, характеризующих обобщенное понятие. В результате анализа лексикографических источников и ассоциативных экспериментов мы получили поле семантических групп.

Стимул «иностраннй язык».

В большинстве лексикографических источников отсутствует словосочетание *иностраннй язык*, чаще представлено слово *иностраннй*. Частотные семантические группы: *связанный с границей (3)*, *относящийся к внешней политике (2)*, *жизненная необходимость (2)*, *чужое (2)*, *условия изучения (2)*, *место изучения (2)*, *эмоциональные оценки (2)*, *названия иностранных языков (2)*.

Семантические группы, встречающиеся один раз: *цели изучения ИЯ (иностранного языка)*, *связь ИЯ с лингвистикой*, *не русский*.

Итак, изучение ИЯ жизненно необходимо, так как дает возможность «связи» с границей, ИЯ открывает путь к внешней политике, ИЯ – чужой

язык, русским людям важны условия и место изучения ИЯ, русские эмоционально относятся к изучению ИЯ, многочисленные названия иностранных языков свидетельствуют о серьезном изучении ИЯ в России.

Стимул «студент».

Из лексикографических источников и данных ассоциативного эксперимента выявляются следующие частотные группы: студент высшего учебного заведения (5), студенческие атрибуты (4), обучающиеся (3), деятельность студентов в учебном заведении и ее характеристики (2), люди, обучающие студентов (2), образовательные учреждения (2), возраст и качества обучаемых (2), беззаботность студентов (2), сферы работы студентов (2).

Дополнительная информация и семантические группы, встречающиеся один раз: эмоции, связанные с деятельностью студентов; время обучения студентов; праздник «Международный день студентов»; бедность студента; веселость студента; вольная жизнь студентов; будущие профессии; факультеты, на которых учатся студенты; личность студента; наличие очков; одежда студентов; пьющий студент; фамилии студентов; «вечный» студент; отрицательные и положительные характеристики студентов; плохое состояние здоровья студентов; сумасшедший, ненормальный студент; место проживания; руководители университета, факультета; стать студентом; отчислить студента; группа студентов; куратор студентов; распределение студентов; женитьба студента.

Итак, студент в понимании русских людей – это, в первую очередь, студент высшего учебного заведения, затем вычленяются атрибуты студентов (студенческий билет, зачетная книжка и т.д.) и деятельность студентов, люди, обучающие студентов и сами учебные заведения, во многих источниках указываются МГУ и ЛГУ (СПбГУ). Вполне логично распределение семантических групп – на первом месте находятся сами студенты и их деятельность, люди, обучающие студентов, входят в число частотных, но не первых семантических групп, что свидетельствует о самостоятельности обучения студентов и смещения парадигмы обучения в сторону европейской системы обучения, где преподаватель является только направляющим, подсказывающим и организующим самостоятельное обучение. Типичной русской чертой характера является беззаботность студента, что проявляется в желании оставить серьезное обучение на конец семестра. Объясняется этот факт тем, что некоторые студенты работают, поэтому не хватает времени для своевременного обучения.

Некоторые одиночные семантические группы являются устаревшими, но присутствующими в языке благодаря средствам массовой информации. Они укоренили образ студента как человека в очках, вспомним художественный фильм «Операция «Ы» или другие приключения Шурика». Распределение студентов отсутствует в настоящее время. Странной является ассоциация «пьющий студент», что противоречит моральному облику сту-

дента. Среди семантических групп есть фамилии. Присутствие одиночной семантической группы «сумасшедший, ненормальный» свидетельствует опять же об «осторожном» отношении русских людей к образованным людям. Хотя такое отношение можно уже считать анахронизмом. Но общество неоднородно, и отношение к студентам разное.

Стимул «университет».

Образ университета представлен в виде научного учреждения (5), здания университета (4), места обучения (4), кадрового состава университета (3), в виде устойчивого выражения «университетов не кончал» (3). Университет – это источник накопления знаний и большого опыта (3), деятельность студентов в университете (3), университетская жизнь (2), дисциплины, изучаемые в университете (2), эмоции, связанные с обучением в университете (2), имена, связанные с университетом (2), обучающиеся (2), структура университета (2), первые университеты в мире (2).

К разовым семантическим группам относятся: состояние университета, расположение университета, виды университетов, университетский устав, диплом, библиотека, города, высшее учебное заведение, подготовка и переподготовка кадров, государственные и негосударственные университеты.

Итак, университет-это научное учреждение, место обучения и здание, это кадровый состав университета. Русские люди часто употребляют в речи афоризм «университетов не кончал», что свидетельствует о чувстве превосходства над собеседником или «мои университеты» - как источник накопления знаний, большого опыта. Университетская жизнь характеризует каждый университет, важно какие дисциплины изучаются в университете, перечисляются имена собственные, связанные с университетом, обучающиеся и первые университеты в мире.

Стимул «пара».

Данный стимул содержит многие семантические группы, не относящиеся к обучению, так как значение лексемы «пара» многозначно. Мы назовем только относящиеся к обучению: отметка (двойка) (6), временные характеристики (3), отрицательные характеристики (3), положительные характеристики (2), деятельность студентов (2), вид занятий (2), тройка (2), кадровый состав университета (2), учебные дисциплины (2), учебный процесс (2), небольшое количество чего-либо (2), вид учебных заведений, где проходят занятия (1), рифма (1).

В языковом сознании русских людей образ пары характеризуется отрицательной и минимально положительной отметками (двойка и тройка), временными характеристиками, деятельностью студентов, учебным заведением, процессом обучения, эмоциональными характеристиками.

Стимул «методы».

К повторяющимся семантическим группам принадлежат: способ, прием (6), методы относят к науке (5), обучению (4), упоминается метод познания (4), замечено отрицательное отношение к методам обучения (3),

методы ассоциируются с практикой (3), положительное отношение к методам обучения (2), упоминаются конкретные методы обучения (2), трактовка (2).

Одиночные семантические группы: средства обучения, имена собственные, связанные с методами обучения, виды методов, система последовательных действий учителя и учащихся, обеспечивающих усвоение содержания образования.

Русские люди определяют методы как способ или прием. С научной точки зрения это неверная трактовка. Положительной чертой русской ментальности является уважение к конкретным людям, что проявляется в наличии имен собственных в каждом образе языкового сознания, относящегося к процессу обучения иностранным языкам.

Стимул «работа».

Повторяющиеся семантические группы: результаты работы/продукты труда (6), источник заработка (4), материал, подлежащий обработке (3), умственная работа (3), качество, способ исполнения (3), нахождение в действии (3), трактовка (3), производственная деятельность по созданию, обработке чего-либо (3), сизифов труд (2), увольнение (2), самоактуализация (2), временные характеристики (2), лицо, зарабатывающее деньги (2), профессии (2), место работы (2), отрицательные и положительные характеристики работы (2).

Разовые семантические группы: качества, необходимые для работы, социальные условия, пятница-конец недели, не бей лежачего, работа памяти, работа над рукописью, общественная, воспитательная, педагогическая работа, постоянная, временная, сдельная, поденная работа, работа горит в руках работника, ЭВМ, инструмент работы.

Для русских людей важен результат работы, это источник заработка, материал, подлежащий обработке, умственная работа. Афоризм «сизифов труд» характеризует чью-то работу. В связи со стимулом «работа» упоминаются ассоциации «увольнение» и «самоактуализация».

В разовых стимулах представлены современные условия работы, что характеризуется работой с ЭВМ, представлено отношение русских людей к концу недели как к празднику, уделяется внимание видам работ и инструментам.

Стимул «обучать».

Данный стимул характеризуется как деятельность преподавателей, передавать кому-нибудь какие-либо знания, навыки (5), чему обучают (3), обучать ремеслу (3), условия обучения (2).

Разовые семантические группы: профессорско-преподавательский состав, процесс обучения, положительные характеристики процесса обучения, отрицательные характеристики процесса обучения, место обучения, обучающиеся, качества, необходимые для обучения, побуждать к чему-либо, передавать свой опыт, высказывать, обосновывать какие-нибудь

мысли, положения, занимаясь, усваивать, запоминать, обучать иностранному языку, обучать хорошим манерам, основным профессиям.

Деятельность преподавателей состоит в передаче знаний и своих навыков, для русских важны условия обучения, менее важны для русских людей профессорско-преподавательский состав, положительные и отрицательные характеристики обучения, обучающиеся и процесс обучения.

Стимул «слушать».

К частотным семантическим группам относятся: изучать что-либо, посещая лекции (5), объекты слухового восприятия (5), исследовать на слух (4), деятельность, включающая процесс слушания (4), люди, которых слушают (3), принимать во внимание чьи-либо слова (3), обращение в начале предложения «слушайте» (3), органы слухового восприятия (2), положительные эмоции (2), дисциплины, которые слушают (2), результаты слушания (2), радиостанции (2).

Одиночные семантические группы: психические процессы, сопутствующие слушанию; уровень громкости; отрицательные эмоции; знакомиться на слух с чем-либо публично оглашаемым; предметы, посредством которых слушают (наушники); фамилии композиторов; обращать, направлять слух на какие-либо звуки, чтобы услышать разговор по телефону; «слушаю вас».

Слушание для русских людей – это изучение чего-либо, один из основных процессов получения информации, затем следуют объекты слухового восприятия и люди, которых слушают, органы слухового восприятия, положительные эмоции и результаты слушания.

Стимул «удовлетворительно».

Во многих лексикографических источниках лексема «удовлетворительно» отсутствует, мы анализировали лексему «удовлетворительный».

Частотные семантические группы: достаточно хороший, удовлетворяющий определенным требованиям (5), самая низкая положительная отметка (4), удовлетворительная деятельность (3), отметка с определенным количеством баллов.

Одиночные семантические группы: уровень удовлетворительной отметки, положительные и отрицательные эмоции, результаты удовлетворительной деятельности.

Для русских студентов отметка «удовлетворительно» – самая низкая положительная отметка, хотя в энциклопедических источниках удовлетворительный – это достаточно хороший, удовлетворяющий определенным требованиям.

Стимул «мобильность».

Частотные семантические группы: мобильность как способность людей к изменению жизни (3), быстрое передвижение (3), быстрое движение (3), мобильное руководство (3), телефоны, обеспечивающие мобильность

(2), способ передвижения (2), способность быстро ориентироваться в обстановке (2), коммуникация (2).

Одиночные семантические группы: средства передвижения; действия людей, связанные с мобильностью; положительные эмоции; пространственные характеристики мобильности; качества, необходимые для мобильности; необходимость мобильности; характеристика эпохи; время; мобильное правительство; мобильный коллектив.

Мобильность для русской ментальности – это быстрое передвижение в пространстве, способность людей к изменению жизни, это начальство, способное быстро принимать решения и передвигаться, это мобильные телефоны и коммуникация. Нет ни одной семантической группы, доказывающей, что мобильность бывает академической, что свидетельствует о низкой ее значимости в представлении русских людей.

Стимул «библиотека».

Библиотека – помещение (6), виды библиотек в зависимости от тематики (4), предметы, находящиеся в библиотеке (3), виды библиотек в зависимости от профессии читателя (3), виды библиотек в зависимости от местоположения (3), виды библиотек в зависимости от возраста (3), собрание памятников письменности (3), монастырские библиотеки (3), личное собрание произведений печати (2), имена, связанные с библиотекой (2), функции библиотеки (2), результаты действий человека в библиотеке (2), действия, выполняемые людьми в библиотеке (2), положительные эмоции, полученные от посещения библиотеки (2).

Разовые семантические группы: отрицательные эмоции, эмоциональная обстановка в библиотеке, пыль, виды библиотек в зависимости от мобильности, электронные библиотеки.

Анализируя частотные семантические группы, приходим к выводу, что наша нация – читающая, о чем свидетельствуют разнообразные виды библиотек. Количество видов библиотек равно шести. К частотной семантической группе относим положительные эмоции, получаемые русскими людьми от посещения библиотек. Отрицательные эмоции представлены только в разовых семантических группах. Содержание стимула «библиотека» очень велико. В него входят предметы, находящиеся в библиотеке, функции библиотеки, действия людей в библиотеке, результаты действия людей, имена, связанные с библиотекой, пыль. Последняя ассоциация разовая. В источниках представлены даже электронные библиотеки, что свидетельствует о характеристике эпохи. Не выходя из дома по Интернету можно получить любую информацию. Упоминается и личное собрание произведений печати, что свидетельствует о наличии библиотеки почти в каждой семье.

Стимул «грамматика».

Частотные семантические группы: формальный строй языка, система языка (5), содержание обучения грамматике (5), книга, описывающая этой

строй (3), наука (3), об основных правилах, исходных положениях чего-либо (2), раздел языкознания (2), действия студентов на занятиях по грамматике (2), академическая и учебная грамматика (теоретическая и практическая грамматика) (2).

Одиночные семантические группы: языки, изучаемые студентами; положительные эмоции; грамматика – языковая дисциплина; грамматика – царица языковых наук; авторы учебников по грамматике; знания, сопутствующие грамматике; методика преподавания грамматики; науки, сопутствующие грамматике родного языка; грамматика неродного языка, направленная на достижение коммуникативной цели обучения; грамматически правильное изложение.

Итак, грамматика – это формальный строй языка, книга, описывающая этот строй, содержащая определенный материал, необходимый для обучения (содержание), указываются виды грамматик – теоретическая и практическая и деятельность студентов на занятиях по грамматике. В одиночных семантических группах присутствует определение грамматики, в котором указывается на то, что она направлена на достижение коммуникативной цели обучения иностранному языку.

Стимул «деньги».

Частотные семантические группы: деньги / богатство (5), положительные эмоции (5), материальное выражение денег (4), бешеные деньги (4), мера стоимости при покупке / меновые отношения (4), пластиковые деньги (3), не при деньгах (3), живые деньги (3), шальные деньги (3), длинные деньги (2), швырять деньги на ветер (2), карманные деньги (2), действия людей (2), отрицательные эмоции, связанные с деньгами (2), роль денег в жизни людей (2), источник получения денег (2), грести деньги лопатой (2), деньги на бочку (2), знак \$ (2), большие деньги (2), карманные деньги (2).

Одиночные семантические группы: место, в котором можно хранить деньги; взятка; имена собственные; отсутствие денег; драгоценные камни; капуста; действия, производимые с деньгами; воровство; ассоциации с журналом «Деньги»; на что тратят деньги; время – деньги; полтинник – не деньги; медные деньги; кукла; быстрые деньги; зеленые; бабки.

В ответах перечисляются разнообразные виды денег – пластиковые, длинные, большие, карманные, шальные, бешеные, живые. Положительные эмоции представлены в пяти семантических группах, что свидетельствует о чрезвычайно важном значении денег в жизни русских людей. Кроме того, в языковом сознании русских людей присутствует много отрицательных ассоциаций – воровство, взятка, полтинник – не деньги, кукла, бабки. Последняя лексема, с нашей точки зрения, является грубой. В первую очередь в сознании автора статьи возникает ассоциация: бабка как старая женщина. Лексема «бабки» является сниженной по стилю, разговорной и имеющей дополнительное значение. С деньгами в материальном мире свя-

зано много преступлений. Такие лексемы, как «капуста», «зеленые», знак \$, являются заимствованиями из американского английского языка, что свидетельствует об изменении ценностей русских людей в сторону материального благополучия и изменении языкового сознания, доказательством чего является самая частотная семантическая группа «деньги – богатство». Далее вычленим повторяющиеся семантические группы во всех тринадцати стимулах, характеризующие процесс обучения ИЯ в России. Мы просмотрели все тринадцать таблиц, составленных нами, и из них выявили частотные семантические группы.

Итак, обучение ИЯ в России характеризуется местом обучения, зданием университета, образовательными учреждениями (13), положительными эмоциями (11), деятельностью студентов (10), отрицательными эмоциями (8), кадровым составом университета (8), именами собственными, которые почти всегда были представлены в ассоциациях (7), обучающимися (6), отметкой «два» (6), деятельностью преподавателей (5), обучением, которое трактуется как передача каких-либо знаний и навыков (5), учебными дисциплинами (4), языками, изучаемыми студентами (3), процессом обучения (3).

Перейдем к выявлению части модели мира (а именно России). Из данных, полученных нами в процессе исследования, выяснилось, что место обучения важно обучающимся, как и название учебных учреждений, что свидетельствует о престижности вуза, русские люди позитивно настроены на изучение иностранных языков и не только, оптимизм всегда являлся типичной чертой характера русских людей. Только в процессе деятельности можно овладеть иностранным языком, что, с точки зрения методики преподавания ИЯ и психологии, является весьма разумным тезисом. Кадровый состав университета является определяющим в изучении ИЯ, следовательно, преподаватель, владеющий методами и приемами преподавания, ценится студентами и обучающимися. Деятельность преподавателей является решающей при обучении ИЯ. Название языков, изучаемых студентами, говорит о повышении интереса к изучению и значимости иностранных языков в жизни современных россиян. Академическая мобильность еще не отражается в сознании россиян, хотя наша страна присоединилась к Болонскому процессу. Заметно влияние американской культуры, проявляющееся относительно отношения к деньгам. Об этом свидетельствуют афоризм «деньги – богатство» и заимствования-кальки в русском языке, (капуста, зеленые), а также знак, символизирующий американскую валюту (\$).

Итак, полная картина процесса обучения иностранным языкам, представленная образами русского языкового сознания, просматривается в повторяющихся семантических группах. Действительно, отношение к изучению иностранных языков изменилось. В настоящее время студенты овладевают большим количеством иностранных языков, считают их жиз-

ненной необходимостью. Три десятилетия назад данный тезис казался бы утопией. Полученные нами в процессе исследования выводы являются важными для обучения иностранному языку и русскому как иностранному для формирования картины мира, относящейся к России.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Горошко Е. И. Языковое сознание. Ассоциативная парадигма: дис. ...д-ра филол. наук. – М., 2001.
3. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. – М., 2000. – С. 19-24.
4. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: КомКнига, 2006.

Список словарей

5. Большой современный толковый словарь русского языка / сост. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001.
6. Большой энциклопедический словарь. – М.; СПб.: БРС, Норинт, 2001.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1998.
8. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: БРС, 2002.
9. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – М.: Астрель, АСТ, 2002.
10. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2007.

Взаимосвязь языка и культуры как основополагающий принцип формирования лингвокультурной компетенции

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся возможности формирования лингвокультурной компетенции как важного качества носителя языка через взаимодействие языка и культуры, которое отражено в базовых знаниях социума.

The article deals with the possibility of linguocultural competence formation as an important quality of a native speaker through the interrelation of language and culture, which is reflected in the basic knowledge of society.

Ключевые слова: язык, культура, языковая культура, лингвокультурная компетенция, базовые знания.

Key words: language, culture, language culture, linguocultural competence, basic knowledge.

Современное общество, живущее в эпоху глобализации, остро нуждается в осмыслении культурных и языковых процессов, происходящих в нем, так как его состояние, его «здоровье» определяется уровнем культуры. С одной стороны, назрела необходимость исследовать языковые тенденции, которые способствуют повышению культуры нации, с другой стороны, нуждаются в осмыслении факторы влияния культуры на формирование адекватного и необходимого своеобразного ключа – «комплекта грамотности и культурности», который будет способствовать успешной адаптации человека в обществе. Что считается показателем общей культуры человека? Это и широта кругозора, мировоззрение человека, его духовно-нравственная культура. Мы полагаем, что в основу всего этого входит общий показатель развития культуры личности – критерий лингвокультурной компетенции. Таким образом, общая культура представляется нам процессом накопления знаний о языке, культуре, духовных ценностях и реализация их в своей жизнедеятельности и продуктивном взаимодействии с другими членами общества. Ведь общая культура человека является результатом приобретения, усвоения, использования, сохранения, передачи, а также создания культурных ценностей и в языковых, и внеязыковых аспектах нашей жизни.

Рассматривая вопросы, касающиеся языка и культуры и их влияния на те или иные процессы, происходящие в обществе, необходимо обозначить роль каждого из них. Их воздействие напрямую зависит от того, какое со-

держание мы вкладываем в сущность данных явлений, ведь они трактуются по-разному и имеют многогранную наполняемость.

В первую очередь, имея дело с языком и культурой одновременно, необходимо рассматривать их взаимосвязь на единой методологической основе. Основанием может служить изоморфизм признаков, который проявляется и в культуре, и в языке. Он рассматривается как «фундамент для воплощения фактов культуры в язык, когда языковые сущности берут на себя роль «тела» культурных знаков – с одной стороны, а с другой – для воздействия языка на жизненную философию его носителей, поскольку он, становясь частью культуры, которая в нем воплотилась и обрела знаковое выражение, участвует в ее хранении, воспроизведении вместе с усвоением языка, межпоколенной ее трансляции, а также в самом формировании ее концептов, стереотипов, эталонов и т. п.» [11, с. 224].

О культуре и о ее взаимосвязи с языком было написано уже очень много. Мы направляем вектор нашего исследования в область рассмотрения ее с позиций формирования лингвокультурной компетенции, под которой мы понимаем «овнешненные языком (выраженные в ключевых словах, словосочетаниях, фразеологических единицах и прецедентных текстах) базовые знания во всех сферах человеческой деятельности, позволяющие адекватно понять неспециальную информацию, чтобы ориентироваться в современном мире» [12, с. 739].

Термин культура имеет множество значений. Для нашего исследования важно уточнить это понятие с точки зрения содержания. Поэтому для начала определим, какие из дефиниций этих понятий являются основополагающими для изучения обозначенной нами проблемы. Энциклопедический словарь дает следующее определение: «культура – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [1, с. 669].

То есть, говоря о культуре, мы подразумеваем уровень развития общества, степень организации деятельности его членов, формы взаимоотношений с другими членами общества, результаты деятельности. Это то, чем живет каждый человек и от чего зависит качество его жизни. В течение долгого времени культура отбирает, «селекционирует» материал. Одни предметы культуры остаются, другие – постепенно или сразу исчезают. То же самое происходит и в языковом пространстве. Одни понятия, слова, выражения уходят из языка, другие, наоборот, появляются, чтобы остаться навсегда или на определенное время, а потом опять исчезнуть. «Языки находятся в непрерывном процессе изменения, но было бы вполне разумным предположить, что они дольше сохраняют именно то, что является в их структуре наиболее фундаментальным» [10, с. 136].

Русский литературовед, культуролог и семиотик Ю. М. Лотман пишет, что «... культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни" человека, общества и человечества. И потому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру – культуру человечества» [5, с. 9].

Культура – это система, в которой функционируют законы, нормы, на основе которых строятся отношения между людьми, между людьми и другими предметами духовного или материального воплощения. Взаимодействуя с ними, человек познает мир настолько, насколько он чувствует его, насколько он может понять и принять его в зависимости от своих индивидуальных, интеллектуальных способностей, а также от владения теми знаниями, которые дадут ему возможность этот мир понять, осознать и использовать на благо себе и другим людям. А для этого необходимо использовать накопленное богатство (культуру) для создания другого «богатства» – внутреннего мира человека, его развития, совершенствования, формирования нужных компетенций. Использовать именно тот материал, который аккумулирован и работает на данном этапе развития общества, ведь «культура – это то, что создает, формирует людей, и одновременно то, с помощью чего люди становятся социально активными, профессионально зрелыми и целеустремленными людьми» [3, с. 8].

В. М. Межуев, философ, специалист в области теории и практики культуры, определяет культуру как «социально-прогрессивную творческую деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания, направленную на преобразование действительности, превращения богатства человеческой истории во внутреннее богатство личности, на всемерное выявление и развитие сущностных сил человека, его саморазвитие» [8].

Важно отметить, что культура не является врожденной способностью, качеством личности, поэтому ее можно и необходимо развивать, прививать, «культивировать», оберегать, сохранять, передавать. Она (культура) - «специфическая, генетически не наследуемая совокупность средств, способов, форм, образов и ориентиров взаимодействия людей со средой их существования, которые они вырабатывают в совместной жизни для поддержания определенных структур деятельности и общения» [6].

Вышеизложенное позволяет заключить, что культура – это сложное, многогранное явление, имеющее свою структуру и содержание. Культура – огромный «пласт» накопленных ценностей, который, с одной стороны, необходимо приумножать и сохранять, а с другой стороны – нужно использовать ее в «полезных целях». Невозможно раскрыть сущность этого феномена в рамках одного исследования. Поэтому мы выделяем один из компонентов, который, равно как и культура, отображает мировоззрение

человека, и который, по нашему мнению, является необходимой составляющей обязательных качеств личности, его способностей, его компетенций – это язык.

Среди подходов, которые наметились сегодня в вопросе соотношения языка и культуры, мы выделяем подход, заключающийся в том, что язык является отражением культуры. Язык отражает действительность, а культура и есть составная часть этой действительности. «Язык есть необходимое условие мысли отдельного лица, даже в полном уединении, потому что понятие образуется только посредством слова, а без понятия невозможно истинное мышление. Однако в действительности язык развивается только в обществе, и притом, не только потому, что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человечества не только вследствие необходимости взаимного понимания, как условия возможности общественных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытавши на других людях понятность своих слов» [9, с. 17].

«Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия» [10, с. 188-189].

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой человек является одновременно и носителем языка и носителем культуры, а «языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры» [7, с. 63]. Культура находится в языковом поле и от того, чем оно засеивается, насколько правильно и продуктивно о нем заботятся, адекватно используется сначала посаженное, затем культивируемое и после определенного времени собранное с этого пространства «зерно», оттого продуктивнее, интереснее и богаче будет жизнедеятельность каждого человека, который пожинает «урожай» с этого поля, ощущает его пользу и значимость для своей жизни в социуме. Всегда будут сорняки, и вдруг откуда-то занесенные чужеродные семена, но оставить их или навсегда уничтожить – будет решать время и условия. В то же время «культура как коррелят языка и (национальной) личности должна пониматься в ее исторической ценности, традициях, новаторстве и новизне. Всесторонний учет и сохранение в культуре важнейших ценностей и развитие в ней новых ценностей дает гарантию для адекватного понимания жизни нации как она отражается в ее языке» [2, с. 19].

Человеку в обществе всегда важно впитывать, познавать, овладевать определенными знаниями, чтобы быть действительно достойным членом

общества, а это возможно, если мы будем изучать и познавать те ценности нации, которыми нас одарила наша история, культура, язык. «Язык – совершенное орудие общения и выражения мысли; его степень развитости и совершенства обусловлена соответствующим состоянием общества, степенью, в свою очередь, развитости мышления. Общество и человеческое мышление не стоят на месте и в истории человечества, как известно, могут находиться на разных этапах своего развития. Первобытный язык не может обслуживать потребности общения и мышления современного развитого общества. Но и язык современных цивилизованных наций, как утверждают ученые, был бы мало пригоден для обслуживания общества, находящегося на низших ступенях развития. Язык совершенен по отношению к степени развитости соответствующего ему состояния общества и мышления, которые он обслуживает; язык является «снятым» выражением этого состояния» [4, с. 110].

Считая язык одной из самых главных ценностей, которыми обладает нация, так как в нем отражены те духовные и материальные значимые и важные объекты, нормы и законы, способы общения и т.д., которые являются основополагающими принципами развития любой личности, мы определяем лингвокультурную компетенцию как внутреннее богатство личности, которая формируется за счет познания, освоения базовых знаний общества.

Под лингвокультурной компетенцией мы понимаем базовые знания, актуализированные человеком в процессе его жизнедеятельности и отражающие ценностные представления, нормы, правила, действующие в данной культуре и языке. Другими словами, эти знания воплощены в базовых лингвокультурных единицах, отражающих языковую культуру общества. Базовые лингвокультурные единицы определяются нами как основные компоненты системы языка (ключевые слова, словосочетания, фразеологические единицы и прецедентные тексты), отражающие национально-культурную специфику общества, детерминированных системой ценностей общества и позволяющие личности обеспечить развитие способностей, формирование мировоззрения и духовности, достойную подготовку ее к жизнедеятельности в обществе. В данном случае мы стоим на позиции компетентностного подхода, который предполагает, что всё, что изучается, накапливается, аккумулируется в процессе всего курса обучения, должно употребляться, использоваться, актуализироваться. В большей степени это относится к теоретическим знаниям, которые должны стать не просто балластом и неиспользованным материалом, а практическим оружием для объяснения явлений, решения практических ситуаций и проблем. То есть такой подход выдвигает на первый план не информированность человека, а его умения разрешать проблемы, связанные с познанием и объяснением явлений действительности, а также с взаимоотношением людей, в практи-

ческой жизни разрешать собственные проблемы: жизненного самоопределения, выбора стиля и образа жизни, способов разрешения конфликтов.

Мы считаем, что центральной является идея о взаимосвязанном изучении языка и культуры, формировании лингвокультурной компетенции. Речь идет об освоении и осознании базовых знаний с позиции взаимосвязи языка и культуры, которые предполагают:

а) понимание базовых лингвокультурных единиц носителей языка, их культурную наполняемость, их место в языковой картине мира;

б) усвоение базовых лингвокультурных единиц носителей языка, тесно связанной с историей, культурой, образом жизни, обычаями и менталитетом создавшего их народа;

в) актуализацию базовых лингвокультурных единиц носителей языка в социокультурной ситуации.

В состав лингвокультурной компетенции мы включаем:

- лингвистическую компетенцию (знание и владение разного рода базовыми единицами, присущими данной культуре и законами системных отношений между ними);

- культурную компетенцию (владение культурно-обусловленными нормами), которая в свою очередь включает: социокультурную компетенцию (знание норм, правил и традиций своего общества); межсоциокультурную компетенцию (знание норм, правил и традиций другого общества).

При такой трактовке понятие лингвокультурная компетенция будет означать не только знание определенного количества слов и выражений, но и полное осознание и понимание всего комплекса культурных процессов, которые сопутствуют и предопределяют значение этих языковых единиц и будут способствовать успешному взаимодействию личности с другими членами общества и ее самореализации в этом обществе. Поэтому, по нашему мнению, необходимо определить те базовые знания, которые действительно составляют богатство нации и без которых человеку будет некомфортно ориентироваться в социальном пространстве. Мы предлагаем лексикографировать такие базовые понятия, чтобы человек мог определить, является ли он компетентным или сколько ему еще придется потрудиться в данном направлении, чтобы адекватно и успешно реализовываться и взаимодействовать с другими членами общества. Приведем лишь несколько примеров тех базовых знаний, без которых нельзя достойно взаимодействовать с другими членами общества, продуктивно социализироваться в обществе.

Цезарь – 1. (Gaius Julius Caesar) (102 или 100 – 44 до н.э.), древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель; 2. в др. Риме титул императоров; 3. в Германии и России императоры адаптировали это слово для себя *кайзер*, *царь*.

Сталинизм – политическая система государственного управления и идеология, существовавшие в СССР в период правления И. В. Сталина.

Рококо – стиль в искусстве, возникший во Франции в первой половине XVIII века как развитие стиля барокко; характеризуется изысканностью, плавными линиями, сложными украшениями интерьеров и композиций.

Иммунная система – система, при помощи которой организм защищается от инфекций и болезней. Включает разные виды лейкоцитов (белых кровяных телец) крови, лимфу и костный мозг. Некоторые виды клеток (В-клетки) вырабатывают антитела против попавших в организм микробов и всяких чужеродных веществ (антигенов).

Собаку съел в чем-нибудь – хорошо разбираться, быть особенно искусным, сведущим в чем-л.

И дым отечества нам сладок и приятен (А. С. Грибоедов, «Горе от ума») – выражение тоски по Родине. Аллегоричное высказывание о привязанности к своему отечеству, когда даже мельчайшие признаки своего, родного вызывают радость.

Таким образом, рассматривая проблему взаимодействия языка и культуры, мы акцентируем внимание на освоении базовых знаний, отражающие те накопленные ценностные ориентиры, которые наша нация вобрала в себя за долгий период времени. Кроме того, осваивая базовые знания, человек формирует свою лингвокультурную компетенцию, развивает и обогащает языковую, а значит и общую культуру в целом.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. энцикл., 1993.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Монография. – М.: РУДН, 2008.
3. Грехнев В. С. Культура педагогического общения: кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1990.
4. Гречко В. А. Теория языкознания: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2003.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПб., 1994.
6. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. – Ереван: Знание, 1969.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 4-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2010.
8. Межуев В. М. Культура и история. – М.: Наука, 1977.
9. Потебня А. А. Мысль и язык. – Киев: Синто, 1993.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, Универс, 1993.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.
12. Шкатова Л. А. Словарь лингвокультурной грамотности как компонент контрольно-измерительных материалов // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. - Магнитогорск - Новосибирск: Аналитик, 2009. – № 2 (24). – С. 738-741.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 821.161

Т. В. Мальцева

«Что надо уметь?»: модель жизнеустройства подростка в повести М. Горького «В людях»

В статье рассматриваются источники формирования представлений подростка о жизни и ключевые мотивы повести М. Горького «В людях».

The article considers the source of Life Model of a Teenager and basic motives in novel by M. Gorkij «In People»

Ключевые слова: М. Горький, повесть, «В людях», подросток, выбор.

Key words: M. Gorkij, novel, «In People», teenager, choice.

Творчество М. Горького глубоко социально, реалистично, документально точно в отображении «свинцовых мерзостей дикой русской жизни» [1, XV, с. 193]. «Живучая, подлая правда» трудного, изматывающего быта особенно остро осознается писателем в детские и юношеские годы, что нашло отражение в автобиографической трилогии, насыщенной ужасающими подробностями описания нравов жителей Нижнего Новгорода и окрестных деревень.

Особо значим в трилогии мотив порога, обосновывающий необходимость выбора жизненного пути. Такой сознательный выбор главный герой Алеша Пешков начинает делать во второй части трилогии. Биографическая и сюжетная ситуация второй повести трилогии «В людях» пограничная: подросток на пороге самостоятельности, он – «в людях», он смотрит и впитывает все шире открывающиеся ему подробности жизни. Организует все повествование ключевой для юного героя вопрос: «Вот все говорят друг другу: не умеешь жить, <...> а что надо уметь?» [1, XV, с. 315]. Этот вопрос Алеша Пешков задает бабушке, которая все знает, но та качает головой: «Уж этого я не знаю». Повествование строится как цепь происшествий и событий, в рамках которых подросток оценивает, как живут другие, и размышляет, подходит ему такая жизнь или нет: «Жизнь <...> потекла быстро и густо, широкий поток впечатлений каждый день приносил душе что-то новое, что восхищало и тревожило, обижало, заставляло думать» [1, XV, с. 235]. У юного героя нет четких представлений о нормальной и правильной жизни в силу отсутствия личного опыта, системного воспитания и обучения, практически нет проверенных инструментов оцен-

ки широкого потока событий, поэтому особую значимость приобретают эмоциональные, психологические, сенсорно-визуальные впечатления Алеши.

В повести создана сложная многоуровневая система сопоставления впечатлений, которая помогает подростку делать выбор жизненного пути. Эта система включает: рукотворные модели жизнеустройства, социально-профессиональные модели жизнеустройства, природное окружение, сопоставление физической реальности и отраженной реальности, то есть книжного мира.

Во-первых, это две противопоставленные рукотворные модели жизнеустройства: сад и пещера. Одна, благообразная, описана в первой части трилогии – повести «Детство». Когда Варвара, мать Алеши, собирается обвенчаться с человеком другого круга, Алеша чувствует себя одиноким. Мать, разговаривая с Алешей, строит будущее, благоприятное для него: «Вот скоро мы обвенчаемся, потом поедем в Москву, а потом воротимся, и ты будешь жить со мной. Ты будешь учиться в гимназии, потом станешь студентом <...> потом доктором <...>. Эти «потом», положенные ею одно за другим, казались мне лестницей куда-то глубоко вниз и прочь от нее, в темноту, в одиночество, – не обрадовала меня такая лестница» [1, XV, с. 175]. Интуитивно Алеша ищет себе укромное место в саду и переустраивает его: «В яме <...> лежал, спутавшись, поломанный снегом рыжий бурьян <...>. Мне сердито захотелось вырвать, выломать бурьян, вытаскать обломки кирпичей, головни, убрать всё грязное, ненужное и, устроив в яме частое жилище себе, жить в ней летом одному, без больших. Я тотчас же принялся за дело, оно сразу, надолго и хорошо, отвело меня от того, что делалось в доме» [1, XV, с. 171]. Это место Алеша непрерывно благоустраивает: «... я обложил яму по краям, где земля оползла, обломками кирпичей, устроил из них широкое сиденье, – на нем можно было даже лежать. Набрал много цветных стекол и осколков посуды, вмазал их глиной в щели между кирпичами, – когда в яму смотрело солнце, всё это радужно разгоралось, как в церкви» [1, XV, с. 176]. Особость места ребенком понята через сходство с церковным, украшенным – «разгоралось, как в церкви». «Я всё устраивал и украшал жилище себе. Я <...> сплел из бурьяна плотный плетень и сделал над скамьей навес от солнца и росы, – у меня стало совсем хорошо» [1, XV, с. 178]. Именно здесь Алеша видит и понимает мир иначе.

В доме Алеше плохо: душит «неотразимая тоска, весь я точно наливался чем-то тяжким и подолгу жил как в глубокой темной яме, потеряв зрение, слух и все чувства, слепой и полумертвый» [1, XV, с. 98]; «грудь наливается жидким, теплым свинцом, он давит изнутри, распирает грудь, ребра; мне кажется, что я вздуваюсь, как пузырь, и мне тесно в маленькой комнатке...» [1, XV, с. 79]. Из окон домов ему всегда открывается невеселый, скучный вид: «Стертые вьюгами долгих зим, омытые бесконечными

дождями осени, слинявшие дома нашей улицы напудрены пылью; они жмутся друг к другу, как нищие на паперти...» [1, XV, с. 79]; широкая улица «покрыта густым слоем пыли; сквозь пыль высовывается опухольями крупный булыжник <...> Вся площадь изрезана оврагами; в одном на дне его стоит зеленоватая жижа, правее – тухлый Дюков пруд» [1, XV, с. 79]. Мир предстает перед Алешей пыльным, тухлым, тусклым, нищим, стертым.

Совершенно другим видит мир Алеша в своем рукотворном убежище: «Бывало – зайдет солнце, прольются в небесах огненные реки и – сгорает, ниспадает на бархатную зелень сада золотисто-красный пепел, потом всё вокруг ощутимо темнеет, ширится, пухнет, облитое теплым сумраком, опускаются сытые солнцем листья, гнутся травы к земле, всё становится мягче, пышнее, тихонько дышит разными запахами, ласковыми, как музыка, – и музыка плывет издали... Обязательно лежать лицом вверх, следя, как разгораются звезды, бесконечно углубляя небо; эта глубина, уходя всё выше, открывая новые звезды, легко поднимает тебя с земли, и – так странно – не то вся земля умалилась до тебя, не то сам ты чудесно разросся. Развернулся и плавишься, сливаясь с тем, что вокруг...» [1, XV, с. 179-180].

Это чувство слиянности с божьим миром спасает Алешу, «вызывая спокойную радость, будя желание что-то делать и жить в дружбе со всем живым вокруг» [1, XV, с. 180]. Семья переехала в другой дом, укромное место было разорено, но память о нем осталась. Время жизни в рукотворном убежище писатель называет «самым тихим и созерцательным» за всю свою жизнь. Именно оно укрепило чувство уверенности в своих силах и оптимистический взгляд на мир, мерзости которого «расплющивают множество прекрасных душ»: «... русский человек настолько еще здоров и молод душою, что преодолевает и преодолеет их» [1, XV, с. 193].

Другой мир, подземелье, во второй части трилогии создает, строит двоюродный брат Алеша Саша, служащий в том же магазине, что и юный Пешков. Он обещает Алеше: «...когда в саду станет суше, я покажу тебе такую штуку – ахнешь!» [1, XV, с. 224]. В большой дыре под корнями дерева Саша устроил пещеру, которую назвал часовней: «Она была довольно обширна, глубиною как внутренность ведра, но шире, бока ее были сплошь выложены кусками разноцветных стекол и черепков чайной посуды. Посредине, на возвышении, покрытом куском кумача, стоял маленький гроб, оклеенный свинцовой бумагой, до половины прикрытый лоскутом чего-то похожего на парчовый покров, из-под покрова высовывались серенькие птичьи лапки и остроносая головка воробья. <...> Острия огней наклонялись к отверстиям пещеры; внутри ее тускло блестели разноцветные искры, пятна. Запах воска, теплой гнили и земли бил мне в лицо. В глазах переливалась, прыгала раздробленная радуга. Все это вызывало у меня тягостное удивление...» [1, XV, с. 225-226].

Эти «укромные уголки», тайные убежища подростков противоположны во всем: одно *открыто* миру, другое *скрыто* под землей; хотя оба мес-

та украшены одинаково – разноцветными стеклами и черепками, но в одном из них стекла *радужно горят*, как в церкви, в другом «*тускло*» блестят разноцветные искры, и прыгает «*раздробленная радуга*»; одно обливает *солнечный свет*, другое освещает «*синий свет*» свечных огарков; в одном – *сад*, в другом – *гроб* для собственноручно убитого воробья; в одном убрано все грязное, там «*чистое жилище*» – в другом запах *гнили*; одно для *жизни* – другое для *смерти*; в одном «*совсем хорошо*», другое вызывает *страх* [курсив везде наш. – Т.М.]. Все выделенные лексемы создают оппозицию живого (открытого, солнечного, радостного) и неживого (скрытого, страшного). Подростки сравнивают свои убежища, свои миры. Алеше не нравится Сашина часовня. Саша ревниво восклицает: «Думаешь, у тебя в саду, на Канатной улице, лучше было сделано?». Я вспомнил свою беседку и уверенно ответил: «Конечно, лучше!» [1, XV, с. 226].

Во-вторых, это социально-профессиональные модели жизнеустройства. В повести описано большое количество как будто случайных мест, где оказывался подросток для заработка или для обучения, – от магазина обуви до парохода. На самом деле все эти многочисленные места отчетливо объединяются в три социально-профессиональные модели жизнеустройства: 1) подневольная, рабская, однообразная служба в замкнутых, закрытых местах («мальчик» в магазине обуви, «ученик чертежника» в доме бабушкиной сестры, «мальчик» в церковной лавке); на такую службу подросток устраивает обычно дед; с такой службы подросток всегда сбегает или она заканчивается драматически (обварил руки кипящими щами; служба «учеником чертежника», был избит и оказался в больнице); 2) служба в местах, где есть движение, часто сменяется народ, много впечатлений («посудник» на пароходе, десятник на ярмарке), но жизнь все равно однообразна; 3) дом бабушки и деда, где подросток зарабатывает «на воле» (он птицелов). Очень важно то, что в каждую из этих сред Алеша возвращается несколько раз: трижды к чертежнику – зятю бабушкиной сестры, два раза на пароход, три раза сбегает к бабушке. Эта частая смена мест обитания дает герою колоссальное преимущество: разнообразие жизненных впечатлений, почерпнутых «в людях», дает ему возможность сравнивать жизнь, создавать мнение о плохих и хороших людях; возвращение «в одну и ту же воду» позволяет по-новому взглянуть на хорошо известное и знакомое.

Все места жизни «в людях» объединяет сквозной лейтмотив – негативная оценка окружающей жизни. Жизнь воспринимается подростком как «тягостная и скучная»; «раздражающая, неказистая и лживая»; «очень много обидного в жизни»; «Жизнь вообще казалась мне бессвязной, нелепой, в ней было много явно глупого» [1, XV, с. 518]; «жизнь казалась мне все более скучной, жесткой, незыблемо установленной навсегда в тех формах и отношениях, как я видел ее изо дня в день» [1, XV, с. 335]; «скука, холодная и нудная, дышит отовсюду» [1, XV, с. 409]. Вывод героя очевиден: «Я не хочу жить такой жизнью ... Это мне ясно – не хочу» [1, XV, с. 409].

Выход у подростка только один – сбежать, чтобы не погибнуть. Сбегают Алеша к бабушке. Алеша всегда возвращается к бабушке – там природа, воля, сама бабушка, мудрая и добрая. Бабушка как самое лучшее, что знал Алеша, ее занятия (сбор лесных даров) создают третью оппозицию – природа и город, визуальный облик места обитания. Непосредственное сенсорное восприятие безошибочно позволяет подростку оценить место пребывания как хорошее или плохое. В повести противопоставляются город и природа как абсолютно полярные, как мертвое и живое. Город почти всегда безобразен, грязен, будь это Нижний или мелкие пригороды вроде Кунавина, где прошло детство Алеши, Запертые в городе люди всегда злы, угрюмы, грубы: «безглазые люди, огромные, распухшие во сне», «все люди напоминают птиц, животных и зверей». Угрюмы и убоги городские пейзажи, они не радуют жизнью, силой. Внешне разнообразная, шумная жизнь в постоянном движении и просторе оказывается парадоксально беззвучна, бесцветна, серо-грязна, стиснута в узкие рамки клетки, гроба, тесных комнат, подобна сну, смерти: «люди молча мелькают мимо двери магазина – кажется, что они кого-то хоронят, провожают на кладбище, но опоздали к выносу и торопятся догнать гроб» [1, XV, с. 217]. «Сумрачно и скучно в узкой галерее. <...> За улицей, в красном кирпичном *квадрате* двухэтажных лавок, – площадь, *заваленная* ящиками, соломой, мятой оберточной бумагой, покрытая *грязным*, истоптанным снегом. Все это, вместе с людьми, лошадьми, несмотря на движение, кажется *неподвижным*, *лениво* кружится на одном месте, прикрепленное к нему невидимыми *цепями*. <...> Жизнь почти *беззвучна*, до немоты бедна звуками» [1, XV, с. 409]; «Хозяева жили в *заколдованном* кругу еды, болезней, сна, суевливых приготовлений к еде, ко сну; они говорили о грехах, о смерти, они *толклись*, как зерна вокруг жернова, всегда ожидая, что он раздавит их» [1, XV, с. 332]; «Я снова в городе, в двухэтажном белом доме, похожем на *гроб*, общий для множества людей» [1, XV, с. 258]; «место донельзя *скучное*, *нахально грязное* я никогда еще не видел так много *грязи* на пространстве столь небольшом» [1, XV, с. 259].

Мотив гроба, кладбища доминирует в описаниях города. Ярчайший эпизод в воспоминаниях подростка – ночь, проведенная на кладбище, на спор, за рубль. Ощущения, пережитые там, переносятся и на всю внешне живую городскую жизнь. Даже природа в городе не украшает окрестности, и она во власти безжизненности. Поразительно мертвым выглядит сад: «На узкой полоске земли, между двух домов, стояло десятка полтора старых лип, могучие стволы были покрыты *зеленой ватой лишаев*, черные голые сучья торчали *мертво*. И ни одного вороньего гнезда среди них. Деревья – *точно памятники на кладбище*. Кроме этих лип, в саду ничего не было, ни куста, ни травы; земля на дорожках плотно утоптана и черна, *точно чугунная*; там, где из-под жухлой прошлогодней листвы видны ее лысины, она тоже подернута *плесенью*, как стоячая вода ряской» [1, XV, с. 224]. Город

иногда тоже может видаться красивым, но только вне его стен, не внутри него. Таков «белый Нижний Новгород» за Окою, над рыжими боками Дятловых гор «в холмах зеленых садов, в золотых главах церквей», который Алеша видит ранним утром с берега Оки.

Ощущения от городской жизни однообразны, вялы: «мне было *тягостно* и *скучно*» [1, XV, с. 216]; «несмотря на обилие суеты в магазине и работы дома, я *словно засыпал в тяжелой скуке*» [1, XV, с. 216]; «Мне казалось, что я – *старый*, живу на этом пароходе много лет и знаю все, что может случиться на нем завтра, через неделю, осенью, в будущем году» [1, XV, с. 301]. Эмоциональная доминанта жизни города – скука: «Скука, холодная и нудная, дышит отовсюду: от земли, прикрытой грязным снегом, от серых сугробов на крышах, от мясного кирпича зданий; скука поднимается из труб серым дымом и ползет в серенькое, низкое, пустое небо; скукой дымятся лошади, дышат люди. Она имеет свой запах – тяжелый и тупой запах пота, жира, конопляного масла, подовых пирогов и дыма; этот запах жмет голову, как теплая, тесная шапка, и, просачиваясь в грудь, вызывает странное опьянение, темное желание закрыть глаза, отчаянно заорать, и бежать куда-то, и удариться головой с разбега о первую стену» [1, XV, с. 410].

Как только наступает весна, Алеша убегает в другой мир и словно просыпается: «Ласково сиял весенний день. Волга разливалась широко, на земле было шумно просторно, – а я жил до этого дня, точно мышонок в погребке». Вернувшись к бабушке, Алеша каждый день бывает в лесу, ловит птиц. Здесь обостряются слух и зрение, природа вызывает разнообразные чувства, заставляет переживать эмоциональные потрясения: «хотелось плакать, слезы кипели в груди, сердце точно варилось в них; это было больно» [1, XV, с. 301]; «я видел восход солнца в этом месте десятки раз, и всегда предо мною рождался новый мир, по-новому красивый» [1, XV, с. 320]; «я прихожу к вечеру усталый, голодный, но мне кажется, что *за день я вырос*, узнал что-то новое, стал сильнее» [1, XV, с. 321]. Приволжские пейзажи, увиденные глазами подростка, полны тончайших деталей, богаты цветовой палитрой, свидетельствуют о его наблюдательности: «любопытные синицы шумят и суетятся, точно молодые кунавинские мешанки в праздник», «чижи по хваткам похожи на мальчишек-школьников», «странное, трогающее душу движение природы при восходе солнца» – «все быстрее встает туман с лугов и серебрится в солнечном луче, а за ним поднимаются с земли кусты, деревья, стога сена; луга точно тают под солнцем и текут во все стороны, рыжевато-золотые» [1, XV, с. 320]. Красота и величие природы убеждают подростка в целесообразности и разнообразии жизни.

В-четвертых, противопоставлены еще две модели жизнеустройства как источник сведений о жизни: физическая реальность и отраженная реальность, книжный мир. Книги открывают подростку «проблески живой и

значительной правды». Но путь к этой правде непрост. Алеша читал все подряд, прочел горы макулатуры, прежде чем интуитивно нашел хорошие книги. Сам процесс чтения не только расширяет кругозор, но и оттачивает инструменты оценки жизни, восполняет отсутствие опыта: «Теперь, когда я мог сравнить жизнь с тем, что знал из книг, она казалась мне еще более нищей и безобразной. Читая, я чувствовал себя здоровее, сильнее, работал споро и ловко» » [1, XV, с. 351].

В итоге все эти примеры жизнеустройства помогли подростку «выйти на дорогу» и сформировали его идеал: чтобы все «вертелось радостным вихрем, праздничной пляской людей, влюбленных друг в друга, в эту жизнь, начатую ради другой жизни – красивой, бодрой, честной» » [1, XV, с. 530].

Таким образом, важнейшими факторами формирования возрастной модели жизнеустройства в ранних повестях М. Горького можно считать острую сюжетную ситуацию «порога», начала самостоятельного пути «в чужих людях», а также противопоставление города и приволжской природы в форме оппозиции тесноты и простора, неподвижности в «общем для всех гробу» и богатейшей флоры и фауны, мертвящей скуки и бодрой жизни. Эта оппозиция реализуется в форме конкурирующих сред, противоположных по звуковой, цветовой, эмоциональной палитре. Значительное место в повествовании занимают разнообразные пейзажи, которые не имеют границ: они тают в туманах, дробятся в отблесках волжской воды, не поддаются полному обзору с высоких волжских берегов, уходя за горизонт. Природа помогает главному герою повести взрослеть и становиться сильнее гораздо быстрее, чем жизнь «в людях», природа укрепляет в нем мысль о целесообразности и разнообразии жизни, которая в городских условиях представлялась гробом, кладбищем, подпольем. В городе герой, как «мышшонок в подполе», на природе он силен и уверен в себе.

Список литературы

1. Горький М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения в 25 т. – М.: Наука, 1968 - 1976.

Сведения об авторах

Анисимова Ольга Владимировна – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург); lesoleil81@mail.ru

Бондарева Наталья Анатольевна – доцент, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); samgy2004@mail.ru

Буглак Сергей Иванович – профессор, Государственная Полярная академия, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); buglak3@yandex.ru

Волкова Татьяна Александровна – доцент, Челябинский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Челябинск); tatia.volkova@gmail.com

Голимбиовская Елена Сергеевна – аспирант, Институт международных отношений Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск); etoile-du-soir@yandex.ru

Грасс Елена Павловна – ассистент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград); bugrovalena@mail.ru

Дашевская Анастасия Иосифовна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (Санкт-Петербург); arago@yandex.ru

Дронова Ирина Александровна – аспирант, Иркутский государственный лингвистический университет (г. Улан-Удэ); oplira@mail.ru

Евтушенко Оксана Александровна – доцент, Волгоградский государственный технический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Волгоград); ksenja22@yahoo.com

Заварзина Галина Анатольевна – доцент, Воронежский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Воронеж); zga1311@mail.ru

Каримова Диана Халитовна – ассистент, Башкирский государственный университет (г. Уфа); karimovadh@yandex.ru

Кузьмина Светлана Евгеньевна – доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород); evkuzmin@sinn.ru; tsvet.sveta@yandex.ru

Лоскутникова Мария Борисовна – доцент, Московский городской педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент (Москва); loskutnikova@umail.ru

Макарова Инна Сергеевна – доцент, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург); inna-makarova@mail.ru

Мальцева Татьяна Владимировна – профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург); kaflit@yandex.ru

Малышева Екатерина Валерьевна – аспирант, Тверской государственный университет (г. Тверь); ekkmal@bk.ru

Митрофанова Елена Николаевна – заведующая кафедрой английской филологии, Курский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Курск); enmitrofanova2009@yandex.ru

Овчинникова Алла Владиславовна – аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва); tranquillitas@gmail.com

Ошева Елена Анатольевна – аспирант, Пермский государственный научно-исследовательский университет (г. Пермь); psilingua@mail.ru

Пампура Евгения Игоревна – аспирант, педагогический институт Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону); palanthastower@mail.ru

Парастаев Георгий Николаевич – аспирант, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (Москва); georag@inbox.ru

Пешкова Юлия Валерьевна – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва); herrvonhagen@mail.ru

Пригарина Анна Сергеевна – аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волжский); anna-prigarina@yandex.ru

Рудакова Светлана Викторовна – доцент, Магнитогорский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Магнитогорск); rudakovamasu@mail.ru

Рычкова Татьяна Александровна – аспирант, Мурманский государственный гуманитарный университет (г. Мурманск); roosteek@yandex.ru

Сабурова Наталья Владимировна – доцент, Институт зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, кандидат филологических наук (г. Якутск); fki110252@gmail.com

Силина Людмила Алексеевна – доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, кандидат филологических наук, доцент (г. Елец); l-silina@mail.ru

Степаненко Ольга Александровна – доцент, Курганский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Курган); olgastepanenko@list.ru

Сухова Наталья Александровна – доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург); natasuchova@yandex.ru

Халупо Ольга Ивановна – доцент, Челябинская государственная агроинженерная академия, кандидат педагогических наук, доцент (г. Челябинск); olgakhalupo@list.ru

Шабунина Элеонора Викторовна – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); eshaby@mail.ru

Шишкина Екатерина Викторовна – аспирант, Институт филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета (г. Волгоград); e.w.shishkina@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 1

Том 1. Филология

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 15.03.2012
Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 16,75
Тираж 500 экз.
Заказ 745